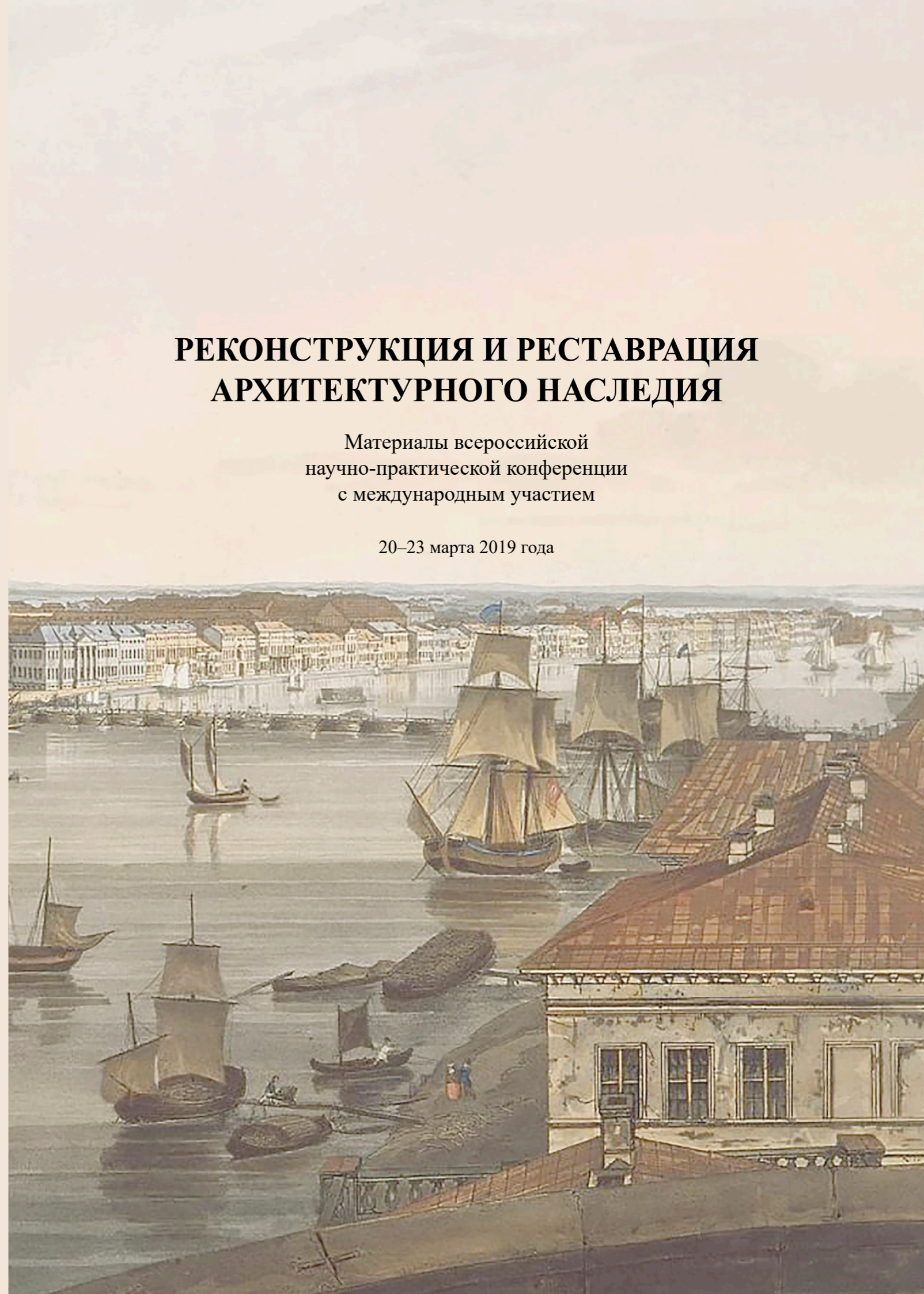

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Материалы всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием

20–23 марта 2019 года

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Материалы всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

20–23 марта 2019 года

Санкт-Петербург
2020

УДК 72.025

Рецензенты:

М. С. Штиглиц, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН;
Ю. А. Никитин, доктор архитектуры, доцент

Реконструкция и реставрация архитектурного наследия : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием [20–23 марта 2019 г.] / под ред. С. В. Семенцова [и др.]. – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2020. – 281 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-9227-1100-5

В сборнике представлены статьи участников всероссийской научно-практической конференции, посвященной проблемам реставрации и охраны памятников архитектурного и градостроительного наследия – представителей ведущих университетов, научно-исследовательских институтов и проектных организаций России.

Председатель редколлегии

С. В. Семенцов, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ, Санкт-Петербург)

Ответственный редактор

Г. О. Федотова, старший преподаватель кафедры архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ, Санкт-Петербург)

Печатается по решению Научно-технического совета СПбГАСУ

ISBN 978-5-9227-1100-5

© Авторы статей, 2020
© Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2020

Редакционная коллегия

Председатель редколлегии

С. В. Семенцов, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ, Санкт-Петербург)

Члены редколлегии:

Л. А. Буджурова, старший преподаватель кафедры градостроительства Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь);

М. В. Голобородский, кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой истории искусств и реставрации Уральского государственного архитектурно-художественного университета (УрГАХУ, Екатеринбург);

А. А. Гудков, кандидат архитектуры, профессор, декан Института архитектуры и градостроительства Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (СИБСТРИН, Новосибирск);

Е. Р. Возняк, доктор архитектуры, профессор кафедры архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ, Санкт-Петербург);

В. Г. Залесов, кандидат архитектуры, доцент, заведующий кафедрой теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ, Томск);

Т. Е. Каменева, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой реставрации в архитектуре Московского архитектурного института (Государственной академии) (МАРХИ, Москва);

З. С. Нагаева, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой градостроительства академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь);

Х. Г. Надырова, доктор архитектуры, заведующий кафедрой реконструкции, реставрации архитектурного наследия и основ архитектуры Института архитектуры и дизайна Казанского государственного архитектурно-строительного университета (КГАСУ, Казань);

О. М. Кормильцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ, Санкт-Петербург)

А. Г. Леонтьев, первый заместитель председателя Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП), профессор кафедры АГН (СПбГАСУ, Санкт-Петербург);

В. В. Пищулина, доктор архитектуры, профессор, декан факультета «Школа архитектуры, дизайна и искусств», и. о. заведующего кафедрой архитектурной реставрации, реконструкции и истории архитектуры Донского государственного технического университета (ДГТУ, Ростов-на-Дону);

А. В. Слабуха, кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (СФУ, Красноярск);

Е. Г. Трибельская, кандидат архитектуры, заведующий кафедрой архитектуры Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств (МГАХИ им. В. И. Сурикова, Москва);

Т. С. Черняева, заместитель председателя Российской ассоциации реставраторов (Росрегионреставрация, Санкт-Петербург);

Г. А. Чесноков, кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия Воронежского государственного технического университета (ВГТУ, Воронеж).

Ответственный редактор

Г. О. Федотова, старший преподаватель кафедры архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ, Санкт-Петербург).

ВВЕДЕНИЕ

Представленный Вашему вниманию сборник материалов включает статьи авторов, которые собрались на ежегодную конференцию, уже традиционно проводимую на «площадке» кафедры Архитектурного и градостроительного наследия СПбГАСУ. И столь же традиционно в первую очередь, рассчитанную на преподавателей ВУЗов, ведущих подготовку историков архитектуры, специалистов по охране наследия и архитекторов-реставраторов. В конференции, конечно же, участвовали гораздо больше выступавших (чему есть подтверждения в ее программе), но набраться сил в наше суматошное время и написать достаточно большую статью «заставили» себя лишь некоторые авторы и / или коллективы авторов.

Программа конференции и содержание сборника отражают обширную географию мест, где ведется подготовка профессионалов по тематикам охраны и реставрации объектов культурного наследия, а также реконструкции исторической среды. В том числе – из разных мест и разных ВУЗов страны: конечно же – из родного Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ), также – из других известнейших ГАСУ разных регионов Российской Федерации – Казани, Новосибирска, Томска.

Прибыли на конференцию и представили статьи также представители Уральского государственного архитектурно-художественного университета (УрГАХУ), Воронежского государственного технического университета (ВГТУ), Кубанского государственного аграрного университета (КубГАУ).

Приехали и из Москвы – из Московского государственного строительного университета (МГСУ) и из Московского университета землеустройства (МГУЗ).

На конференции и в сборнике представлены материалы много выступавших и, конечно, направивших интересные статьи представителей Крыма, преподавателей Крымского Федерального университета (КФУ им. В. И. Вернадского). Рядом с ними, в работе конференции и в сборнике участвуют и представители Южного федерального университета (ЮФУ). Из далекого Ташкента прибыли представители Ташкентского архитектурно-строительного института (ТАСИ). К сожалению, участвовавшие в работе конференции преподаватели Мадридского технического университета (Испания) не смогли представить статьи.

Конечно, нужно упомянуть и о наших братьях по среднему профессиональному образованию – их представили преподаватели Санкт-Петербургского архитектурно-строительного колледжа (СПАСК).

Известные органы охраны и реставрации были представлены Комитетом по охране памятников Санкт-Петербурга (КГИОП), дирекцией реставрации Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи», дирекцией блистательного санкт-петербургского музея «Юсуповский дворец».

Таким образом, география конференции и сборника обширна: от Санкт-Петербурга до Новосибирска и Томска, от Крыма и Кубани до Екатеринбурга и Зауралья, и, далее – в солнечный Ташкент.

Тематика сборника также вполне разнопланова. Не перечисляя тем отдельных докладов, можно упомянуть «лишь» наименования секций:

- «Устойчивое развитие исторических городов» (т. е. фактически – обсуждение проблем охраны и реконструкции исторических городов);

- «Опыт реставрационной деятельности» (включая реставрацию крупнейших заповедников, ансамблей и особняков в разных местах России – в Царском Селе, в КИЖАХ, в Санкт-Петербурге, а также обсуждение специальных проблем щадящего приспособления памятников и их адаптации для маломобильных групп населения);

- «Сохранение исторического наследия» (в т. ч., обсуждение таких широких тем, как сохранение объектов деревянного модерна на Урале, оранжерей и объектов садоводства, усадеб в пригородной зоне исторического Санкт-Петербурга, реставрация интерьеров знаменитого Юсуповского дворца, сохранения наследия в Крыму, Свердловской области, Томске и Воронеже);

- «Проблемы подготовки архитекторов-реставраторов» (представлены статьи, посвященные охране наследия и подготовке профессиональных кадров в Алжире, Воронеже, Крыму, Санкт-Петербурге, Томске. Они позволяют увидеть разнообразные подходы к подготовке кадров, в зависимости от региональной, даже – международной специфики);

- «История и теория архитектуры» (конечно же, традиционная секция, столь же традиционно показывающая многообразные исследования монографического и теоретического планов, посвященные биографическим очеркам / изучению творчества Вас. А. Косякова, Ив. Леонидова, А. М. Успенского. А также – изучению метрических особенностей Морского собора в Кронштадте, образности гостиниц Черноморского побережья России, дворцовой архитектуры Крыма, и даже такой непонятной тематике, как «методы формирования образов»).

Это разнообразие показывает, что сама достаточно сухая и «обыкновенная» тематика конференции – «РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ» – концентрирует в себе обширнейший круг проблем, знаний, нюансов, обсуждений, исторических и современных исследований, моментов проектной практики и теоретических изысканий, позволяя найти единомышленников среди многих и многих профессионалов. И мы надеемся, что конференция станет традиционной и будет собирать профессионалов не только системы обучения, историков и теоретиков архитектуры, архитекторов-реставраторов, но и специалистов многих других профессий, имеющих отношение к нашему наследию и нашей деятельности.

Надеюсь, представленный сборник позволит как глубоким профессионалам в деле охраны, реставрации и реконструкции, так и начинающим найти немало интересных страниц, фактов, проблемных моментов, которые заставят задуматься и уточнить свои профессиональные знания. ПРИГЛАШАЮ К ЧТЕНИЮ.

С уважением,
доктор архитектуры

С. В. Семенцов

Секция
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

УДК 711.4:719(470.23-25)

Маркушев Сергей Олегович, аспирант
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: s.markushev@inbox.ru

Markushev Sergey Olegovich, postgraduate student
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: s.markushev@inbox.ru

**РАЗВИТИЕ КОМПОЗИЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СИСТЕМЫ ПЕТРОВСКОГО ОСТРОВА**

**DEVELOPMENT OF THE COMPOSITION
OF THE SPACIAL SYSTEM OF PETROVSKY ISLAND**

Петровский остров сегодня – объект пристального внимания в связи с ведущимся здесь активным строительством в условиях существующего мнения, что разработка новой планировки на месте бывших промышленных территорий начинается «с нуля». Однако проводимые масштабные строительные мероприятия происходят на территории, которая начала осваиваться с первых лет строительства Петербурга под личным покровительством и частные нужды Петра I. Изучение локализованной территории острова позволяет проследить историю ее планировочно-функционального развития, указать на преемственность градостроительных решений в ее 300-летнем градостроительном развитии, выявить взаимосвязанные объекты, делающие планировку Петровского острова единой композиционно-пространственной системой, построить графическую модель системы, указать направления ее восстановления и развития.

Ключевые слова: исторический центр Санкт-Петербурга, Петровский остров, Петровский проспект, композиционно-пространственная система, иерархия, градостроительный масштаб.

Petrovsky Island today is the object of focused attention in connection with the active construction underway in the context of the existing opinion that the development of the former industrial territories starts from scratch. However, large-scale construction activities are taking place on the land, where the development began within first years of establishment of Saint Petersburg under the patronage and for the personal needs of Peter I. The examination of the localized territory of the island allows to trace the history of its planning and functional development, demonstrate the continuity and succession of planning solutions of 300-year urban development, identify interconnected objects that make the layout and spacial system of Petrovsky Island a unified composition, build a graphic model of the system, indicate the directions of its regeneration and development.

Keywords: historical center of St. Petersburg, Petrovsky Island, Petrovsky Avenue, composition of the spacial system, hierarchy, planning system.

Гипотеза. На Петровском острове есть единая композиционно-пространственная система, которая формируется в течение 3 столетий в виде системы взаимосвязанных объектов.

В исследовании историческое развитие территории Петровского острова представлено в виде «накопления» во взаимосвязи друг с другом градоформирующих объектов – проспектов, улиц, переулков, набережных, парков, зданий и территорий, каждый из которых за счет планировочных взаимосвязей становился частью единой композиционно-пространственной системы. Таким образом, для каждого периода указан комплекс

реализованных мероприятий и построенных объектов, планировочные взаимосвязи с уже существующими на тот момент объектами системы, а также те объекты, которые сохранились до наших дней.

Данная природой форма острова, известного в допетербургской истории как Столбового, его рельеф и природа стали подосновой будущих градостроительных мероприятий и их естественным ограничением. До наших дней сохранились общий контур продолговатой с изломами формы острова, частично сохранились местоположение и очертания береговой линии острова [1, 2].

В первые годы строительства Петербурга остров был приспособлен под личные нужды царя [2]. На остров перенесли «зимние маленькие хоромы» Петра, которые были поставлены на берегу Малой Невки. К царскому дому вдоль острова в центре прорубается просека, закладывается центральная ось будущего Петровского проспекта.

В середине XVIII века в западной части острова заложен регулярный Петровский парк. 6 февраля 1768 года было торжественно отпраздновано открытие дворца, окруженного «водяным садом» [1]. Главной планировочной осью парка стала ось центральной просеки острова – на ней разместили центр геометрии парка, парк был симметричен относительно этой оси. В центре парковой композиции на круглой площади располагался деревянный дворец, от которого расходились 8 прямых лучей-аллей – два луча как часть центральной просеки, остальные шесть вели к берегам Малой Невы и Малой Невки. В составе «водного парка» была система геометрически правильных прудов треугольной формы. Парк ограничивали каналы, проложенные вдоль единой окружности, описывающей парк [3]. От парка сохранились круглая площадь на оси проспекта, улица Савиной (по оси улицу продолжает Большой Петровский мост), перпендикулярная проспекту, его планировочные границы сохраняются в виде канала и границ межевания.

В середине XVIII века на остров приходит крупная промышленность. Первым крупным предприятием становится открытый в 1750-х гг. Придворный воскобелильный завод. В 1801 г. – канатная фабрика Гота [4]. С 1864 г. на Петровском острове началось производство пива предприятием «Бавария». В первой половине XIX века были попытки использовать западную часть острова под сельскохозяйственную деятельность. С середины 1820-х гг. началось использование западной части острова в районе Петровской площади под дачи. В конце XIX века западная часть острова отошла почти полностью к промышленным предприятиям, в частности к нефтеочистительному заводу Ропса.

Среди сохранившихся исторических объектов можно выделить канатный корпус комплекса построек товарищества канатной фабрики И. Гота, протяженное 400-метровое здание, расположенное параллельно проспекту; особняк В. И. Гота, обращенный к проспекту; солодовню пивоваренного завода «Новая Бавария», развернутую к набережной реки Ждановки; ориентирован на проспект дом с садом управляющего Акционерного общества нефтеперегонных заводов «Ропс и К».

Освоение территории промышленными предприятиями оставило не только наследство в виде отдельных объектов зданий и парков, обладающих историко-культурной и историко-архитектурной ценностью, но и новые высотные отметки рельефа. В XVIII веке остров едва возвышался над уровнем воды. В результате любого наводнения приходилось ремонтировать постройки и расчищать парки от наслоений ила. Лишь в результате многочисленных подсыпок и осушений (в качестве мер противодействия разрушительным наводнениям, как тем, которые случились 10 сентября 1777 года, 7 ноября

1824 года), а также естественного наслоения культурных слоев почву подняли на полтора – два метра [1].

В 1837–1840 гг. по личному указанию Николая I в восточной части разбили Большой Петровский парк [2]. Паркостроительные работы начались в 1838 г. Там была создана водная система взаимосвязанных прудов, с ездowymi и пешеходными дорожками по берегам, высажено огромное количество ценных хвойных и лиственных деревьев, размещены купальни, буфеты и чайные. В 1900-е гг. в парке работал летний театр, играл оркестр Кавалергардского полка, устраивались спортивные состязания, большим успехом пользовались аттракционы «водяные горы» и «вагон путешествий», устраивались эффектные батальные представления [1]. Пейзажная планировка парка учла существующее на тот момент положение и включила в себя заводы на острове, превратив их в систему прудов. В качестве центральной аллеи через парк к мосту Красного Курсанта продолжался Петровский проспект.

В 1895 году было основано Убежище для престарелых сценических деятелей в память Императора Александра III, которое находилось в ведении Русского театрального общества. В 1896 году Обществу для нового строительства был предоставлен небольшой участок земли на Петровском острове. В 1902 году был построен двухэтажный каменный дом, так называемый «Савинский корпус». Дом на участке располагался у выезда с Большого Петровского моста вдоль улицы с отступом 8 м от границы участка, имел центральный ризалит и доминанту в виде завершения домового церкви во имя святителя Николая Чудотворца. В 1947–1956 гг. территория Дома ветеранов сцены была реконструирована и построены новые корпуса. Корпуса пристройки значительно отступают от красной линии, выступают относительно друг друга, формируют глубокие парадные дворы-курдонеры, симметричны относительно оси утраченной диагональной аллеи регулярного Петровского парка.

7 апреля 1924 года принято решение о строительстве многоцелевого городского стадиона. На восточной оконечности острова на территории Большого Петровского парка размещают деревянный стадион им. В. И. Ленина, открытый в 1925 году. В 1934–1935 году урегулированы границы острова на его восточной оконечности путем устройства кольцевой набережной стадиона. В 1960-х гг. в восточной части острова вокруг заново отстроенного стадиона сформировалась парково-спортивная зона [5]. Ориентация и планировочные оси стадиона учитывают направление проходящего рядом Большого проспекта П. С. Стадион замыкает развитие в восточном направлении Большого Петровского парка и становится его доминантой.

В 1934 году на Петровском острове отводится участок Речному яхт-клубу к западу от реки Керосиновки. По проекту, выполненному ЛЕНЗНИИЭП в 1965 году, в 1960–80-е гг. осуществляется увеличение территории яхт-клуба за счет намыва. Главным планировочным элементом территории яхт-клуба становится центральная аллея в продолжение Петровской косы. Ей параллельна северная набережная, относительно ее оси симметрична западная гавань в форме полукруга. В этой же планировочной системе размещены здания на территории яхт-клуба [6]. В результате урегулирована западная оконечность Петровского острова с учетом центральной оси острова, ставшей центральной осью планировки яхт-клуба.

Исторические градоформирующие объекты, имея между собой ясные планировочные взаимосвязи, формируют **единую композиционно-пространственную систему**

Петровского острова общей площадью 125 га, представляющую собой иерархию элементов разного масштаба (рисунок) [7]:

- форма острова с принципиальными очертаниями береговой линии, в том числе, искусственные границы острова на западной и восточной оконечностях – протяженность береговых линий острова 8,6 км, в том числе, урегулированных укрепленных набережных 4,3 км;

- планировочно-функциональные зоны: парково-спортивная зона в восточной части острова (33,4 га); преобразуемая в жилую бывшая промышленная зона (44,1 га); зона частично утраченного регулярного Петровского парка (31,3 га); спортивная зона на западной оконечности (16,2 га);

- центральный планировочный элемент: Петровский проспект, Петровская коса, центральная аллея яхт-клуба, общей протяженностью 2100 м;

- комплекс регулярного Петровского парка и его элементы: Петровская площадь, улица Савиной, границы парка (существующее межевание, а также часть бывшей реки Керосиновки), озеленение парка (частично, в том числе, парк на территории объекта культурного наследия «Дом ветеранов сцены им. Савиной М. Г.») – общая площадь парка в первоначальном виде 28,7 га;

- комплекс пейзажного Петровского парка, его территория, границы, планировка, зеленые насаждения и система прудов – общая наибольшая историческая площадь парка 28,8 га, существующая площадь парка с прудами и спортивными площадками 22,0 га;

- высотные уровни: высотный уровень рельефа (среднее значение 3 м); разрешенная высота застройки в зоне регулирования застройки (23–25 метров для лицевых корпусов); акценты (куполообразный объем Дома ветеранов сцены); высотный уровень парковых массивов (около 15 метров); характер небесной линии с разновысотной застройкой и утилитарные высотные сооружения (опоры моста Бетанкура, трубы инженерных объектов);

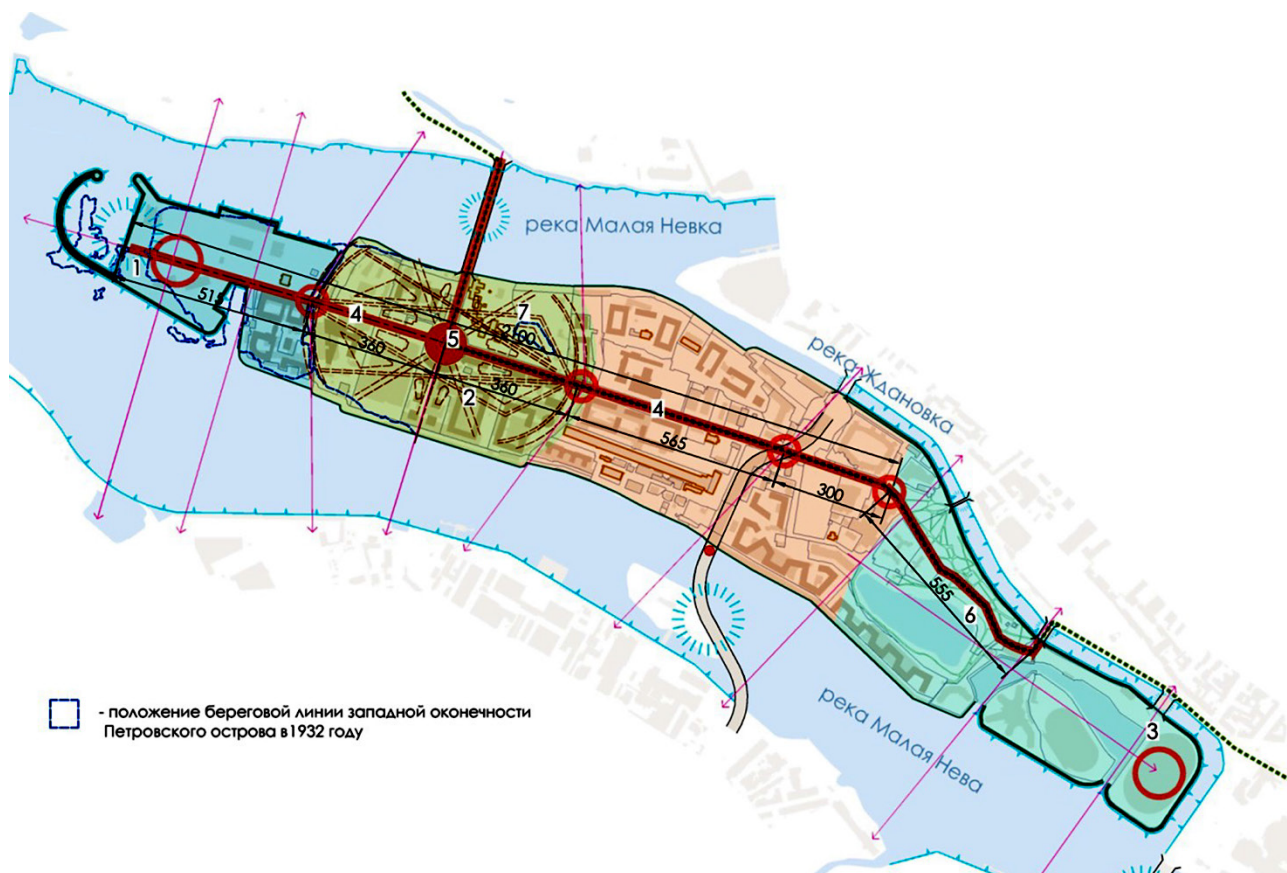
- система открытых пространств, видов и панорам: взаимосвязанная система открытых пространств проспектов, улиц, переулков и площадей, их визуальные коридоры; открытые пространства набережных как частей водных пространств рек и Невской губы, открывающиеся панорамы с набережных на окружающие водные пространства и территории; «возвратные» панорамы с окружающих водных пространств рек и Невской губы, панорамы с набережных, виды с улиц Крестовского острова, Петроградского острова, Васильевского острова, круговые панорамы и виды с мостов на Петровский остров;

- отдельные здания, сооружения, их участки, планировка участков, имеющие градостроительно-архитектурные взаимосвязи с планировкой острова (площадь участков 1,5–5,0 га);

- композиционные оси, центры, узловые точки и точки тяготения: центральная ось Петровского проспекта; центр Петровской площади и композиции регулярного Петровского парка; точки тяготения на западной и восточной оконечности; узловые точки на границах планировочно-функциональных зон на оси Петровского проспекта – шаг 300–500 метров;

- историко-культурные, символические и образные значения Петровского острова: место, отмеченное царским, императорским присутствием; образ острова как части зеленого фронта исторического центра Петербурга; символ Петербургской фабричной

промышленности; территория элитного, эксклюзивного, островитянского образа жизни; символ яхтенного и футбольного большого спорта.

Модель композиционно-пространственной системы Петровского острова.

- 1 – западная оконечность Петровского острова с набережными яхт-клуба; 2 – зона частично утраченного регулярного Петровского парка; 3 – парково-спортивная зона в восточной части острова; 4 – Петровский проспект, Петровская коса и аллея на территории яхт-клуба; 5 – Петровская площадь; 6 – пейзажный Большой Петровский парк; 7 – объект культурного наследия «Дом ветеранов сцены им. Савиной М. Г.»

Композиционно-пространственную систему Петровского острова характеризуют:

- **цельность.** Композиция Петровского острова представляет собой цельный объект, состоящий из множества компонентов, связанных между собой. Цельность композиции обеспечивается композиционно-формирующими элементами: территорией и границами острова как цельными объектами; центральным проспектом и его осью, объединяющими несколько зон на острове; историческим маршрутом «императорская дорога»; единым ритмом центров, узловых точек и точек тяготения;

- **разнообразие компонентов.** В состав композиции входят элементы разного масштаба и типа. Например, наравне с крупными планировочно-функциональными зонами, в состав композиции входят дом и участки особняков. В составе композиции, наравне с материальными объектами, присутствуют нематериальные объекты (символы и образы);

- **иерархичность.** Составные компоненты композиции имеют разный масштаб, внутреннюю организацию, историко-градостроительный статус и текущую значимость, что позволяет систематизировать такие компоненты на разных уровнях и считать композицию иерархичной системой;

- регулярность и парадность композиции. В противовес хаотичности сложившейся застройки, композиция Петровского острова за счет центрального проспекта и площади, крупных парковых и спортивных комплексов сохраняет качества регулярности и парадности;

- визуальная проницаемость территории. Остров имеет уникальную форму и является сравнительно узким (шириной от 250 до 500 метров). Историческая разреженная застройка, а также наличие крупных открытых пространств позволяют сохранять пересекающие Петровский остров визуальные связи протяженностью не более 1000 метров между набережными Васильевского, Петроградского и Крестовского островов;

- подчиненность более крупным градостроительным системам. Например, Петровский остров является частью исторической системы зеленых Островов исторического центра Петербурга и Петроградского района, которые выходят к Невской губе и формируют зеленый фронт Петербурга. Градостроительное развитие островов началось во многом синхронно с размещением там в начале XVIII века дворцовых комплексов и продолжалось с приоритетным развитием дачной, рекреационной, спортивной функций с размещением зеленых насаждений. Так, в ходе исторического развития на территории Петровского острова были устроены два крупных и ряд малых придомовых парков, занимавших около 50 % территории острова. Также, Петровский остров является частью исторического «императорского маршрута», цепочки зеленых насаждений Марсова поля, Михайловского и Летнего садов, Александровского парка, Большого Петровского парка, Приморского парка Победы, парков Елагина, Каменного острова. Набережные Петровского острова являются частью крупномасштабных водных пространств Невской губы, Малой Невы и Малой Невки, связывающих территории разных районов города.

С 2012 года на острове между Петровским парком на востоке и территорией яхт-клуба на западе на месте бывших промышленных территорий, в том числе, на территории частично утраченного регулярного Петровского парка ведется активная застройка многоэтажными жилыми домами с подземной парковкой и объектами социальной инфраструктуры. Жилая застройка возводится в виде крупных многосекционных домов с внутренним двором с площадью участков в среднем 2–3 га. Ориентация зданий жилых комплексов южнее Петровского проспекта учитывает направление его оси. Жилые корпуса располагаются параллельно-перпендикулярно оси проспекта с учетом южной береговой линии. В северной части острова расположение жилой застройки следует за выразительным изгибом береговой линии в зоне впадения реки Ждановки в Малую Невку, формируя прерывистый фронт застройки с включением фасада исторической солодовни «Новой Баварии». Вдоль проспекта формируется единый фронт с прерывающимся ритмом фасадов длиной 40–80 метров.

С учетом выявленных характеристик, таких как цельность композиции, разнообразие и иерархичность ее компонентов, регулярность и парадность композиции, визуальная проницаемость территории, подчиненность сверхмасштабным градостроительным системам, становится возможным предложить **принципы формирования участков, планировки и застройки на участках**, предназначенных для строительства жилья [8, 9]:

- межевание с учетом сложившейся пространственно-композиционной системы острова, ее утраченных исторических элементов и масштаба исторических участков жилой застройки Петроградского острова;

- размещение на участке придомовых садов, занимающих 50% площади участка [10];

- застройка максимально низкими 2–4 этажными домами, избегая превышения этажности в 5–6 этажей;
- строительство лицевых и дворовых корпусов вдоль границ участков и красных линий существующих и планируемых элементов планировочной структуры;
- пунктирная (строчная) застройка с учетом размера лицевых корпусов исторических кварталов и участков (21,30–31,95 метров), избегая формирования сплошных непроницаемых фронтов и массивов застройки среднеэтажными и многоэтажными домами;
- применение нескольких типов застройки разной плотности: например, более плотная в западной и менее плотная в восточной части острова.

Активное строительство многоквартирных жилых домов ознаменовало приход городского образа жизни на остров с формированием здесь городского ландшафта. Значительные изменения градостроительной ситуации могут стать инструментом не только сохранения сложившейся исторической композиционно-пространственной системы, но ее восстановления и развития. Возможными планировочными мероприятиями могут стать:

- воссоздание утраченных диагональных аллей, пограничных элементов, водных объектов, зеленых насаждений регулярного Петровского парка;
- урегулирование красных линий Петровского проспекта, Петровской косы и Петровской площади и формирование фронта застройки вдоль этих красных линий;
- урегулирование береговой линии Петровского острова с закреплением формы острова за счет строительства набережных и застройки вдоль красных линий набережных, формирование единого «кольца» набережных с благоустройством всего периметра острова;
- формирование планировочных «коридоров» для визуальных взаимосвязей между Крестовским, Петроградским и Васильевским островами;
- формирование регулярных планировочных взаимосвязей между Петровским проспектом – Петровской косой и новыми набережными;
- формирование новых историко-культурных центров притяжения на участках исторических фабричных комплексов с включением исторических промышленных зданий и сооружений;
- формирование архитектурных доминант и акцентов на острове с учетом возросшей этажности, например, размещение доминанты в центре Петровской площади, размещение башенок домов для акцентирования центров и узлов композиции Петровского острова.

Литература

1. Сапрыкина Л. Ю. Из истории Петровского острова [Электронный ресурс] // Одиннадцатые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. 9–11 января 2004 года.
2. Петров С. Ю. Крестовский, Елагин, Петровский. Острова Невской дельты. Центрполиграф, 2016. 606 с.
3. Атлас Санкт-Петербурга 1798 г. «План Санкт-Петербургской части, Острововъ Петровскаго и вольного». Л. № CXLV.
4. Подробный план Столичного города Ст. Петербурга, снятый по масштабу 1:4200 под начальством Генерал-майора Шуберта 1828. Гравирован при военно-топографическом депо.
5. Архивная топосъемка Ленинграда за период 1932–1986 гг. №№ 2528-10, 2528-11, 2528-15, 2528-16, 2528-13. Геолого-геодезический отдел Комитета по градостроительству и архитектуре.

6. Центральный яхт-клуб в г. Ленинграде, Ленинградский областной совет профсоюзов, ДСО «Труд». Проектные материалы. Госкомитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР ЛЕНЗНИИЭП.

7. Семенцов С. В. Начало создания регулярной Санкт-Петербургской агломерации при Петре Первом // Вестник гражданских инженеров. 2014. № 3 (44). С. 46–55.

8. Семенцов С. В. Средовое зонирование, градостроительная регламентация и правила застройки исторических районов Санкт-Петербурга // Вестник гражданских инженеров. 2009. № 4 (21). С. 13–18.

9. Семенцов С. В. Градостроительная составляющая жилой функции Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской агломерации. 1703–2006 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3.

10. Закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 №820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон».

УДК 72.035:719:[712.25:712.5:728.37](470.23-25)

Михайлов Алексей Владимирович,
заместитель председателя Комитета
(Комитет по государственному контролю
использованию и охране памятников истории
и культуры)
E-mail: kgiop501@yandex.ru

Mikhailov Alexey Vladimirovich,
deputy Chairman of the Committee
(Committee for state control over
the use and protection of historical
and cultural monuments)
E-mail: kgiop501@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ОХРАНЫ ДЛЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТИПА «КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЪЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ»

FEATURES OF DEFINITION OF SUBJECTS OF PROTECTION FOR OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE OF „COMPLEX OBJECTS OF EDUCATION“ TYPE

В работе рассматриваются проблемы, связанные с определением предмета охраны в соответствии с действующим законодательством по охране объектов культурного наследия для типа «комплексные объекты образования». Комплексные объекты образования – комплексы школ, училищ и академии, т. к. их объемно-пространственное решение с одной стороны отражает особенности функции, а с другой несет эстетические и архитектурно-градостроительные характеристики. Автором статьи проведен анализ публикаций по данной тематике. А также предложены предметы охраны для данного типа с учетом их особенностей.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, предметы охраны объекта культурного наследия, объемно-пространственная композиция, комплексные объекты образования.

The paper deals with the problems associated with the definition of the subject of protection in accordance with the current legislation on the protection of cultural heritage for the type of „complex objects of education“. Complex objects of education-complexes of schools, colleges and academies, because their spatial solution on the one hand reflects the features of the function, and on the other carries aesthetic and architectural and urban characteristics. The author of the article analyzes the publications on this topic. And also offered items of protection for this type, taking into account their features.

Keywords: objects of cultural heritage, objects of protection of object of cultural heritage, volumetric and spatial composition, complex objects of education.

Понятие «предмет охраны» является ключевым при определении границ допустимого вмешательства при ремонте и приспособлении памятника к современному использованию. В обоих случаях работы на памятнике допускаются без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны». Тем же условием определяется и право пользования памятником для юридических и физических лиц. Содержанием предмета охраны определяются те обязанности, которые государство налагает на арендатора или собственника. Таким образом, именно состав и содержание предметов охраны в каждом конкретном случае служит гарантией сохранения памятника.

«Предмет охраны» – понятие достаточно новое для нашего законодательства, оно только начинает реально, массово применяться.

Как достаточно убедительно показали мои исследования, понятие «предмет охраны» не является инновацией российского законодательства, а скорее понятие заимствованное и адаптированное из международной практики. Ранее мной уже упоминалось в отдельных статьях, что эта гипотеза, прежде всего, подтверждается исследованием Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года, в которой понятие «выдающаяся универсальная ценность» определяется как то, что является основанием для включения объекта в список объектов всемирного культурного и природного наследия и подлежит безусловному сохранению. По сути, аналогично в законодательстве Российской Федерации с 2002 года появляется понятие «предмет охраны» которое не просто формулирует тот перечень особенностей объекта, благодаря которым он включается в государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), но и является ключевым при определении границ допустимого вмешательства при ремонте, реставрации и приспособлении памятника к современному использованию. Во всех случаях работы на памятнике допускаются «без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны». Тем же условием определяется и право пользования памятником для юридических и физических лиц. Содержанием предмета охраны определяются те обязанности, которые государство налагает на арендатора или собственника. Таким образом, именно состав и содержание предметов охраны в каждом конкретном случае служит гарантией сохранения памятника [1, 2, 3].

Чтобы полностью сформировать предмет охраны объекта недвижимости необходимо выявить основные его качественные характеристики. Для этого необходимо рассмотреть объект с точки зрения архитектуры, градостроительства, истории, археологии, эстетики, искусства, науки и техники, этнологии или антропологии и социальной культуры.

Целью определения предмета охраны является сохранение особенностей объекта культурного наследия, дошедших до нашего времени либо от первоначального замысла архитектора, либо как результат определенного исторического этапа его существования. В конечном итоге, предмет охраны – еще одна степень защиты объекта культурного наследия.

Несмотря на наличие до сих пор множества дискуссий о вреде или пользе расчленения объекта на составляющий его предмет охраны, я, руководствуясь нормами действующего законодательства об охране объектов культурного наследия, а также своими наработками по подготовке методики определения предмета охраны для объектов культурного наследия предпринял попытку укрупненной систематизации предметов охраны, акцентировав внимание на наиболее проблемных аспектах градостроительных и нематериальных характеристик, в том числе: 1. нематериальное значение предмета охраны;

2. нематериальные атрибуты предмета охраны; 3. способы или методы сохранения нематериальных атрибутов.

Одним из наиболее сложных в определении является предмет охраны объекта Комплексные объекты образования – комплексы школ, училищ и академии.

Анализируя существующие предметы охраны «Комплексные объекты образования» можно сделать вывод, что для данного типа объектов устанавливаются только следующие типы предметов охраны: архитектурно-художественное решение, конструктивная система, объемно-планировочные, пространственно-планировочные, в некоторых присутствуют декоративно-прикладные элементы.

4 казармы семейных чинов. Казармы лейб-гвардии Е.И.В. Гусарского полка. 1-этажные кирпичные неоштукатуренные здания с четырехскатными крышами. Цоколи облицованы известняком. Карниз профилированный, оштукатуренный, с выпускной известняковой плитой. Расположены в линию за эскадронными казармами Гусарского полка и имеют с ними сходное архитектурное решение фасадов (нештукатуренные плоскости стен сочетаются с оштукатуренными наличниками и карнизами). Лицевые фасады в 7 осей, вход устроен по средней оси (в 1 заложено). Торцовые фасады в 4 оси, оконные проемы большей частью заложены. Оконные проемы все прямоугольные, обведены одинаковыми узкими оштукатуренными наличниками. В зданиях 1 и 3 окна с побеленными замками, в 2 и 4 с прямыми сандриками [12, 13].

История застройки участка. Участок застроен казармами лейб-гвардии Е. И. В. Гусарского полка в 1810-е гг. Четыре казармы для размещения семейных чинов (по одной для каждого эскадрона) построили в 1890-е гг.

Градостроительная ценность: составная часть градообразующего комплекса казарм Гусарского полка. Архитектурная ценность: пример казарменного здания в стиле эклектики. Предметы охраны: габариты, фасады.

Комплекс зданий Михайловского военного училища и академии Санкт-Петербург, Калининский р-н, Арсенальная наб., 15; Комсомола ул., 22; Академика Лебедева ул., 1–3; Ленина пл., 2. Участок расположен между улицами Лебедева, Комсомола, пл. Ленина и Арсенальной набережной. Границы комплекса очерчены сплошной линией корпусов.

История застройки участка: училище основано в 1820 г. К 1829 г. арх. А. Е. Штауберт построил почти замкнутое каре, легшее в основу существующего правого прямоугольника зданий, и манеж во внутреннем дворе. 2 этап строительства относится к 1850–1864 гг. и связан с именами арх. А. Я. Фарафонтьева, воен. инженеров Л. А. Витовского, К. Ф. Гаусмана. Ими были построены Пиротехническая школа, Лабораторный корпус, и другие здания, образовавшие правый прямоугольник. 3 – 1894–1900 гг., реконструкция и новое строительство ведется по проектам и под руководством арх. В. И. Серкова, производители работ Ползиков и К. Леопольд. Застраиваются внутренние дворы, появляются новые манежи. В офицерском корпусе (по ул. Комсомола) арх. И. И. Шапошниковым устраивается парадный «белый» зал. 4 этап – 1952 г., арх. М. Е. Русаков перестраивает и надстраивает лицевые корпуса по Арсенальной наб., пл. Ленина и ул. Комсомола [12, 13].

Архитектурная ценность: образец комплекса военно-учебного заведения, XIX в. Градостроительная ценность: организует пространство квартала, поддерживает линии улиц. Предметы охраны: планировка участка, стилистическое решение зданий, отражающее этапы развития комплекса

Здание Академии легкой промышленности Санкт-Петербург, Центральный р-н, Суворовский пр., 50-52; Кавалергардская ул., 1. На участке расположено кирпичное 5-ти эт. оштукатуренное здание, включающее два корпуса. Корпус 1 – лицевой, выходящий на Суворовский пр. Корпус 2 – лицевой, выходит на Кавалергардскую ул. Лицевые корпуса примыкают друг к другу посредством широкой вогнутой дуги, срезающей острый угол участка. Корпус 3 1-но эт. кирпичный дворовый.

Лицевые фасады по Суворовскому пр. и дугообразной части (на 24 оси и на 4 оси) имеют единое архитектурно-композиционное решение в стиле позднего конструктивизма. Материал отделки: цоколь и 1-й эт. облицованы гранитом, 2–5 эт. гладко оштукатурены. Композиция построена на ярусном членении по вертикали. 1-й эт. с прямоугольными окнами. В простенках 2–5 эт. расположены спаренные колонны большого ордера без энтазиса и с упрощенными капителями в форме валика (с узким эхином в форме валика) несущие венчающий антаблемент. Главный вход по Суворовскому пр. выделен на фасаде глубокой 3-х пролетной лоджией 2–5 эт. по 11–15 осям с тремя входными порталами по 12, 13, 14 осям и невысоким аттиком. Лицевой фасад по Кавалергардской ул. на 10 оконных осей. 3-х осевой ризалит правой части имеет аналогичное архитектурно-композиционное и декоративное решение решению фасада по Суворовскому пр. Левая часть фасада по Кавалергардской ул. (7 осей) имеет на 2–5 эт. гладкую стену с сеткой прямоугольных оконных проемов.

История застройки участка. Корпус 1 построен в 1934–1937, арх. П. В. Абросимов; А. П. Великанов; Л. М. Поляков; А. Ф. Хряков. (Академия легкой промышленности). Корпус 2 в 1941–42 г. арх. А. М. Иванов (?) (Академия легкой промышленности). Градостроительная ценность: градостроительный акцент в застройке Суворовского пр. и Кавалергардской ул. Формирует пересечение.

Архитектурная ценность: яркий пример крупного учебного здания 1930–40 гг. решенное в стиле «конструктивизм». Предметы градостроительной охраны: размещение лицевых корпусов по красной линии, общее объемно-пространственное решение и габариты корпуса 1, 2. Пятно застройки корпуса 3. Предметы архитектурной охраны: комплексное архитектурно-композиционное и художественное решение лицевых фасадов. Архитектоника дворовых фасадов корпусов 1, 2.

По результатам рассмотрения можно сделать вывод, что существующие предметы охраны охватывают материальную составляющую объект, при этом особенности характера сооружений и их особенности не учтены в них.

Для каждого объекта также важна градостроительная составляющая. В особенности для объектов в составе комплексов. При установлении предметов охраны необходимо учитывать как нематериальную составляющую данного типа объектов, но так же и влияние оказываемое данным объектом на окружающую его среду.

Литература

1. ТОО «Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга». Методические указания по проведению градостроительной, историко-культурной и технико-экономической экспертизы недвижимых объектов, состоящих под государственной охраной, в порядке подготовки их к приватизации. СПб., 1997.
2. Славина Т. А. Предмет охраны. К вопросу об охране и использовании природно-культурного наследия // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 4, СПб: Белое и чёрное, 1997. С. 10–23.
3. Гришин С. Ф. Проблемы охраны архитектурно-строительного наследия Санкт-Петербурга // Недвижимость: экономика, управление. № 6. 2003.

4. Кедринский А. А. Основы реставрации памятников архитектуры. М.: Изобразительное искусство, 1999. 320 с.
5. Закон «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.
6. Лобанова В. В. Информационное обеспечение формирования предмета охраны объекта недвижимости «с точки зрения истории» [Электронный ресурс] // Объединенная международная научно-практическая конференция «Электронный век культуры» и «EVA 2013 Москва» 19–22 ноября 2013 г. URL: <https://eva.rsl.ru/ru>.
7. Семенцов С. В. Этапы пространственного формирования Санкт-Петербурга: кристаллизация градостроительного генетического кода, единство развития и сохранения // Промышленное и гражданское строительство. 22/03/2007. С. 29.
8. Всеобщая история архитектуры в 12 т. Т. 8. М., 1969.
9. «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (Заключена в г. Париже 16.11.1972) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 290–302.
10. «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [рус., англ.] (Вместе с «Исполнительным регламентом...», «Протоколом» и Резолюциями I, II, III) (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 258–281.
11. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом / И. Г. Георги; вступ. ст. Пирютко. СПб.: Лига, 1996. 527 с.: ил.
12. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. М.: Москва, Директ-Медиа, 2007. 817 с.
13. Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины и второй пол. XIX века. Том 2. Петербург 1860–1890-х годов в контексте градостроительства пореформенной России / А. Л. Пунин. СПб.: Крига, 2014. 600 с.

УДК 711.01/09

Петухова Нина Михайловна,
канд. искусствоведения, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: tama8nina@yandex.ru

Petukhova Nina Mikhailovna,
PhD of History of Art, Associate Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: tama8nina@yandex.ru

АГЛОМЕРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ «ИДЕАЛЬНОГО ГОРОДА»

AGGLOMERATION MODEL OF THE „IDEAL CITY“

Статья посвящена анализу эволюции концепций «идеального города» от единичной совершенной структуры, не изменяемой и в пространстве, но во времени, каким он представлялся, начиная с архаического типа Платона, к расширению этого понятия до системы расселения, включающей в себя «идеальные города» как отдельные элементы. Такая система неразрывно связана с путями сообщения, изменение качества и количества которых и послужило основой возникновения данной модели, которую можно обозначить как «агломерационная модель «идеального города». Осуществленным еще в XVIII–XIX вв. примером такой модели расселения является Санкт-Петербургская агломерация, уникальность которой определяется тем, что формирование подобной концепции «идеального города» началось лишь в XX веке. Появление железных дорог закрепило уже сложившуюся структуру и создало новые агломерационные связи и их элементы – железнодорожные станции. Именно железнодорожные станции и поселки предоставили возможность концепции «идеального города» существовать и развиваться, создавая, либо закрепляя узлы агломерационных моделей «идеального города».

Ключевые слова: идеальный город, железная дорога, железнодорожная станция, агломерационная модель, Санкт-Петербургская агломерация, модель расселения.

The article is devoted to an analysis of the evolution of the concepts of the „ideal city“ from a single perfect structure, not changeable in space, but in time, as it was represented, from the archetype of Plato, to the extension of this concept to a settlement system that includes „ideal cities“ as separate items. Such a system is inextricably linked with the ways of communication, changes in the quality and quantity of which served as the basis for the emergence of this model, which can be described as the „agglomeration model of the „ideal city“. Implemented in the XVIII–XIX centuries. An example of such a model of settlement is the St. Petersburg agglomeration, the uniqueness of which is determined by the fact that the formation of a similar concept of the „ideal city“ began only in the twentieth century. The emergence of railways cemented the already existing structure and created new agglomeration links and their elements – railway stations. It was the railway stations and villages that provided the concept of the „ideal city“ to exist and develop, creating or fixing the nodes of agglomerative models of the „ideal city“.

Keywords: ideal city, railway, railway station, agglomeration model, St. Petersburg agglomeration, model of settlement.

Начиная с конца XIX века «идеальный город» из единичной совершенной структуры, не изменяемой ни в пространстве, ни во времени, каким он представлялся, начиная с архетипа Платона, трансформируется в систему расселения агломерационного типа, включающую в себя целый ряд отдельных поселений – идеальных городов. Формированию таких моделей в немалой (а, пожалуй, и в основной) мере способствовало появление железных дорог, поэтому в данной статье мы уделим основное внимание именно этой теме.

Наиболее известной из агломерационных моделей «идеального города», получившей широкое распространение по всему миру, стала концепция «города-сада» Эбенизера Говарда (Хоуарда). По своей структуре это была, по сути, классическая модель городской агломерации, включающая в себя крупный город как основное ядро и города-сателлиты, тяготеющие к нему и связанные с ним устойчивой транспортной связью. Формированию таких моделей в немалой (а, пожалуй, и в основной) мере способствовало появление железных дорог (Рис. 1).

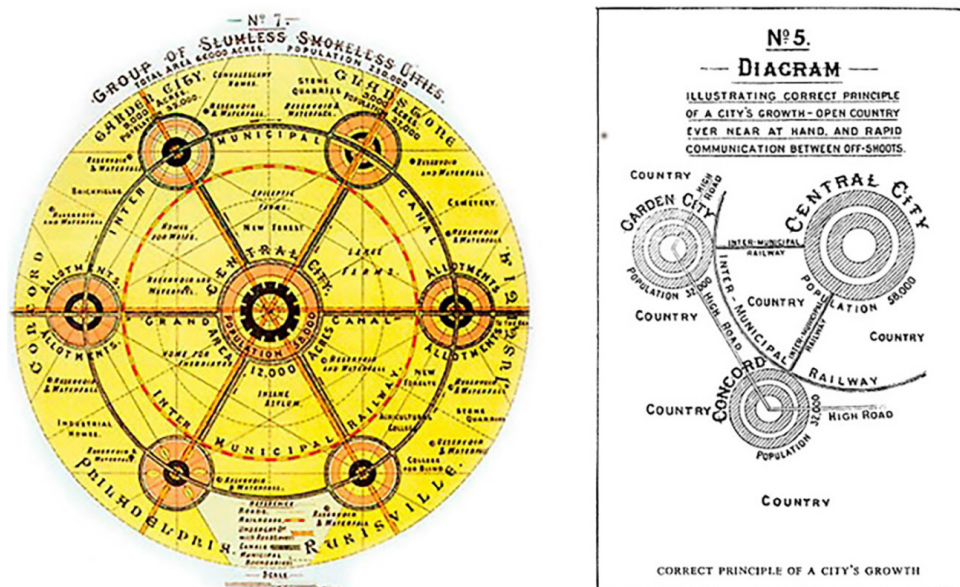

Рис 1. А). Эбенизер Говард. Модель «города-сада»

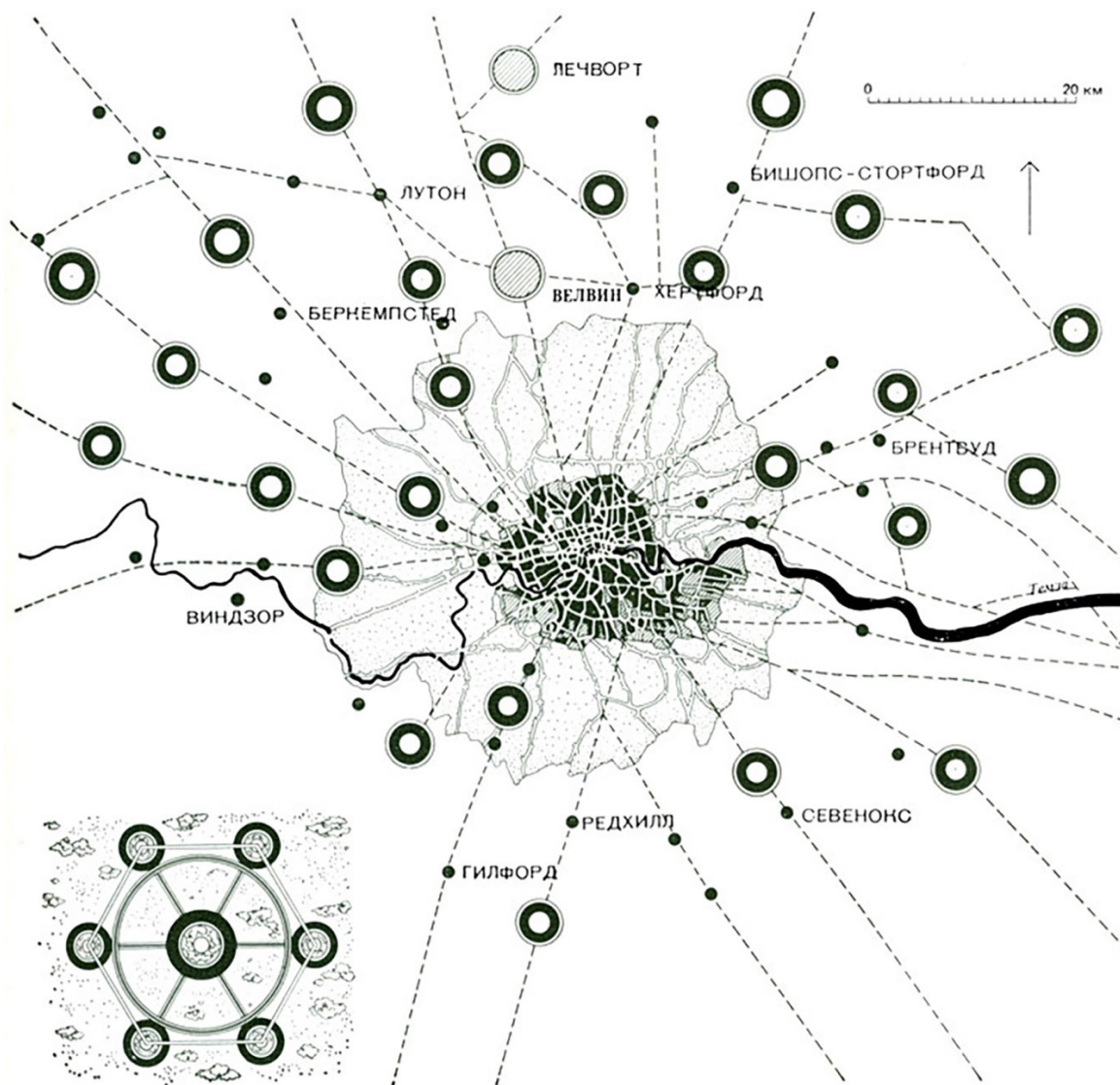

Рис. 1. Б). Предложение Раймонда Энвина по размещению городов-садов в окрестностях Большого Лондона

Однако следует отметить, что у этой модели были свои исторические предшественники. В градостроительном плане признаки агломераций в той или иной мере просматриваются практически на всем протяжении истории: поселения и слободы вокруг крепостей феодалов, монастырей и т. д. Однако эти прото-агломерации не обладали базовыми критериями идеального города – регулярной пространственной организацией и единой социально-ориентированной идеей, предполагающей создание некоего идеального (или, хотя бы, лучше организованного) сообщества людей на каких-то новых принципах социального устройства или общежития. Разрабатываемые в период Возрождения многочисленные модели «идеального города» следовали античной концепции единичной совершенной структуры (Сфорцинда Филарете, г. Пальманова арх. Скамоцци и т. д.). По большей части эти проекты не вышли за рамки идей, – можно привести лишь немногочисленные примеры их реализации в тот период: города Пиенца XV века и Пальма – Нова XVI века.

Однако выработанные принципы «идеального города» как регулярной градостроительной модели (свободные от социальных идей) нашли свое применение за пределами

городов при создании дворцово-парковых ансамблей XVII–XVIII веков. Глазычев отмечает, что «Несколько столетий идеи новой регулярности застройки, подчиненной, прежде всего, соображениям эстетизированной политики, осуществлялись отнюдь не в городах, а в загородных дворцово-парковых ансамблях» [1, с.15].

Таким образом, начиная с XVII века, начинают создаваться своеобразные агломерационные модели с расположенными вокруг центрального крупного города (как правило, не «идеального») «идеальными городами». Ярким хрестоматийным примером такого «идеального города», расположенного рядом с крупным центром, является ансамбль Версаля во Франции, созданный как символ и памятник абсолютизма «Королем-солнцем» Людовиком XIV. Одновременно с дворцово-парковым ансамблем обустроивался и город Версаль, население которого к моменту переезда Людовиком XIV со свитой в построенный дворец увеличилось с 500 человек до 30 000 (базовое количество для разработанной впоследствии модели «города-сада»). Город был спланирован по трехлучевой системе, ориентированной на дворец (Рис. 2).

Рис. 2. Ансамбль Версаля во Франции. Город формируется на основе трехлучевой планировочной системы, продолжающей основную ось дворцово-паркового ансамбля

Пример Версаля послужил побудительным фактором и источником вдохновения для Петра I при создании им дворцово-паркового ансамбля Петергофа, положившего начало формированию Санкт-Петербургской агломерационной модели, состоящей из «идеальных городов-садов». Уникальностью этой модели являлась ее «абсолютность» – все ее элементы, включая центральную метрополию – Санкт-Петербург, создавались как «идеальные города», полностью отвечающие всем критериям этой концепции: наличием утопической идеи, авторским единым планом (Петра I), градостроительной регулярностью. Санкт-Петербург явился пространственным воплощением утопических идей

Петра I о создании новой модели жизнеустройства на базе идей регулярности, вобрав в себя градостроительные и социальные принципы, сформировавшиеся к тому времени в Западной Европе, включая и концепции «идеальных городов», став их наиболее масштабным воплощением. Другим примером реализованной в XVIII в. утопии может выступать Вашингтон (1790 г.), однако он, в отличие от Санкт-Петербурга, формировался как единичная градостроительная структура, кроме того, часть ренессансных идей в ней была утрачена.

При строительстве Санкт-Петербурга ренессансная модель идеального города как единичной совершенной структуры была не просто реализована в небывалых масштабах, но и создана ее новая агломерационная модель. Практически одновременно, с точки зрения истории, волей одного человека был создан не только «умышленный» по единому плану город, но и сформирована агломерация, предвосхитившая градостроительную (но не социальную) модель «города-сада» Говарда почти на два столетия, – с Санкт-Петербургом, как основным ядром, и пригородами – «городами-садами» различного функционального назначения, которые можно подразделить на следующие типы: Императорские резиденции, город при заводе, город при крепости (Рис. 3).

Вместе с тем, как отмечает С. В. Семенцов, «Еще не обладая столичными полномочиями, Петербург с окрестностями развивался в исконно русских традициях, рос одновременно с многочисленными посадами и слободами... Застройка территории была сплошь деревянной, улицы – криволинейными, совсем не напоминая будущего регулярного Санкт-Петербурга. Так продолжалось до 1711 года включительно» [2, с. 12].

Последовательные поиски градостроительной «идеальности» метрополии и пригородов на протяжении последующих лет подробно рассмотрены в исследованиях С. В. Семенцова [3, 4, 5, 6]. Проведенные исследования позволили ему сделать вывод о формировании «одной из крупнейших в Европе единой исторической Санкт-Петербургской агломерации, последовательно создававшейся со времен Петра I на принципах «идеального» (регулярного и ансамблевого) градостроительства – своеобразной «идеальной агломерации» регулярного типа (агломерации, созданной на принципах «идеальных городов» и «идеальных ансамблей») ... Санкт-Петербургская агломерация имеет сложную пространственную композиционную (и многокластерную) структуру и включает: город-метрополию (сейчас – исторический центр Санкт-Петербурга), разнообразные по функциям и пространственным параметрам пригороды (дворцово-парковые, фабрично-заводские, фортификационные и т. д.), соединенные воедино системой прямых, регулярного типа (!) дорог многокилометровой длины, а также каналов, фарватеров с единой системой морских и сухопутных фортификационных объектов» [5].

В свою очередь, за два века до Петра I идею «городов-садов», аналогичную системе Говарда, предложил Леонардо да Винчи как способ борьбы со скученностью и антисанитарией, способствовавшей распространению болезней. Леонардо да Винчи был свидетелем постигшего Милан несчастья – эпидемии чумы 1484–1485 гг., унесшей более 50 тыс. жителей. Зодчий предложил новую планировку Милана внутри расширяемых городских стен, где должны были остаться только важные горожане, обязанные перестроить свои владения. Одновременно с этим, по мнению Леонардо, следовало недалеко от Милана основать двадцать более мелких городов с 30 тыс. жителей и 5000 домов каждый. Леонардо считал необходимым: «Разделить это огромное скопление людей, которые, точно овцы в стаде, распространяют дурной запах и представляют собой благо-

приятную почву для эпидемий и смерти». Наброски Леонардо предусматривали дороги в двух уровнях, виадуки на подходах от сельской местности, разветвленную сеть каналов, обеспечивающих постоянное снабжение городов свежей водой и многое другое.

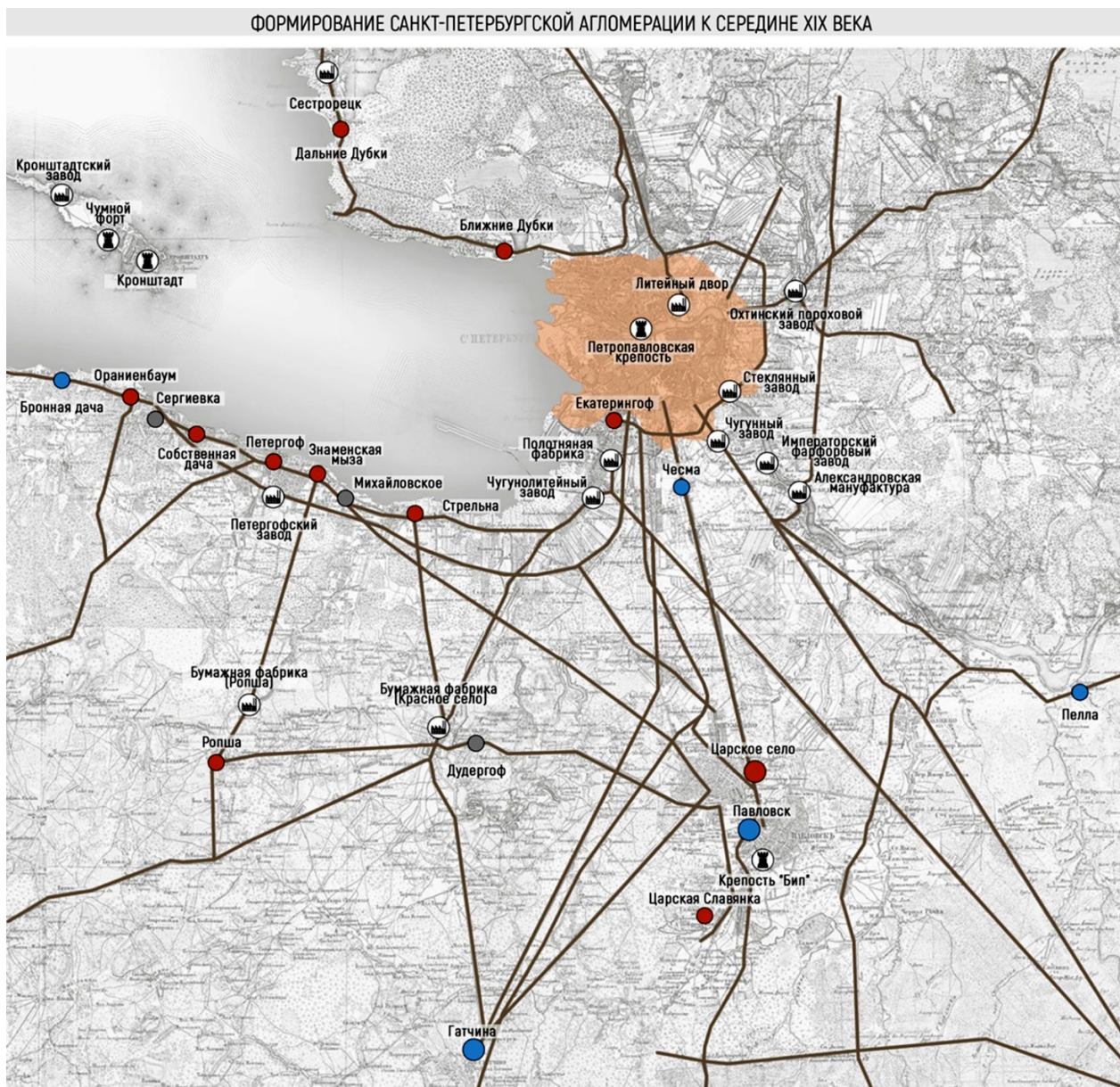

Рис. 3. Формирование Санкт-Петербургской агломерации к середине XIX века: «города-сады» разного функционального назначения: Императорские резиденции, город при заводе, город при крепости

Леонардо да Винчи, как и во многих других направлениях, предвосхитил критическое отношение к городу, повсеместно проявившееся в XIX веке, когда город стал восприниматься не как объект описания и применения новых моделей жизнеустройства, как в предшествующие периоды, но как главный источник проблем. С целью решения этих проблем создаются новые модели расселения на основе небольших поселков, создающие новую социальную среду. В этот период появляются ярчайшие представители социал-утопистов, такие как Фурье, Оуэн и Сен-Симон, которые придерживались этой линии в своей деятельности: трудовая коммуна Оуэна рассчитана на 2000–2500 человек.

Этой же тенденции дезурбанизации придерживается и Эбенизер Говард, завершающий собой ряд авторов социальных утопий XIX века, которые были связаны с концепциями утопического социализма. Основой его теории стала связь между предметно-пространственной средой и характером социальных отношений, суть его доктрины – «город – сельское поселение», освобожденное от пороков как традиционного крупного города, так и села [2]. Его социальная и градостроительная модель была создана под влиянием идей русского анархиста Петра Кропоткина о создании сельхоз-общин, которые он излагал в своих лондонских лекциях [2]. Это влияние прослеживается в первоначальном названии книги Говарда – «Завтра: мирный путь к социальной реформе» (1898 г.). Идея «города-сада», изложенная в ней, быстро получила самостоятельную жизнь, и во втором издании 1902 года автор дал книге новое название – «Города-сады завтрашнего дня».

Предложенная Говардом модель «Города-сада», несмотря на то что не имела конкретного местоположения, а обладала лишь общей схемой и диаграммой, вошла во все учебники и энциклопедии, связанные с архитектурой и градостроительством. Она сформировала целое градостроительное течение, которое развивалось в течение XX века и продолжает эволюционировать сегодня. Ядро его модели – это община с населением в 30 тыс. человек, объединяющая достоинства города и деревни в одну систему. Несколько подобных городов соединены в единый комплекс, каждый из которых отличается от другого и имеет помимо прочего главный город посередине.

Возможность реализации подобных моделей расселения была обусловлена, прежде всего, появлением в XIX веке железных дорог, позволяющих связать отдельные поселения в единую систему. Именно к железной дороге был привязан первый «город-сад», построенный в окрестностях Лондона по проекту Энвина и Паркера в 1904 г. В 1907 году по той же схеме по проекту Энвина был построен первый пригород-сад, расположенный на севере Лондона – Хэмпстед. Развитием данной концепции явился проект «Большой Лондон» или «План Аберкромби», по которому продолжилось строительство городов-садов вокруг Лондона после Второй мировой войны. К настоящему времени в Лондоне насчитывается 32 города-сада, но идея Говарда вышла далеко за пределы Британии. Устойчивость этой модели заложена в равновесии между двумя векторами устремлений – в прошлое и в будущее, если принять стремление к дезурбанизации и возвращению к природе как первый вектор, а урбанистическую модель отнести ко второй.

Помимо важного, но, тем не менее, «вспомогательного» участия в реализации антиурбанистических концепций «идеального города», железные дороги сами послужили поводом создания новых поселений на основе концепции «города-сада», представляя собой идеальный новый полигон для их осуществления – тот самый «чистый лист», позволяющий бескомпромиссно следовать идее, к которому призывал Платон [7].

Как новый транспортный путь железные дороги являлись одновременно и традиционной естественной основой зарождения и развития городов, и неизведанным пространством будущего, которое еще предстояло осмыслить и освоить.

В свою очередь, как правило, существующая планировочная структура определяла систему размещения вокзалов в городе – в Париже и Москве вокзалы формировали кольцо на пересечении основных магистралей, охватывающее историческое ядро города, в Санкт-Петербурге, развивающемся на основе других планировочных моделей – вокзалы маркировали историческую границу города поблизости от основного планировочного трехлучия – Невского проспекта (Николаевский (Московский) вокзал), Гороховой

улицы (Царскосельский (Витебский) вокзал), Измайловского проспекта (Петергофский (Балтийский) вокзал). Железные дороги продолжали основные городские магистрали за пределы города, а их вокзалы брали на себя функции исторических городских ворот.

Характерно, что первые пригородные железные дороги, проложенные из Петербурга, закрепили существующие агломерационные связи, по сути, продублировав имеющиеся транспортные магистрали, соединявшие Петербург с пригородами (Рис.4).

Первая построенная в России в 1836 году железная дорога соединяла Санкт-Петербург с Императорскими резиденциями – Царским селом и Павловском, где к 1837 году появились железнодорожные станции.

Тенденция была продолжена при строительстве Варшавской железной дороги, соединившей Санкт-Петербург с Гатчиной с появлением станций Гатчина Варшавская и Александровская. От Александровской была проложена ветка железной дороги, соединившая обе железные дороги и, соответственно, Императорские резиденции вдоль них, в одну систему.

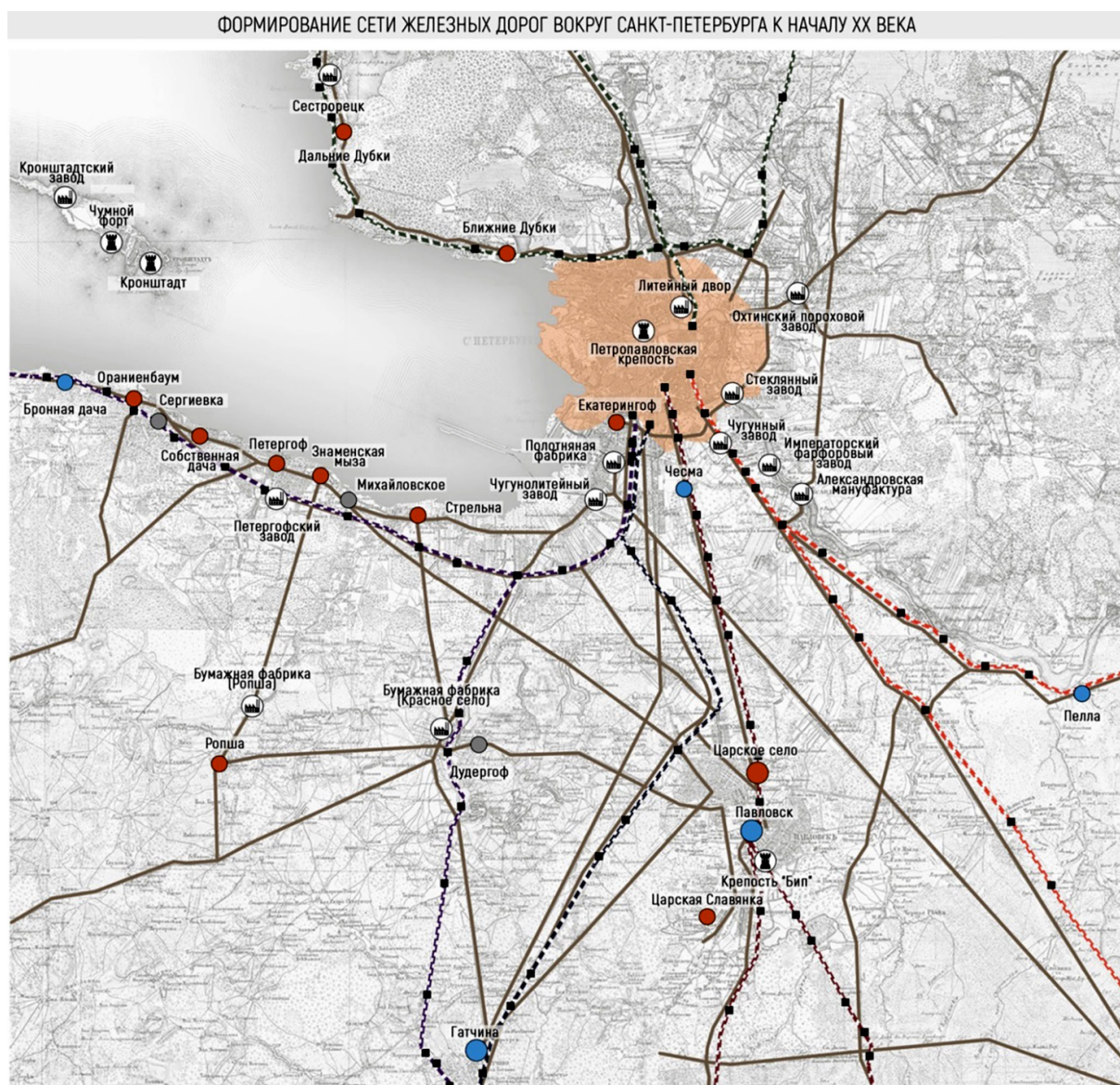

Рис. 4. Формирование сети железных дорог вокруг Санкт-Петербурга к началу XX века. Железные дороги акрепляют сложившиеся ранее агломерационные связи

В 1857 г. строится Петергофская (Балтийская) железная дорога, связавшая Санкт-Петербург еще с одной Императорской резиденцией – Петергофом. Помимо Петергофа железная дорога связывала Санкт-Петербург с другими поселениями «петровской» агломерации: Лигово (1857 г.), Сергиево (1857 г.), Стрельна (1857 г.). В 1864 году дорога была продолжена до Ораниенбаума, с устройством промежуточной станции Старый Петергоф (1864 г.). В 1859 году была сооружена железнодорожная ветка на Красное село – место проведения военных летних лагерей, продолженная в 1872 году до Гатчины, где появился новый вокзал – Гатчина-Балтийская. Вдоль этой ветки железной дороги были устроены станции: Горелово (1898 г.), Скачки (1898 г.), Можайская (1877–1879 гг.), Тайцы (1876 г.), Пудость (1877 г.), Мариенбург (1885 г.).

Построенная в 1869 году Финляндская железная дорога также включила в сферу своего влияния элементы исторической Санкт-Петербургской агломерации: Сестрорецк, сформировавшийся как город при заводе, императорские резиденции Дальние Дубки и Ближние Дубки, однако с ее строительством был дан новый импульс развитию территорий в этом направлении, где рядом с железнодорожными станциями стали активно возникать и разрастаться дачные поселения: Новая деревня (1869 г.), Старая Деревня (1869 г.), Яхтенная (1894 г.), Лахта (1894 г.), Ольгино (1911 г.), Лисий нос (1894 г.), Александровская (1894 г.), Тарховка (1895 г.), Разлив (1894 г.).

Взаимодействие железных дорог и комплексов их станций происходило на различных градостроительных уровнях. Если на региональном уровне – уровне агломерации, мы наблюдаем практически дублирование транспортных связей и планировочных осей, то на градостроительном уровне населенного пункта появление железнодорожной станции создает полицентрическую композиционную структуру, в которой станция выступает как новый композиционный центр со своей системой планировочных осей, связанных не с общей планировочной структурой города, а с направлением железной дороги. Примером этого является, в частности, Царское Село (Рис. 5).

Рис. 5. План Царского Села. 1838 г.

При этом тип планировки станции и населенного пункта, как правило, совпадают, что неудивительно, поскольку большинство из населенных пунктов, исторически входивших в Санкт-Петербургскую агломерацию, программно развивались на основе регулярной планировочной схемы, как и станции железных дорог. Однако, мы наблюдаем подобный феномен и в случае нерегулярной планировки населенного пункта, как в Павловске с его пейзажными парками, где составляющие элементы станции: «воксал», театр, платформа и пр. поддерживают живописную композицию (Рис. 6).

Появление железных дорог способствовало разрастанию и наполнению новой жизнью не только существовавших «городов-садов», но и возникновению новых на основе железнодорожных станций. К концу XIX века именно железные дороги выступили инициаторами и приступили к осуществлению социальных экспериментов по созданию «городов-садов» как новых моделей общежития, основанных на новых принципах жизнеустройства. В основе этого, как правило, лежали патерналистские идеи, направленные на закрепление профессиональных кадров во вновь создаваемых поселениях при железнодорожных станциях. Так, в статье «К вопросу о постройке жилых помещений для служащих железных дорог» указывалось: «Одною из главных забот всякого железнодорожного общества и всякой железнодорожной администрации по отношению к их служащим должно быть, без сомнения, возможное улучшение быта последних; а так как дешевое и гигиеничное жилое помещения составляет предмет первой необходимости, то доставление такого помещения служащему, в особенности получающему небольшое содержание, представляется делом весьма важным в хозяйстве железных дорог в интересах не только служащих, но и самого железнодорожного предприятия». В этой статье обращалось внимание на опыт «весьма интересного решения квартирного вопроса для железнодорожных служащих во Франции, а именно на кооперативное товарищество агентов железнодорожной линии Париж – Орлеан по постройке жилых помещений для членов Товарищества... Товарищество предприняло постройку 19 жилых домов в 2, 3 и 4 комнаты для отдачи внаймы или продажи в рассрочку членам товарищества. При каждом доме сад в 300–500 кв. м. Одна акция делает ее владельца общественником, а чтобы иметь право приобрести дом в собственность необходимо иметь 2 акции...» [7].

Безусловно, авторы проекта были знакомы с концепциями города-сада Говарда, где утверждалась доктрина «свобода и кооперация». Одна из диаграмм в первом издании, впоследствии не воспроизводившаяся, описывает, каким образом ассоциация горожан, выплачивающих умеренную ренту, способна обеспечить сначала выплату процентов на заемный капитал, затем постепенную выплату основного займа и, наконец, формирование собственного пенсионного фонда и фонда развития системы образования и охраны здоровья [2].

Приводились примеры по созданию домов для рабочих на прусских казенных железных дорогах [8], строительства колонии для рабочих Локомотивного завода Венского акционерного Общества [9].

Не меньше внимания, чем решению социальных вопросов и проектированию собственно жилых домов для служащих уделялось и их рациональному расположению, «кои очевидно не должны мешать будущему развитию станции и вместе с тем должны быть расположены в удобном для служащих месте» [10]. На планировку станционных поселков оказывали влияние не только рациональные требования, но и «идеальные» планировочные схемы, основанные на распространенных на рубеже веков идеях «города-сада»

Э. Говарда (1850–1928) и «Индустриального города» Гарнье. Идея города-сада получила реализацию, в основном, как пригорода-спальни, типу которого отвечал и российский эксперимент – поселок Прозоровка (Кратово) на Московско-Казанской железной дороге, план которого в 1912 г. спроектировал В. Н. Семенов.

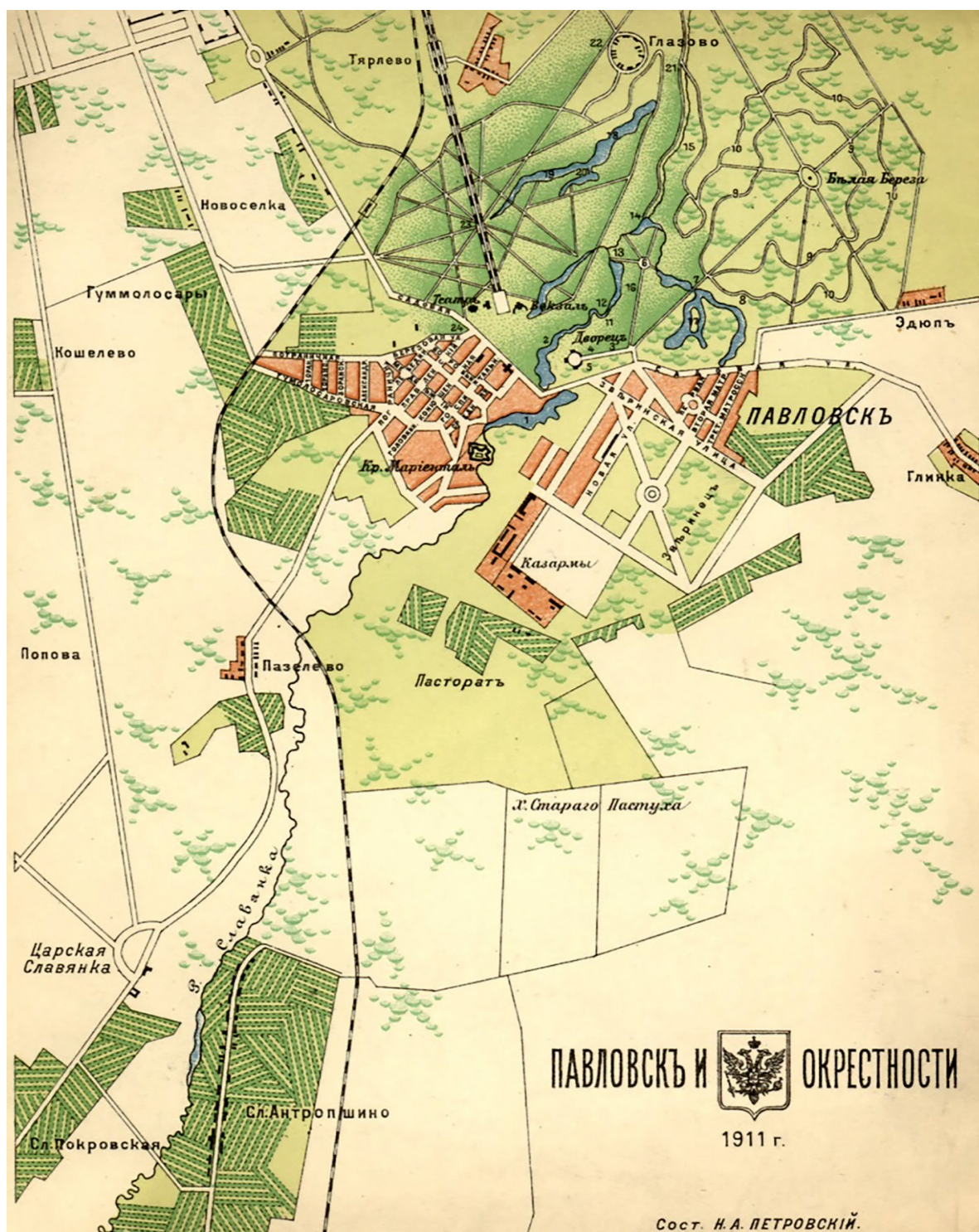

Рис. 6. Карта Павловска. 1911 г.

Сами железнодорожные станции строились, как правило, на основе регулярности, что является одним из критериев «идеального города-сада». Однако в большинстве случаев формирование станций не выходило за рамки утилитарно-градостроительной

модели, в основе которой лежали не утопические принципы нового социального жизнеустройства, а функционально-эксплуатационные требования железной дороги.

Формирование поселков на основе железнодорожных станций является реализацией концепций «идеального города» как утилитарной градостроительной модели, в основе которой лежали патерналистские идеи, призванные повысить эффективность труда, а не идеи социального преобразования, поэтому вряд ли можно говорить о реализации социально-утопических идей в станционных поселках. Тем не менее, именно железнодорожные станции и поселки предоставили возможность концепции «идеального города» существовать и развиваться, создавая, либо закрепляя узлы агломерационных моделей «идеального города».

Литература

1. Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Издательство «Европа», КДУ, 2017. 228 с.
2. Глазычев В. Л. Урбанистика. Часть 1. Город-сад и его метаморфозы [Электронный ресурс]. URL: info.wikireading.ru.
3. Семенцов С.В. Мифология градостроительного развития Санкт-Петербурга // Инженерно-строительный журнал. 2013. № 2(54). С. 12–15.
4. Семенцов С. В., Акулова Н. А. Основание Санкт-Петербургской агломерации при Петре I в 1703–1724 гг. // Вестник ТГАСУ. Т. 20. № 6. 2018. С. 46–65.
5. Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация – уникальный градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер. Политематическая. 2012. Вып. 1 (20). www.vestnik.vgasu.ru.
6. Семенцов С. В. Формирование принципов сохранения архитектурно-градостроительного наследия Санкт-Петербурга на основе закономерностей его трехвекового развития. // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2013. Вып. 2.
7. Платон. Сочинение в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Платон; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмус; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 601–603.
8. К вопросу о постройке жилых помещений для служащих железных дорог // Железнодорожное дело. 1895. № 13–14. С. 124.
9. Дома для рабочих на прусских казенных железных дорогах // Журнал МПС. 1896. Книга 1. С. 191.
10. Заметки о заграничных машиностроительных заводах и железнодорожных мастерских. Ч. II // Журнал МПС. 1894. Кн. 5, 6. С. 1.

УДК 711.4.01

Рябова Мария Геннадьевна, старший преподаватель
(Крымский Федеральный университет
им. В.И. Вернадского)
E-mail: mariak395@gmail.com

Ryabova Maria Gennadievna, senior lecturer
(V.I. Vernadsky Crimean Federal University)
(Crimean Federal University.
V. I. Vernadskogo)
E-mail: mariak395@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ОТКРЫТЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

INFLUENCE OF URBAN ARCHITECTURE DURING RECONSTRUCTION OF OPEN PUBLIC SPACES OF THE SOUTHERN CITIES OF RUSSIA

В докладе рассмотрено влияние истории, архитектуры, а также облика города на создание нового облика открытых общественных пространств на примере южных городов России. Природно-климатически условия значительно влияют на количество и типологию общественных городских

пространств. Благоприятные климатические условия позволяют создавать большее количество открытых пространств, привлекая и заманивая туристов, отдыхающих проводить всё больше время в этих зонах. Однако город – это динамическая структура, которая живет развивается, поддается влиянию времени и требованиям потребителя.

Соответственно, с определенной периодичностью возникает необходимость реконструкции пространств, однако, условия каждый раз меняются, а городское окружение на это значительно влияет.

Ключевые слова: реконструкция, открытое общественное пространство, городская среда.

The article considers the influence of history, architecture, and the appearance of the city on the creation of a new look of open public spaces on the example of the southern cities of Russia. Natural and climatic conditions significantly affect the number and typology of public urban spaces. Favorable climatic conditions allow you to create more open spaces, attracting and luring tourists, holidaymakers to spend more time in these areas. However, the city is a dynamic structure that lives, develops, is influenced by the time and requirements of the consumer.

Accordingly, with a certain periodicity, it becomes necessary to reconstruct the spaces, however, the conditions change every time, and the urban environment significantly influences this.

Keywords: reconstruction, open public space, urban environment.

Городская среда является сложноподчиненной живой структурой, в которой общественные пространства неотъемлемый элемент городской матрицы. Именно в них зарождаются чувства, эмоции и взаимосвязи жителей и гостей к городу, к месту проживания или пребывания.

Особенность климата южных городов во многом влияет на планировочную организацию как города в целом, так и открытых пространств в частности. Рассмотрим приморские населенные пункты, поскольку они представляют собой особый интерес и обладают притяжением туристов и отдыхающих.

Строительство новых набережных, как в принципе и городов, явление редкое. Чаще всего градостроителям, архитекторам, дизайнерам совместно со строителями приходится работать над комплексными задачами в условиях реконструкции населенных пунктов и их частей.

Рассмотрим три живых примера, относящихся к разным типам. Первый, один из несложных объектов для это реконструкция пляжной зоны в поселке городского типа Новофедоровка Сакского района Республики Крым. Поселок находится в 15 минутах езды от курортного города Саки с весомым именем города-курорта, города –лечебницы. Прибрежная зона поселка планировочно-пространственное активно формировалась несколько десятилетий на базе зоны дачных кооперативов. Таким образом спрос потребителя сменил акцент назначения территории из формы индивидуального отдыха в форму массового отдыха в прибрежной зоне. Вместо индивидуальных участков с нежилыми зданиями появились дома отдыха малой и средней этажности. Возросла сезонная нагрузка на территорию и, соответственно, требования к качеству среды. Последнее десятилетие активно обсуждалось возможность реконструкции пляжной зоны, с целью улучшения пространственной организации и инженерного состояния территории. И наконец-то это стало возможно в 2015/2016 г. в рамках программы модели использования пляжных территорий, одобренной главой Республики Крым. Задача стояла сложная, однако в сравнении в другими прибрежными территориями, этот и подобные объекты в курортных посёлках городского типа Республики Крым, обладают меньшими объемно-планировочными и эстетическими ограничениями. Другими словами, практически пустой лист для твор-

чества, поскольку проектируемая и прилегающая территория не обладает сложным рельефом, что значительно упрощает работу, а также отсутствуют каких-либо сложных единиц. В 2017/2018 году начали активно реализовывать проект реконструкции и на момент января 2019 г. большая часть выполнена. Благоустроенная зона парковки, отдыха, кафе с водными аттракционами. Пляжная зона насыщена теневыми стационарными навесами. Зона проживания у моря обустроена. В ней размещено более 20 индивидуальных секций сезонного использования в шаговой доступности от водного зеркала моря.

Другим, более сложным примером реконструкции, является пляжная зона центральной части в г. Адлер Адлерского района г. Сочи. История возникновения и становления Адлера как города интересна. Созданный как военный город-крепость в XIX веке, город укрепился, расширился и уже в XX веке перепрофилировался в самый южный в курортный город России, где размещались пансионаты, дома отдыха.

Первая линия прибрежной зоны центральной части города в районе реки Мзымта долгое время была сформирована зданиями и сооружениями, расположенными от пляжной зоны на расстоянии 50 и более метров, что создавало ощущение пространства, но не формировала облика территории высокого качества. За последнее десятилетие в этой зоне добавилось значительное количество объектов культурно-бытового обслуживания. При этом качественная работа архитекторов и градостроителей позволила сформировать целостное качественное просторное. Соответствующее средовое наполнение насытило пространство объектами притяжения, дополнив облик набережной.

Более широкие участки позволили разместить велодорожки, дополнительные зон отдыха, а также малые архитектурные формы с незабываемым образом. Объекты общественного питания современной дизайном фасадов и территорий для летнего отдыха значительно дополнили пространство, позволяя отдыхающим проводить время более комфортно и увеличив длительность отдыха и, соответственно, времяпрепровождение в этих зонах.

Третьим примером является реконструкция набережной им. В. И. Ленина города Ялта Республики Крым. Этот, пожалуй, один из сложных объектов для реконструкции. Набережная претерпела много этапов реконструкции и это, естественно, связано с историей города. Сложность объекта реконструкции состоит не только в природно-климатических, гидрогеологических условиях территории, но и общим сложносоставным архитектурным обликом прибрежной зоны, в частности.

Со временем ряд инженерных мер по берегоукреплению привели к общему расширению набережной зоны, так что теперь узких участков, которые ограничены существующими зданиями с историей более 100 лет не так много и пространство не выглядит так зажато. Однако существующие здания всегда диктовали аристократичность и богатство общего облика территории, что всегда влияло на реконструкцию и значительно ее усложняло. Последняя реконструкция была проведена в 2016/2017 годах.

Она позволила еще больше освободить пространство возле площади Ленина путем демонтажа торгового павильона, устройством в той зоне нового покрытия и установкой малых архитектурных форм. Архитектура новых зданий, которые, не смотря на плотность застройки, таки появляются в зоне набережной, являются некими «заложниками» исторической Ялты. Однако это не мешает появлению спорящих объектов, и только умелое и грамотная работа архитекторов позволяет размещать контрастные, но не спорные объекты.

Таким образом изучая некоторые примеры реконструкции открытых городских пространств южных городов можно сделать выводы, что реконструкция в условиях «чистого листа» дает больше свобода архитекторам-градостроителям, но одновременно ответственность лежит в создании уникального облика территории. Реконструкция в южных городах-курортах с многовековой историей и сложноподчиненными связями существующих объектов, с устающими связями зданий, сооружений и пространств кажется еще более сложной, однако в этих ограничениях есть рамки, которые выступают устающими нормами и догмами, которые диктует время, социум. Как известно работать в четких и понятных ограничениях гораздо легче, так как уже многолетним трудом профессионалов выявлено и прописано в каких максимально выгодных для территории условиях работать.

Литература

1. Енютина Е. Д. Особенности художественного подхода к формированию современной городской среды [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. Архитектуры (05.23.20) / Енютина Екатерина Дмитриевна; Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет. Н. Новгород, 2015. 29 с.
2. Бондарская О. В. Инструмент согласования интересов участников процесса управления развитием малого города // Социально-экономические явления и процессы. 2014 Т. 9.
3. Кашкина Л. В. Монопрофильный город как социальная лаборатория // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 46–49.

УДК 711.4:719(470.23-25)

Семенов Сергей Владимирович,
д-р архит., профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: s.sementsov@mail.ru

Sementsov Sergey Vladimirovich,
Dr of Architecture, Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: s.sementsov@mail.ru

РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ВОЛНЫ РЕКОНСТРУКЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. 1703–1711 ГОДЫ: СТИХИЙНОЕ СОЗДАНИЕ РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОПЕТЕРБУРГСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

REFORMS OF PETER I AND THE WAVES OF RECONSTRUCTIONS OF ST. PETERSBURG. 1703–1711: SPONTANEOUS ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN CAPITAL AND RECONSTRUCTION OF THE DOPETERBURG RURAL SETTLEMENT SYSTEM

В статье рассмотрены процессы изначальной (первой волны – 1703–1711 гг.) реконструкции существовавшей в Приневье и Приладожье с XIV–XV вв. развитой сельской системы расселения в первичную, еще формировавшуюся на основе стихийности конгрегацию поселений, посадов, городков, военных и промышленных объектов нарождавшегося Санкт-Петербурга, с учетом многоэтапности проведения Петром I реформ в различных областях государственного развития России.

Ключевые слова: Приневье и Приладожье, Петр I, реконструкция сельской системы расселения, Санкт-Петербург.

The article considers the processes of the initial (first wave – 1703–1711) reconstruction of the developed rural system of settlement into the primary, still formed on the basis of spontaneously congregation of settlements, planting, towns, military and industrial facilities of the emerging St. Petersburg, taking into account the multi-stage implementation of reforms by Peter I in various areas of state development of Russia.

Keywords: Prynevje and Priladozhye, Peter I, reconstruction of the rural settlement system, St. Petersburg.

Многоэтапность реформ Петра I

Петр I был инициатором и лично руководил многосторонними и всеобъемлющими реформами в России. Петр I решительно изменял Московское государство, стремясь провести комплексные реформы всех сторон государственной деятельности. В ряду его всеобъемлющих реформ можно выделить целые циклы крупнейших реформ.

Естественно нужно начать с реформирования самодержавной власти (1718 г.) с лишением царевича Алексея Петровича права наследования, а также с коренной реформы всего государственного управления с учреждением в 1711 гг. Правительствующего Сената (с его реорганизацией в 1718, 1722 гг.), с учреждением и реорганизацией Коллегий (1717, 1718, 1720 гг.). Среди важнейших документов этого ряда реформ – «Генеральный Регламентъ» (1720 г.), «Табель о Рангахъ» (1722 г.) [1; 2].

Параллельно была проведена крупнейшая многоэтапная военная реформа, всеобъемлюще включившая реформу российской сухопутной армии, включая пехоту и кавалерию (с изменениями и уточнениями в 1699, 1702, 1704, 1711, 1716, 1720 гг.), реформу российское военно-морского флота (в 1696, 1710, 1720, 1722 гг.), реформу российской артиллерии и инженерных войск (в 1701, 1712, 1723 гг.). Среди важнейших утвержденных документов этого цикла реформ – «Уставъ Воинский» (1716 г.), «Морской Уставъ» (1720 г.) [3; 4].

Одновременно проведено грандиозное новое, также многоэтапное, административно-территориальное деление всей России на губернии и уезды (в 1708–1709, 1725 гг.), с устройством местного управления, включая губернаторов и губернских правлений, бурмистерских палат, земств, воеводств, магистратов, ратуш (в 1699, 1719, 1721, 1725 гг.), с проведением подворовой переписи всего российского населения (в 1708, 1710 гг.) [5].

В этом же ряду было и повсеместное реформирование полицейского управления в городах и посадах, организации общественного порядка и введения правил застройки городов с учреждения Главного Полицеймейстера в России и Санкт-Петербурге и полицеймейстеров в городах (1718 г.).

Этот перечень можно продолжать и дальше, упомянув о финансовой и налоговой реформе (1699, 1700, 1714, 1724 гг.), о реформе гражданского законодательства (1714, 1721 гг.), о семейном законодательстве (1702, 1721 гг.), об уголовном законодательстве (1703, 1704, 1714, 1715 гг.), о судебной реформе (1715, 1723 гг.) и т. д. В ряду значимых реформ конечно же находится и известная еще из школьных учебников всеобъемлющая реорганизация быта с новым календарем, новым алфавитом, с введением Ассамблей, партикулярных (лодочных) артикуляций на Неве, гуляниями в Летнем саду, с введением нового платья, с требованиями брить бороды...

Конечно, такая грандиозная государственная деятельность, неукротимая энергия самостоятельного участия на всех направлениях развития государства, неуклонное принуждение соратников добиваться максимальных успехов во всех делах, вкуче с колоссальными победами в войне против Швеции и с победами в международных сферах предопределили Петру I огромный национальный авторитет. В дни триумфального,

победного окончания войны со Швецией (крупнейшим военным авторитетом во всей Европе) – 21 октября 1721 г. – на Троицкой площади в Санкт-Петербург-Бурхе (так тогда назывался создававшийся город) Правительствующий Сенат торжественно преподнес Петру I титулы Петра Великого, Отца Отечества, Императора Всероссийского [6].

Даже это перечисление показывает, что наряду с подавляющим разнообразием реформ, в каждой из областей жизнедеятельности проявляется последовательная многоэтапность реформотворчества, фактически – последовательные многоэтапные попытки усовершенствования (либо, даже – отвергания) достигнутых на предыдущем этапе результатов. Можно сделать вывод, что при Петре I в процессах реформирования ни в одной области государственной жизни не было достигнуто (сформулировано, утверждено, проведено в жизнь) сразу ни одного идеального решения, всегда и везде велся настойчивый поиск оптимальных вариантов. Этот поиск приводил к многократным изменениям, часто – с вполне крупными преобразованиями на каждом этапе. Этот метод (подход) очень похож на поиск оптимума методом проб и ошибок, часто – при отсутствии понимания идеальной цели.

Многочисленные реформы Петра I до нашего времени вызывают особый интерес у исследователей. Но постоянно возникает вопрос: в какой мере эти реформы затрагивают Санкт-Петербург. И в особенности, в интересующей нас области градостроительного, архитектурного, строительного развития.

«Предыстория Санкт-Петербурга»: историческое развитие сельской системы расселения Приневья до основания Санкт-Петербурга

Среди определяющих легенд о Санкт-Петербурге постоянно, на протяжении трех веков распространена легенда о том, что город создан Петром I на необжитом – «пустом» месте. Но это совершенно не так. Сначала нужно сказать о государственной принадлежности этих территорий: с древнейших времен вплоть до 1478 г. все рассматриваемые территории Приневья относились к Водской пятине Новгородской республики, в 1478–1582 гг. – к Московскому государству, с 1582 по начало 1700-х гг. – входили в состав Шведского королевства в качестве лена (провинции) Ингерманландии. Но независимо от государственной принадлежности этих земель комплексы исторических документов позволяют выявить удивительную картину. Для VIII – середины XV в. – это древнерусские летописи, скандинавские саги и материалы археологических исследований, которые дают фрагментарное, об отдельных городах, крепостях и поселениях, знание. Но с середины XV – по конец XVII вв. имеется прекрасная массовая информация писцовых, обыскных, платежных, дозорных, оброчных переписей новгородского, московского и шведского периодов развития Приневья, которая позволяет найти очень подробные данные устойчивого многовекового освоения этих территорий, включая выявление на территории современного Большого Санкт-Петербурга на протяжении столетий (по крайней мере с середины – конца XV в.!) практически 1000 поселений, а на территории всей Ингерманландии – 3000 поселений разных размеров. Материалы шведской картографии середины – конца XVII века дают возможность уточнить размещение, социальную принадлежность и функциональность всех этих поселений, а также трассировку всех соединяющих их дорог [7; 8; 9; 10].

Все эти материалы показывают, что до основания Санкт-Петербурга в обширной зоне Приневья – Приладожья – побережья Финского залива на протяжении столетий сформировалась и стабильно существовала столетиями развитая, плотная система сельско-

го расселения, с включением отдельных крепостей и городов, и объединенная огромной тысячекилометровой сетью дорог разной значимости (от государственных трактов и дорог местного значения). Эта система была образована в зоне единого звена крупнейших в Европе транспортных путей: пути «Из Варяг в Греки» и пути «Из Варяг в Персы», на территории объединенного транспортного звена сразу обоих путей: территории восточной акватории Балтийского моря (Финского залива) – р. Невы – акватории оз. Ладожского озера – р. Волхов – оз. Ильменя и далее – к истокам рек Днепр (на дальнейшее движение по пути «Из Варяг в Греки» в Черное море) и Волга (на дальнейшее движение по пути «Из Варяг в Греки» в Каспийское море). Подавляющее большинство поселений было малодворными – в 1–3–5 дворов, они (включая жилые и вспомогательные строения, огороды, поля, луга, наделы для рубки леса и т. д.) размещались среди бескрайних болот и тайги на многочисленных невысоких, немного выступающих из болот всхолмлениях, соединенные между собою очень густой дорожной сетью. Многие селения были созданы на берегах рек и озер, образуя целые ожерелья обжитых территорий. К началу XVIII в. на этих территориях отмечены господские мызы, многодворные села (селения), одно и малодворные деревни, хутора, храмы, постоянные дворы (кроги) на государственных трактах, кирпичные заводы, зоны рыбных ловель, пашенные места и т. д. [11].

1703–1711 гг. Зарождение (вместо многовековой сельской системы расселения) конгломерата традиционно русских посадских слобод, с деревянной застройкой и с живописной нерегулярной планировочной системой: ПЕРВАЯ ВОЛНА РЕКОНСТРУКЦИИ

16 (по совр. стилю – 27) мая 1703 г. заложена деревоземляная крепость «Санктъ-Питерсь-Бурхъ». Эта дата стала датой рождения будущего столичного города на Неве. Поистине главным лицом в создании Санкт-Петербурга был Петр I. Он ежедневно стремился углубиться во все мельчайшие особенности всех сторон создания города, всех его слобод, всех укреплений, всех промышленных объектов, всех событий и т. д. Даже, если он был в других местах, то требовал от своих соратников ежедневных обстоятельных докладов по всем событиям Санкт-петербургской жизни. Судьба Петра I с мая 1703 по январь 1725 г. была теснейшим образом связана с рождением и постепенным формированием города и окрестностей. При этом нужно помнить, что формирование Санкт-Петербурга практически с 1703–1704 гг. велось в единстве с формированием многочисленных его «предместий», «пригородов» и «посадов», одновременно образуя не город, а огромную пространственно развитую Санкт-Петербургскую агломерацию.

На обширных территориях от Олонца (с 1700 г.) до Нарвы (с 1704 г.), от Медного завода (с 1703 г.) и Выборга (с 1709 г.) до Пскова (с 1700 г.), общей площадью в сотни кв. км сразу и параллельно появлялись сотни крепостей, заводов и мануфактур, жилых, рабочих и военных слобод, ремесленных центров, центров заготовки и переработки леса, известняков, песков и т. д. Зарождались следующие главные пространственно-социальные функции: фортификационная (с 1703 г.), судостроительная (с 1704 г.), жилая и общественная (с 1703–1704 г.), ремесленная (с 1704–1705 гг.), функция внутренней торговли (с 1704 г.), управленческая губернская (с 1706–1709 гг.), функция внешней торговли (с 1709 г.), управленческая общероссийская столичная (с 1710–1712 гг.). Фактически города в дельте Невы еще не было, с первых дней, недель, месяцев с мая 1703 г. параллельно строительству крепости «Санктъ-Питерсь-Бурхъ» создавалось прикрепостное

поселение (посад), в котором сразу был возведен Домик Петра I, а между крепостью и Домиком Петра I – большое незастроенное пространство (по фортификационным требованиям), быстро превращавшееся в площадь (торговую, общественную...), с возникшими Ростовскими торговыми рядами (в 1704 г.), Австерией (с 1705 г.), церковной палаткой, затем – церковью Во имя Св. Троицы (с 1711 г.). Еще восточнее, за Домиком Петра I появились деревянные «хоромы» (так тогда называли деревянные парадные жилые строения) для приближенных царя. Это, рядом с крепостью (на совр. Санкт-Петербургской стороне) начинал возникать прикрепостной городок (посад) с его городским центром и живописными улицами, кварталами и участками разнофункциональной застройки – он становился главным для всех окружающих селений, тем более, что именно там были размещены Домик Петра I, деревянные «хоромы» его соратников. А все другие селения – на Адмиралтейской стороне (включая первую загородную дворцово-парковую резиденцию – Летний сад), на Васильевском острове, на Выборгской стороне – были уже внегородскими. Единого столичного города, как мы сейчас воспринимает Санкт-Петербург, еще не было. В ближайшие годы эти поселения и объекты пришлось реконструировать и расширять, в т. ч. – шестибастионную крепость с созданием ее трехбастионного кронверка (с 1705–1706 гг.) [12], торговые ряды в разных слободах.

Практически параллельно с возникновением и развитием этой системы поселений начинала формироваться и Санкт-Петербургская губерния. Как было принято во времена Петра I, это происходило (шла кристаллизация) в несколько этапов. Сначала – присоединение к России Ингерманландии в 1703–1704 гг. вызвало создание и административное оформление «Ижорской земли», в 1706–1707 гг. единая «Ингерманландская губерния» включила также Великий Новгород, Старая Русса, Великие Луки, Торопец, Псков, Гдов, Холм, Ямбургский уезд, Самерская волость. Указом от 18 (29) декабря 1708 г. о разделении России на 8 губерний в состав созданной «Санкт-Петербургской губернии» (премницы «Ингерманландской губернии») вошли уже 29 городов с окружавшими их территориями. А в 1710 г. к «Санкт-Петербургской губернии» были добавлены территории вновь перешедших к России земель Финляндии, Эстляндии и Ливонии и сформировалась единая обширнейшая территория: от Северной Карелии с оз. Росколо (на севере) до Великих Лук, Торопца и Ржевы Володимировой (на юге), от побережья Рижского залива до Каргополя, Ярославля, Романова (на востоке). Указом 29 мая (10 июня) 1719 г. в составе «Санкт-Петербургской губернии» уже было более 40 городов с окружавшими их территориями и общей площадью более чем в 490 000 кв. км (это территориально значительно больше, чем площади современных Германии (357 021 кв. км), Дании (43 094 кв. км), Нидерландов (41 526 кв. км), Бельгии (30 528 кв. км) вместе взятых), просуществовав в таком пространственном формате вплоть до 1725–1727 гг. [13].

Документы показывают, что практически параллельно стала формироваться огромная (в три пояса) Санкт-Петербургская агломерация, включившая: внешний пояс агломерации (формировался отдельными крупными центрами вне границ губернии вплоть до Владимира и Архангельска), средний пояс (формировался в границах губернии в зонах Ярославля, Пскова, Новгорода и т. д.), ближний пояс (ближайший к Санкт-Петербургу, образующий сплошное поле осваиваемых территорий с разнофункциональными объектами, от Нарвы до Олонца и от Медного завода до Луги). Кстати, именно в этот период началось освоение приневских территорий загородными усадьбами. Петр I подарил родственникам и ближайшим соратникам в качестве загородных владений острова

дельты Невы, а с 1710 г. – крупные селения и мызы вдоль древней дороги вдоль южного берега Финского залива, включая Стрелину мызу и Попову мызу (для собственных загородных усадеб), а также – Сарскую мызу (для супруги – Екатерины Алексеевны),

Но процессы создания такой огромной губернии вскрыли важнейшую проблему: губерния, причем такой территориальной, экономической и социальной мощи, уже в 1708 г. была сформирована, а у нее еще не было центра – не было губернского города. Среди всех городов губернии (например – Новгорода Великого, Пскова, Ярославля и т. д.) самым непритязательным был Санкт-Петербург, простой, неприметный крепостной посад. Но Петр I почему-то в качестве губернского центра выбрал именно его. И с 1708 г. началась ускоренная реконструкция посада в губернскую «столицу», еще более усилившаяся с 1710 г. (года еще более значительного расширения губернии). Затем, в течении ближайших 2 лет произошла новая качественная метаморфоза – сюда, на берега Невы Петр I смог перевести из Москвы часть общероссийских Приказов, а также – свою многочисленную царскую семью и семью своего царственного брата. Так, к 1712 г. формировавшиеся селения приобрели фактически статус российской столицы (но не отняли от Москвы этот статус), началась эпоха российской двухстоличности, продолжавшаяся вплоть до 1917 г.

В эти годы планировка и застройка посадов, слобод и селений была вполне традиционно московской и новгородской – с живописной, неурегулированной по градостроительно-ландшафтным характеристикам, с криволинейными улицами, криволинейными кварталами и криволинейными участками, на которых здания (жилые, вспомогательные) размещались случайным образом. Сами здания – деревянные избы (срубы – «хоромы»), крытые часто дранью, землей, тесом [14; 15].

Литература

1. 1720 г. Февраля 28. «Генеральный Регламент или Уставъ, по которому Государственныя Коллегіи, такожъ и всѣ оныхъ принадлежащихъ къ нимъ Канцелярій и Конторъ служители, не токмо во внѣшнихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чина, подданнейше поступать имѣють» // ПСЗРИ. 1-е собр. Т. VI. (1720–1722), № 3534. СПб., 1830. С. 141–160.

2. 1722 г. Генваря 24. «Табель о рангахъ всехъ чиновъ, Воинскихъ, Статскихъ и Придворныхъ, которые въ которомъ классѣ чины; и которые въ одномъ классѣ, тѣ имѣють по старшинству времени вступленія въ чинъ между собою, однакожъ Воинскіе выше прочихъ, хотя бѣ и старѣе кто въ томъ классѣ пожалованъ былъ» // ПСЗРИ. 1-е собр. Т. VI. (1720–1722), № 3890. СПб., 1830. С. 486–493.

3. 1716. Марта 30. «УСТАВЪ ВОИНСКІЙ» // ПСЗРИ. 1-е изд. Т. V (1713–1719). № 3006. С. 203–453.

4. 1720. Генваря 13. «МОРСКОЙ УСТАВЪ» // ПСЗРИ. 1-е изд. Т. VI (1720–1722). № 3485. С. 2–116.

5. Семенов С. В., Скогорева Е. В., Акулова Н. А. Административно-территориальное деление Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии XVIII – начала XX в. СПб.: СПбГАСУ, 2014. С. 41–53.

6. 1721 г. Октября 22. «Актъ поднесенія Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийскаго и наименованія: Великаго и Отца Отечества» // ПСЗРИ. 1-е собр. Т. VI. (1720–1722), № 3840. СПб., 1830. С. 444–446.

7. Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XV вв. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1978. 240 с.

8. Новгородскія Писцовыя книги, изданныя Археографическою комиссіею. Т. III. Переписная оброчная книга Вотьской пятины, 1500 года. Первая половина. Санктпетербургъ: Въ типографіи В. Безобразова и Комп., 1868. Стб. 603–680, 826–832.

9. Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года. Сообщ. Д. Ч. Кн. М. А. Оболенскимъ (2-я половина) // Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. II. М.: Въ университетской типографіи, 1851. С. 111–431.

10. «General Carta Öfwer Provincien Ingermanneland dwisten delf noga Uthwysar Dela dhес Situation Fämfe alle der ütsi Belägue Kÿrtior, Dåft, Bijar och Torv, Tillÿka medс alle der igenom sträckande Större och mindre Wägar samst ... midh Kongl: Maÿts: Landtmäterÿ Contvir Anno 1704: af det afrån Narfwen vor 1703 öfwersände Conceptet Sammandraget uf Vasl: Ingenieuren Erich Beling så mäll uf 1678... och dhe senare Dÿders Mätningar öfwer Nötheborgs Lähns Norra dehl unoverat... Anders Andersin». (1704 г.). (Перевод на русский яз.: «Генеральная карта провинции Ингерманландии, которая показывает всю ее ситуацию, расположение всех церквей, усадеб, селений, болот, протяжение больших и малых дорог, а также озер, малых рек и ручьев, скопированной Его королевского величества Главным землемерным управлением в 1704 г., из Нарвы в 1703 году пересланная с замечанием Эриком Белингом о том, что согласно работе 1678 г. и при более поздних измерениях северная часть Нотеборгского лена была обновлена. Андерс Андерсин»). (1704 г.). // *Stockholm. Kungliga Biblioteket. Utländska handritade kartor 15. Stort förmät.*

11. Семенцов С. В. Планы Санкт-Петербурга и карты Санкт-Петербургской губернии как важнейшие источники. Ч.1: Предыстория развития территорий Приневья и Приладожья до основания Санкт-Петербурга // Собрание карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях. Материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения. 10 марта 2010 года. СПб.: ЦГПБ им. В. В. Маяковского. 2010. С. 7–100.

12. Семенцов С. В. «Plan De St. Petersbourg et Son grand Ouvrag... Couronne design... Majeste G...» [Перевод с франц. яз.: «Большой план крепости Санкт-Петербург с Кронверком...»]. Санкт-Петербург. РГАВМФ. Ф. 3л. Оп. 34. Д. 2462. [1706–1707 гг.?] // «Вестник Санкт-Петербургского университета». Серия 15. 2014. Вып. 4. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 106–125.

13. Семенцов С. В., Акулова Н. А. Основание Санкт-Петербургской агломерации при Петре I в 1703–1724 годы // Вестник Томского ГАСУ. Т. 20. № 6. Томск: Изд. ТГАСУ, 2018. С. 46–65.

14. Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков. М.: Стройиздат, 1989. 216 с., илл.

15. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов. М.; Л.: Гос. изд. по строительству и архитектуре, 1953. 216 с., илл.

УДК 711.4:719(470.23-25)

Семенцов Сергей Владимирович,
д-р архит., профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: s.sementsov@mail.ru

Semetsov Sergey Vladimirovich,
Dr. of Architecture, Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: s.sementsov@mail.ru

РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ВОЛНЫ РЕКОНСТРУКЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. 1712–1718 ГОДЫ: ВОЛНЫ РЕКОНСТРУКЦИЙ РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ И ВВЕДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РЕГУЛЯРНОСТИ И АНСАМБЛЕВОСТИ

REFORMS OF PETER I AND THE WAVE OF RECONSTRUCTIONS OF ST. PETERSBURG. 1712–1718: WAVES OF RECONSTRUCTION OF THE RUSSIAN CAPITAL AND INTRODUCTION OF PRINCIPLES OF REGULARITY AND ENSEMBLE

В статье рассмотрены особенности осуществления под руководством Петра I второй (в 1712–1715 гг.) и третьей (в 1716–1718 гг.) волн реконструкции планировочной системы (градостроительного каркаса) и застройки (градостроительной ткани) формировавшегося Санкт-Петербурга с его обширными окрестностями, с учетом внедрения с 1712 г. принципа регулярности (усилиями Д. Трезини) и с 1717 г. принципа ансамблевости (усилиями Ж.-Б.-А. Леблон).

Ключевые слова: Санкт-Петербург и его окрестности, Петр I, регулярность, ансамблевость, Д. Трезини, Ж.-Б.-А. Леблон.

The article is about an implementation under the leadership of Peter I of the second (in 1712–1715) and the third (in 1716–1718) waves of reconstruction of a planning system (a town-planning framework) and building (town-planning fabric) of the formed St. Petersburg with its extensive vicinities, taking into account implementation since 1712 of the principle of regularity (D. Trezini's efforts) and since 1717 the principle of an ansamblevost are considered (by efforts J.-B.-A. Le Blond).

Keywords: St. Petersburg and its surroundings, Peter I, regularity, ensemble, D. Trezini, J.-B.-A. Le Blond.

1712–1715 гг. Первичное объединение слобод в качестве городских территорий в процессе осознания их как столицы Российского государства, поиски абсолютно-го идеала на основе «принципов регулярности», роль Д. Трезини: ВТОРАЯ ВОЛНА РЕКОНСТРУКЦИИ

1712 г. – год важнейший, переломный в градостроительной истории Санкт-Петербург. Крепостной посад и многочисленные слободы были осознаны как столица Российского государства. Но Петр I не увидел (и не мог увидеть) в этих слободских комплексах и в этой застройке никаких признаков столичности. Функционально столица уже существовала, но образно, созерцательно никакой столицы еще не было. В январе 1712 г. определено направить в зону Приневья на постоянное жительство более 5000 самых богатых и знатных семей России, в августе 1712 г. найдено будущее место столицы – о. Рычарт (совр. – о. Котлин) и туда направлен военный инженер («архитектъ») Д. Трезини для разработки проекта создания там, на острове, новой российской столицы.

Проектом Д. Трезини было предусмотрено коренное преобразование всего острова. Намечено устройство одной главной продольной улицы (с продольным каналом по оси улицы), длиной приблизительно в 4360 саженей (~9,4 км) и еще 3 продольных проспекта разной длины (без каналов). Как называли чуть позднее такие главные прямые улицы и дороги – «проспективных». Их должны были пересекать под прямыми углами 61 поперечная улица (все – с каналами посередине, по осям улиц), также разной длины, идущие от одного берега до другого. Ширина главной улицы с каналом по центру улицы ~36,8 саж. (~80,0 м). Взаимо перпендикулярная сеть улиц-каналов создавала 226 кварталов одинаковой ширины (но разных по длине). В проекте вводилась единая стандартизация жилых и общественных территорий. Стандартные кварталы в центральной продольной зоне острова, между двумя продольными «проспективными» должны были иметь размеры ~46 × 216 саж. (~100,0 × 470,0 м) и включать по 20 × 2 участков («дворов»). Вдоль продольной стороны квартала – по 20 участков, на глубину квартала – по 2 участка, со стандартными размерами участков («дворов») в 10–11 × 23 саж. (21,60 – 23,80 × 50,0 м). Тем самым, на всей территории острова намечено было создать 7278 участков («дворов»). Столь же четко урегулированными должны быть и участки, определенные под строительство 26 церквей разных вероисповеданий. В этом же, 1712 г. царским указом определено было определить во всех губерниях и отправить на постоянное жительство в создаваемой столице на о. Рычарт 7278 богатейших семей. По идеям Д. Трезини предусмотрено было создать уникальный, крупнейший в мире регулярный город, с явно необычными масштабами магистралей и территорий [1; 2].

Проект создания столичного города на о. Рычарт (совр. – о. Котлин) был разработан, но не осуществлен. Уже в конце 1712 г. вместо этой территории была царем определена другая, более оптимальная, затем последовала третья, четвертая... В эти годы царь предпринял несколько попыток создать столицу – на принципах «идеального города»,

сформулированного в проекте Д. Трезини для о. Рычарт, но каждый раз на новом месте, отвергая предыдущую застройку и все предыдущие попытки. Архивные и графические материалы позволили выявить эти попытки, следовавшие одна за другой:

1. Создание столицы на о. Ретусаари по указу от 16 (27) января 1712 г. на 7 278 дворов и производственных кварталов и 46 кварталов под общегородские площади и скверы. Проект не осуществлен [3].

2. Создание столицы в северной части будущей Московской стороны по проекту 1712 г. (арх. Д. Трезини), на пространствах в 2,5 x 1,4 км, намечая 11 линий вдоль берега Невы, предлагая сформировать 56 прямоугольных городских кварталов и общегородскую, прямоугольную в плане, площадь. Проект частично осуществлен, созданы 4 приневские линии, но с 1714 г. вся территория с возведенными домами была передана под размещение служивых людей Литейного двора и военных-артиллеристов [4].

3. В мае 1714 г. Петр I определил новое место для строительства города – незатопляемый берег р. Невы на Выборгской стороне, но быстро охладел к этой идее [5].

4. По указу от 29 октября (6 ноября) 1715 г. намечалось создать идеальный город на почти незастроенном загородном Васильевском острове. Петр I утвердил этот проект Д. Трезини 1 (12) января 1716 г., по нему велось строительство нового города. Проект значительно превосходил однообразные предложения для о. Рычарт и Московской стороны. В проекте намечено практически весь Васильевский остров (за исключением – ранее загородной усадьбы А. Д. Меншикова) застроить регулярными двойными кварталами, сгруппированными по три квартала, каждая такая группа отделялась от другой группы широким каналом. Всего было намечено создать 54 таких разновеликих группы, естественно, с прямоугольными (по берегам острова – треугольными и трапециевидными) группами, – на сотни преимущественно прямоугольных, стандартизированных участков (количество участков в разных исторических материалах показано разным). По контуру острова намечено соорудить сплошную фортификационную систему бастионов и куртин. Намечено создание трех городских площадей. Вдоль всего буд. Большого пр. предусмотрена высадка аллеи «красивых деревьев». А на севере острова, в зоне необъятного болота предложено общедоступный Летний сад. Самая восточная часть острова (та территория, которую мы называем Стрелкой) должна была стать местом размещения престижного жилья. Возможно, именно этот проект в целом, с его каналами, водными набережными, бастионами, застройкой вдоль воды... – и стал основой для наименования Санкт-Петербург «Северной Венецией» и «Новым Амстердамом» [6].

Большинство проектов (кроме мимолетного – на Выборгской стороне) представляли собой разработки формирования не отдельных городских районов, а вполне самостоятельных городов с главными площадями, магистралями, улицами, с территориями разного функционального назначения, с зонами центра и периферии. Разработка каждого из проектов основывалась на применении ПРИНЦИПА РЕГУЛЯРНОСТИ, родоначальником которого с 1712 г. для Санкт-Петербурга стали Петр I и военный инженер («архитектъ») Д. Трезини. Разработка и попытки реализации этих «идеальных» (для Петра I и российского руководства) градостроительных проектов, введение новой, ориентированной на достижения западноевропейской мысли системы градостроительной, технической и противопожарной регламентации были попытками отказа от традиционных русских живописных природно-ландшафтных градостроительных начал и перехода к западноевропейскому градостроительному стандарту. В Западной Европе этот новый

градостроительный подход формулировался еще преимущественно в теоретических работах и в небольших компактных объектах (крепостях, малых городах, отдельных ансамблях), но не применялся пока в такой широкой практике.

С 1712–1714 гг. введена система регламентации градостроительного и архитектурного освоения территорий и создания застройки, включавшая:

- обязательное правило прямых улиц определенной ширины, но всегда шире чем все улицы городов Европы;
- обязательное правило ориентации прямых улиц на вертикальные доминанты (шпиль и купола церквей, административных и производственных зданий);
- правило дифференциации территории всего Санкт-Петербурга по типам разрешенных конструкций стен зданий и сооружений (кирпичные, мазанки, деревянные). К центральным зонам города, на которых высочайшими указами предопределено сооружение кирпичной застройки, отнесены набережные Невы и проток, а также отдельные улицы и площади Городского и Адмиралтейского островов. На периферии города и в пригородах разрешена деревянная застройка;
- правило разрешения строить только по чертежам архитекторов (по индивидуальным проектам), либо по утвержденным типовым («образцовым») проектам и на отведенных под контролем архитектора местах;
- правила технические, конструктивные и противопожарные (устройства каменных фундаментов, устройства кирпичных печей, земляных и деревянных кровель; деревянных набережных и каменных мостовых, запреты на строительство бань на участках и т. д.) [7].

В конце января 1716 г. царь отправился в почти двухлетнее путешествие по странам Западной Европы, а утвержденный проект создания города на Васильевском острове начали реализовывать под руководством А. Д. Меншикова.

1716–1718 гг. Зарождение и развитие в годы заграничной поездки Петра I столицы – как единства регулярных слобод, с максимальным расширением территориальных границ. Внедрение принципов «ансамблевости» по предложениям Ж.-Б.-А. Леблona: ТРЕТЬЯ ВОЛНА РЕКОНСТРУКЦИИ

1716–1718 годы [8]. Эти годы стали особыми для формирования градостроительной идеи Санкт-Петербурга времен Петра I. В конце 1716 г. на берега Невы прибыл французский архитектор Ж.-Б.-А. Леблон, он сразу стал пытаться исправить градостроительные решения Трезини и предложил в самом начале 1717 г. свой, хорошо сейчас известный, гораздо более тонко прорисованный вариант генерального плана не только самого Васильевского острова, но и других, уже застраивавшихся территорий – «Генеральной чертеж Санкт-Петербурху», впервые для градостроительной истории возникавшего столичного города соединив все эти территории в единую градостроительную композицию [9]. Традиционно этот план считали «идеальным», утопичным и нереальным планом Санкт-Петербурха [10; 11].

Как показало внимательное изучение подлинника, «План Ж. Б. А. Леблona» был вполне реальным планом, он включал в свой градостроительный рисунок реальную планировку утвержденного 1 января 1716 г. проекта Васильевского острова Трезини (но со значительными уточнениями), всю реальную застройку Адмиралтейской и Московской сторон, реальную и сохраняемую прибрежную зону Городского острова (с предложениями по

развитию территорий вглубь острова). Этот план стал фактически первым единым проектным генеральным планом и, одновременно, первым стратегическим планом единого развития градостроительной структуры и культуры Санкт-Петербурга на длительный период – на десятилетия.

В проектном решении впервые даны предложения по объединению всех уже застроенных и застраиваемых земель в единую территорию города, окруженную единой непрерывной бастионной линией (в пять рядов) фортификационных сооружений. Изменено функциональное зонирование территорий всего города, предложены 4 разных типа улиц с каналами и без них, разработаны разные типы городских площадей, даны типовые решения по жилой и общественной застройке, намечено создание развитого в пространстве нового главного городского центра на Васильевском острове, включавшего дворец Петра I («палаты царского величества»), площадь для парадов («место вооружительное»). Намечены стратегические программы создания главных общегосударственных и общегородских учреждений (Сената, Ратуши, «академии его величества для всяких кунстов и ремесленя»), мостов через р. Неву (через десятилетия практически в тех же местах были выстроены мосты), слобод для специалистов разных национальностей с храмами различных конфессий, системы портов с гаванями, рынков, лазаретов, больниц, монументальных памятников («штатуя царского величества на лошади», «штатуя его величества пешая из метала», «столб триумфальной»)… А также – размещения городских парков, огородов и садов, кладбищ, зон выгулов скота и мест для вывоза и укладки навоза. И т. д… То есть, в комплексе, в пространственном и композиционном единстве были рассмотрены градостроительные, планировочные, функциональные, архитектурно-композиционные, экологические, фортификационные и т. д. проблемы Санкт-Петербурга. Так, с конца 1716 – начала 1717 г. Леблон стал родоначальником ПРИНЦИПА АНСАМБЛЕВОСТИ для зодчества города на Неве [12].

Создание этого плана отразило начало борьбы (соперничества) двух стратегий формирования уже полноценного столичного города: реализуемой линии Д. Трезини и концептуальной линии Ж.-Б.-А. Леблона. Но победили обе, образовав неразделимый санкт-петербургский сплав градостроительства и застройки. Несмотря на то, что Леблон был «отодвинут» на периферию – на создание пригородных царских ансамблей (Петергофа), он сумел заложить основы формирования пригородной дворцово-парковой системы ближнего пояса будущей Санкт-Петербургской агломерации, внедрив идеалы французского ландшафтно-паркового градостроительства. А также сформировав принципы и разработав «образцовые проекты» кирпичной двухэтажной брандмауэрной застройки парадных (главных) улиц и набережных самого «Санктъ-Питерсь-Бурха». А идеи Д. Трезини по формированию регулярности городской и пригородной застройки стали незыблемым фундаментом всей будущей планировочной структуры города и пригородов, но его неказистые и малоэстетичные предложения по «образцовым проектам» деревянной одноэтажной строчной застройки были отодвинуты от центра освоения городских территорий, став «образцовыми проектами» для периферийных зон [13].

Литература

1. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. 192 с., илл.
2. Семенцов С. В. Проект города на о. Котлин (1712 г.) как начало регулярного зодчества Санкт-Петербурга и России // Третьи Лупповские чтения. Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2010 г. СПб.: Библиотека РАН, 2011. С. 16–37.
3. Указъ отъ 16 Генваря 1712 г. Пп. 13, 14 // ПСЗРИ. 1-е собр. Т. IV. 1700–1712 гг. № 2467. СПб., 1830. С. 776–779; Санкт-Петербург. НИОР Библиотеки РАН. Собрание рукописных карт. Основная опись, № 754; Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 25–26.
4. Семенцов С. В. Пространственная идея Санкт-Петербурга. Блистательное становление города в первой половине XVIII века. Очерк второй. 1712–1715 гг. // Старые годы. СПб., 1993. № 1. С. 6.
5. Объясненіе къ историческимъ планамъ Столичнаго Города Санктпетербурга съ 1714 по 1839 годъ, изданнымъ по Высочайшему Государя Императора повеленію. СПб., 1843. С. 5, 39; Малиновский К. В. Доменико Трезини. СПб., 2007. С. 135–138.
6. Иогансен М. В. Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. М., 1973.
7. Высочайшие резолюции от 16 (27) Ноября 1715 г. «О строении на Адмиралтейском острове и за маленькою речкою» // ПСЗ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 5. № 2955. С. 182–183.
8. Семенцов С. В. Три года из биографии Санкт-Петербурга: 1716–1718 // Историческое познание: традиции и новации. Материалы междунар. теор. конф. Ижевск. 26–28 октября 1993. Ижевск, 1996. Ч. 1. С. 294–309.
9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Р. IX. Оп. 1. № 627.
10. Грабарь И. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. С. 83–85; Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. М., 1979. Т. 1. С. 379;
11. Лавров В. А. Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов. М., 1977. С. 73.
12. Семенцов С. В. О «Генералном чертеже Санктъпитербурху» Ж.-Б.-А. Леблона 1717 г. // Петровское время в лицах. СПб.: Изд. Гос.Эрмитажа. 2000. С. 53–61.
13. Семенцов С. В. Ж.-Б.-А. Леблон и Д. Трезини: градостроительное соперничество на Васильевском острове в 1716-1718 годах // Петровское время в лицах: Краткое содержание докладов научных чтений. СПб.: Изд. Гос Эрмитажа. 1999. С. 62–66.

Секция
ОПЫТ РЕСТАВРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 72.03

Кормильцева Ольга Михайловна,
канд. ист. наук, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: om.kor2015@mail.ru

Kormil'tseva Olga Mikhailovna,
PhD of Hist. Sci., Associate Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: om.kor2015@mail.ru

РЕСТАВРАЦИЯ ЖИВОПИСИ ОСОБНЯКА С. П. ФОН ДЕРВИЗА
(Галерная ул., 33)

RESTORATION OF PAINTING OF THE MANSION OF S. P. VON DERWIS
(Galernaya St., 33)

Рассмотрена деятельность одного из выдающихся художников – реставраторов представителя послевоенной Ленинградской школы реставрации В. Г. Корбана. Одна из его последних работ по реставрации и воссозданию живописных вставок Грота и живописного плафона Белого зала памятника архитектуры – особняка фон Дервиза.

Ключевые слова: принципы и методы реставрации, живописные композиции, живописные вставки и плафоны.

Activity of one of outstanding artists – restorers of the representative of post-war Leningrad school of restoration V.G. Korban is considered. One of its latest works on restoration and reconstruction of picturesque inserts of the Grotto and picturesque plafond of the White hall of a monument of architecture – von Derwis's mansion.

Keywords: principles and methods of restoration, picturesque compositions, picturesque inserts and plafonds.

Дом по Галерной улице № 33 имеет богатую историю. Строительство домов началось еще в петровскую эпоху. Здесь располагались два участка. На протяжении последующего времени, они то соединялись, то разъединялись. Окончательно сформировалось владение в 1883 году, когда его приобрел барон С. П. фон Дервиз.

По желанию нового хозяина арх. П. П. Шрейбер объединил оба здания, заново оформил интерьеры в стиле эклектики, и в доме по Галерной улице устроил концертный зал. С. П. фон Дервиз закончил Московскую консерваторию, став профессиональным пианистом. Постоянно оказывал финансовую помощь нуждающимся студентам Петербургской и Московской консерваторий. Он интересовался музыкой и театром, поэтому и решил организовать театральный зал.

В апреле 1885 года утвержден проект перестройки корпуса по Галерной улице с целью устройства театрально-концертного зала, выполненный П. П. Шрейбером. Вход в здание был устроен на месте бывшего въезда, здание надстраивается третьим этажом, на втором демонтируется продольная стена и устраивается двусветный концертный зал, соседствующий с Зимним садом, позднее переделанным в Грот. Фасад оформлен в стиле эклектики, с выделением центральной части с двумя большими арочными, подчеркнутыми рустами окнами, соответствующими объему концертного зала [1].

Театральный зал пышно оформлен лепным декором в стиле рококо. Углы зала обработаны нишами, завершенными раковинами и парными колоннами с барельефами и раскрепованным антаблементом, завершенным скульптурными группами. Сценический портал завершен кронштейнами, волютами и скульптурной группой в центре, представляющей муз и крылатого гения с лирой. Зал перекрыт зеркальным сводом с двумя падурами, декорированных лепкой. Плафон также оформлен лепным декором, с усложненной формы золоченой рамой в центре.

Рядом с залом расположен Грот, служащий фойе. Стены помещения покрыты причудливой лепниной, имитирующей сталактиты с вмонтированными натуральными раковинами.

В 1905 году С. П. фон Дервиз продал владение в связи с отъездом в Париж. Дом по Галерной улице приобрел шталмейстер Императорского двора Н. Н. Шебеко. Культурные традиции дома Дервизов были продолжены «Театральным залом Н. Н. Шебеко».

С 1910 года здесь работал «Дом интермедий» под руководством В. Э. Мейерхольда. Его постановку «Шарфа Коломбины» высоко оценил К. С. Станиславский. Декорации к спектаклям писали ведущие художники того времени Н. Н. Сапунов, С. Ю. Судейкин, стихи и музыку – поэт М. А. Кузмин. На представлениях бывали известные актеры и режиссеры: В. И. Немирович-Данченко, Е. Б. Вахтангов, В. И. Качалов, И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова и другие.

Имел успех и театр «Кривое зеркало», работавший в пародийно-эксцентрическом жанре, особенно его опера «Вампука невеста африканская» по фельетону князя М. Н. Волконского. В зале проводились публичные лекции, давались балы и концерты, в которых участвовали выдающиеся артисты: Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, Айседора Дункан.

В 1920–1930-е годы в здании находился Эстонский дом просвещения. С 1946 года – начал работать клуб адмиралтейских судостроителей «Маяк», ставший одним из культурных центров района.

В 1998 году началась новая страница истории здания – оно было передано Государственному камерному театру «Санкт-Петербург Опера». В этот период здание остро нуждалось в реставрации. Для оперативного открытия театра реставрационные работы начали в 2000 году с Белого зала и Грота, выполнявшего роль фойе.

После обследования СбНИИ «Спецпроектреставрация» определили порядок проведения необходимых работ, которые осуществляла реставрационная фирма ООО «Каст». В соответствии с проектной документацией Гроту вернули первоначально естественное освещение верхнего света, демонтировав металлическую кровлю и отреставрировав исторические металлические конструкции бокового витража с заменой стекол на новые с фацетом.

Главной трудностью для проведения реставрации стало отсутствие необходимых документов: ни фотографий, ни графических материалов, ни конкретных описаний Грота не удалось отыскать. Поэтому для реставрации живописи пригласили известного художника-реставратора, представителя Ленинградской послевоенной школы реставрации В. Г. Корбана. Эта реставрация стала одной из последних его работ.

В. Г. Корбан (22.01.1929 – 25.07.2012) родился в Ленинграде. Окончил Художественно-ремесленное училище. После окончания училища поступил в ЛАРМ, затем в Специальные научно-производственные мастерские при Эрмитаже. Но где бы он не работал,

он занимался реставрацией живописи. Первой его работой в соавторстве с Я. А. Казаковым была реставрация с воссозданием трехчастного живописного плафона в Колонном зале Горного института «Горное дело в России» (1950–1952), работа этого дуэта продолжилась над восстановлением плафона Большого зала Екатерининского дворца в Царском Селе. Центральная часть плафона «Триумф России» была написана заново, вместе с обнаруженными в Инженерном замке оригинальными боковыми панно они возвратили исторический вид замечательному интерьеру. В. Г. Корбан занимался реставрацией росписей Исаакиевского собора, писал иконы для Казанского и Никольского Морского соборов.

Опытный реставратор предположил, что в значительных лакунах верхней части стен Грота, окруженных имитацией горных пород (сталактитами), находятся живописные вставки.

В. Г. Корбан разработал методику реставрации указанных плоскостей стен интерьера и живописного плафона Белого зала. Первоочередной мерой в соответствии с методикой стала расчистка поверхности северной, южной и восточной стен. В процессе работы было установлено, что указанные плоскости были окрашены 11 слоями различных покрытий, среди которых клеевые и масляные краски, а также два слоя шпаклевки. По всей поверхности наблюдалась сеть трещин, некоторые до штукатурного слоя. Были выявлены и утраты штукатурного слоя до кирпичной кладки. Красочные слои, закрывающие композиции, оказались плотно сцеплены с оригинальной живописью, что создавало дополнительные трудности в процессе работы. Художник рекомендовал подобрать методы удаления красочных наслоений экспериментально в процессе выполнения расчистки.

После осуществления пробных расчисток были обнаружены следующие фрагменты живописных композиций: на северной стене – фрагмент пейзажа с соснами; на южной стене – горный пейзаж с заснеженными вершинами. Расчистки представили полную утрату живописных вставок восточной стены [2].

Методика ведения работ, разработанная В. Г. Корбаном, подробно определила последовательность выполнения и используемые материалы.

Первоочередной задачей было удаление многочисленных красочных слоев и шпаклевки с живописи, одновременно следовало провести укрепление сохранившегося красочного слоя пропиткой сложным раствором: 7% раствором осетрового клея с добавлением меда, антисептика и дублировании на папиросную бумагу.

Процесс реставрации включал также заделку трещин, шлифовку гипсовой накрывки и пропитку новой, укрепление отставшего от кирпичной кладки живописного пласта путем использования инъекций и кляммеров с проведением мастиковки мелких утрат грунта. Раскрытая живопись имеет тонкое, гладкое многослойное письмо и прозрачный слой лака. Одновременно было выполнено укрепление деструктивной штукатурки с использованием жидкого стекла. После восполнения штукатурной основы была выполнена гипсовая накрывка [3].

Следующим этапом работ было восполнение утрат красочного слоя и снятие калек с сохранившихся живописных композиций после раскрытия от многочисленных покрасок.

В результате проведения ленточных расчисток было принято решение о полном раскрытии живописных композиций. Было установлено, что живопись выполнена маслом по гладкой гипсовой штукатурке.

Необходимо отметить, что В. Г. Корбан определил выполнение живописных композиций Грота как реставрация с элементами воссоздания. Художник-реставратор выпол-

нил прорисовку картонов композиций в натуральную величину, используя снятые ранее кальки. После завершения штукатурных работ приступили к мастиковкам мелких трещин, сколов, утрат красочного слоя по всей поверхности пейзажных композиций. Утраты живописи северной и южной стен были выполнены, композиция восточной стены – написана заново в авторской манере. Завершением работ стало покрытие отреставрированных и воссозданных композиций прозрачным матовым лаком.

Раскрытие естественного освещения, окна в Мавританскую гостиную, изменение колера стен, и, наконец, раскрытие оригинальных живописных композиций, изображающих северную природу, совершенно преобразили интерьер, придав ему светлое мажорное звучание.

При проведении расчисток живописного плафона в Белом зале установили, что живописная композиция полностью утрачена. В этом случае В. Г. Корбан принял решение о выполнении композиции по имеющимся аналогам. Проведя исследование нескольких живописных композиций архитектуры эклектики, художник остановился на плафоне парадного зала особняка фан Гильзе фан дер Пальса (Английский пр. 8–10). Это решение было обусловлено тем, что столь пышная декоративная отделка зала не требует дополнительных акцентов и поэтому вполне возможно появление нейтральной живописной композиции, не отвлекающей внимания от общего восприятия.

В. Г. Корбан проявил себя зрелым мастером, разработав разные методики реставрации. В случае сохранности композиций на северной и южной стенах Грота он принял решение о реставрации оригинальных росписей с элементами воссоздания; в случае утраты композиции восточной стены Грота и живописной вставки плафона Белого зала были воссозданы композиции: в Гроте по образцу с сохранившимися, а в Белом зале по аналогу с живописной композицией парадно оформленного зала другого здания.

Реставрация живописных композиций завершила окончание работ по приспособлению для нового использования памятника архитектуры с сохранением его функционального назначения-театрально-концертного характера, продолжив его важную роль в культурной жизни Санкт-Петербурга.

Литература

1. Особняк С. П. фон Дервиза. Паспорт. СПб. 2000. КГИОП.
2. Корбан В. Г. Методика ведения работ по воссозданию живописи в Гроте. СПб. 2003. КГИОП. П502
Н-5597
3. Отчет о выполненных реставрационно-восстановительных работах на объекте б. особняке барона С. П. фон Дервиза. СПб. 2003. КГИОП. П502
Н-5914

УДК 728.83+72.025.21

Луконина Татьяна Андреевна, преподаватель
(Национальный исследовательский Московский
государственный строительный университет)
E-mail: tan-kop@yandex.ru

Lukonina Tatiana Andreevna, lecturer
(Moscow State University
of Civil Engineering)
E-mail: tan-kop@yandex.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА И МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВАРИАНТОВ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

ANALYSIS OF HISTORIC MANOR COMPLEXES OF THE MOSCOW REGION AND THE METHOD FOR DETERMINING MODERN USE

В статье приведены результаты комплексного анализа состояния исторических усадебных комплексов Московского региона. Представлен картографический и графический материал.

Статья также посвящена вопросам сохранения исторических усадебных комплексов путем их капитализации. Были формализованы ключевые показатели усадеб с точки зрения их адаптации. Выявлены и систематизированы возможные варианты современного использования усадеб. Разработана расчетная матрица, автоматически производящая многофакторный анализ рассматриваемого объекта путём сопоставления его характеристик с нормативными требованиями, определенными для каждого варианта использования. Предложенная методика экспресс-анализа позволяет определить наиболее эффективные варианты современного использования каждой конкретной усадьбы в зависимости от её показателей. Таким образом представляется возможным сделать бесхозные исторические усадьбы более инвестиционно привлекательными для их скорейшей и массовой ревалоризации.

Ключевые слова: анализ состояния усадеб, интерактивная карта, исторический усадебный комплекс, капитализация, методика экспресс-анализа, реставрация, ревалоризация, современное использование, усадьба.

The article presents the results of a comprehensive analysis of the status of historic manor complexes of the Moscow region. Presented cartographic and graphic material.

The article is also devoted to the preservation of historic manor complexes by capitalizing. Key indicators of the estates in terms of their adaptation formalized. Possible options for the use of modern estates identified and systematized. A design matrix has been developed that automatically performs a multifactor analysis of the object under consideration by comparing its characteristics with the regulatory requirements defined for each use case. The proposed method of rapid analysis allows to determine the most effective options for the modern use of each particular estate, depending on its performance. Thus, it seems possible to make abandoned historical manors more investment attractive for their speedy and massive revalorization.

Keywords: analysis of the status of estates, interactive map, historical manor complex, capitalization, methods of express analysis, restoration, revalorization, modern use, manor.

Состояние исторических усадебных комплексов¹ (далее ИУК) в России вызывает серьёзное опасение на протяжении последнего столетия. Количество бесхозных и стремительно ветшающих усадеб критически велико. Можно сказать, что с конца XX в. и по сей день усадьбы переживают третий этап упадка (первым можно считать отмену крепост-

---

¹ Под термином «исторический усадебный комплекс» (ИУК) предложено понимать совокупность построек и территории репрезентативного, хозяйственного или жилого, назначения разной степени сохранности, относящихся к периоду усадебного строительства. Как правило, это сельские усадьбы, впоследствии, возможно, вошедшие в состав поселений, и крупные городские усадьбы, включающие приусадебную территорию.

ного права 1861 г., повлекшую запустение ряда поместий в связи с утратой доходности, вторым – постреволюционный период, в ходе которого по данным А. И. Комеча [1] было утрачено 95 % усадеб). Начиная с 1991 г. в связи с распадом СССР использование «приспособленных» в советский период усадеб прекратилось, что привело к стремительному запустению данных объектов наследия.

В связи с опасением тотального разрушения ИУК, а также возросшим пониманием вклада русской усадьбы в отечественную культуру, в последнее время заметно возрос интерес к данной проблеме: ее решение являлось одной из задач Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)» [2]; были разработаны и внедрены программы, предполагающие долгосрочную льготную аренду или продажу ИУК с обязательным условием реставрации («1 рубль за м. кв.», «Усадьбы Подмосковья», «Зеленый коридор» и др.), правительство ведет активное взаимодействие с Ассоциацией владельцев исторических усадеб по вопросам корректировки законодательной базы, введения налоговых льгот меценатам и создания фонда, аналогичного британскому «National trust» [3].

Следует особо отметить деятельность некоммерческих и общественных организаций: усадебной проблематикой занимаются Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), фонд «Белый Ирис» при РНИИ им. Лихачева, Общество Изучения Русской Усадьбы (ОИРУ), национальный фонд «Возрождение русской усадьбы», некоммерческое партнерство «Русская усадьба», Центр капитализации наследия, фонд целевого капитала «Архитектурное наследие – Русская усадьба», Общественная организация «Общее Дело», общественное движение «Архнадзор», Ассоциация владельцев исторических усадеб, волонтерские сообщества (молодежное движение «Поколение», «Обще дело», волонтерское движение ВООПИК, «Мир тесен», лагерь-фестиваль «Волонтерская усадьба»).

Большой вклад с современное усадебоведение внесли А. Б. Чижков – автор книг-справочников по Подмосковным [4], Калужским, Смоленским, Тульским, и Рязанским усадьбам, и популяризаторы усадеб В. А. Разумов [5], Н. А. Бондарева [6].

Основываясь на данных материалах, а также на собственных исследованиях был произведен комплексный анализ состояния всех исторических усадебных комплексов Московского региона, дошедших в разной степени сохранности до наших дней (всего 747 ИУК). В связи с неоднократным расширением территории Москвы для сравнительного анализа были рассмотрены 3 зоны:

- г. Москва в границах до 2011 г. (включает 72 ИУК);
- территории Московской области, присоединенные к Москве с 2012 г., т. н. «Новая Москва» (включает 46 ИУК);
- Московская область в современных границах (включает 629 ИУК).

Автором была собрана, проанализирована и дополнена информация об актуальном состоянии каждой усадьбы. Разработана следующая классификация усадеб по статусу использования и степени сохранности (Рис. 1).

В соответствии с разработанной классификацией все усадьбы 1-й группы были отображены на составленной автором интерактивной карте² (Рис. 2). Краткая информация о каждой усадьбе и ссылка на более подробную информацию отображается при нажатии на значок усадьбы.

---

² Карта разработана с помощью ресурса «Google My Maps». Предоставлен свободный доступ по следующей ссылке: <https://drive.google.com/open?id=1ZXrw9EJFGCuMdMxc4elxDgfpUKAa55o9&usp=sharing>.

**Классификация исторических
усадебных комплексов Московского
региона по статусу использования и
сохранности**

Группа 1. Усадебные постройки сохранены	Группа 2. Усадебные постройки утрачены
Музеефицированные усадьбы	Сохранились храм и элементы парка
Усадьбы, находящиеся в эксплуатации	
Усадьбы с неопределенным статусом: готовые к реставрации; отреставрированные с нарушениями; воссозданные; эксплуатируемые, но находящиеся в неудовлетворительном состоянии	
Заброшенные усадьбы, нуждающиеся в срочной реставрации	Сохранился храм
	Сохранились только элементы парка

Рис. 1. Схема классификации ИУК

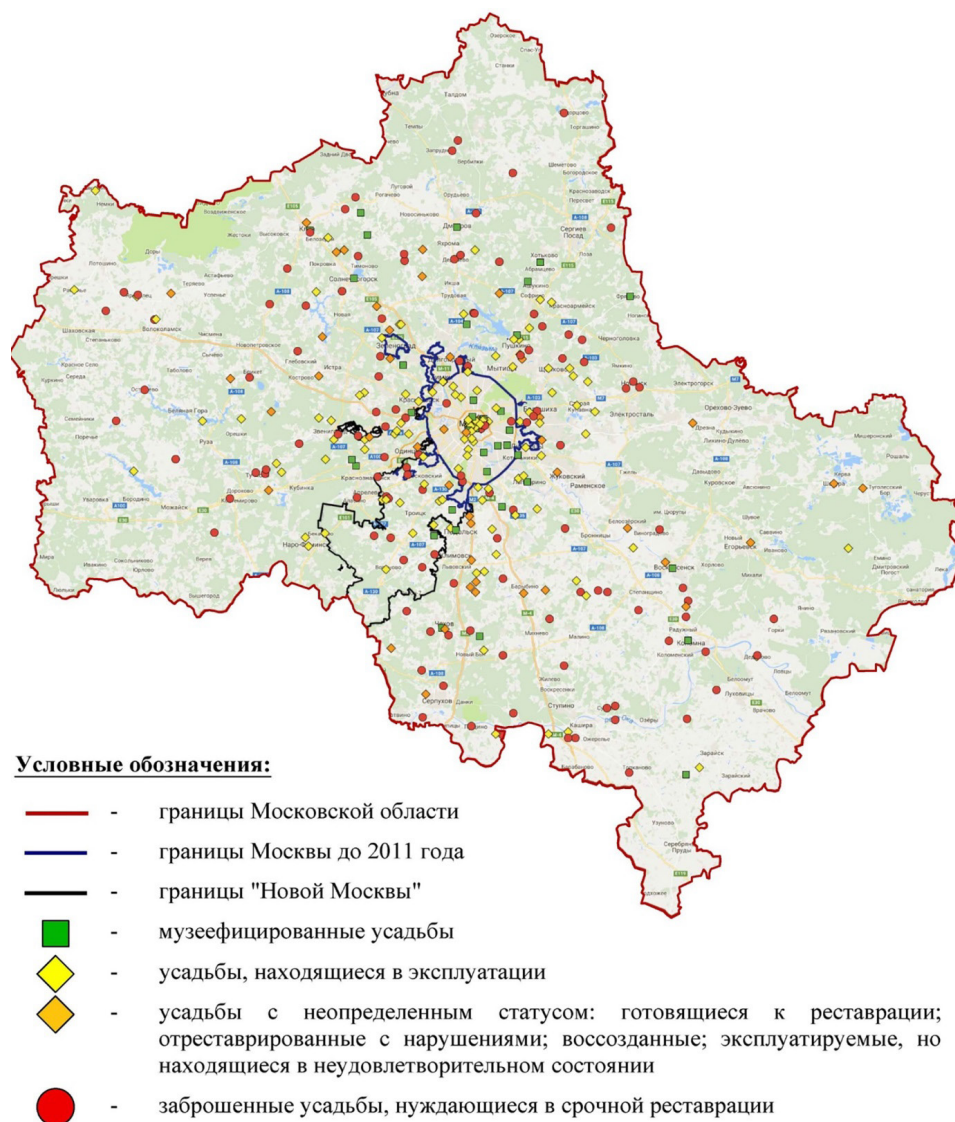

Рис. 2. Аналитическая карта исторических усадебных комплексов Московского региона
(состояние на 2018 год)

При совместном рассмотрении ИУК 1-й и 2-й групп, была сформирована диаграмма, демонстрирующая актуальное состояние ИУК, по каждому району Московской области и территории «Новой Москвы» (Рис. 3), 3 диаграммы для сравнительного анализа состояния ИУК по Москве, «Новой Москве» и Московской области (Рис. 4).

Для демонстрации актуального состояния и процентного соотношения ИУК Московского региона были рассмотрены совместно и по отдельности две классифицированных выше группы усадеб (Рис. 4). Так при совместном рассмотрении процент усадеб 2-й группы, т. е., по сути, утраченных усадеб, составил 57 %. Рассмотрение только группы 1 «Усадебные постройки не утрачены» демонстрирует следующее:

36 % – заброшенные усадьбы, нуждающиеся в срочной реставрации;

14 % – усадьбы с неопределенным статусом: готовящиеся к реставрации; отреставрированные с нарушениями; воссозданные; эксплуатируемые, но находящиеся в неудовлетворительном состоянии;

39 % – усадьбы, находящиеся в эксплуатации;

11 % – музефицированные усадьбы.

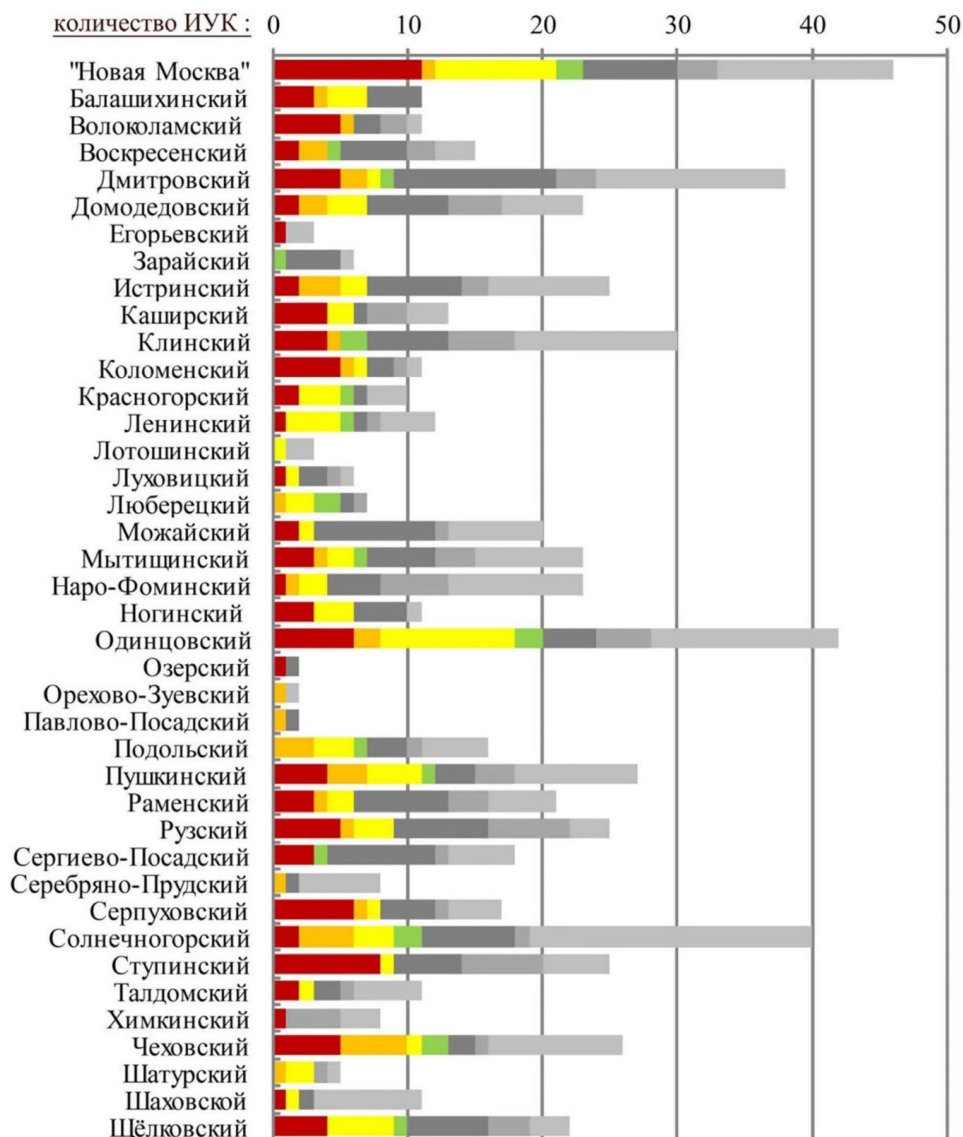

Рис. 3. Диаграмма состояния исторических усадебных комплексов по районам Московской области и территории «Новой Москвы» (состояние на 2018 год)

Рис. 4. Сравнительные диаграммы состояния исторических усадебных комплексов Московского региона (состояние на 2018 год)

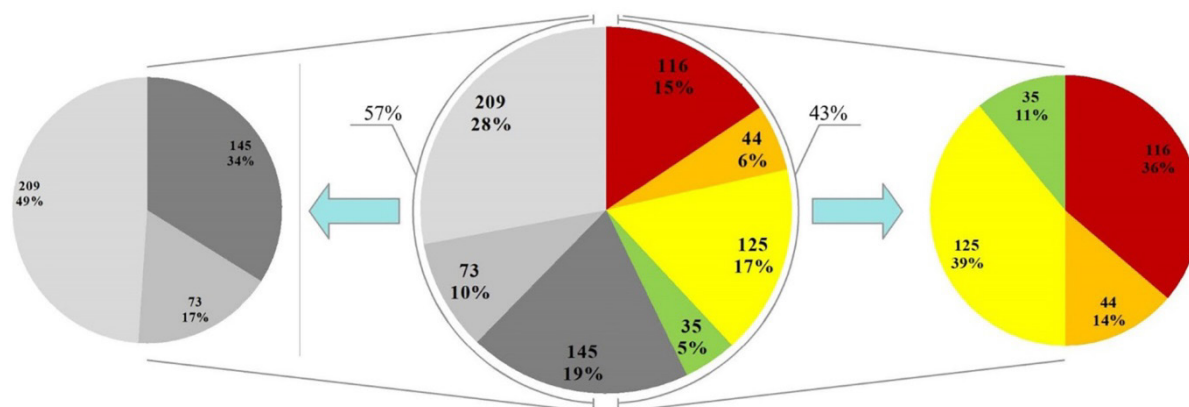

Рис. 5. Совместное и раздельное рассмотрение 2 групп усадеб Московского региона: утраченных и сохранившихся (исследовано 747 объектов). Состояние на 2018 год

Данный картографический и аналитический материал может представлять научно-практическую значимость в сфере усадебоведения, реставрации, строительства и туризма, а также является подготовленной платформой для дальнейшего мониторинга состояния усадеб Московского региона.

Исходя из данного анализа становится очевидной необходимость масштабной и массовой ревалоризации заброшенных усадеб. Безусловно, это возможно лишь силами негосударственных инвестиций, а, следовательно, необходимо сделать данную сферу инвестиционно-привлекательной и понятной для широкого круга потенциальных меценатов.

В условиях рыночной экономики для своего устойчивого существования объект должен как минимум находиться на самообеспечении, т. е. расходы на его содержание (а в случае с архитектурным наследием оно особенно дорого) должны покрываться доходом от функционирования объекта. Это возможно лишь при коммерческом использовании усадеб. В связи с этим, правильный выбор современной новой функции ИУК является залогом его дальнейшего успешного существования, а, следовательно, и уменьшения вероятности повторного запустения.

Для определения наиболее эффективных вариантов использования ИУК предлагается разработанный автором матричный метод экспресс-анализа. Цель предлагаемой методики – упростить начальный этап определения новой функции ИУК путем сопоставления характеристик усадьбы с требованиями различных способов эксплуатации.

В первую очередь был формализован минимальный список ключевых показателей ИУК, влияющих на выбор Варианта дальнейшего использования (Рис. 6).

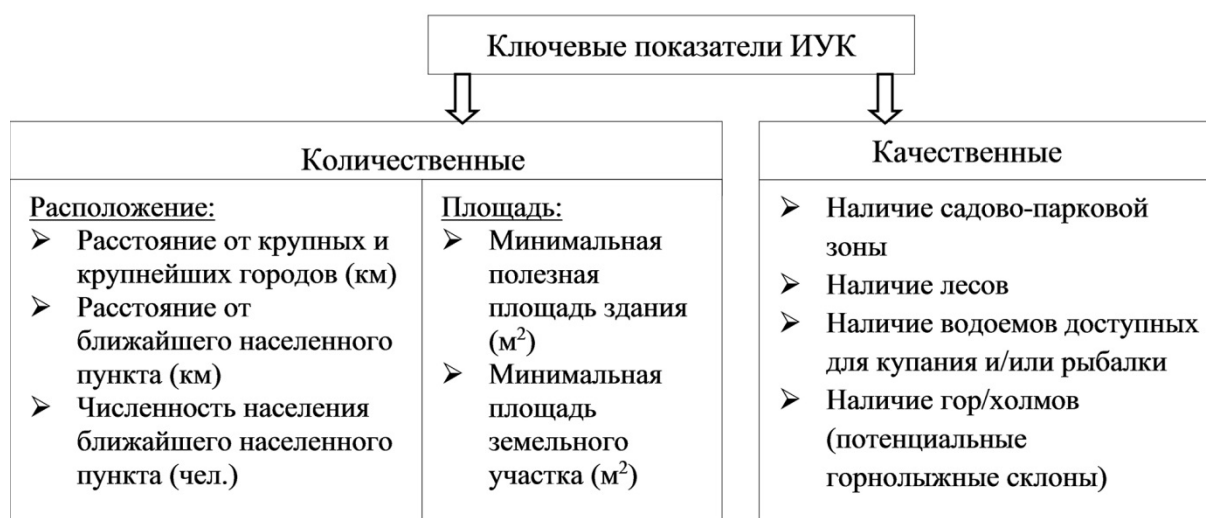

Рис. 6. Схема ключевых показателей с точки зрения адаптации ИУК

Далее был сформирован список возможных Вариантов использования. Дабы максимально расширить реестр и не упустить из вида ни одной возможной функции, в качестве Вариантов использования был представлен перечень объектов недвижимости [7], адаптированный в соответствии со спецификой исследования (Рис. 7).

В связи с тем, что в работе предлагается рассматривать только варианты реставрации за счет частных инвестиций и проекты, которые в будущем будут приносить средства на содержание усадьбы, из дальнейшего рассмотрения в качестве Вариантов были исключены заведомо бюджетные организации: дом ребенка, административное здание (милиция, суд, прокуратура, органы власти), вокзал, порт, библиотека. Очевидную и традиционную музейную функцию предлагается не выделять в качестве отдельного Варианта использования ввиду неоднозначности инвестиционной привлекательности [8], а интегрировать как обязательное условие во все Варианты. При любом варианте использования, будь то кафе, санаторий или деловой центр, возможно разместить информацию об усадьбе, её истории, представить сохранившиеся артефакты и обеспечить доступ посетителей для осмотра. Таким образом, из «мертвой» музеефикации наследие будет включено в современную жизнь, что само по себе, способствует возрождению национальной культуры.

В качестве условно подходящих Вариантов использования предлагается рассмотреть такие спорные функции как спортивные комплексы, гаражи для аренды, склады, производственные предприятия (фабрики, заводы). Безусловно, данные Варианты использования не удовлетворяют требованиям деликатности по отношению к историческим усадебным постройками. Их реализация возможна лишь с условием размещения в усадьбе нейтральных по функциональной нагрузке помещений (например, администрация, переговорная, зал собраний). В таком случае, для остальных помещений предполагается возведение новых объемов, если это позволяет предмет охраны памятника (возможны широкие вариации в диалоге старой и новой архитектуры), или строительство неподалёку от охранной зоны. Такой выбор Варианта может быть оправдан, т. к. доход от функционирования объектов обеспечит реставрацию и дальнейшую поддержку сохранившихся

усадебных зданий. Преимуществом также является то, что под складские или производственные комплексы можно приспособить и самые отдаленные усадьбы, для которых невозможна адаптация под объекты инфраструктуры поселений.

Рис. 7. Варианты современного использования ИУК, рассматриваемые в предлагаемой методике (курсивом отмечены варианты, предполагающие новое строительство)

С помощью нормативной литературы (СП, СНиП, ГОСТ, Градостроительный Кодекс РФ, законодательная база, МГСН) для каждого Варианта использования удалось определить требования, предъявляемые к объекту: минимально-допустимые значения количественных показателей ИУК и обязательность / необязательность качественных.

Для определения степени важности показателей был введен т. н. коэффициент значимости. Используется балльная система от 0 до 3, где: 0 – «не учитывать характеристику», 1 – «малозначимо», 2 – «средне значимо», 3 – «значительно». Если наличие показателя является обязательным условием для Варианта использования, коэффициент значимости будет равен трём. В случае, если характеристика не является обязательной для Варианта, значимость определяется от 0 до 2-х баллов. Если показатель категорически не рассматривается, балл будет равняться только 0.

Вышеописанные данные были сведены в таблицу (приведена в сокращенном виде – табл. 1).

Таблица 1

Требуемые значения ключевых показателей ИУК и их коэффициенты значимости

Ключевые показатели объекта		Условие и значимость	Варианты использования								
			Жилая функция		Коммерческая функция						
			недвижимость с функцией городского жилища	недвижимость с функцией загородного жилища	контора (офис)	магазин	деловой центр / торговый центр	кафе / буфет			
Количественные показатели											
Расположение объекта	1	Расстояние от крупных и крупнейших городов (км)	меньше или равно	60		5	0,5	0,5	0,5		
				3	0	3	3	3	3		
	2	Расстояние от ближайшего населенного пункта (км)	коэффициент значимости	5		1	2	2	2		
				3	0	3	3	3	3		
		Численность населения ближайшего населенного пункта		больше или равно	1000		1000	1000	1000	1000	
					3	0	3	3	3	3	
Площадь объекта	Минимальная полезная площадь здания (м ²)		коэффициент значимости	70	70	60	16	250	31		
				3	3	3	3	3	3		
	Минимальная площадь земельного участка (м ²)				60	400	66,25	0	200	0	
					2	3	3	1	3	1	
Качественные показатели											
Наличие садово-парковой зоны		0 – необязательно; 1 – обязательно	коэффициент значимости	0	1	0	0	0	0		
				1	3	2	2	0	2		
Наличие лесов				0	1	0	0	0	0		
				1	3	2	2	0	2		
Наличие водоемов доступных для купания и/или рыбалки				0	1	0	0	0	0		
				1	3	2	2	0	2		
Наличие гор/холмов (потенциальные горнолыжные склоны)				0	1	0	0	0	0		
				1	2	2	2	0	2		
Коэффициент значимости: максимальная сумма баллов				18	17	23	21	15	21		

Для пояснения представим таблицу в виде модели (табл. 1.1).

**Модель таблицы 1 «Требуемые значения ключевых показателей ИУК
и их коэффициенты значимости»**

Ключевые показатели ИУК	Условия и значимость	Вариант использования 1
Количественный показатель	диапазон допустимых значений	[a1;b1]
	коэффициент значимости	N1
Качественный показатель	0 – необязательный; 1- обязательный	1
	коэффициент значимости	N2

Сумма баллов коэффициента значимости для всех Вариантов использования различна и косвенно может свидетельствовать как о требованиях, предъявляемых к объекту со стороны новой функции, так и о широте используемых ресурсов ИУК в дальнейшем. Так, минимальная сумма баллов у варианта «выставочный центр / галерея», максимальная – у варианта «дом-интернат».

Теперь значения ключевых показателей любой конкретной усадьбы могут сопоставляться с условиями, сведенными в таблицу 1. Таким образом, становится возможным формирование перечня подходящих Вариантов использования. Для автоматизации процесса сопоставления с помощью программы MS Excel была разработана расчетная матрица (приведена в сокращенном виде – табл. 2).

Таблица 2

Расчетная матрица многофакторного анализа ИУК

Ключевые показатели объекта		Название и адрес ИУК: «Усадьба XVIII–XIX вв.» (г. Москва, ул. Ворошилово поле)	Варианты использования						
			Жилая функция		Коммерческая функция				
			недвижимость с функцией городского жилища	недвижимость с функцией загородного жилища	контора (офис)	магазин	деловой центр / торговый центр	кафе / буфет	
Количественные показатели									
Расположение объекта	1	Расстояние от крупных и крупнейших городов (км)	0	3	0	3	3	3	3
	2	Расстояние от ближайшего населенного пункта (км)	-	0	0	0	0	0	0
		Численность населения ближайшего населенного пункта	0	0	0	0	0	0	0

Ключевые показатели объекта		Название и адрес ИУК: «Усадьба XVIII–XIX вв.» (г. Москва, ул. Ворошилово поле)	Варианты использования					
			Жилая функция		Коммерческая функция			
			недвижимость с функцией городского жилища	недвижимость с функцией загородного жилища	контора (офис)	магазин	деловой центр / торговый центр	кафе / буфет
Площадь объекта	Минимальная полезная площадь здания (м2)	1490	3	3	3	3	3	3
	Минимальная площадь земельного участка (м2)	1740	2	3	3	1	3	1
Качественные показатели								
Наличие садово-парковой зоны		ЕСТЬ	1	3	2	2	0	2
Наличие лесов		НЕТ	0	0	0	0	0	0
Наличие водоемов доступных для купания и/или рыбалки		НЕТ	0	0	0	0	0	0
Наличие гор/холмов (потенциальные горнолыжные склоны)		НЕТ	0	0	0	0	0	0
РЕЗУЛЬТАТ			9	НЕТ	11	9	9	9
Есть ли возможность увеличения полезной площади			9	НЕТ	11	9	9	9
Есть ли возможность увеличения площади земельного участка			9	НЕТ	11	9	9	9
Есть ли возможность увеличения полезной площади и площади земельного участка			9	НЕТ	11	9	9	9
Варианты использования, приоритетные по умолчанию: Ферма, Центр ремесел								
Варианты использования, условно подходящие (предполагающие возведение новых корпусов): гаражи для аренды, склады, производственные предприятия								

Для объяснения устройства матрицы предлагается представить ее также в виде модели.

Модель таблицы 2 «Расчетная матрица многофакторного анализа ИУК»

Ключевые показатели ИУК	Значения ключевых показателей ИУК (x_α)	Вариант использования 1
Количественный показатель	X_1	$f(x_1) = N_1$, если $X_1 = [a_1; b_1]$ $f(x_1) = 0$, если $X_1 \neq [a_1; b_1]$
Качественный показатель	X_2	$f(x_2) = N_2$, если $X_2 = \text{«есть»}$ $f(x_2) = 0$, если $X_2 = \text{«нет»}$
РЕЗУЛЬТАТ		$f(\text{результат}) = N_1 + N_2$, если $X_1 = [a_1; b_1]$ и $X_2 = \text{«есть»}$ $f(\text{результат}) = \text{«НЕТ»}$, если $X_1 \neq [a_1; b_1]$ и $X_2 = \text{«нет»}$

В столбец «Значения ключевых показателей ИУК», выделенный желтым цветом, вносятся данные рассматриваемых усадеб (x_α). В ячейки столбцов каждого варианта использования введены формулы-условия на основании данных таблицы 3.

Общий вид формулы:

$$\begin{cases} f(x_\alpha) = N_\alpha, \text{ если } x_\alpha = [a_\alpha; b_\alpha] \\ f(x_\alpha) = 0, \text{ если } x_\alpha \neq [a_\alpha; b_\alpha] \end{cases}$$

где $f(x_\alpha)$ – функция ячейки; x_α – значение ключевого показателя усадьбы; N_α – коэффициент значимости; $[a_\alpha; b_\alpha]$ – промежуток допустимых значений ключевого показателя ИУК; α – порядковый номер.

По данным формулам в матрице происходит автоматическое сопоставление введенного значения ключевого показателя ИУК с промежуток допустимых значений, указанных в табл. 3. Если введенное значение удовлетворяет заданному промежутку, то в ячейке отображается соответствующий коэффициент значимости из табл. 3; если условие не удовлетворяется – коэффициент не учитывается, отображается ноль.

В строке «РЕЗУЛЬТАТ» в ячейке каждого Варианта вводится итоговая формула, которая включает все необходимые условия из табл. 3. Если они удовлетворяются, происходит суммирование баллов, если не удовлетворяется хотя бы одно обязательное условие – в соответствующей варианту ячейке автоматически отображается слово «НЕТ».

Относительно показателей расположения объекта в формулу вводится следующая комбинация: достаточно чтобы данные показатели усадьбы удовлетворяли хотя бы одному из двух условий: или № 1 – «Расстояние от крупных и крупнейших городов», или № 2 – «Расстояние от ближайшего населенного пункта» + «Численность населения ближайшего населенного пункта». Так, если усадьба расположена, например, в Москве, то вводить показатели №2 не следует, поэтому вместо значения данных параметров вводится «→» и «0» соответственно.

В итоге матрица автоматически производит многофакторный анализ усадьбы по ключевым показателям, а в графе «РЕЗУЛЬТАТ» автоматически выводятся: «НЕТ» или

сумма баллов. В соответствии с количеством баллов можно составить рекомендательный рейтинг Вариантов использования. Можно использовать любой Вариант из рейтинга, однако характеристики усадьбы будут максимально задействованы в том варианте, где сумма баллов больше. Следует заметить, что возможно совмещение нескольких Вариантов использования из списка подошедших. Возможны интересные комбинации, создание многофункциональных центров.

Матрица позволяет производить анализ ещё по 3-м сценариям: если есть возможность увеличения полезной площади / площади земельного участка/ полезной площади и площади участка одновременно.

Для наглядности, формулы матрицы были записаны именно таким образом, как продемонстрировано в данном параграфе. На языке программирования они выглядят иначе. В частности, в формулу не вводится диапазон значений ключевых показателей и коэффициент значимости, а делается ссылка на соответствующие ячейки таблицы 3. Таким образом, предлагаемая методика «открыта» для корректировок: при необходимости заданные условия могут быть изменены, при этом матрица изменений не потребует.

Разработанная методика упрощает начальный этап выбора Варианта использования ИУК, позволяет снизить потенциальные риски инвесторов, не требует специальных навыков и знаний и может быть использована самым широким кругом заинтересованных лиц, а также послужить основой при синтезировании новых программ государственно-частного партнерства.

Литература

1. Комеч А. И. Правовая ситуация в области охраны архитектурного наследия // Охрана и реставрация архитектурного наследия России. Организационно-правовые и экономические проблемы: мат. Всеросс. конф. М.: Информационно-издательский отдел РААСН, 2000. С. 24.
2. Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» (с изменениями на 9 ноября 2018 года)» от 03.03.2012 № 186 // Российская газета. 2012 г. № 62.
3. Владимир Мединский поддержал идею создания фонда по сохранению культурного наследия, аналогичного National Trust. // Министерство Культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/vladimir_medinskiy_podderzhal_ideyu_sozdaniya_fonda_po_sokhraneniyu_kulturnogo_naslediya_analogichno/ (дата обращения: 01.03.2019).
4. Чижков А. Б. Подмосковные усадьбы. Аннотированный каталог с картой расположения усадеб. ISBN 5-8125-0763-5 изд. М.: НП «Русская усадьба», 2006.
5. Летопись русской усадьбы // Livejournal URL: <https://deadokey.livejournal.com/> (дата обращения: 01.03.2019).
6. Nataturka.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://nataturka.ru/> (дата обращения: 01.03.2019).
7. Асаул А. Н. Экономика недвижимости: Учебник для вузов. 3-е изд. Стандарт третьего поколения. — СПб.: Питер, 2013. — 416 с.: ил.
8. Выставка убытков: «ДП» проанализировал доходы и расходы музеев Петербурга // Деловой Петербург [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2017/02/07/Vistavka_ubitkov_analiz (дата обращения: 01.03.2018).

УДК 72.025.5

Нагаева Зарема Садыковна, профессор
Мосякин Дмитрий Сергеевич, аспирант
(Крымский Федеральный Университет
им. В. И. Вернадского)

E-mail: zarema.nagaeva@gmail.com,
mosyakin_dmitriy@mail.ru

Nagaeva Zarema Sadykovna, Professor
Dmitry Sergeevich Mosyakin, post-graduate student
(V.I. Vernadsky Crimean
Federal University)

E-mail: zarema.nagaeva@gmail.com,
mosyakin_dmitriy@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОСУГА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

RECONSTRUCTION OF INSTITUTIONS OF LEISURE IN MODERN CONDITIONS

В статье рассматриваются принципы реконструкции Домов и Дворцов пионеров и трансформация их в современные учреждения досуга – молодежные центры. Рассматривается функциональное насыщение домов творчества и проводится анализ возможностей реконструкции в сложившейся градостроительной ситуации. Дается оценка расположения подобных центров досуга. В современных условиях молодежные центры актуальны и требуют особого внимания при их формировании и функциональном насыщении. Такие центры должны быть общедоступными для молодежи всех возрастов. Дома и Дворцы пионеров, построенные во времена СССР – наиболее подходящие учреждения для формирования в них молодежных центров, они имеют сложившуюся инфраструктуру, удобное расположение, зачастую в центральной части городов, и на их базе возможно создание привлекательных учреждений для внедомашнего времяпровождения молодежи.

Ключевые слова: Дворец пионеров, молодежный центр, молодежь, досуг, функция, градостроительная ситуация.

The article deals with the principles of reconstruction of houses and palaces of pioneers and their transformation into modern leisure facilities – youth centers. The functional saturation of houses of creativity is considered and the analysis of possibilities of reconstruction in the developed town-planning situation is carried out. The estimation of the location of such leisure centers is given. In modern conditions, youth centers are relevant and require special attention in their formation and functional saturation. Such centres should be accessible to young people of all ages. Houses and Palaces of pioneers, built during the USSR – the most suitable institutions for the formation of youth centers in them, they have the existing infrastructure, convenient location, often in the Central part of the cities, and on their basis it is possible to create attractive institutions for out-of-home pastime of young people.

Keywords: Palace of pioneers, youth center, youth, leisure, function, urban situation.

Введение и история развития

Современная молодежь, к огромному сожалению, не имеет возможности свободно посещать кружки, секции, различные развивающие мероприятия. Потому как новообразованные, по образцу зарубежных аналогов студии и молодежные центры недоступны для многих, так как стоят немалых денег. А ведь это молодежь, они должны развиваться и найти себя. Нельзя сразу определить абсолютно все способности молодого человека. Ведь сейчас только возрождается массовая кружковая работа, получают развитие многофункциональные молодежные центры. Сегодняшние кружки и центры, хотя и расположены не в каждом микрорайоне, все-таки начинают действовать при школах и других учреждениях, однако подобные молодежные центры требуют формирования отдельных площадок и пространств, где бы в полной мере смогла бы реализовываться работа учреждений для молодежи.

История формирования кружковой работы и досуговых центров

Чтобы выявить формирование учреждений досуга в том формате, в котором они сейчас существуют в нашей стране, следует для начала рассмотреть Дома творчества и Дворцы пионеров – как наиболее аналогичные по функциям и способу реализации внедомашнего времяпровождения молодежи по отношению к современным.

Дворцы и дома пионеров в СССР – это были учреждения, действовавшие в системе министерств просвещения, или как они еще назывались «народного образования», во всех республиках, входящих в состав СССР. Они являлись организационными и инструкторно-методическими центрами массовой учебно-воспитательной работы с учащимися, имели четкую градацию (районные, городские, областные, краевые и республиканские) [1].

Первые Дома пионеров в СССР были открыты в Москве. Так, 29 апреля 1923 года в Москве на базе детского клуба «Трудовая коммуна» открылся первый в стране Дом пионеров. За последующие 16 лет в столице было открыто еще 12 Домов пионеров.

После принятия Советом народных комиссаров РСФСР постановления от 26 декабря 1932 года «О мероприятиях по развертыванию внешкольной работы среди детей в 1933 г.» в стране начался настоящий бум открытия новых детских внешкольных учреждений, в том числе домов и дворцов пионеров и школьников. К 1957 году в СССР было построено 2 153 Дворцов и Домов пионеров, а спустя 15 лет их в стране было уже свыше 3,5 тысяч. В конце 1980-х годов в стране работало свыше 3 800 Дворцов и Домов пионеров. Следует отметить, что при каждом таком учреждении действовало много различных кружков, секций, клубов и других детских и молодежных творческих объединений. Направления у этих объединений и секций были самые разнообразные: техническое и художественное творчество, туристическое, краеведческое, организация различных по направленности и тематике экскурсий, юннатское, военно-спортивное и другие. Молодежь, посещавшую Дворцы пионеров, старались воспитать в любви и интересе к труду, знаниям, развивали в них творческие способности, давали им профессиональную ориентацию и пробуждали в них общественную активность.

Дворец пионеров на Ленинских горах (Рис. 1) был крупнейшим в стране многопрофильным государственным учреждением в системе дополнительного образования.

Рис. 1. Дворец Культуры на Ленинских горах, г. Москва

Общая площадь его территории составляет 44,2 гектара, общая площадь зданий – 39,3 тысяч кв. метров, общее количество помещений – 900 единиц. В лабораториях цен-

тра проводились различные исследования, в студиях, различных художественных и технических мастерских, спортивных школах и секциях, творческих коллективах, группах развития, кружках для молодежи разных возрастов систематически занималось более 15,5 тысяч человек в возрасте от 6 до 18 лет. В советские годы во Дворце работали почти полторы тысячи учебных групп и коллективов по более чем 20 образовательным направлениям. В том время все секции и направления занятий были бесплатными (сегодня порядка 10 % посетителей подобного рода учреждений платят за это деньги).

В Домах и Дворцах пионеров действовали различные по функциям направления деятельности, в которых молодое поколение могло себя выразить и развиваться. Подобного рода кружки и секции имели огромное значение, так как благодаря им молодежь определялась с будущей профессией и таким образом велась профориентационная работа.

Актуальность исследования

Во времена расцвета Домов и Дворцов пионеров советской молодежи не хватало времени для посещения интересующих их кружков. Ведь на то время кружковая работа организовывалась не только в рамках школы, ЖЕКа, но и пионерского дворца, станции юных натуралистов и т. д. При этом посещение кружков было бесплатным.

Каждый мог найти себе дело по душе и, что самое главное, единомышленников. Это была территория общения, зона коммуникации. К тому же все очень ответственно относились к посещению кружков и секций, потому что там постоянно проводились выставки работ, концерты и Дни открытых дверей. Возможно, по этой причине в то время было не так много детей улицы, детей – правонарушителей. К тому же кружковая работа очень сильно помогала всем выбрать будущую профессию. Выполняла профориентационную работу. Очень много было сделано подобными учреждениями и для страны в целом. Росли и развивались будущие чемпионы, ученые, молодежь, посещавшая Дома и Дворцы пионеров сейчас – в будущем двигала страну вперед. Также можно вспомнить и пионерские лагеря [2]. Это была мечта для каждого ребенка.

Подобного времяпровождения не хватает в наше время, все больше молодых людей теряют себя и им очень тяжело находится в современном обществе. Молодежные центры необходимы современной молодежи. Однако, в условиях сложившейся городской застройки и градостроительной ситуации возможна реконструкция существующих учреждений досуга с приданием им новых функций. Подобный подход сможет значительно облегчить формирование молодежных центров в современных градостроительных условиях. Ведь на базе уже существующих центров возможно не просто расширение и перепрофилирование центра, а придание ему новых функций, которые были бы актуальны и востребованы для современной молодежи. Дома и Дворцы пионеров, обычно, располагались в центральных районах города и тем самым имели удобную транспортную и пешеходную связь, так же подобные центры имели развитую инфраструктуру, что имеет в современных условиях огромное значение, так как городская среда все более уплотняется, многие учреждения выносятся на окраину города и не все потенциальные посетители смогут легко добраться до таких учреждений. Тем более это касается молодежи – поколения, которое развивается в постоянно ускоряющемся мире, где нехватка времени становится всеобщей проблемой. При реконструкции Домов и Дворцов пионеров следует учитывать основные факторы, влияющие на расположение будущего молодежного центра в структуре города. Естественно создание такого центра на основе уже существующих Домов и Дворцов пионеров подразумевает его многофункциональность, следовательно, центр преобразуется не просто в молодежный досуговый центр, а в универсальный многофункциональный молодежный центр.

Рассмотрим основные принципы формирования молодежного центра в градостроительной ситуации.

Универсальный Многофункциональный Молодежный центр (далее УММЦ) должен располагаться в пределах города и обеспечивать каждый крупный район своим молодежным центром с определенным набором функций.

Город – исторически сложившаяся, территориально локализованная форма организации жизнедеятельности общества, в основе функционирования которой лежит механизм городского устройства, выражающий способ взаимосвязи подсистем, составляющих социально-пространственную структуру города: городской социальной инфраструктуры, социальной стратификации населения, городской культуры, городского образа жизни и др.

Учреждения культуры и досуга в крупных городах образуют сложную систему. Её составляющие части должны нести заданную им функцию, а также обеспечивать повсеместное развитие культуры [3]. При этом должен увеличиваться радиус влияния больших объектов, расположенных в общественном центре (Рис. 2), что достигается путем повышения:

- 1) скорости транспортного движения;
- 2) использования общественного транспорта (за счет рациональной организации транспортных потоков);
- 3) эффективности использования территории за счет рациональной организации стоянок, а также снижение уровня транспортного шума и загазованности.

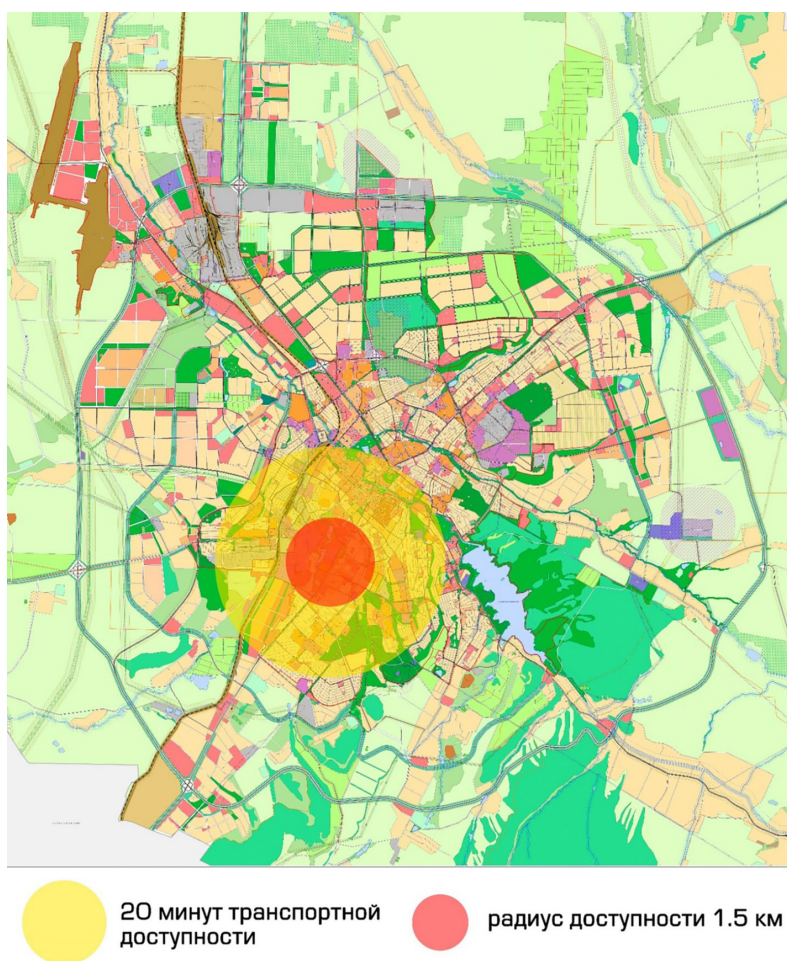

Рис. 2. Схема расположения УММЦ в районе города с указанием необходимых радиусов обслуживания (на примере г. Симферополь)

Решение генеральных планов молодежных центров и размещение их в структуре города.

Территория многофункционального молодежного центра включает в себя следующие зоны:

- входная зона;
- зеленая зона;
- хозяйственная зона;
- пешеходно-тропиночная сеть;
- благоустройство с учетом маломобильных групп.

Зона тихого отдыха включает в себя благоустройство территории вокруг молодежного центра. Между отдельными площадками и зданием размещаются зелёные участки с покрытием из стриженного газона и насаждениями из декоративных кустарников.

Хозяйственная зона находится на первом этаже здания, которая совмещена с грузочно-разгрузочной площадкой. Оборудована рампой, подъемниками, и мусорными баками [4].

Территория оборудуется всем необходимыми для нормального функционирования центра, малыми архитектурными формами, фонарями уличного освещения, урнами, скамейками и т. д. [5].

Зеленая зона представлена аллеями, территория благоустроена большим количеством зеленых насаждений, как листопадных, так и вечнозеленых, кустарников, устройством клумб и рабаток. Зона тихого отдыха представлена аллеей, соединяющей одну из основных пешеходных осей парка и площадку перед входом в здание центра, оборудована МАФ (скамьи, клумбы, урны, фонари и т. п.).

Пешеходно-тропиночная сеть соединяет между собой основные пути движения людей и функциональные зоны центра, обеспечивают удобный доступ к ним по кратчайшим расстояниям, выполнены из эргономичного материала (асфальт, каменная кладка) [6].

В зависимости от градостроительных условий можно выделить такие основные типы генпланов УММЦ:

- Тип 1 – Расположение территории УММЦ в плотной городской застройке (сюда относится именно реконструкция существующих учреждений досуга, такие центры имеют уже сложившуюся инфраструктуру) (рис. 3);
- Тип 2 – Расположение территории УММЦ на свободной территории на удалении от застройки (рис. 4);
- Тип 3 – Расположение территории УММЦ в иных градостроительных условиях, отличных от типа 1 и типа 2 (рис. 5).

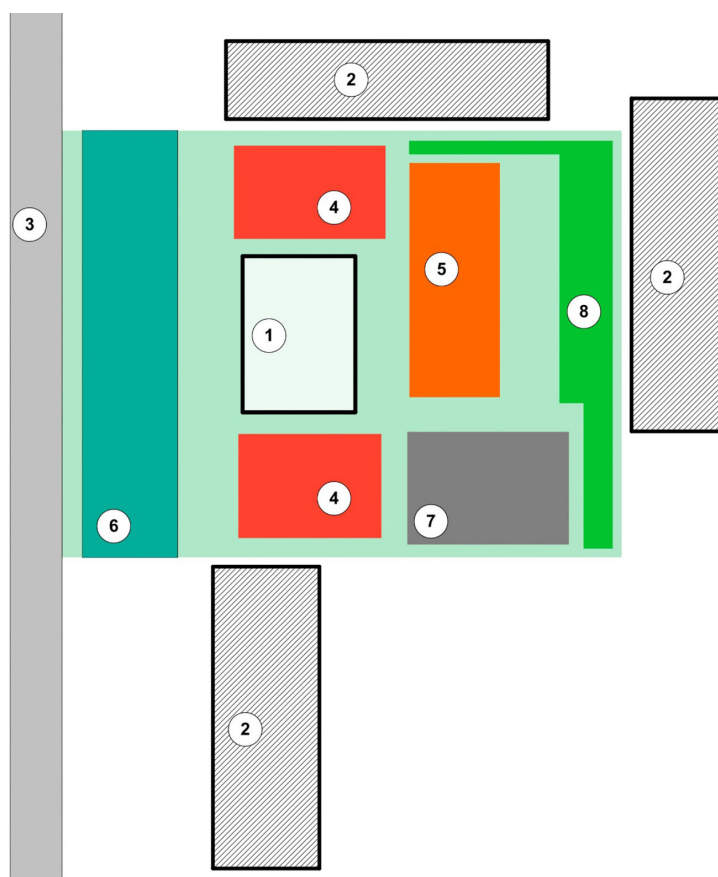

Рис. 3. Расположение территории УММЦ в плотной городской застройке (условная схема):
 1. Многофункциональный молодежный центр; 2. Существующая застройка;
 3. Автомобильная дорога; 4. Зона тихого отдыха; 5. Развлекательная зона;
 6. Зона автостоянки; 7. Спортивная зона; 8. Зона зеленых насаждений

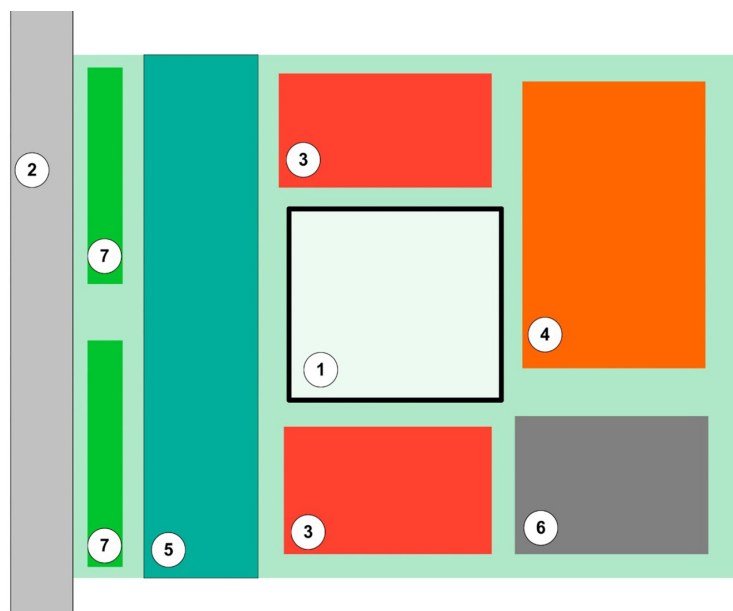

Рис. 4. Расположение территории УММЦ на свободной территории на удалении от застройки (условная схема): 1. Многофункциональный молодежный центр; 2. Автомобильная дорога;
 3. Зона тихого отдыха; 4. Развлекательная зона; 5. Зона автостоянки; 6. Спортивная зона;
 7. Зона зеленых насаждений

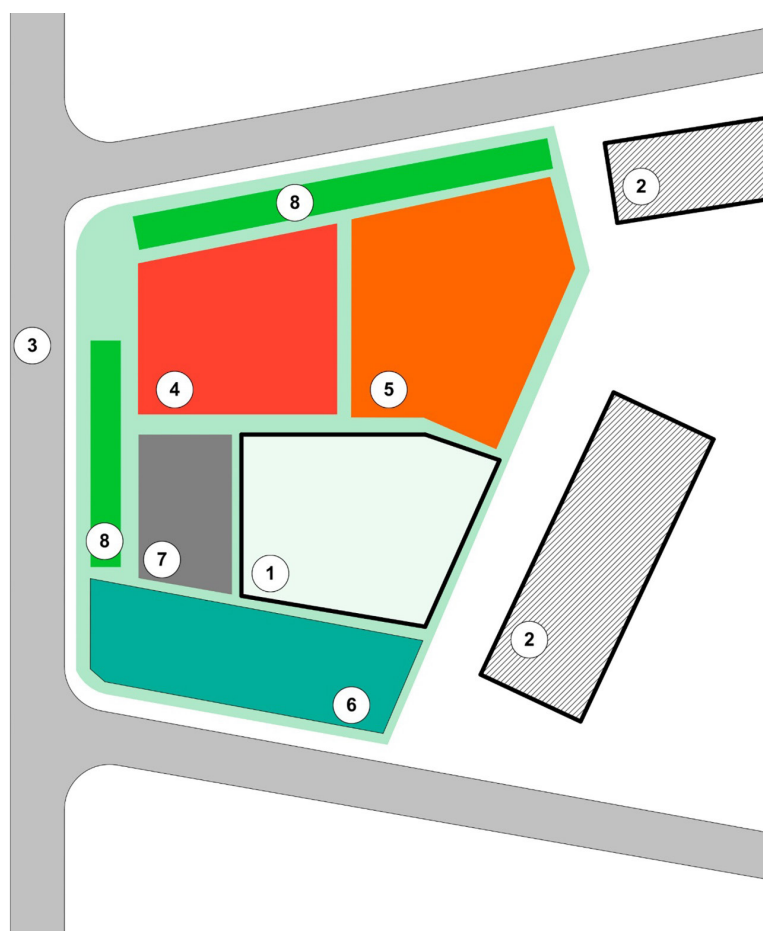

Рис. 5. Расположение территории УММЦ в сложных условиях (условная схема):
 1. Многофункциональный молодежный центр; 2. Существующая застройка;
 3. Автомобильная дорога; 4. Зона тихого отдыха; 5. Развлекательная зона;
 6. Зона автостоянки; 7. Спортивная зона; 8. Зона зеленых насаждений

При принятии решения о размещении многофункционального молодежного центра, важную роль играет анализ территории. Как показывает практика, наиболее успешными подобные учреждения будут в следующих местах:

- в самом центре города, где большинство молодежи предпочитает проводить свободное время;
- в спальном районе, где он будет ориентирован на жителей данной территории;
- за городом, где целевой аудиторией будут все жители города, а также близлежащих мелких населенных пунктов;
- в пределах сети учреждений культуры и досуга.

Анализ местоположения позволит выявить сильные и слабые стороны участка, что обязательно необходимо учитывать при разработке многофункционального молодежного центра.

Чем выше культурный потенциал города, его административный статус и экономический потенциал, тем больше потребность в формировании учреждений культуры и досуга [7]. В основе создания многофункционального молодежного центра лежит структурная организация клубов, поскольку основные функции их похожи. Однако на сегодняшний день принимаются во внимание новые требования и запросы, а также необходимость появления новых функциональных составляющих.

В зависимости от места расположения, назначения и вместительности УММЦ можно выделить следующие приемы их размещения:

УММЦ в городе:

- а) в центре города – ориентирован на молодежь, предпочитающую проводить свободное время в центре города;
- б) в спальном районе – ориентирован на жителей данной территории;
- в) в пределах сети учреждений культуры и досуга – ориентирован на всех жителей города (оптимальный вариант, не конкурирует с другими учреждениями, поскольку дополняет их);
- г) УММЦ на окраине городе – целевой аудиторией представлены все жители города, а также мелких населенных пунктов.

На основании проведенных исследований можно выделить основные принципы размещения УММЦ в крупных городах:

- удобное расположение ММЦ в структуре города;
- удобная транспортная и пешеходная доступность;
- наличие территории зеленой зоны;
- доступность для маломобильных групп населения;
- инженерные коммуникации.

Основные принципы организации сети УММЦ в крупных городах:

- взаимосвязь с другими учреждениями культурно-досуговой сети, рекомендуется пешеходная доступность к ним;
- наличие нескольких взаимосвязанных функциональных зон;
- примыкание к ММЦ или организация зеленой зоны в составе ММЦ;
- благоустройство территории должно соответствовать функциональному насыщению и потребностям молодежи;
- образ здания должен быть современным и органично вписанным в существующую ситуацию;
- наличие единого внутреннего пространства, оригинальное решение;
- высокая технологичность и экологичность зданий;
- здания должны быть безопасными в эксплуатации.

Рекомендации к внешнему облику УММЦ:

- эстетичность является проявлением полезности и характеризует способность УММЦ удовлетворять субъективные потребности молодежи, т.е. является характеристикой духовных благ;
- масштабность – соотношение размеров, соизмеримость отдельных зданий, сооружений и архитектурно организованных пространств с размерами человека;
- выразительность, органичность и уместное применение цвета – внешний облик здания должен быть инструментом привлечения молодежи, должен уметь заинтересовать и удивить;
- современные конструкции;
- экологичность применяемых материалов.

Необходимо уделить большое внимание архитектурно-художественным аспектам (художественное и стилистическое единство, яркость, образность решения, эстетичность и масштабность сооружения).

Исходя из требований к месту расположения молодёжного центра в структуре города, можно сделать вывод, что размещение молодёжного центра, как объекта общегородского значения, наиболее благоприятно в «центре города». Это позволило бы обеспечить возможностью посещения данного объекта молодёжью со всех районов города. Доступность в данном случае определяется не только географическим центральным положением в структуре города, но и тем, что маршруты движения общественного транспорта практически со всех районов города пролегают через центральную часть города. Однако плотная городская застройка может помешать этому, вследствие чего наиболее рациональным способом организации молодёжного центра в городе является реконструкция уже существующих учреждений досуга (дворец пионеров). При этом сохраняется удачное расположение данного центра, вокруг него формируется новая среда, расширяются функции молодёжного центра в соответствии с современными требованиями, обновляется его внешний вид, органично вписанный в историческую застройку города.

Выводы

Для характеристики ситуации в сфере молодёжного досуга необходимо, с одной стороны, обратиться к его содержанию, т. е. к тем видам досуговой деятельности, которым молодые люди отдают предпочтение, а с другой – на основе анкетирования выявить функциональное насыщение будущего молодёжного центра, которое соответствовало бы современным потребностям молодёжи, определить отношение молодого поколения к появлению нового объекта в городе.

Основной особенностью формирования структуры молодёжного центра является организация зоны свободного общения [8]. Это главная образующая зона центра, она включает в себя различные подзоны свободного общения: рекреации, универсальные гостиные, выставочные пространства, зимние сады, кафе, бары, фуд-корты [9]. Одно из назначений универсального коммуникационного пространства – связь и взаимодействие всех функциональных зон молодёжного центра.

Литература

1. Резаков Ф. Советское детство. Дома и дворцы пионеров [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/79017> (дата обращения 20.02.2019).
2. Резаков Ф. Советское детство. Пионерские лагеря [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/79009> (дата обращения 20.02.2019).
3. Ауров В. В. Общественные здания: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1987. 128 с.
4. Бранч М. Проектирование городской среды: Пер. с англ. – М.: Стройиздат. 1979. 176 с.
5. Великовский Л. Б. Архитектура гражданских и промышленных зданий, том 4 «Общественные здания и сооружения», учебник для вузов. М.: Стройиздат. 1977. 108 с.
6. Иконников А. В. Искусство, среда, время: Эстетическая организация городской среды / А. В. Иконников. М.: Советский художник. 1985. 336 с.
7. Моисеев Ю. М. Общественные центры: учебное пособие для вузов / Ю. М. Моисеев, В. Т. Шимко. М.: Высш. Шк. 1987. 96 с.
8. Полянский А. Т. Архитектура комплексов отдыха. М., Стройиздат. 1988. 240 с.
9. Стаускас В. П. Градостроительная организация районов и центров отдыха. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние. 1977. 164 с.

УДК 72.02; 72.021

Незвицкая Татьяна Викторовна,
заместитель директора по реставрации
(Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Киж») *E-mail: nezv@yandex.ru*

Nezvitskaya Tatiana Viktorovna,
Deputy Director for restoration
(Kizhi State Open Air Museum of History,
Architecture and Ethnography) *E-mail: nezv@yandex.ru*

ИТОГИ РЕСТАВРАЦИИ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ КИЖСКОГО ПОГОСТА, О. КИЖИ

THE RESULTS OF RESTORATION OF THE CHURCH OF THE TRANSFIGURATION OF THE CHRIST IN KIZHI GRAVEYARD, KIZHY ISLAND

В статье автор уделяет внимание основным моментам реставрации, которые являются слагаемыми успеха при сохранении любого уникального памятника деревянного зодчества, будь то церковь Преображения Господня на острове Киж или любой иной объект. Предложенная схема выбора оптимально эффективного реставрационного решения по разработанным критериям позволит избежать ошибок на этапе проектирования. На примере данного объекта показана важная роль грамотной организации реставрационных работ. Понимание значимости человеческого ресурса при реставрации остается вне всяких сомнений. На примере реставрации церкви Преображения Господня специалисты могут определить для себя задачи, которые им необходимо будет решать на каждой стадии реализации проекта реставрации.

Ключевые слова: реставрация, выбор реставрационного решения, организация реставрационных работ.

The main items of restoration for preservation of wooden architecture, say the Church of the Transfiguration of the Christ in Kizhi graveyard or any another monument, which deliver the main impact for perfect result, are emphasized. The developed criteria with the method for effective selection of the restoration concept give the way to avoid mistakes under the projecting stage. The importance of the proper organization of the restoration works is demonstrated at this object. In addition, the importance of the human resources leaves no questions. This method of restoration of the Church of the Transfiguration of the Christ gives the way to determine the problems for each stage of reconstruction for any other projects.

Keywords: restoration, selection of restoration concept, organization of the restoration works.

С начала реставрации церкви Преображения господня Кижского погоста прошло 15 лет. За это время накопился опыт, сложилась профессиональная реставрационная команда и реализована задача сохранения объекта. В конце XX века проблема реставрации церкви Преображения Господня Кижского погоста волновала не только узкопрофильных специалистов, но и широкую общественность. Разборка памятника общей массой 600 тонн – и вдобавок к тому времени уже ставшего объектом культурного наследия ЮНЕСКО – казалась невозможной по причине сложной, уникальной конструкции: более чем 100 венцов, 3000 бревен, 22 главки и 21 бочка. Подведение итогов при проведении уникальной реставрации помогут при планировании работы сложных и уникальных объектов деревянного зодчества, а также будут полезны для специалистов разных профилей.

С момента строительства храма и до нашего времени ремонты, а потом реставрации были обычным явлением для объектов из дерева и выполнялись, в основном, по причине деформаций, разрушения дерева или с целью улучшения состояния церкви. Согласно

архивным данным, через некоторое время после постройки церкви (рис. 1) Преображения Господня стали возникать первые ремонтные работы предположительно из-за неравномерной осадки храма, поскольку он был установлен без фундамента на слабое грунтовое основание. В течение следующих двухсот лет прихожане содержали церковь в исправном состоянии посредством текущих ремонтов, исправлений деформаций, обшивки наружных конструкций. Эти работы можно расцениваться по-разному, но главная их цель была достигнута – храм был сохранен до нашего времени.

Рис. 1. Кижский погост, начало XX века

В 1980-х годах XX века техническое состояние конструкции церкви было признано аварийным. Сруб церкви отклонился от своей вертикальной оси практически на один метр, что представляло серьезную угрозу обрушения конструкций храма. Введенная внутрь церкви система усиления из металлоконструкций, предложенная Н. И. Смирновым, сдерживала строение от дальнейших деформаций вплоть до последней реставрации.

На протяжении последних 50 лет архитекторы, ученые, инженеры изучали, разрабатывали и предлагали различные варианты сохранения церкви Преображения Господня. На самом деле, выбор способа и технологии реставрации – одна из основных задач, так как при проведении реставрации всегда велик риск утраты церкви и любая ошибка может обернуться катастрофой. Политика сохранения объекта должна соответствовать месту, культурной значимости и его физического состояния. В поиске научных решений по технологии проведения реставрационных работ исследователи неоднократно возвра-

щались к одной идее – вывешиванию церкви различными способами. С другой стороны, многие считали необходимой полную разборку объекта для максимального сохранения конструкций.

«Идеальным является минимальное вмешательство в конструкцию исторической деревянной постройки. В определенных обстоятельствах минимальное вмешательство может означать, что для сохранения и консервации может требоваться полная или частичная разборка конструкций и последующее их восстановление в целях обеспечения ремонта деревянных построек» [1]. Определять данные обстоятельства предлагалось опытным специалистам. Международное законодательство, основываясь более чем на столетней практике сохранения объектов деревянного зодчества, рекомендовало минимум вмешательств. Вопрос сохранения памятников методом полной разборки довольно спорный. В Англии некоторые эксперты называют «разборку (демонтаж) преступлением...» [2]. Решения относительно целесообразности разборки объекта необходимо рассматривать в каждом конкретном случае, и решения должны быть направлены на то, чтобы наилучшим образом сохранить аутентичность данного сооружения. Определение наилучшего варианта сохранения объекта культурного наследия возможно с помощью проведения процедуры выбора эффективных решений с элементами моделирования и с учетом риска.

А. В. Ополовников после проведенной реставрации церкви считал, что переборка является единственно правильным решением при сохранении Преображенской церкви. «Через два-три десятка лет она все равно станет явью – от этого никуда не уйдешь!» [3, с. 255]. В 2019 году музей выполнил наставления архитектора-реставратора, но щадящим способом вывешивания. Общая идея концепции реставрации Преображенской церкви заключалась в максимальном сохранении исторических элементов и придании памятнику оптимально обоснованного архитектурно-художественного облика, а также в создании условий стабильности технического состояния при нормальных условиях эксплуатации.

Предложенная идея реставрации церкви Преображения Господня, а потом и разработанная концепция и рабочий проект, основывались на многолетних научных разработках и были одобрены российскими и международными экспертами.

Идея реставрации заключалась в традиционной последовательной переборке храма с помощью современного метода вывешивания снизу вверх по так называемым «реставрационным технологическим поясам». Этот метод стал возможен благодаря разработанной технологии: внутри церкви была установлена дополнительная система металлокаркаса – лифтинг, вместе с конструкцией Смирнова (Рис. 2) они образовали систему вывешивания, которая позволяла перебирать выделенную часть церкви («пояс») без полной разборки основного объема. Несмотря на современную систему вывешивания, данная технология напоминает традиционное строительство и исторические приемы, которые использовались на протяжении более 300 лет для сохранения церкви Преображения Господня. Реставрационные работы завершатся в ноябре 2019 году, и металлоконструкции будут демонтированы поэтапно в течение текущего года.

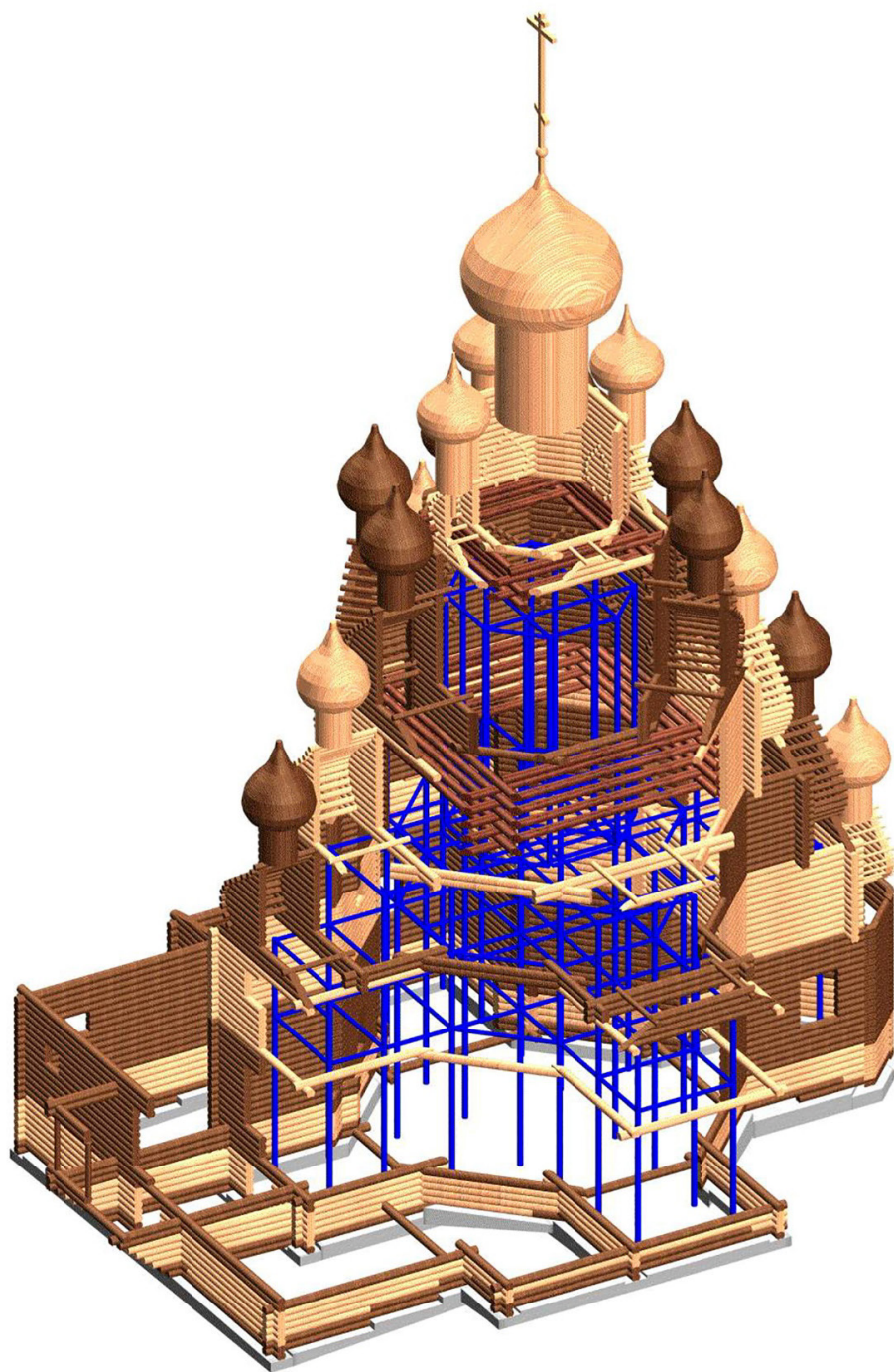

Рис. 2. Система металлокаркаса

Подготовительные работы и правильная, обдуманная организация работ, тем более на уникальных объектах, является залогом будущего успеха любой реставрации. Поспешность в этом вопросе может привести к негативному результату.

Одно из обязательных условий реставрации – традиционная заготовка реставрационного леса, соответствующего параметрам заменяемых бревен, с учетом дополнительных требований к каждому элементу. Формирование банка реставрационного леса с компьютерной базой «складского учета с электронным адресом каждого сортимента позволяет быстро и безошибочно находить любое необходимое для замены разрушенного элемента сруба бревно» [4].

Рис. 3. Ситуационный план о. Кижь.
 Основной транспортный путь от объекта реставрации (Преображенской церкви)
 к реставрационному комплексу и обратно.

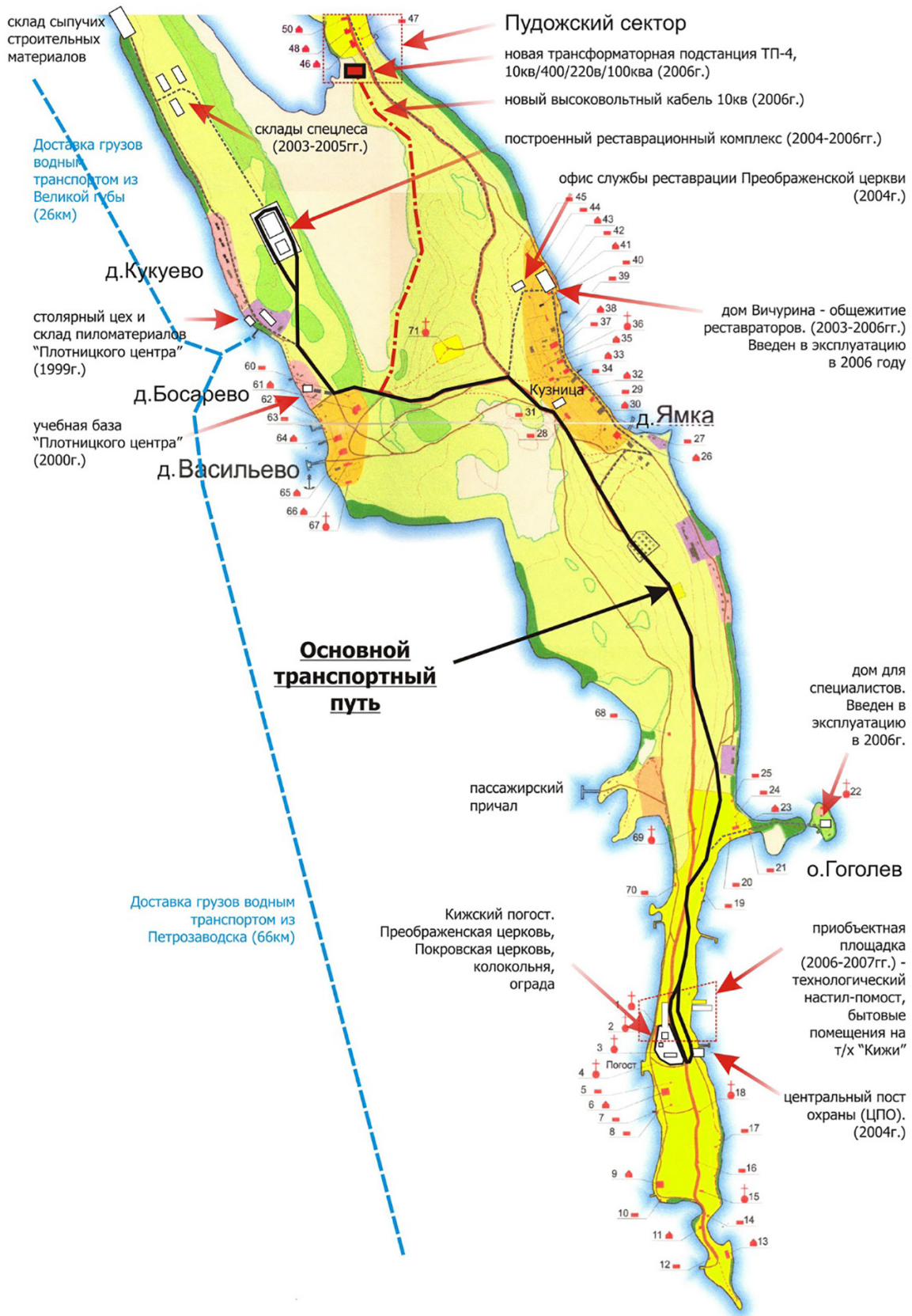

Рис. 3. Схема организации работ

Выполнение столь сложной реставрации в северных условиях было бы не только опророчливо, но и привело бы к большому количеству замены исторического материала, снижению качества и увеличению срока работ, если бы реставрация проводилась только в летний период. Поэтому одним из главных условий стало строительство дополнительной реставрационно-производственной площадки в 2,5 километрах от погоста, предназначенной для проведения реставрации каждого деревянного элемента и предварительной сборки поясов вне главной экспозиции музея (рис. 3, 4, 5). Данная площадка была задействована круглогодично, особенно в зимний период, для сложных реставрационных процессов: мойки, сушки, складирования, промежуточной сборки, реставрации очередного пояса в теплом цехе, постреставрационной сборки. В складской зоне могло храниться до 200 бревен – это расчетное количество элементов разобранного пояса памятника. Складирование бревен производилось кран-балкой на металлические стеллажи с прокладкой войлока по форме бревна с целью сохранения древесины от механических повреждений. Перед складированием производилась мойка бревен под высоким давлением, что способствовало удалению грязи и позволяло провести детальный, подробный первичный осмотр и фотофиксацию демонтированных из сруба бревен. Заведомо непригодные к реставрации бревна отбраковывались с целью дальнейшего использования неповрежденных их частей в качестве материала для изготовления «протезов», «коронков», «вычинок», а ценные экземпляры со «следами» перевозились в хранилище исторических элементов церкви.

Рис. 4. Организация реставрационных работ в музее Киж

После сушки в естественных условиях бревна перевозились на специальных тележках в теплый цех, где производилась их фотофиксация, а также оценка состояния, степени сохранности и размера утрат. После этого принимались решения по объему работ с составлением индивидуальных технологических реставрационных карт по каждому бревну (в дальнейшем были разработаны типовые технологические карты). Для изготовления «коронков» и «вставок» использовалась выдержанная более пяти лет древесина, либо старая, из отбракованных элементов. При изготовлении заменяемых элементов в ос-

новном использовались традиционные плотницкие приемы и инструменты. Описанная выше технология, методика и способ проведения работ позволили заменить не 50 % деревянных элементов, как предполагали исследователи в конце XX века, а 36 %, то есть сохранить более 60 % исторического материала (Рис. 6).

Рис. 5. Сборка в цеху

Рис. 6. Реставрация бревен

В последующем процесс оценки состояния бревен проходил в сборочном цехе перед так называемой дореставрационной сборкой пояса по типовым решениям технологических карт, которые легли в основу «Методики реставрации исторических элементов». Предварительная дореставрационная сборка позволяла определить деформации сруба очередного пояса. После реставрации в теплом оснащённом цехе элементы сруба пояса повторно собирались для повторной проверки. Далее отреставрированный пояс разбирался и перевозился на погост для окончательной сборки.

Верхние венцы нижнего пояса являлись геометрической основой для сборки следующего пояса, что позволяло придерживаться начальной геометрии сруба и исправлять деформации без больших вмешательств в сруб в целом. Для самого нижнего VII пояса был устроен стапель с профилем и отметками существующего фундамента с применением высокоточных геодезических приборов.

Рис. 7. Сборка пояса

Накопленные многовековые деформации деревянных конструкций храма невозможно исправить полностью. Международные принципы реставрации не поддерживают изменение конфигураций исторических бревен для достижения эффекта «чистой» горизонтали и вертикали, как при новом строительстве. Деформации при сборке поясов церкви были зафиксированы на дополнительной реставрационно-производственной площадке и на погосте. Деформация сруба была основной инженерной проблемой, которую решали при проведении предварительной, постреставрационной сборки и непосредственной сборки на погосте. Трехэтапная сборка позволяла максимально добиться положительного результата. В ходе реставрации удалось исправить большую часть деформаций, но не в полном объеме, так как оставшиеся исторические элементы (бревна сруба) сохранили свои деформации, накопленные на протяжении 300 лет. Сохранились «приобретенные во времени деформации элементов конструкций вследствие воздействия природных факторов, ремонтов, неравномерной усадки углов строения при фак-

тическом отсутствии надежных фундаментов, значительных воздействиях ветровых нагрузок» [5], поэтому деформации конструкций церкви остались в объеме сохраненных исторических элементов, не представляя угрозы для надежности конструкций объекта.

Рис. 8. Консервация на зимний период

Сборку и разборку поясов церкви проводили в благоприятный период времени – с весны по осень (Рис. 7). На зимний период церковь консервировалась для защиты от воздействия неблагоприятных атмосферных явлений, в частности от попадания влаги на исторические конструкции (Рис. 8). Таким образом, максимальная защита объекта, а именно консервация исторических деревянных элементов сруба от попадания атмосферных осадков, является обязательным условием проведения любой реставрации.

На погосте для обеспечения безопасности работ на высоте были организованы технологические деревянные леса и подмости (Рис. 9). Несмотря на норму – устройство инвентарных лесов из негорючих материалов, традиционные деревянные леса показали свою пригодность на историческом объекте и удобство использования. Спуск и подь-

ем демонтированных элементов осуществлялся на стропях с использованием блочных конструкций, консолей, а также с помощью деревянных лотков.

Рис. 9. Леса

На приобъектной площадке, расположенной у погоста, с деревянной эстакадой и навесом для временного хранения демонтированных элементов, проходил демонтаж и монтаж очередного пояса церкви, как и демонтаж и монтаж металлоконструкций. Демонтированные элементы до перемещения на реставрационно-производственную площадку временно складировались на прокладках на деревянном помосте. Нельзя не упомянуть, что постоянный демонтаж и монтаж металла требовал координации работ подрядных организаций и автора проекта. Ситуации, когда бревна стен и балки при сборке «встречались» с металлическими горизонтальными и вертикальными связями металлокаркаса были естественным явлением, когда приходилось перемонтировать металлические элементы в пользу деревянных исторических элементов. Конечно, в нашем слу-

чае используемая технология вывешивания – скорее единичный случай и исключение из практики проведения реставрационных работ.

Рис. 10. Сжимы на внутренних конструкциях

Проектирование комплексной реставрации церкви было непрерывным научным процессом, так как при проведении работ постоянно открывались новые обстоятельства, которые невозможно было предусмотреть до разборки сруба. В рабочую документацию вносились изменения, направленные на решение задач соответствующего этапа реставрации. Разработка проекта реставрации и проектирование, сопутствующее производству работ при постоянном авторском надзоре на объекте – это обязательное условие любой реставрации, к сожалению, не всегда исполнимое. Присутствие на объекте автора проекта позволяло оперативно и квалифицированно принимать решения с учетом мнения заказчика и подрядчика.

Разработчиками проекта реставрации храма были выделены конструктивно «слабые» места, которые укрепили, усилили и восстановили: фундамент, уровень подклета, диагональные стены первого восьмерика, уровень кольца «неба», четвериковые балки первого и второго восьмерика и система «укосов» в церкви. При усилении исторических деревянных конструкций применялся принцип максимального сочетания традиционного укрепления и минимального усиления конструкций. Критерием надежности конструкций в случае сомнения в традиционном укреплении была не только экспертная оценка специалистов, но и расчеты деревянных конструкций. Принятые решения соответствовали международным принципам. «Любое целевое вмешательство по пре-

имуществу должно: а) следовать традиционным методам; б) быть обратимым, если это технически возможно, либо в) по крайней мере, не наносить ущерба или препятствовать будущим работам по сохранению, когда это может оказаться необходимым, и г) не препятствовать, по возможности, последующему доступу к свидетельствам, включенным в постройку» [1].

Поэтому решение об установке традиционных сжимов на диагональные стены первого нижнего восьмерика и в иных ослабленных местах конструкций было одобрено экспертами Юнеско (Рис. 10). Кроме того, уровень кольца «неба» укрепили талрепами по сжимам, восстановили историческую систему укосов в церкви. Подтверждением правильности выбранного решения является смета расходов ремонта Церкви Преображения Кижского погоста Петрозаводского уезда Олонецкой губернии от 1866 года, где сказано, что «на церкви разберут стены пристройки и построят их вновь, прочно связывая и соединяя их со стенами церкви сжимами и болтами» [6]. Особое внимание автор проекта уделил четвериковым балкам первого восьмерика, предложив максимально сохранить 16 из 20 десятиметровых исторических бревен (Рис. 11). Сегодня, несомненно, подтверждается, что в XVIII веке и ранее существовала технология отбора бревен для ответственных конструкций, так как большая часть четвериковых балок имеет дефекты косослоя (спиралеобразная закрутка волокон дерева). Исследователи подтверждают, что «для возведения бревенчатых строений в XVI–XVIII вв. мастера производили селективный отбор лесоматериала» [7], поэтому предлагают принимать во внимание тот факт, что «при ремонте и реставрации особо значимых деревянных сооружений целесообразно учитывать особенности строения дерева и применять бревна со спиралеобразным расположением волокон, что будет способствовать долговечности строений» [7].

Рис. 11. Четвериковые балки

Древние зодчие «...применяли определенные правила пропорции, тесно связанные со способами производства строительных работ» [8, с. 19] и в большинстве случаев сегодня утраченные. Поэтому использование и сохранение традиционных решений, которые не соответствуют современным строительным нормативам, должны рассматриваться архитекторами в приоритетном порядке. Автор проекта разработал усиление

четвериковых балок и иных ослабленных элементов сруба с учетом исторических традиций русского Севера.

При реставрации архитектурно-художественный облик храма был сохранен таким, каким он предстал перед нами во второй половине XX века после снятия А. В. Ополовниковым обшивки. Новизна последнего проекта реставрации XXI века состояла в полном раскрытии истории памятника и дополнении утраченных ранее архитектурных элементов и конструкций по «следам» и архивным данным. Восстановленное крыльцо с южной стороны сруба, со стороны колокольни, дополняет ранее знакомый образ храма. Пятистенный алтарь, гребневое завершение бочек нижних поясов церкви изящно подчеркивают красоту храма с восточной стороны (Рис. 12). В рабочем проекте было предложено обшить часть бревен II технологического пояса в качестве защиты от разрушения, а после реставрации вернуться к вопросу о восстановлении исторической обшивки с целью сохранения деревянных конструкций церкви.

Рис. 12. Декоративный гребень

Положительных итогов невозможно было бы добиться без слаженной и командной работы опытных специалистов: высококвалифицированных проектировщиков, заказчика, реставрационных организаций – это один из основных ресурсов, который способствовал успешному завершению реставрации храма. Проблемные вопросы решались путем научного спора профессионалов по типу «кейс-метода», когда проводится анализ конкретных ситуаций и специалистами высказываются мнения по разрешению проблемы. Споры между специалистами из разных областей (архитектор, инженер, реставратор, конструктор, музейный работник) позволяли находить нестандартные решения и получать дополнительные знания в области сохранения памятников деревянного зодчества.

Литература

1. Принципы сохранения исторических деревянных построек. 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/1999_%20%20%20%20.pdf/download (дата обращения 10.01.2019).
2. Boutwood J. Original Structure and the Effects of Alteration and Repair. In ICOMOS UK: Timber Engineering Conference, Surrey University, 8 April. Proceedings. London: ICOMOS UK. 1992.
3. Ополовников А. В. Реставрация памятников народного зодчества. М.: СТРОЙИЗДАТ, 1974. 392 с.
4. Сайт музея-заповедника «Кижы» [Электронный ресурс]: «Отчёт о ходе выполнения программы комплексной реставрации Преображенской церкви Кижского погоста по состоянию на 1999–2007 годы», «Раздел II. Заготовка, хранение и атмосферная сушка специального реставрационного леса для замены деструктурированных бревен Преображенской церкви». URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/otchyot-za-1999-2007-godyi> (дата обращения 10.01.2019).
5. Рабочая проектно-сметная документация на реставрацию «Комплексное инженерно-конструктивное укрепление исторических конструкций с современными системами усиления», том IV, часть IV, книга 16-Б. СПб.: «Спецпроектреставрация», 2014.
6. НАМЗК Ф. 1. Оп. 3. Д. 2738. Л. 9.
7. Мелехов В. И., Шаповалова Л. Г. Особенности применения бревен с наклоном волокон в деревянных постройках русского Севера // Лесной журнал. 2001. № 2.
8. Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 212.

УДК 712.01:322.14 (470.22-25)

Рядова Мария Николаевна, аспирант
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: rjadova@yandex.ru

Riadova Maria Nikolaevna, postgraduate student
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: rjadova@yandex.ru

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ ИНТЕРЬЕРОВ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ДВОРЦА

THE REVIVAL OF INTERIORS OF THE CATHERINE PALACE

В статье рассматривается история послевоенного восстановления интерьеров Екатерининского дворца и новейшая история возрождения Лионского зала. Лионский зал – один из самых многодельных интерьеров архитектора Чарльза Камерона – входил в число личных апартаментов Екатерины II в Большом Царскосельском (Екатерининском) дворце. Этот шедевр получил свое название благодаря отделке стен шёлком, изготовленным в Лионе.

Ключевые слова: воссоздание интерьеров, объект культурного наследия, Екатерининский дворец, Лионский зал.

The article deals with the history of the post-war restoration of the interiors of the Catherine Palace in Tsarskoye Selo. The recent history of the revival of the Lyon Hall is considered. Lyon Hall – one of the most gorgeous interiors of the architect Charles Cameron – was among the private apartments of Catherine II in the Catherine Palace. This masterpiece got its name due to the decoration of walls with silk, made in Lyon.

Keywords: reconstruction of interiors, cultural heritage object, The Catherine Palace, The Lyon Hall.

Работы по восстановлению, буквально из пепла, разрушенного Екатерининского дворца были официально обоснованы следующими документами:

- решение № 109-2 исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 10 марта 1944 года «О первоочередных мероприятиях по восстановлению г. Пушкина»;

- решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся «О разработке мероприятий по восстановлению городов Петродворец и Пушкин» 771 5 мая 1944 года.

Несмотря на это вначале считалось невозможным возродить Екатерининский дворец. Но благодаря уже накопленному опыту реставрации других разрушенных пригородных дворцов, огромной кропотливой работе по собиранию и изучению архивных документов и изобразительных материалов, детальному исследованию состояния памятника в натуре, была все же доказана и обоснована необходимость и реальная возможность его восстановления [1, с. 115]. Тогда было принято решение Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся № 46–45-п от октября 1956 года для проведения в 1957 году неотложных мероприятий по реставрации Екатерининского дворца в городе Пушкин.

Осуществление реставрации было поручено Специальным научно-реставрационным производственным мастерским и тресту «Фасадремстрой», который восстанавливал внешний облик зданий [1, с. 92].

В 1959 году были открыты первые реставрированные музейные залы Екатерининского дворца: Предхорная, Стасовский зал, Зеленая столовая, Официантская, Голубая гостиная, которые в годы Великой Отечественной войны не пострадали от пожара, а были разграблены и повреждены. Именно с этих залов началась реставрация дворцовых интерьеров. В 1961–1963 годы для посетителей были открыты следующие пять залов – Камерюнгферская, Опочивальня, Живописный и Скульптурный кабинет, Парадная лестница. Огромной победой творческого коллектива Екатерининского дворца-музея было открытие в 1967 году Картинного зала, от которого после освобождения города Пушкина оставались лишь кирпичные стены.

Опыт, накопленный в ходе работ по Картинному залу, позволил в дальнейшем решить задачи воссоздания Кавалерской столовой (1969). Следующими стали интерьеры работы В. П. Стасова – Парадный кабинет Александра I, Сводчатая и Овальная проходные, Вестибюль, Церковная (Стасовская) лестница – распахнувшие свои двери в 1970-е годы.

В 1980 году после реставрации открылись Большой зал и Золотая анфилада Растрелли.

Восстановительные работы в Янтарной комнате длились 24 года. Завершить их к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга помогла финансовая помощь немецкой компании «Рургаз». Работы вели специалисты Царскосельской янтарной мастерской.

В период с 2004 по 2009 год были торжественно открыты три Антикамеры.

В 2010 году было положено начало восстановительным работам на половине Екатерины II – открытием первой комнаты, относящейся к личным покоям императрицы – Арабескового зала.

Реставрационные работы в музее продолжаются и по сей день, одним из важнейших открытий 2019 года станет Лионский зал.

При Елизавете Петровне на его месте находилась пятая Антикамера, созданная по проекту Франческо Растрелли. Екатерина II поручила архитектору Чарльзу Камерону перестроить антикамеру, примыкавшую к ее личным покоям.

Дмитрий Швидковский выделяет три основных варианта зала, опираясь на чертежи самого Камерона. Листы, относящиеся к каждому варианту, различаются в деталях: проработке медальонов, живописных вставок, рисунке орнаментов, украшении дверей [2, с. 217].

Работы были выполнены в 1780-е годы. Стены обили лионским шелком с изображением павлинов и других птиц. Тогда зал и получил свое название. Тогда же стены облицевали синим лазуритом с золочеными накладками. Зал входил в число личных апартаментов Екатерины II наряду с Арабесковым и Китайским залами, Серебряным и Синим кабинетами. Современники воспринимали вкуче залы Зубовского корпуса с комплексом терм, ощущали их в движении, в раскрывающихся одна за другой картинах. В. Н. Головина вспоминала об изменившемся в 1780-х годах облике дворца: «...первый зал этого нового строения был украшен живописью... за ним следует другой, потолки и стены которого были украшены ляпис-лазурью, а пол паркетный – наполовину из красного дерева, наполовину из перламутра... Затем следует зал, отделанный китайским лаком» [3, с. 140].

В Лионской докладчики императрицы ожидали, пока их позовут в кабинет; тут же Государыня часто по вечерам играла в карты, хотя, как кажется, предпочитала проводить вечера в Арабесковой, где иногда бывали и комнатные концерты. В Лионской комнате одеваются к венцу, перед золотым туалетом Императрицы Анны Иоановны, Русской Великой Княжны, когда венчание происходит в Царском Селе [4, с. 122].

Со времен Екатерины II шелковые обои неоднократно заменяли. В середине XIX века Лионский зал стал парадной гостиной на половине Марии Александровны, супруги Александра II. По ее воле архитектор Ипполит Монигетти внес кардинальные изменения в оформление помещения: ткань стала полностью покрывать стены, изменился ее цвет – вместо жёлтого появился малиновый шёлк с цветочными гирляндами. Также интерьер украсили новые предметы мебелировки – гарнитур из 25 предметов мебели (столы, жардиньерки, кашпо, каминные экраны, бра, люстра). Монигетти изменил угловые печи-ротонды на каминные из каррарского мрамора и лазурита, обновил живопись плафона. Без переделки по проекту Камерона сохранился паркет, двери, окна и их обрамления. В 1866 году стены вновь обили жёлтым шёлком, теперь это была ткань цвета «золотой бутон», она затягивала стены от панелей до верхнего края карниза, использовалась в обивке мебели и в портьерах.

В таком виде интерьер существовал до разрушения дворца во время Великой Отечественной войны.

На конец января 1944 года парадные залы на половине Екатерины II в южной части дворца и личные апартаменты императрицы, занимавшие Зубовский флигель (все – творения Ч. Камерона), хотя и были повреждены, но сохранили свою уникальную отделку. Тем трагичнее звучат строки письма (А. И. Зеленовой), датированного уже февралем

того же года. «...Если при первом нашем коллективном осмотре мы еще успели посмотреть на искалеченные, но еще не уничтоженные залы Камерона (Табакерка, Спальня, Столовая), видели антикамеры с вырезанными в лапшу плафонами, то теперь (после вторичного взрыва бомб замедленного действия) уцелели из всей внутренней отделки Дворца только «часть» Большого зала Растрелли, да нижний этаж с грудями навоза и обломками коронационных карет, в которых ездили фрицы (залы первого этажа были конюшней)...» [5].

В 2005 году в процессе реконструкции Зубовского флигеля восстановлено объемно-пространственное решение зала без воссоздания его декоративного убранства.

Работы по восстановлению Лионского зала предусматривают: воссоздание штофа стен, резные и позолотные работы, воссоздание отделки верхней части стен и живописи плафона, реставрацию паркета, воссоздание дверных полотен, лазуритовой облицовки порталов дверей, фриза и карниза, реставрацию и воссоздание осветительных приборов и каминов.

Проект реставрации Лионского зала был подготовлен объединением «РЕСТАВРАТОР» в 1983 году под руководством главного архитектора музея Александра Кедринского; корректировку проекта выполнило в 2005–2007 годах ГУП «Ленпроектреставрация» (рис. 1).

Источниками для разработки проекта послужили сохранившиеся документы:

- Луиджи Премацци. Акварель «Лионский зал (Жёлтая гостиная) в Большом Царскосельском дворце», 1878 год (Рис. 2);
- автохром «Лионский зал Екатерининского дворца», Андрей Зеест, 1917 год;
- дореволюционные и довоенные фотографии;
- опись предметов ДПИ 1938 года;
- послевоенные фотофиксации и сохранившиеся элементы отделки.

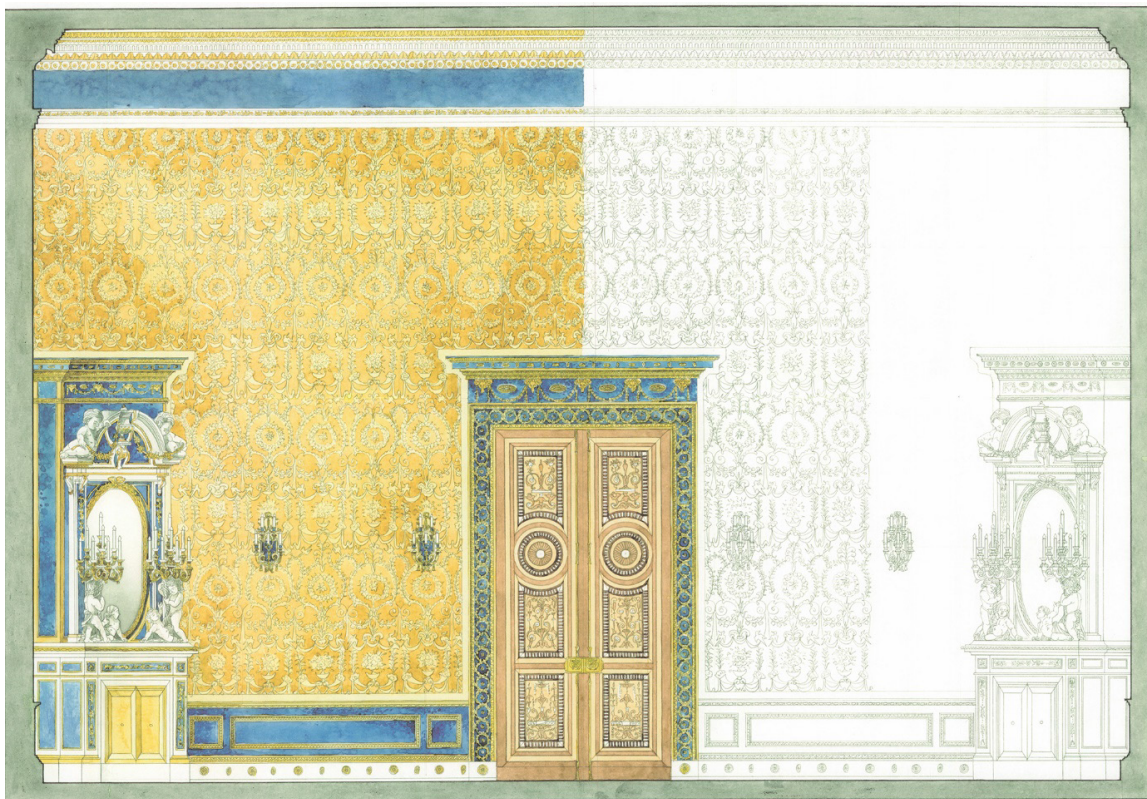

Рис. 1. Развертка восточной стены. Институт «Ленпроектреставрация», 2005 год

Рис. 2. Луиджи Премацци. Акварель «Лионский зал (Жёлтая гостиная) в Большом Царскосельском дворце», 1878 год

Обмерные чертежи фиксации Лионской гостиной по ее довоенному состоянию, составленные по крокам, сделанным в 1938–1941 годах архитектором Н. П. Травиным и студентами во время прохождения практики. Обмерные чертежи начали выполняться из расчета фиксации Лионской гостиной в полном объеме, но в связи с внезапным прекращением финансирования со стороны заказчика (ГИОП Ленгорисполкома) мастерскими была выполнена только часть их.

Осталась не выполнена часть деталей по камину и каминному зеркалу, их общее изображение, полностью не представлены развертки стен, паркета, детали паркета, дверей, междуоконного зеркала, панели стен и чертежи с полихромией.

В выполнении чертежей участвовали следующие сотрудники Центральных научно реставрационных мастерских: архитекторы Н. П. Травин, Г. С. Пагирева, Е. С. Пятин, Е. А. Белоусова; художники Л. З. Сыркин, Н. А. Баулина и техник Н. В. Фирсова.

Восстановление уникального интерьера стало возможным благодаря финансовой поддержке благотворителей: ПАО «Газпром», Фонд ENGIE (Франция), благотворительный фонд содействия развитию железнодорожного транспорта «Транссоюз». Генеральная подрядная организация – ООО «Царскосельская янтарная мастерская». ООО «Альпина» выполнило работы по воссозданию тканевого убранства зала (штоф, портьеры). Проектная организация ООО «Рест-Арт-Проект» разработало научно-исследовательскую и проектную документацию, осуществляло авторский надзор на объекте.

Лазурит

Прибайкальский лазурит был использован мастерами петергофской фабрики при ремонте лазуритового декора Лионского зала в 1856–1858 годах, когда были «исправлены фриз... ляпис-лазурь на дверях и панелях», а также выполнены вставки из лазурита на новых мраморных каминах. Всего было израсходовано 55 пудов и 25 фунтов камня. Архитектор И. А. Монигетти, следуя вкусам августейшей заказчицы, общим тенденциям моды и продолжая традицию комплексности в решении дворцовых интерьеров, выработанную его предшественниками, создает не только новую архитектурную отделку Лионского зала, но и новые предметы мебелировки [6]. В середине XIX века для зала была изготовлена новая люстра и стенные бра. Этот комплект полностью сохранился.

Рис. 3. Шлифовка лазуритовых элементов стеновых панелей

Каменный декор Лионского зала в XVIII веке состоял из фриза, панелей в нижней части стен, порталов балконных дверей и трех дверей самого зала.

При восстановлении интерьера использован камень из месторождения в Афганистане.

Работа с камнем очень кропотливая и требует особых профессиональных навыков. После закупки камня производится отбор агрегатов для дальнейшей работы, по следующим показателям:

- наличие включений (пирит);
- соответствие цветового оттенка;
- наличие трещин.

Блоки сырья распиливают на каменную фанеру толщиной 3–4 мм. Вторично отбраковывают, объем брака ориентировочно составляет 20 %. Фанера наклеивается на временную основу и выводится в единый горизонт на плоско-шлифовальном станке.

Особое мастерство также требуется для того, чтобы состыковать пластины лазурита в технике «русской мозаики» – тонкие пластины, наклеенные на каменную основу, точно подгоняются друг к другу и создают впечатление единого рисунка. Потом приступают к шлифовке, затирая на лазурите даже самые крошечные дефекты. Собранные пластины лазурита клеятся специальной мастикой на архитектурную основу из камня: панель либо портал. В конце поверхность полируют до блеска.

Исторически лазуритовый набор устанавливался на основание из известняковых плит. На северном дверном портале, ведущем в Арабесковый зал, во время предыдущих работ установили исторические известняковые элементы – основания для облицовки фриза и карниза. При установке фризовый камень был перевернут вверх ногами, о чем свидетельствовали отверстия, выполненные для крепления бронзовых гирлянд. Во время реставрации камень был установлен в историческое положение, увидеть это невозможно, потому что он скрыт под лазуритовой облицовкой.

По обмерам 1938 года архитектора Николая Травина было уточнено, что плинтус панелей также был выполнен из лазурита, в проекте 2006 года был предусмотрен деревянный.

Бронзовый декор

Работы выполнялись в мастерской А. В. Волкова. Воссозданы и установлены на место бронзовые золоченые накладные детали порталов и панелей.

Бронзовый декор в виде порезок и розеток воссоздавался по методу гальванопластики. К счастью сохранились образцы деталей отделки, с которых были сняты формы. По этим формам изготовили доработанные модели, которые были утверждены на Реставрационном совете.

Рис. 4. Предварительная сборка фриза дверного портала

Модели погружались в гальваническую ванну 2×2 метра, наполненную электролитом, и подключалась к катоду. При прохождении электротока растворенные ионы меди анода осаждались на модели, образуя пленку толщиной до 1–2 мм.

Тканевое убранство

В связи с новыми дополнительными исследованиями по текстильному убранству интерьера в 2017 году к ранее разработанной проектной документации был выполнен рабочий проект убранства шелковых обоев и оконных драпировок.

На основании имеющихся в фонде ГМЗ «Царское Село» фотодокументов и на основании обследования сохранившихся тканевых обитий было установлено, что ткань, изображенная на акварели и хранящаяся в фонде музея, соответствует образцам из книги патронов за 1866 и за 1869 год на лионской мануфактуре Ле Мира (Le Mire, Pere et Fils), а с 1927 года эта фабрика носит название семьи Прелль (Prelle). Это позволило обратиться к преемникам традиций лионского шелкоткачества на мануфактуру «Прелль». Ткань воспроизведена на механических станках, в аутентичной ширине узора, а технические параметры соответствуют образцам 1869 года: две основы, два утка: желто-розовый, который формирует фон и узор и «лимонно-желтый» для узора. В процессе производства тканей были использованы все имеющиеся архивные документы, по которым был воссоздан узор самой ткани и техника переплетений лампаса в два утка аналогичная с образцами 1866 и 1869 года.

Подлинники обивки с предметов мебели и архивные фрагменты ткани из книги патронов с высокой точностью позволили восстановить структуру и уникальный цвет текстильного декора Лионского зала.

Рис. 5. Изготовление шелка на французской мануфактуре «Прелль (Prelle)»

Оконные занавеси не сохранились. По описи и фотодокументам был восстановлен фасон драпировок, узорный аграмант, басонные изделия и заказан гро-де-туровый шелк для подъемных штор окон второго света и балконных проемов.

Живопись плафона

Исторический плафон отличала яркая декоративность и использование разнообразных живописных техник и приемов.

Художниками-реставраторами были выполнены графические эскизы и эскизы в цвете орнаментальных и фигурных росписей плафона Лионского зала. Эскизы выполнялись в натуральную величину на основе акварели Луиджи Премацци, обмеров 1938 года и сохранившейся довоенной фотографии 1939 года, проекта СНПО «РЕСТАВРАТОР», а также описи отдельных живописных композиций плафона. Были предложены варианты колористического решения плафона.

Обмерные чертежи 1938 года позволили выполнить разметку потолка и определить правильные размеры всех декоративных элементов, включая живописные вставки. Разработать цветовое решение орнаментальных и фигурных композиций, а также всего плафона в целом помогала акварель Премацци.

Несмотря на наличие иконографии, имеющийся материал не позволял восстановить все сюжеты плафона. На пути реставраторов зачастую возникают такие трудности. Были проведены дополнительные исследования, изыскания и подбор аналогов, которые помогли собрать всю композицию.

Четыре фигуры в центральных клеймах плафона предположительно олицетворяют времена года. К сожалению, на фотографии можно увидеть только три из них. Последний эскиз фигуры Диониса был разработан на основании гравюры «Статуя Диониса», римской копии с греческого оригинала III века до н. э. (гравюра из «Собрания древних и современных статуй» П. А. Маффеи (1704). Изображение Диониса на гравюре напоминает скульптурное изображение из собрания музея-заповедника, сейчас – в Эрмитаже).

Рис. 6. Фигура Диониса. Эскиз детали плафона. 2018 год

Эскизы танцующих фигур выполнялись в соответствии с довоенной фотографией, на которой можно было различить только пять фигур из шестнадцати. Поэтому на заседании Реставрационного совета было решено копировать уже имеющиеся образцы. Типаж фигур был принят в соответствии с канонами конца XVIII века.

Рис. 7. Фигура танцовщицы. Эскиз детали плафона. 2018 год

На черно-белой довоенной фотографии можно рассмотреть только одну гризайльную композицию из четырех. В описи упоминаются персонажи и других трех композиций, но в связи с тем, что не было найдено аналогов или каких-либо изображений на подобные сюжеты, было решено копировать и зеркально отобразить одну из оставшихся гризайльных композиций.

Все эскизы утверждались Реставрационным советом.

Работы по воссозданию живописи велись с 2018 по 2019 годы. Живопись, написанная в масляной технике на тонком холсте, приклеена на штукатурную основу потолка.

Паркет

Паркет был набран из двенадцати пород «заморских деревьев» – оливкового, розового, черного, «адмиранта», «сатардана» и др. Также Камерон распорядился вставить в паркет «украшения, исполненные из перламутра» [7, с. 218].

Паркет, похищенный во время войны, был возвращен в 1947 году.

До завершения работ по реставрации паркета в 2020 году, выполнена конструкция временного пола, с учетом частичного использования, в дальнейшем при укладке щитов исторического паркета.

На этом не заканчивается реставрация Лионского зала, необходимо завершить реставрацию паркета, воссоздать угловые каминные, зеркала в лазуритовых рамах с консольными столиками в простенках западной стены, лазуритовые порталы балконных дверей и дверных заполнений, инкрустированных перламутром.

Возрождение Арабескового и Лионского зала дают надежду на возвращение всех уникальных интерьеров личной половины Екатерины II.

Литература

1. Кедринский А. А., Колотов М. Г., Медерский Л. А., Раскин А. Г. Летопись возрождения. Л.: 1971. 116 с.
2. Швидковский Д. О. Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций. М.: 2008. 392 с.
3. Швидковский Д. О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой. М.: 2016. 256 с.
4. Кедринский А. А. Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: от пригородной усадьбы до парадной резиденции. 1710–1760 / Науч. ред. М. Г. Колотов. СПб.: 2013. 272 с.
5. Лебединская М. П. «О, встреча, что разлуки тяжелее...» (О событиях февраля 1944 года в Екатерининском дворце) // Радиус города № 3(70). СПб., 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://radiuscity.ru/vstrecha-chno-razluki-tiazhelee-okonchanie-nachalo/>
6. Серпинская Т. В. Лионский зал Екатерининского дворца. (История царскосельского интерьера от Екатерины II до Александра II) // Наше наследие № 67–68. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6814.php>
7. Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1911. 280 с.

УДК 721.012

Фридман Татьяна Сергеевна, ассистент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: tanya_fridman@mail.ru

Fridman Tatiana Sergeevna, Teaching Assistant
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: tanya_fridman@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ КАРЕТНЫХ ПАНДУСОВ КАК ПРИСПОСОБЛЕНИЙ ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

INTERPRETATION OF HISTORICAL QUARTERLY PANDUSES AS DEVICES FOR PEOPLE WITH LIMITED MOBILITY

Приспособление исторических зданий для маломобильных групп населения с годами становится все более актуальной проблемой, с которой сталкиваются современные архитекторы и реставраторы. Сейчас существует большое количество разработок в сфере современных технологий и конструктивных достижений по созданию доступной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья. В большинстве случаев приспособления для маломобильных групп населения являются фасонными изделиями массового производства и диссонируют с исторической адаптируемой средой и нарушают облик памятника и среды в целом. С годами подобные приспособления становятся неотъемлемой частью любой исторической среды в виду ее необходимости в обеспечении доступности для всех групп населения. Рассмотрение и разработка приспособлений для людей с ограниченными возможностями как архитектурного элемента может минимизировать ущерб ценностным характеристикам памятника при его адаптации и помочь в большей степени сохранить и подчеркнуть его историческую и культурную ценность. При этом различные архитектурные элементы, такие как каретные пандусы, активно проектируемые в конце 18 века в исторических зданиях, могут быть интерпретированы уже как существующее исторически приспособление для людей с ограниченными возможностями и при меньшем внедрении в историческую среду обеспечить доступ к памятнику большему количеству населения с инвалидностью.

Ключевые слова: интерпретация, историческая среды, реконструкция, пандусы, маломобильные группы населения, доступность.

The adaptation of historic buildings for people with limited mobility over the years has become an increasingly urgent problem faced by modern architects and restorers. Now there is a large number of developments in the field of modern technologies and constructive achievements to create an accessible environment for people with disabilities. In most cases, devices for people with limited mobility are shaped products of mass production and are in disarray with the historical adapted environment and violate the appearance of the monument and the environment as a whole. Over the years, such devices have become an integral part of any historical environment because of its need to ensure accessibility for all groups of the population. Consideration and development of devices for people with disabilities as an architectural element can minimize damage to the value characteristics of the monument when it is adapted and help to preserve and emphasize its historical and cultural value to a greater degree. At the same time, various architectural elements, such as carriage ramps, actively designed at the end of the 18th century in historic buildings, can already be interpreted as an existing adaptation for people with disabilities and, with less introduction to the historic environment, provide access to the monument to a larger number of people with disabilities .

Keywords: interpretation, historical environment, reconstruction, ramps, limited mobility groups, accessibility.

Новые жизненные потребности и исторические аспекты конца 20 века, смена художественных идеалов и развитие технологий диктуют архитекторам основные сценарии и критерии для создания нового архитектурного образа и реконструкции исторической среды.

Некоторые города начинают лидировать в доступности. Поскольку технологии изменила жизнь всех нас, многие начинают понимать, как она может изменить жизнь тех, кто живет с ограниченными возможностями. Отчасти это связано с повышением осведомленности о недостатках доступности, увеличением числа людей, живущих с ограниченными возможностями, и старением населения, что приводит к тому, что число инвалидов увеличивается еще больше во многих странах.

За последние годы одной из острых проблем при реконструкции исторических зданий стала их адаптация для людей с ограниченными возможностями здоровья. Отправной точкой для развития доступной среды для маломобильных групп населения повсеместно стала борьба за права инвалидов Вьетнамской войны в США и инвалидов в Великобритании. В 2008 году после принятия Конвенции о правах инвалидов и ее ратификации в 2012 году работа над доступной средой стала вестись во всех сферах жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями, создаваться государственные программы по адаптации среды, благотворительные фонды, проводиться международные конференции и конгрессы [1].

Развитие современных технологий и конструктивные достижения в сфере разработки приспособлений для маломобильных групп населения сейчас активно развиваются и внедряются повсеместно при новом строительстве и при реконструкции и адаптации зданий для людей с ограниченными возможностями здоровья.

При работе с памятниками архитектуры основной проблемой при адаптации становится сохранение их уникального исторического облика, ценностных характеристик здания и всей исторической среды в целом. Современные приспособления для людей с ограниченными возможностями здоровья имеют различные конфигурации и могут решить практически любую задачу для создания доступной среды для всех групп населения. Однако при работе с памятниками архитектуры внедрение подобных приспособлений зачастую разрушают восприятие сложившейся исторической среды и целостность архитектурного образа здания и интерьеров [2].

Приспособления для людей с ограниченными возможностями в современной архитектуре и строительстве стали неотъемлемой частью любого проекта и стали представлять собой современный «архитектурный элемент». Несмотря на активные разработки в этой области, в большинстве случаев все приспособления для маломобильных групп населения представляют собой фасонные конструкции массового производства и сильно диссонируют с адаптируемой исторической средой.

Рассмотрение приспособлений для людей с ограниченными возможностями здоровья, используемых при создании доступной среды для памятника архитектуры, как архитектурного элемента, могут минимизировать ущерб, наносимый подобными реконструктивными мероприятиями исторически сложившейся среде и ценностным характеристикам памятника.

Внедрение новых архитектурных элементов может быть разработано в соответствии с выбором архитектурного прототипа в реконструируемой среде памятника, обращенное к приемам и мотивам исторического стиля. Естественно в таких случаях должна быть в первую очередь неотъемлемая связь функции и стилового решения нового архитектурного элемента.

Зачастую исторические здания уже обладают большим потенциалом для их грамотного включения в доступную среду города. Некоторые исторически запроектированные детали можно переосмыслить и интерпретировать как приспособление для людей с ограниченными возможностями здоровья при их незначительном изменении и соответственно минимальным внедрением в историческую среду [3].

Интерпретация в секторе наследия имеет множество применений, и для ее описания используется ряд определений. В основе, однако, лежит передача информации от учреждения к посетителю. Интерпретация – это средство, с помощью которого мы передаем эту информацию. Часто это связано с предметом, артефактом, образцом или произведением искусства. Лучшая интерпретация заключается в том, чтобы привлечь как можно больше посетителей к историческому объекту и донести информацию о нем значимым и актуальным способом, а не просто информацией на стене.

Интерпретация каретных пандусов как исторического приспособления для маломобильных групп населения может нести не только историческую информацию, но и в том числе информировать посетителей об имеющейся в нем доступной среде.

В Санкт-Петербурге каретные пандусы начинают активно проектироваться и строиться в зданиях усадеб и дворцов конца 18 века в связи с распространением каретного транспорта, растущим уровнем жизни и прокладкой новых дорог. К концу 19 века количество карет стало увеличиваться и соответственно в большинстве своем каретные пандусы стали неотъемлемой частью при проектировании домов зажиточных горожан [4].

Ярким примером памятника архитектуры остро нуждающегося в адаптации в Санкт-Петербурге является, построенное в середине 19 века архитектором Штакеншнейдером А. И., здание Мариинского дворца. Дворец расположен на одной из главных площадей Санкт-Петербурга и относится к ансамблю Исаакиевской площади. Со стороны парадного входа, площади, дворец оборудован каретным пандусом, который с легкостью можно адаптировать для его доступности для людей с ограниченными возможностями здоровья, не внедряя фасонные современные конструкции.

В заключение стоит отметить, что исторические города и городские районы по всему миру часто ссылаются на собственные барьеры для доступности, такие как, напри-

мер, отсутствие подзаконных актов по адаптации зданий для людей с ограниченными возможностями при работе с памятниками архитектуры или невозможность внедрения конструкций по адаптации в историческую среду. Исторические города борются со строгими законами о наследии, в то время как другие просто чувствуют, что не могут начать изменять огромную площадь установленных зданий и помещений [5].

Но есть и примеры по созданию доступной среды, несмотря на все нюансы и сложности, связанные с сохранением исторического наследия города. Исторический город Честер хорошо известен своей древней культурой благодаря своей схеме римских, саксонских и средневековых стен, а также возвышенным проходам, известным как ряды. В отличие от большинства исторических городов, Честер вышел за пределы невозможных препятствий своих старых и охраняемых исторических зданий и вместо этого решил принять доступные изменения.

Добавление пандусов, подъемников и эскалаторов превратило ряды в доступный ориентир, и новая стратегия регенерации, ориентированная на доступность, должна предусматривать новые разработки, в которых приоритет отдается интересам людей с ограниченными возможностями в будущем. Одним из примеров этой новой стратегии в действии является развитие магазинов и развлечений Northgate, которое должно быть завершено в 2021 году [6].

Несмотря на существующий опыт по созданию доступной исторической среды, сегодня люди со всеми видами инвалидности продолжают сталкиваться с общими и часто легко решаемыми препятствиями при хотя бы частичной адаптации памятников архитектуры и исторической среды в целом. Зачастую эти проблемы можно решить даже минимальными вмешательствами при помощи интерпретации исторических элементов и их частичной модернизации в соответствии с потребностями маломобильных групп населения [7].

Литература

1. Государственная программа «Доступная среда» на 2011–2015 гг. // СПС «Консультант плюс», 2012 г.
2. Крундышев Б. Л. Универсальная среда жизнедеятельности для маломобильных групп населения (пути формирования). СПб., 2009. 12 с.
3. Фридман Т. С. Влияние законодательства на создание доступной среды для маломобильных групп населения // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 11(77). С. 40–43.
4. Фридман Т. С. Современные тенденции адаптации памятников архитектуры для людей с ограниченными возможностями // Перспективы науки. 2017. № 5(92). С. 29–31.
5. Фридман Т. С. Проблема доступности исторических зданий для маломобильных групп населения. «Разумное приспособление», вопрос терминологии // Наука и бизнес: пути развития. 2018. № 4 (82). С. 47–50.
6. Martin E. J. Access to Heritage Buildings for People with Disabilities. Canberra: ACROD Ltd, 1997. Clause 2.4.
7. Фридман Т. С. Приспособление для адаптации исторических зданий для маломобильных групп населения как архитектурная деталь // Перспективы науки. 2018. № 3(102). С. 55–58.

Секция
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 725.23:72.025.3(470.23-25)

Белоусова Ольга Алексеевна,
доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: lelabel@rambler.ru

Belousova Olga Alekseevna,
Associate Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: lelabel@rambler.ru

**К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ И СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ БОТАНИЧЕСКОГО САДОВОДСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ**

TO THE QUESTION OF PRESERVATION AND MODERN USE
OF ARCHITECTURAL OBJECTS OF BOTANICAL GARDENING
OF ST. PETERSBURG AGGLOMERATION

Статья посвящена существующим на территории Санкт-Петербурга и пригородов архитектурным объектам ботанического садоводства – оранжереям, оранжерейным комплексам, оранжереям зимних садов. В статье рассматривается современное техническое состояние объектов. Проведен визуальный анализ состояния и сопоставлено соотношение архитектурных объектов ботанического садоводства (АОБС) по их состоянию в различных охранных группах. Анализ показал, что, несмотря на высокий охранный статус, далеко не все АОБС находятся в удовлетворительном техническом состоянии. Выделено пять исторических градостроительных систем, определен их современный статус и количество АОБС в них существующих. Проведен анализ современного использования оранжерей.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, оранжереи, современное использование, современное состояние, охрана ОКН.

The article is devoted to the architectural objects of botanical gardening existing on the territory of St. Petersburg and its suburbs – greenhouses, greenhouse complexes, winter gardens. The article discusses the current technical condition of the objects. A visual analysis of the state was carried out and the ratio of the architectural objects of botanical gardening (AOBG) was compared according to their condition in various security groups. The analysis showed that, despite the high security status, not all AOBG are in a satisfactory technical condition. Five historical town-planning systems were identified, their current status and the number of AOBG in them existing were determined. The analysis of the modern use of greenhouses.

Keywords: St. Petersburg, greenhouses, modern use, current status, security OKN.

Архитектурные объекты ботанического садоводства (АОБС) (парники, теплицы, оранжереи, оранжерейные комплексы, оранжереи зимних садов) существуют на территории города с момента его основания, они оказали влияние на формирование новой садоводческой культуры, войдя, в процессе своего исторического развития, в повседневную жизнь различных социальных слоев населения. Выход на новый европейский уровень в области садоводства оказывал влияние на разные сферы жизни города – политическую, экономическую, научную, культурную. АОБС подняли престиж города, сумевшего вопреки суровому северному климату, за короткие сроки, достичь высокого европейского уровня в садоводческой сфере. Оранжереи вошли в градостроительные структуры различ-

ного назначения – это императорские и великокняжеские резиденции, городские и загородные усадьбы высшей знати, лечебные, учебные, торговые и выставочные заведения. Они располагались в различном количестве практически во всех частях города, и способствовали формированию городской территории на определенном этапе ее развития, представляя собой как линейные, так и точечные планировочные элементы, играя роль локальных акцентов. Распространение АОБС происходило от центра к периферии вместе с развитием города и укреплением значимых пригородных территорий.

АОБС – это тип архитектурных сооружений, имеющий особую специфику объемно-планировочного и конструктивного решений, технического обеспечения. Это самые уязвимые, в историческом плане, объекты, долговечность которых зависела от ряда факторов: статус и финансовое состояние владельца; интерес к ботанике и садоводству, как самого владельца, так и его наследников или приемников; социально-политическое положение в стране; используемые строительные материалы, характерные для определенного исторического этапа. За 300 летнюю историю развития Санкт-Петербурга количество АОБС было различным. Так в XIII веке они преимущественно располагались в императорских резиденциях и дворянских усадьбах, как в черте города, так и за ее пределами. В XIX веке – концентрировались на Аптекарском и Каменном островах, а также имели тенденцию к распространению в северном направлении. Начало XX века – время спада активности в плане возведения новых оранжерей, изменения отношения к АОБС, как к объектам преимущественно утилитарным, производственным. Для этого этапа характерны три основных типа АОБС – научно-исследовательские (ботанические сады), сельскохозяйственные объекты (промышленное производство для оформления городских территорий) и эстетические элементы архитектуры общественных зданий различного назначения (дворцы культуры, детские сады и школы, санатории, заводоуправления и т. д.).

Такие исторические события как революция, ВОВ нанесли серьезный ущерб различным историческим объектам, в том числе и ботаническим. Сохранившиеся до наших дней АОБС вошли в список памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. Анализ ситуации, сложившейся в этой сфере, показал, что под государственной охраной на территории Санкт-Петербурга и пригородов, в настоящее время, находятся около 9000 объектов культурного наследия (ОКН) различного назначения, из них 59 – это объекты ботанического назначения. Памятниками истории и культуры федерального значения являются 36 АОБС; памятниками истории и культуры регионального и местного (муниципального) значения – 13 АОБС; к вновь выявленным ОКН отнесен 1 АОБС; 9 АОБС не охраняются (Табл. 1) [1, 2, 3]. На современном этапе развития города и пригородов, все чаще встает вопрос о сохранении и использования АОБС. Эта тема уже неоднократно поднималась на научных конференциях различного уровня. Они проводились национальной ассоциацией «Возрождение исторических садов и парков» на базе различных музеев заповедников Москвы и Санкт-Петербурга («Восстановление исторических объектов ландшафтной архитектуры», Санкт-Петербург, музей-усадьба Г. Р. Державина, 2016 год; «Приспособление для современного использования и содержание исторических парков. Проблематика и успешный опыт», ГМЗ «Царицыно», 2018 год), Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга («Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века», ГМЗ «Гатчина», 2014 год; «От „царского огорода“ к музею заповеднику»,

ГМЗ «Петергоф», 2017 год), и др. В докладах затрагивались преимущественно проблемы узко ботанические (исторический флористический состав оранжерей, сохранение растений в условиях исторических оранжерей) и исторические – связанные с историей отдельных архитектурных комплексов. Также были выступления, поднимавшие вопросы перспективного развития, как отдельного архитектурного комплекса, так и ботанических объектов в него входящих, демонстрирующие собственный практический опыт в плане современного использования исторического объекта ботанической направленности. Что еще раз доказывает не только историческую, культурную и архитектурную значимость АОБС, но и их градостроительное значение, поскольку они имели неразрывную композиционную связь с архитектурным комплексом в целом.

Вопрос сохранения оранжерей и оранжерейных комплексов актуален, поскольку отношение к ним как к утилитарным, хозяйственным объектам приводит к потере очень тонкого пласта специфических по своим характеристикам и важных с точки зрения истории и теории архитектуры сооружений. Проведенный анализ сохранившихся на территории Санкт-Петербурга и пригородов оранжерей и оранжерейных комплексов позволил выявить четыре типа исторических градостроительных структур, имеющих на данный момент времени оранжереи, и сопоставить их современный статус с техническим состоянием, а также определить варианты их современного использования (табл. 1).

Таблица 1

Анализ статуса и современного использования АОБС

исторический статус градостроительной структуры	современный статус градостроительной структуры	кол-во АОБС	статус АОБС				техническое состояние			современное использование
			Ф	Р/М	ВОКН	–	хор.	удов.	не уд.	
императорские и великокняжеские резиденции	<ul style="list-style-type: none"> ● ГМЗ ● территории учебных заведений (СПбГУ, СПбГАУ) ● территория города ● коммерческие фирмы 	21	14	5	–	2	8	7	6	<ul style="list-style-type: none"> ● кафе-ресторан ● музей ● торгово-выставочный павильон ● коммерческое садоводство
усадьбы и дачи высшей знати	<ul style="list-style-type: none"> ● федеральная, частная собственность ● научно-исследовательский институт 	19	8	5	–	6	2	1	9	<ul style="list-style-type: none"> ● учебная лаборатория ● университетский кампус
									6	
особняки	<ul style="list-style-type: none"> ● коммерческие фирмы ● общественные организации ● городской парк 	8	6	2	–	–	4	1	2	<ul style="list-style-type: none"> ● дирекция по строительству дорожного агентства ● Дворец «Малютка» ● юридический факультет
									1	

исторический статус градостроительной структуры	современный статус градостроительной структуры	кол-во АОБС	статус АОБС				техническое состояние			современное использование
			Ф	Р/М	ВОКН	–	хор.	удов.	не уд. утр.	
учебные и научные учреждения	<ul style="list-style-type: none"> • территория учебного заведения (СПбГУ) • городской парк 	9	7	1	1	–	8	–	–	<ul style="list-style-type: none"> • учебная аудитория • коллекционно-выставочные пространства
медицинские учреждения	<ul style="list-style-type: none"> • территория медицинского учреждения 	2	1	–	–	1	2	–	–	<ul style="list-style-type: none"> • лаборатория • врачебная комиссия • административный корпус
ВСЕГО		59	36	13	1	9	24	9	17	
									9	

По проведенному визуальному анализу АОБС в хорошем состоянии находятся 24 объекта, расположенных преимущественно на территории города; в удовлетворительном – 9 объектов, расположенных на территории ближайших пригородов; в неудовлетворительном – 17 объектов, находящихся как на территории города, так и за его пределами; 9 объектов (из ранее выявленных) в настоящее время уже не существуют (табл. 1). В каждой охранной группе (федерального значения; регионального и муниципального значения; без охранного статуса) было определено количественное и процентное соотношение объектов находящихся в различном техническом состоянии. Анализ состояния АОБС представленный на рисунке 1 показывает, что максимальное количество утраченных оранжерей относится к ОКН муниципального назначения; в хорошем и неудовлетворительном состоянии, в равном отношении, находятся оранжереи, имеющие как статус ОКН муниципального значения, так и без него; в группе ОКН федерального значения чуть меньше половины – это объекты, находящиеся в хорошем состоянии, в равном отношении (вместе четверть от общего числа) находятся утраченные объекты и объекты в удовлетворительном состоянии, также четвертая часть – это оранжереи в неудовлетворительном состоянии (рис. 1).

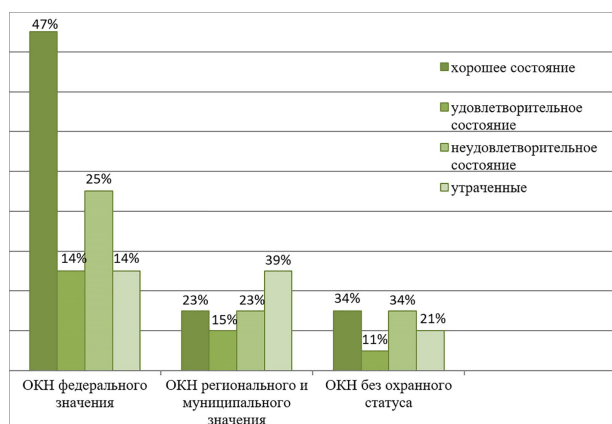
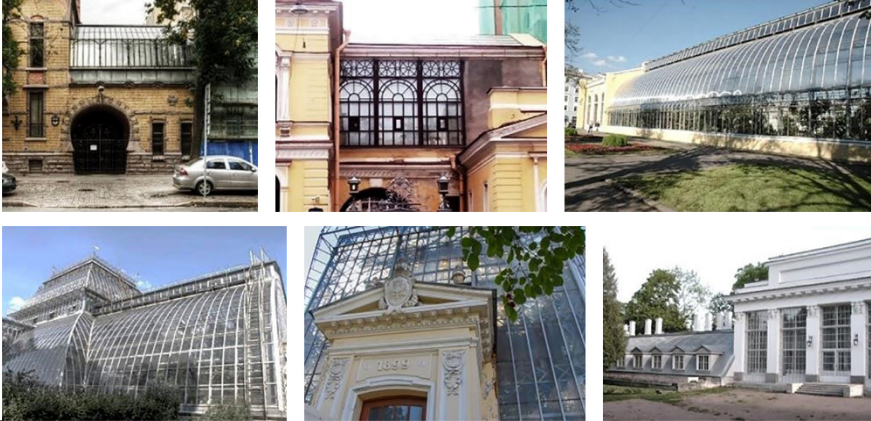

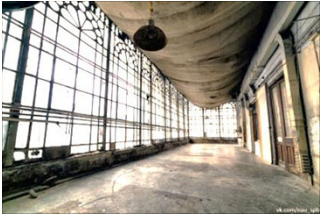

Рис. 1. Соотношение АОБС с различным состоянием в группах различного охранного статуса

**Визуальный анализ
современного технического состояния АОБС**

современное техническое состояние АОБС	КОЛ- ВО	Примеры
хорошее	24	 <p align="center">Санкт-Петербург</p>
удовлетвори- тельное	9	 <p align="center">Пушкин</p> <p align="center">Знаменка</p> <p align="center">Ораниенбаум</p>
неудовлетвори- тельное	17	

современное техническое состояние АОБС	кол- во	Примеры
неудовлетвори- тельное	17	<div data-bbox="547 387 1003 600"> </div> <div data-bbox="547 622 1422 1070"> </div> <p data-bbox="930 1086 1037 1120">Пушкин</p> <hr/> <div data-bbox="547 1167 1422 1608"> </div> <p data-bbox="922 1626 1045 1659">Павловск</p> <hr/> <div data-bbox="547 1709 1422 1921"> </div> <p data-bbox="930 1937 1037 1971">Гатчина</p>

современное техническое состояние АОБС	кол-во	Примеры
неудовлетвори- тельное	17	 <p data-bbox="874 680 1091 716">Санкт-Петербург</p>
		 <p data-bbox="922 981 1043 1016">Стрельна</p>
		 <p data-bbox="919 1283 1046 1319">Воронино</p>
		 <p data-bbox="930 1585 1035 1621">Гривова</p>
		 <p data-bbox="908 1888 1067 1924">Зеленогорск</p>

Несмотря на высокий охранный статус, далеко не все АОБС находятся в удовлетворительном техническом состоянии. Такие АОБС, как, например, особняк Брусницына с зимним садом, дворцовые оранжереи парка «Мариенталь» в Павловске, Гатчинские дворцовые оранжереи, оранжерея на территории ВНИИР им. Вавилова в городе Пушкин и др., требуют проведения качественных реставрационных работ.

Восстановленная из руин, в 50 годах XX века, Большая оранжерея в городе Пушкин, входящая в состав учебных корпусов Аграрного университета, просуществовала без реставрации 60 лет. Сейчас работы по реконструкции и капитальному ремонту здания проводятся уже в течении 11 лет. Первый этап работ проходил с 2008 по 2010 год, затем – 2012 год (велась «реставрация с реконструкцией» по проекту ОАО «СПб институт „Ленпроектреставрация“») (рис. 2а), а также с февраля по декабрь 2016 года. Как видно из объявления, реставрационные работы закончились в декабре 2016 года (рис. 2б.).

Рис. 2. а) Большая оранжерея в городе Пушкин фото 2012 года;
б) Большая оранжерея в городе Пушкин фото 2018 года

На фотографиях Большой оранжереи, сделанных летом 2018 года, виден результат не реставрационных работ, а непрофессиональных действий и полного равнодушия к памятнику архитектуры федерального значения (Рис. 2). Впрочем, и на других объектах ботанического садоводства в настоящее время наблюдается состояние близкое к критическому (табл. 2).

Проведение реставрационных работ – не всегда гарантия восстановления АОБС, так усадьба «Динамо» Ю. Самойловой в Павловске восстанавливается частично, утрачен один из важных исторических и композиционных элементов – оранжерея зимнего сада,

что не позволяет увидеть исторически сложившегося, целостного объемно-пространственного и архитектурно-художественного решения (рис. 3).

Рис. 3. Усадьба «Динамо» Ю. Самойловой в Павловске

В данном случае, при восстановлении объекта не была учтена историческая, архитектурная, композиционная значимость оранжереи в структуре архитектурного объекта и его влияние на восприятие композиции всего усадебного комплекса.

АОБС возводились с использованием различных строительных материалов, чаще всего это был местный материал – дерево; затем с появлением собственных кирпичных заводов они стали возводиться в камне; позднее используются металлические конструкции, как отдельно, так и в сочетании с другими материалами. Металлические конструкции сохранились в оранжереях ботанического сада и в оранжереях зимних садов особняков Кельха, Спиридонова, Форостовского, Нобеля, Брусницына. В 2010 году был утрачен комплекс, где были применены металлические конструкции, с большой пальмовой оранжереей, которая являлась памятником культуры местного значения и располагалась на Каменном острове. Оранжерею, построенной в начале XX века, выстоявшей во время ВОВ, не нашли применения в современном элитном жилом комплексе, возведенном на месте крупного оранжерейного комплекса (рис. 4).

Рис. 4. Оранжереи дачи Елисеевых на Каменном острове

Рассмотрим некоторые направления современного использования АОБС, расположенных как на территории Санкт-Петербурга, так и за его пределами. Учитывая специфику, АОБС используют по своему непосредственному назначению – выставочно-коллекционному в ботанических садах города, имеются объекты торгово-выставочного (Оранжерея Таврического сада, Выставочный зал «Цветы») и торгово-производственного назначений (дворцовые оранжереи Гатчины).

Независимо от формы собственности АОБС используются в учебно-воспитательных и просветительных целях, что способствует «...формированию ценностных ориентаций, служащих основой активной жизненной позиции будущего гражданина России» [4].

Одним из популярных направлений реновации АОБС является музеефикация, занимающая важное место в современной культуре, активно применяемая по отношению к АОБС за рубежом. Этот способ сохранения возможен при условии правильного понимания исторических и архитектурно-художественных, конструктивных особенностей АОБС (Музей художественного стекла в оранжерее на Елагином острове). На данный момент существует не только зарубежный, но и отечественный опыт музеефикации, которая позволяет превратить АОБС как в самостоятельный объект музейного показа, так и в часть экспозиции комплекса, когда базовая ботаническая функция сохранена и является частью многофункционального использования комплекса в целом, что является наиболее ценным по отношению к данным объектам (ГМЗ «Царицыно» – полная реконструкция исторического облика оранжерейного хозяйства; музей-усадьба Льва Толстого в Ясной Поляне и др.). Именно такой способ использования в перспективных планах восстановления и приспособления комплекса дворцовых оранжерей ГМЗ «Гатчина», где планируется осуществлять как показ растительных коллекций посетителям, так и использовать их для нужд парка [5, 6].

Перепрофилирование АОБС расположенных в пределах значимых, исторически сложившихся градостроительных структур, таких как ГМЗ, является их внутренней политикой направленной на перспективное развитие, с учетом экономической выгоды. Приспособление оранжерей под объекты общественного питания (кафе, рестораны) сейчас особенно популярно (рис. 5).

Рис. 5. а) Малая оранжерея Летнего сада; б) оранжерея нижнего сада в Петергофе; в) оранжерея усадьбы Державина на Фонтанке

Кафе-ресторан располагается в восстановленной Малой оранжерее Летнего сада Санкт-Петербурга, в оранжерее нижнего сада в Петергофе, в восстановленной оранжерее усадьбы Державина на Фонтанке. Также в планах приспособление под кафе-ресторан оранжереи № 3 в парке «Мариенталь» и сохранение исходной функции в оранжерее № 2 [7]. Нужно отметить, что в проекте приспособления дворцовых оранжерей Павловска рассматриваются только две из них, а не весь комплекс (дворцовое садоводство – 4 оранжереи), что в свою очередь может привести к утрате аутентичности комплекса и создания тривиального объекта общепита, вместо эксклюзивного, способного стать визитной карточкой города.

Также нужно отметить, что сохранившиеся оранжереи используются как служебные помещения, лаборатории, в том числе и учебные (Государственный аграрный универси-

тет; СПбГУ, лаборатория ихтиологии), а также как административные здания (поселок им. Держинского Лужского р-на (Рапти), особняк Спиридонова) (рис. 6).

Рис. 6. Оранжерея в поселке им. Держинского Лужского района Ленинградской области

Не всегда охранный статус спасает архитектурный памятник от разрушения или полного уничтожения. Коммерческая выгода иногда идет в разрез с сохранением ОКН, это связано в первую очередь с утилитарным восприятием культурного наследия, поскольку оранжереи и теплицы долгое время относились исключительно к хозяйственной группе построек.

Небрежное отношение, к архитектурному наследию города в целом и к объектам ботанического садоводства в частности, не отвечает статусу культурной столицы.

Необходимо учитывать, что сохранившиеся АОБС являются важным активом, способным приносить прибыль и влиять на экономическое развитие как города, так и пригородов, повышения их статуса. Особое внимание необходимо уделять удаленным от города объектам, где сохранение аутентичности, создание современной востребованной среды для разноплановой работы, отдыха и культурного развития могло бы способствовать возрождению культуры ботанического садоводства и расширению круга туристических маршрутов, созданию нового направления экотуризма.

Литература

1. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, стоящие под государственной охраной. // Справочник. СПб.: АЛЬТСОФТ, 2000. 705 с.
2. Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий). // Справочник. СПб.: АЛЬТСОФТ, 2001. 705 с.
3. Перечень объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://kgior.gov.spb.ru/> (дата обращения 04.03.2019).
4. Амубуттаева П. М., Раджабов И. М. Воспитательный потенциал архитектурных памятников // известия дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2013. № 2(23). С. 33–36.
5. Полякова А. Ю. Оранжереи дворцового парка Гатчины. // Сборник статей «От „царского огорода“, к музею заповеднику». ГМЗ «Петергоф», 2017. С. 209–217.
6. Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века. // Материалы международной научной конференции, ГМЗ «Гатчина», Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб.: ИПК «БЕРЕСТА», 2014 г. 280 с.
8. В Павловском дворце намерены восстановить Императорские оранжереи [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/164665/ (дата обращения 04.03.2019).

УДК 72.03

Голобородский Михаил Венедимович,
канд. архит., доцент
(Уральский государственный архитектурно-художественный университет)
Михайлова Людмила Гавриловна,
старший научный сотрудник
(филиал ФГБУ
«ЦНИИП Минстроя России»
УралНИИпроект)
E-mail: architrave@inbox.ru,
ludmila@uniip.ru

Goloborodsky Michael Venidimovich,
PhD in Architecture, Associate Professor
(Ural State University
of Architecture and Arts)
Mikhailova Lyudmila Gavrilovna,
senior researcher
(The Ural Research and Design Institute, branch
of the Central Institute for Research and Design
of the Ministry of Construction of the Russian Federation)
E-mail: architrave@inbox.ru,
ludmila@uniip.ru

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ДЕРЕВЯННОГО МОДЕРНА НА УРАЛЕ

ON THE PRESERVATION OF THE WOODEN MODERN ON THE URAL

Филиалом ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект ведутся исследовательские работы по теме «Истоки и развитие архитектуры деревянного модерна на Урале» в соответствии с тематикой научных исследований в области истории архитектуры и градостроительства РААСН и ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России».

Целью отраженных в данной статье исследований является определение художественной значимости и регионального своеобразия архитектуры деревянного модерна в Уральском регионе. Большинство из указанных в данной публикации объектов утрачены или находятся под угрозой реконструктивных искажений. Примененные исследователями сравнительно-типологический и искусствоведческий анализы позволили выявить региональные особенности зданий определенного типа и стилиевых процессов, протекавших в последнем десятилетии XIX – начале XX веков, в удалении от столичных культурных центров.

Из исследованных образцов уральского деревянного модерна выявлены примеры раннего «декоративного» модерна, и позднего, очищенного от декора, «рационалистического» варианта стиля. На фоне по-провинциальному подражательных примеров освоения стилиевых форм модерна выделяются оригинальные работы профессиональных архитекторов, выполненные в духе европейских образцов. Как и в европейской части России в Уральском регионе имеются примеры построек, выполненных в русифицированном национально-романтическом преломлении.

Ключевые слова: Уральский регион, архитектура, эстетические концепции, запоздалость развития новых стилиевых направлений, европейские образцы, деревянный модерн, региональные особенности, формообразование, подражательные приемы, элементы декора, накладная резьба, мотивы средневековой архитектуры, «северный» вариант стиля, особняки, железнодорожные вокзалы.

The Ural Research and Design Institute (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction of the Russian Federation) conducted research on „The Origins and Development of Wooden Architectural Arte Nouveau in the Urals“. It corresponds to the topics of research in the field of architectural history and urban planning of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction of the Russian Federation. The main purpose of this study is to determine the artistic value and regional identity of wooden architectural Arte Nouveau in the Ural region. Most of the objects mentioned in this article have been lost or are under the threat of reconstructive distortions. The applied comparative typological and art-historical analyses allowed to reveal regional features of buildings of a certain type, and stylistic processes taken place the last decade of 19th – the beginning of the 20th centuries far from capital cultural centers.

The studied samples of the Ural wooden Arte Nouveau revealed the examples of the early „decorative“ Art Nouveau and the late „rationalistic“ version of the style cleared of decor. Original works of professional architects, made in the spirit of European designs, differ from the provincial imitative examples

of the Art Nouveau stylistic forms. The Ural region as well as the European part of Russia has examples of the buildings of the Russified national romantic style.

Keywords: the Ural region, architecture, aesthetic concepts, the delay of the new styles development, European designs, wooden Art Nouveau, regional features, farming, imitative techniques, decorative elements, motifs of Medieval architecture, the „Northern“ type of style, mansions, train stations.

Богатая лесами природа Урала обусловила широкое использование здесь древесины не только как конструктивного, но и как декоративного материала. Долгое время преобладавшая идеологическая предвзятость по отношению к архитектуре рубежа XIX–XX веков, пагубно сказалась на сохранности деревянных строений. Между тем стилистика в формах модерна получила яркое выражение в облике практически всех типов, построенных в тот краткий период, зданий.

Деревянный модерн в архитектуре гражданских зданий

На рубеже XIX–XX веков здания и сооружения, выполненные в формах архитектуры модерна, составляли значительный слой исторической застройки городов Уральского региона. Долгое время это специфическое архитектурное направление оставалось мало изученным, а здания, достойные быть охраняемыми как объекты культурного наследия, до 1970-х гг. не ставились на государственную охрану. Это привело к тому, что к 1980-м годам большая часть деревянных построек, выполненных в формах модерна была утрачена. На сегодняшний день далеко не все деревянные постройки в формах модерна получили статус памятников. Как результат, некоторые здания продолжают подвергаться произвольным искажениям. Так сохранение деревянных особняков и железнодорожных вокзалов видится сегодня темой важной для исследования и сохранения.

Модерн как архитектурный стиль зародился в Европе. Но развивался он индивидуально в каждой стране, вбирая в себя элементы той или иной национальной культуры. В России он стал самостоятельным, особенным направлением, повлиявшим не только на формирование архитектурного направления, но и на другие сферы искусства – живопись, скульптуру, прикладное искусство (Рис. 1).

Рис. 1. Архитектор С. В. Малютин. Теремок во Фленове, Талашкино. 1900–1901 гг.

Утверждение модерна в Екатеринбурге относится к середине первого десятилетия XX века, здесь он достаточно разнообразно представлен, но наиболее интересным среди зданий города стал «деревянный модерн». Стилевая направленность архитектуры Екатеринбурга имеет общие истоки и традиции Уральской архитектурной школы [1, 254]. В отличие от городов центральной России в Уральском регионе большое значение имела деятельность архитекторов горного ведомства, создавших специфику архитектуры городов-заводов. Одной из особенностей становления архитектурных стилей в архитектуре Екатеринбурга является устойчивость предыдущего стиля и запоздалость в развитии нового стиливого направления. Усадебные дома Екатеринбурга обладали и местными традициями, отличными от центральной России, по композиции зданий и их объемно-пространственной планировке на усадьбе [3, 34–38]. До конца XIX века сохранялась практика строительства жилых домов с традиционными простыми объемами срубов. Главный вход в усадебный дом, как правило, располагался со стороны двора, по периметру которого были расположены надворные постройки. Двор соединялся с улицей воротами и калиткой.

Первоначальным и ярким проявлением принадлежности здания к стилю модерн в деревянных домах Екатеринбурга на рубеже XIX–XX вв. стали окна. При этом стилистике модерна соответствуют не столько наличники, сколько форма окон и узнаваемый, бросающийся в глаза рисунок их переплетов. Именно ведущая роль оконных проемов, больших по размеру, чем традиционное окно, и рисунок переплетов, являются наиболее выразительным и узнаваемым элементом стиля модерн. Декоративное же украшение фасада – подзоры, декор наличников – часто оставалось выполненным в традиции народной деревянной резьбы (рис. 2, 3).

Рис. 2. Екатеринбург, ул. Вайнера, 19. Фото Н. Боченина. Источник: <http://bochenin.com>

Несмотря на общность черт екатеринбургского модерна, проявившихся в различных зданиях, все они оригинальны и совершенно не похожи друг на друга, даже при одном и том же функциональном назначении. Этому способствовали не только субъективные требования заказчиков, но и индивидуальная творческая манера архитекторов.

Рис. 3. Екатеринбург, ул. Венгерских коммунаров, 56а.
Фото Н. Боченина. Источник: <http://bochenin.com>

Графика переплетов оконных проемов со временем усложнялась. Геометрический рисунок переплетов с мелким решетчатым заполнением в верхней части больших окон дополняется, либо вообще сменяется скругленными линиями. Плавный линейный рисунок переплетов начинает доминировать над прямоугольной конфигурацией оконных проемов. На иллюстрации представлен одноэтажный дом с мезонином, выполненный из брёвен как типичный сруб «в обло с остатком». Но традиционные для деревянного зодчества детали сруба украшает богатая накладная резьба, выполненная в стилистике модерна. Рисунок оконных переплетов является выразительным и узнаваемым элементом стиля модерн. Ещё одна сфера приложения декоративных деталей модерна в этом доме – это парапет кровли и оформление парадного входа. Накладными деталями украшались

створки дверей и козырьки навеса. Кронштейны навеса укрупнялись. Традиционно закреплённые за металлом элементы выполнены из дерева, и в их орнаментике также стали преобладать декоративные мотивы модерна.

Важным элементом декора в архитектуре деревянного модерна стало применение рисунка в обшивке сруба. Обшивка, как элемент декора стены, имея собственный рисунок, создавала дополнительный художественный элемент фасада (рис. 4). Модерн в деревянном исполнении не стал массовым явлением. Чаще строились дома, выполненные в формах традиционного деревянного зодчества, но имеющих в декоративном оформлении фасадов элементы и детали, присущие стилистике модерна.

Рис. 4. Екатеринбург, ул. Кирова, 49. Фото Н. Боченина. Источник: <http://bochenin.com>

В Екатеринбурге, на усадьбе Фофановых, примерно в 1900 году на бывшей Успенской улице (Вайнера), было построено интересное по архитектуре здание в форме так называемого «чистого» модерна, в его классическом «северном» варианте (рис. 5). Главным отличительным признаком архитектуры русского «северного» модерна было сочетание разных фактур и объемов в рамках одного проекта. Как правило, в Петербурге строились дома с несколькими различными и по высоте, и по конфигурации строениями, с отличающимися по форме и размерам окнами. Выглядели здания монументально, имели характерные для модерна плавные изогнутые линии, пластику и графичность декора и фасада. В объектах, выполненных в формах северного модерна, проступает стилизация мотивов средневековой замковой архитектуры.

Рис. 5. Екатеринбург, ул. Вайнера, 19. Фото Н. Боченина. Источник: <http://bochenin.com>

Необходимо отметить тот факт, что в Екатеринбурге были распространены здания, выполненные в формах деревянного модерна, с использованием в их архитектуре элементов башенного типа (рис. 5, 7). Так особняк Фофановых имел сложное решение объема и асимметричную конфигурацию плана. Ценность особняка состояла не только в оригинальности архитектурного решения, но и в его пространственно-планировочном расположении на территории усадьбы. Это был единственный случай с центрической, а не периметральной композицией усадьбы в застройке Екатеринбурга, в которой объем особняка, выполненного в стилистике деревянного модерна, был организующим центром усадьбы. Редким образцом жилого дома, решенного в стилистике «русского» исторического модерна являлся дом присяжного поверенного В. И. Иванова, построенный в 1912 году в Екатеринбурге на Колобовской (Толмачёва) улице по проекту городского архитектора И. К. Янковского (рис. 6).

Стиль модерн развивался, главным образом, как архитектура городских особняков и загородных вилл и дач. На берегу озера Шарташ, любимого места отдыха горожан, в начале XX века были выстроены загородные купеческие дачи, выполненные в стилистических формах русского деревянного модерна. Чаще всего это были образцы типа «терем» с русскими декоративными узорами и деревянными башенками, резными наличниками с интерпретацией русских национальных мотивов.

Рассмотрев ряд объектов Екатеринбурга, выполненных в формах деревянного модерна, следует отметить, что все они по-своему необычны и оригинальны. Многие здания, к сожалению, утрачены безвозвратно.

Рис. 6. Екатеринбург, Дом В. И. Иванова на ул. Колобовской.
Фото Н. Боченина. Источник: <http://bochenin.com>

Рис. 7. Екатеринбург, дачный особняк на ул. Отдыха

Деревянный модерн в архитектуре станций железных дорог

В архитектуре станционных строений железных дорог Урала представлены почти все стилистические направления, характерные для второй половины XIX – начала XX вв. Особенно интересны произведения «железнодорожного» модерна. На Урале, так же как в городах Поволжья и Сибири, декоративные формы деревянного модерна нередко имитировали формальные качества, присущие каменным сооружениям «нового стиля». При этом архитектурная декорация в стиле модерн выполнялась в технике близкой народной деревянной резьбе, сочетавшей народные традиции с приемами профессиональной архитектуры. Некоторые провинциальные постройки дилетантов отличались непосредственностью иногда граничащей с «китчем». В проектах профессиональных архитекторов особенности московского и петербургского модерна нередко переплетались с общеевропейскими приемами, характерными для Венского (Сецессион) и Северного (Скандинавского) модерна [4, 93–104]. За период развития стиля «модерн» в Европе (1880–1914 гг.) ярко проявились его основные качества: общность планировочных, объемно-пространственных и конструктивных приемов, стремление придать каждому сооружению сугубо индивидуальный характер, запоминаемость архитектурного облика. Один из определяющих приемов модерна – пластическая архитектурная форма. Часто нарочитая композиция выявляла реальную структуру здания: крупный объем вестибюля или холла отмечался большим окном-витражем, вход – порталом или башней, разные по величине и назначению комнаты – оконными проемами разнообразной величины и формы. Внутренняя структура явственно читалась во внешнем облике здания. Непременным стилистическим признаком были «упругие» криволинейные карнизы и обрамления окон.

Как и европейским образцам модерна, работам российских профессиональных архитекторов было свойственно стремление продемонстрировать факт овладения деревом как новым материалом – новыми конструктивными решениями; нетрадиционными криволинейными формами консолей, карнизов, ограждений, оконных и дверных рам. Непременным признаком «новой» архитектуры стала общность планировочных, объемно-пространственных, конструктивных приемов, при этом каждому сооружению авторы стремились придать сугубо индивидуальный характер, уникальность, запоминаемость архитектурного облика.

Внедрение модерна в практику уральских архитекторов не было одномоментным. Симптомы модерна проявились в построенных около 1904 г. по одному проекту вокзалах станций Верхотурье и Надеждинск Богословской линии (рис. 8). С 1900 по 1910-е годы развитие модерна на Урале шло по нарастающей, с почти одновременным бытованием всех его стилистических ответвлений. По видимому, к этому краткому историческому периоду на Урале воедино сложились многочисленные факторы, обусловившие небывалый расцвет деревянного зодчества. Архитекторы и строители своими деревянными постройками показывали виртуозное владение композицией, свойствами материала и конструкциями. Богатые возможности языка нового стиля в архитектуре жилых и разнообразных по функциям общественных зданий авторы демонстрировали зрелищными приемами неорусского стиля, «северного» и интернационального течений модерна.

Особую роль древесина стала играть в постройках стиля модерн в связи с его общим тяготением к природным формам, материалам и стремлением к синтезу искусств. Архитектурный рационализм эпохи модерна, в связи с развитием нового взгляда на функ-

циональную и конструктивную стороны архитектуры, получил определённое развитие. Эти рациональные черты модерна наиболее полно реализовались в архитектуре деревянных строений железнодорожных комплексов (рис. 9).

Рис. 8. Здание железнодорожного вокзала в Надеждинске (г. Серов)

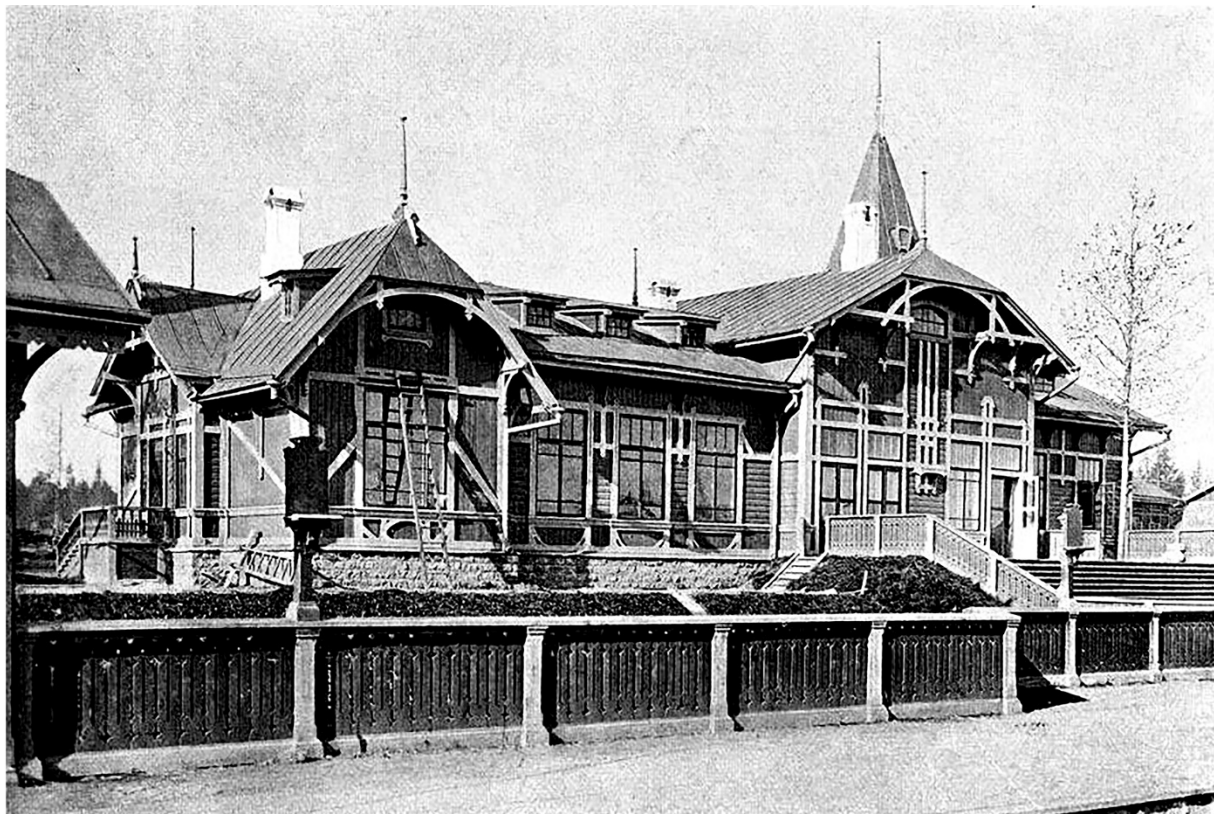

Рис. 9. Вокзал ст. Коуровка. Фото 1950-х гг.

Заключение

При всей кратковременности своего существования модерн даже в уральском гражданском и железнодорожном строительстве успел пройти ряд фаз развития и принять несколько разновидностей. Среди деревянных строений встречается как ранний «живописный» модерн, так и поздний, «рационалистический», почти очищенный от декора. Новшества, привнесенные модерном в уральскую архитектуру, фиксируются, в основном, на уровне организации фасадных композиций, редко затрагивая пространственно-планировочные, объемные и конструктивные решения построек. В силу этих причин, так и не возникает предпосылок для преодоления пространственных композиций эклектики. Просуществовав чуть более десятка лет, модерн успел наложить отпечаток на архитектурный облик многих городов России, в том числе и Екатеринбурга. Но, если романтическая волна (эклектика), пришедшая на смену классицизму, запоздала на Урале на два десятилетия, то архитектура модерна появилась, практически, одновременно.

Литература

1. Власюк А. И. О своеобразии архитектуры русских провинциальных городов в 1840-е – 1910-е годы. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуция, датировка. М.: Наука, 1983. С. 222–261.
2. Долгов А. В. Деревянное зодчество Свердловской области. Екатеринбург: Сократ, 2008. 143 с.
3. Звагельская В. Е. Модерн в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург: Независимый институт материальной культуры, 2007. 149 с.
4. Лисовский В. Г. Северный модерн. Национально-романтическое направление в архитектуре стран Балтийского моря на рубеже XIX и XX веков. СПб.: Издательский дом «Коло», 2016. С. 93–104.
5. Стариков А. А., Звагельская В. Е., Токменинова Л. И., Черняк Е. В. Екатеринбург: история города в архитектуре. Екатеринбург: «Сократ». 1998. 255 с.
6. Боченин.com. [Электронный ресурс]. URL: <http://bochenin.com/>.
7. Екатеринбург. [Электронный ресурс]. URL: <http://letopisi.org/index.php/Екатеринбург>.
8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 764; Д. 769; Д. 777; Д. 779; Д. 780; Д. 791. Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 3. Д. 7592; Д. 7831; Д. 7833.

УДК 72.035:719:[712.25:712.5:728.37](470.23-25)

Козырева Екатерина Андреевна,
начальник Управления зон охраны
объектов культурного наследия
(Комитет по государственному контролю
использованию и охране памятников
истории и культуры)
E-mail: ket007@mail.ru

Kozyreva Ekaterina Andreevna,
Head Of the Department of cultural heritage
protection zones
(Committee for State Control
over the Use and Protection
of Historical and Cultural Monuments)
E-mail: ket007@mail.ru

БЛИЖНИЕ УСАДЬБЫ ВЫСШЕЙ ЗНАТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЕЗДА (ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ)

NEAR THE ESTATE OF THE HIGHEST NOBILITY OF THE ST. PETERSBURG DISTRICT (PROBLEMS OF CONSERVATION)

В работе рассматривается феномен ближних усадеб высшей знати как часть истории и градостроительный аспект в формировании города Санкт-Петербурга и его окрестностей. Проблемы сохранения и приспособления для современного использования в настоящее время усадеб высшей знати, расположенных на территории Санкт-Петербургского уезда. Проанализированы ранее суще-

ствовавшие и сохранившиеся до наших дней усадьбы высшей знати. Актуальность темы продиктована тем, что в настоящее время особое внимание правительством Российской Федерации уделяется приспособлению объектов культурного наследия, в том числе усадеб. Целью работы является выделение в отдельный тип объектов культурного наследия «ближние усадьбы высшей знати».

Ключевые слова: усадьбы высшей знати, проблемы сохранения объекта, объекты культурного наследия, Санкт-Петербургский уезд, приспособление для современного использования объекта, функциональное назначение объекта.

The paper deals with the phenomenon of near estates of the highest nobility as part of the history and the town-forming aspect in the formation of the city of St. Petersburg and its surroundings. Problems of preservation and adaptation for modern use now estates of the highest nobility located in the territory of the St. Petersburg County. Analyzed the pre-existing and extant estates of the highest nobility. The relevance of the topic is dictated by the fact that currently the government of the Russian Federation pays special attention to the adaptation of cultural heritage sites, including estates. The aim of the work is to identify a separate type of cultural heritage „near estates of the highest nobility“.

Keywords: estates of the highest nobility, problems of preservation of object, objects of cultural heritage, the St. Petersburg County, adaptation for modern use of object, functional purpose of object.

В Санкт-Петербурге и вокруг него до 1917 г. можно отметить наличие усадеб, которые по своему содержанию и амбициозности, могут в чем-то поспорить с Императорскими загородными дворцово-парковыми комплексами. Но в тоже время имеют характерные отличительные особенности, по которым их можно отделить как от Императорских дворцовых загородных комплексов, так и от помещичьих усадеб. Такой особый тип объектов можно обозначить как «ближние усадьбы высшей знати». Усадьбы (точнее – дворцово-парковые комплексы) высшей знати традиционно развивались как особый тип объектов на прилегающей к столичному городу территории. В настоящее время многие из них находятся в границах современной городской черты [1, с. 17].

Эти усадьбы создавали великолепные миры вокруг столичного города и были амбициозными центрами притяжения, зачастую предрешая судьбу владельцев (Каменный остров – Бестужев-Рюмин). В некоторых случаях, когда владелец разорился, такие усадьбы выкупались в казну города, становясь Императорскими резиденциями (Елагин остров, Таврический дворец и т. п.), иногда передавались лечебным организациям (Дача К. Е. Сиверса, Новознаменка и т. п.). По результатам проделанной работы выделено наличие таких объектов и их характерные особенности, в том числе наличие объектов направленных на то, чтобы подчеркнуть «статусность» владельцев, а не на хозяйственные нужды (оранжереи с орхидеями и ананасами, боскеты и перголы) [3, с. 127]. Большинство таких сооружений носило временный характер и не дошло до наших дней, об их виде и наличии мы можем судить только по описаниям, данным в воспоминаниях современников (И. Г. Георги, М. И. Пыляев, Генрих фон Реймерс, барон Н. Н. Врангель). Выделенные усадьбы можно типологизировать по сохранности территории и компонентов.

Первым критерием при выделении указанного типа усадеб является статусность владельцев – не ниже 4 ранга по табели. Из усадеб Санкт-Петербургского уезда были выделены следующие: Осинава роща, Шуваловский парк, Ватермяки, Мурино, Пушино Горка, Бугры, Коломяги, Лесная ферма, Александровское, Кюлиатка, Лембалово, Розальвина, Малое Кайдалово, Большое Кайдалово, Большие Коркомьяки, Малые Коркомьяки, Алфавитовка (Лехтикюли), Кириасалы, Коросары, Варварина, Ненимяки (Васкелово), Еленина (Екатериновка, Михайловка), Большое Гарболово, Малое Гарболово, Васильевка,

Осельки (Оселки), Америка (Гаспары), Эрмитаж (Сергиевская), Пери (Матвеевка), Большое Куйвози (Екатериновка), Среднее Куйвози (Идова), Малое Куйвози (Пушино Горка) [3, 9, 10].

В состав классической помещицъей усадьбы обязательно входили: усадебный дом, несколько флигелей (для прислуги, кухня и тому подобное), конюшня, оранжерея (либо теплица), баня. Парк, примыкающий к усадьбе чаще всего носил ландшафтный характер, в нем устраивались пруды и запруды, прокладывались аллеи.

Далее среди выделенных 31 усадеб по количеству объектов на территории выделяются 17, следующие: Осинава роща, Шуваловкий парк, Мурино, Пушино Горка, Коломяги, Лесная ферма, Александровское, Розальвина, Большие Коркомьяки, Алфавитовка (Лехтикюли), Кириасалы, Ненимяки (Васкелово), Еленина (Екатериновка, Михайловка), Малое Гарболово, Васильевка, Осельки (Оселки), Большое Куйвози (Екатериновка) (рис 1).

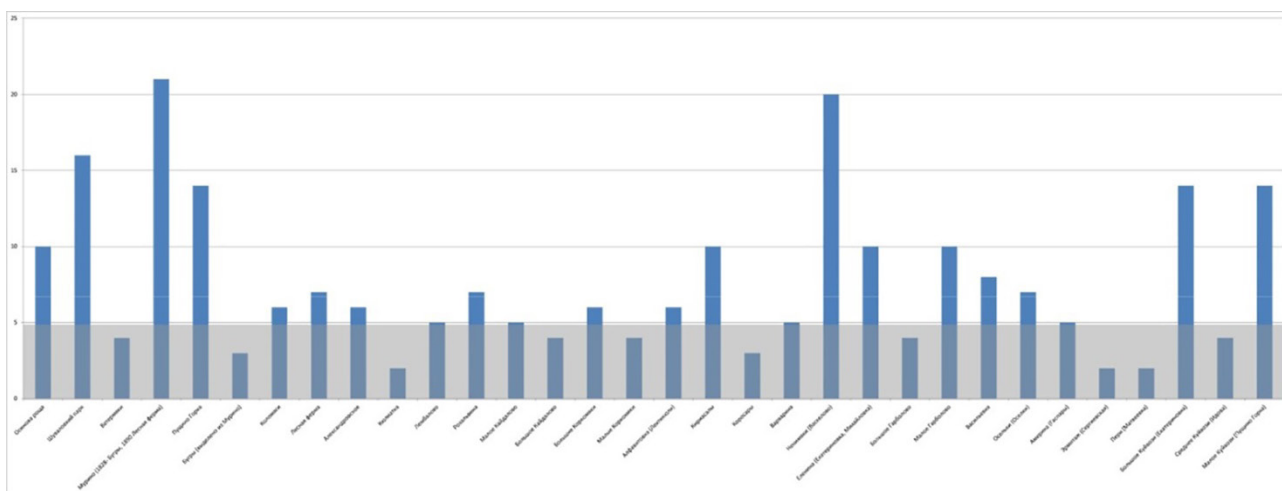

Рис. 1 Диаграмма обозначающая количество объектов на территории усадьбы

Если сравнивать усадьбы по площади, то можно выделить следующую особенность более 20 га: Осинава роща, Шуваловкий парк, Ватермяки, Мурино, Пушино Горка; более 15 га, но менее 20 га: Розальвина, Алфавитовка (Лехтикюли), Малое Гарболово, Пери (Матвеевка); более 10 га, но менее 15 га: Бугры, Еленина (Рис. 2).

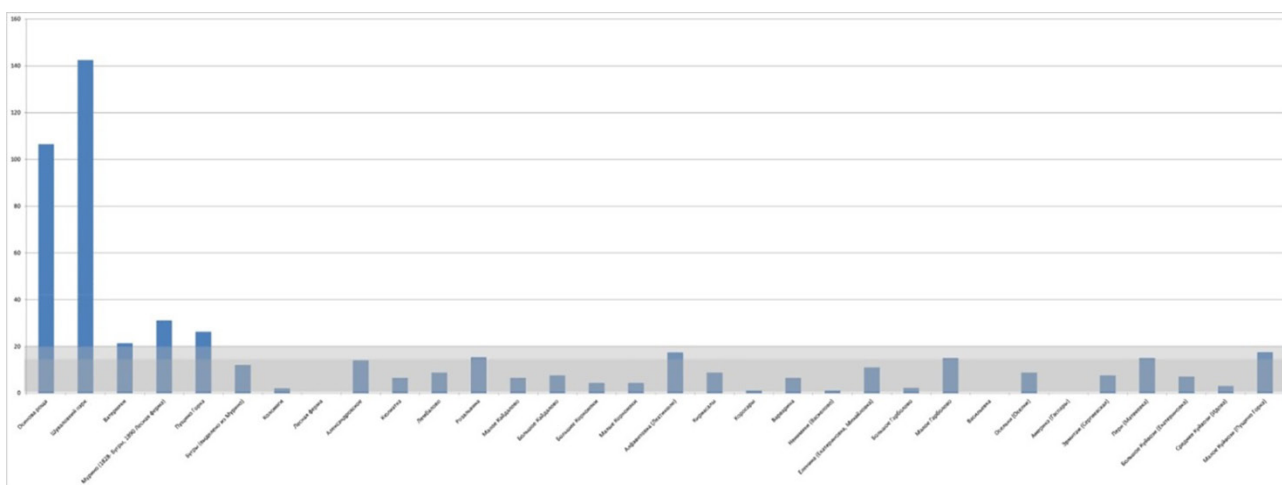

Рис. 2 Диаграмма обозначающая площадь усадьбы

В результате проведенных исследований выявлено, что на территории Санкт-Петербургского уезда при значительном количестве усадеб, только 17 можно отнести к типу «ближние усадьбы высшей знати».

При этом из 17 усадеб сохранилось только 7: Осинова роща, Шуваловский парк, Мурино (часть парка и церковь), Пушино Горка, Коломяги, Лесная ферма, Кириасалы (часть парка и фундаменты усадебного дома). И то большинство находится в аварийном состоянии.

Историю усадеб мы можем почерпнуть в очерках по истории Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии, в диссертационных работах по изучению быта и ландшафта усадеб, в архивах. Но неужели возможно допустить исчезновение уникальных объектов? Часть из них и так уже осталась в истории.

Давайте рассмотрим более конкретно одну из сохранившихся (пусть и частично) усадеб Санкт-Петербургского уезда – Коломяги.

1703 г. – в ходе Северной войны территории Швеции, некогда подвластные Великому Новгороду, были отвоеваны Россией. Приняв решение основать на Неве новую столицу. Петр I с целью скорейшего заселения края раздавал его земли своим приближенным. От них требовалось строить «забавные дома» и «украшать огороды», т. е. сооружать мызы и дачи, а при них разбивать сады и парки [2, 8].

1719–1726 гг. – земельные владения под названием мыза «Каменный нос», лежащие на территориях, отделенных рекой Большой Невкой с юга и Финским заливом с запада, и земли, включающие деревню Коломяги, были пожалованы во временное пользование, а в 1726 г. в вечное и потомственное – барону А. И. Остерману. В царском указе говорилось о передаче ему «пустопорожней земли».

1746–1758 г. – после дворцового переворота, приведшего на трон Елизавету Петровну, в 1746 г. мыза с деревнями переходит к графу А. П. Бестужеву-Рюмину. Императрица выражала свою волю Сенату так: «Пожаловали мы отписанную у Андрея Остермана в ингерманландии приморскую мызу Каменный нос со крестьянами нашему канцлеру Алексею Бестужеву Рюмину». Он владеет этими землями до 1758 г.

В 1758 году по обвинению в государственной измене Бестужев-Рюмин сослан в подмосковное имение [14].

1762–1765 гг. – А. П. Бестужев-Рюмин оправдан, ему были возвращены все награды и земли. В 1765 г. на его средства была построена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. После этого мыза носит название «Село Благовещенское» с деревнями Новой и Старой и Коломягами (в переводе с финского – низкое место) [2, 3, 8].

1770–80-е гг. – следующей, достоверно известной владелицей с. Благовещенского была «девица, княжна Анна Алексеевна Волконская», которая продала имение в 1789 г. отставному подполковнику Сергею Саввичу Яковлеву. Он был сыном откупщика-миллионера. В своем имении Яковлев построил барскую усадьбу и жил в ней с женой и семьей дочерьми. Через пять лет после его кончины был произведен раздел территории мызы. В 1805 г. село Благовещенское с деревнями Новой, Старой и Коломягами переходят наследницам Яковлева – его шести замужним дочерям и его внучке Елизавете Алексеевне Никитиной. Раздел осуществлялся следующим образом: «сперва расписали крестьян на 7 равных частей, затем был составлен план угодий и произведено его межевание, так же на 7 равных частей». После этого была произведена жеребьевка. Шестой и седьмой жребий, разделяющий на части д. Коломяги достался Е. А. Никитиной и С. Авдулиной [2, 3, 8].

1834 г. – д. Коломяги стала принадлежать одной семье графа А. П. Никитинна. Имение принадлежит отцу и дочери.

1838 г. – Е. А. Никитина выходит замуж за флигель-адъютанта, полковника графа Ф. В. Орлова-Денисова. 19 июня 1838 г. имение Коломяги – майоратным, общего владения А. П. Никитина и его дочери, фрейлины, Орловой-Денисовой. Согласно этому документу, кроме д. Коломяги, в собственности находятся, «усадебное место 1 десятина 1948 саженьей». Западной частью владел А. П. Никитин, восточной – его дочь [14, с. 770].

По проекту архитектора А. М. Горностаева был построен особняк с хозяйственными и служебными постройками, разбит пейзажный парк. В долине ручья Безымянного сооружена плотина и образован пруд S-образной формы, встроены два деревянных моста и в 1858 г. крестьянские дома расположены вдоль берегов ручья Безымянного. Южнее деревни, вдоль проезжей дороги, помещичьи дома со службами. На левом берегу ручья показан каменный дом, пруд, два моста, служебные постройки [3].

После строительства «Коломягского шоссе», гужевой и дачный промыслы стали важнейшими крестьянскими доходами. Лошади были на каждом дворе. К тому же крестьяне либо строили на своих дворах небольшие дачи, либо сдавали на лето свои избы.

После кончины А. П. Никитина усадьбой владеет его дочь Е. А. Орлова-Денисова. 22 декабря 1858 г. она была утверждена в правах владения на майоратное имение. В нем числится «... по 9 ревизии мужского пола 253 души с усадьбою возле церкви в Новой Деревне и дачами на усадебном месте..., всей земли во владении графини Орловой-Денисовой 885 десятин 568 саженьей, а также 40 десятин запашки... близ каменной дачи и по левую сторону дороги из Коломяг в Парголово».

1893 г. – открылось движение по Озерковской ветке Приморской ж. д.. Начинаясь она в Новой Деревне и заканчивалась около ст. Шувалово Финляндской линии. По пути следования она имела три остановки; «Скачки», «Коломяги» и «Графская» – возле особняка Орловых-Денисовых. Е. А. Орлова-Денисова умерла 1 мая 1898 г., а в сентябре утвержден в правах на наследство ее сын граф Алексей Федорович Орлов-Денисов-Никитин [11].

1910–1917 гг. – Коломягами владеет ближайший родственник Орловых-Денисовых камергер, граф Николай Николаевич Граббе и его жена М. Н. Оболенская.

1941–1950 гг. – Дом для раненых и инвалидов.

1950–1997 гг. – Дом для престарелых.

В настоящее время усадьба Орловых-Денисовых – это небольшой историко-архитектурный комплекс, сохранившийся в структуре застройки Главной улиц местности Коломяги Приморского района Санкт-Петербурга. Современный комплекс имеет участок сложной конфигурации – почти прямоугольный, с небольшим выступом в юго-западной части, с прудом неправильной формы, границы которого проходят на северо-западе по красной линии застройки Главной улицы, на северо-востоке по линии ограды с соседним участком; юго-восточная граница проходит по линии Березовой улицы, юго-западная граница определена современной оградой.

С такими объектами возникает ряд проблем: различные формы собственности, отсутствие в полном объеме учетной документации на объект, наличие обременений в виде статуса объекта, удаленность от города (несмотря на то, что объекты расположены на транспортных магистралях), в некоторых случаях аварийное состояние усадебного дома, утраченные постройки, либо наличие поселка на месте усадьбы. В последнем случае, по

моему мнению, необходимо сохранять память места для потомков, чтобы те, кто живут на данной территории помнили как образовалось их поселение, на месте какого объекта.

Еще одной проблемой исследуемых объектов является огромный парк с гидротехническими сооружениями и, по сравнению с ним, маленький по площади усадебный комплекс. На территории объектов строительство запрещено в соответствии с требованиями федерального закона об объектах культурного наследия, поэтому для инвестора данная территория оказывается не привлекательной. Вместе с тем, согласно территориальной расположенности и транспортной доступности рыночная оценка земельных участков высока.

Как пример государственной поддержки и привлечения внимания к проблеме утраты усадеб можно привести губернаторскую программу «Усадьбы Подмосковья». В рамках данной программы передано инвесторам 35 усадеб, две из которых уже отреставрированы (это усадьбы Аигиных в селе Талицы Пушкинского района и «Дом Круминга» в Люберцах) [13].

К сожалению, в Ленинградской области нет аналогичной программы. Однако с 2013 года область включена в федеральную программу «Русские усадьбы». Суть которой – целевое развитие внутреннего и въездного туризма, привлечение внимания и пробуждение интереса к культурно-историческому наследию России.

Таких усадеб, как усадьбы высшей знати Санкт-Петербургского уезда, в разное время было не более 50, некоторые из них частично сохранились и дошли до наших дней, некоторые остались в истории и воспоминаниях современников тех лет. В наше время требуется сохранение этого исторически сложившегося феномена «ближних усадеб высшей знати» не только как градостроительных объектов, но и как фундаментальных следов развития культуры и дореволюционной жизни города. В Санкт-Петербургском уезде на территории усадеб возникают дачные поселки с наименованием усадьбы, но разве такой след они должны оставить в истории? Столичный Санкт-Петербург не мог оставаться только в границах императорских резиденций, не мог существовать без этого великолепного ожерелья пригородных усадеб высшей знати. В настоящее время мы можем утратить такой вид объектов.

Литература

1. Семенцов С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия // Вестник гражданских инженеров. № 4 (45). СПб., 2014. С. 16–24.

2. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. М.: Москва, Директ-Медиа, 2007. 817с.

3. Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Л.: Лениздат, 1996. 670с.

4. Семенцов С. В. Этапы пространственного формирования Санкт-Петербурга: кристаллизация градостроительного генетического кода, единство развития и сохранения // Промышленное и гражданское строительство. 22.03.2007 . С. 29.

5. Всеобщая история архитектуры в 12т. Т. 8. М., 1969.

6. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом / И. Г. Георги; вступ. ст. Пирютко. СПб.: Лига, 1996. 527 с.: ил.; 21 см. (Мраморная серия / Авт.-сост. А. А. Алексеев).

7. Ближние усадьбы высшей знати как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга (на примере Екатерингофского парка) / Е. А. Козырева // Вестник гражданских инженеров. 2016. № 1 (54). С. 5–1.

8. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия = Sankt-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts, historisch topographisch Beschrieben: со взглядом на возникновение и рост этой рези-

денции при различных государях, правивших в течение этого времени / Г. фон Реймерс; [пер. с нем. А. Д. Сыщикова]. Санкт-Петербург: Росток, 2007. 526 с., [4] л. ил.: ил., табл.; 24 см.

9. Мурашова Н. В. Сто дворянских усадеб Санкт-Петербургской губернии / Н. В. Мурашова. СПб.: Выбор, 2005. 399 с.

10. Мурашова Н. В. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Всеволожский район / Н. В. Мурашова, Л. П. Мыслина. СПб.: «Алаборг», 2008. 320 с.

11. Памятники архитектуры пригородов Ленинграда / [А. Н. Петров, Е. Н. Петрова, А. Г. Раскин и др.; Науч. ред. И. А. Бартнев. Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1983. 615 с.

12. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // «Парламентская газета», № 120–121, 29.06.2002.

13. Сайт правительства Московской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://mosreg.ru/seychas-v-rabote/gosudarstvennye-programmy/programma-usadby-podmoskovya>. (20.02.2019).

14. Русский биографический словарь. Орловы-Денисовы. СПб., 1905. С. 310, 770–778.

УДК 72.03

Панкрашкина Наталия Ивановна,
заместитель директора по развитию
и учетно-хранительской работе
(Юсуповский дворец)
E-mail: zamdir@yusupov-palace.ru

Pankrashkina Nataliia Ivanovna,
Deputy Director for Development
and Curator Work
(Yusupov palace)
E-mail: zamdir@yusupov-palace.ru

ГОРОДСКАЯ УСАДЬБА КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ НА МОЙКЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, ВОЗРОЖДЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

CITY MANOR OF THE PRINCES YUSUPOV ON THE MOIKA. HISTORY AND MODERNITY, REVIVAL AND PRESERVATION

Выполнен обзор архивных и библиографических источников по формированию земельного участка и истории строительства и перестроек усадьбы в XVIII–XIX веках. Проведен анализ использования памятников на территории усадьбы на протяжении XIX–XX веков. Выполнено описание реставрационных работ, проведенных в период 2005–2018 годов, а также работ по приспособлению для использования в современных условиях усадебных флигелей. Обобщен опыт проведения реставрационных работ.

Ключевые слова: усадьба, дворец, интерьеры, флигели, сад, использование, возрождение, реставрация, приспособление, сохранение.

An overview of archival and bibliographic sources on the formation of land plot and the history of construction and reconstruction of the manor in XVIII–XIX centuries. The analysis of the use of monuments on the manor during the XIX–XX centuries. The description of the restoration works carried out in the period 2005–2018 years, and also works on adaptation for use in modern conditions of manor outbuilding. The experience of restoration work is summarized.

Keywords: manor, Palace, interiors, outbuilding, garden, use, revival, restoration, adaptation, preservation.

Миниатюрная по своим размерам, всего 2 гектара, усадьба князей Юсуповых на Мойке насчитывает более 250 лет истории и по праву является образцом классической городской дворянской усадьбы. Освоение территорий вдоль левого берега реки Мойки в нижнем ее течении восходит к петровским временам, когда здесь стали появляться загородные

имения царских приближенных. Притягательность этой местности для именитой знати, видимо, была обусловлена ее живописностью. В отличие от преобладавших в округе болот и пустошей, по берегу реки во множестве раскинулись рощицы и перелески. В этот период вдоль левого берега Мойки раскинулось целое ожерелье загородных дворянских резиденций. На интересующем нас земельном участке, ограниченном Офицерской (ныне улица Декабристов) и Никольской улицами (ныне улица Глинки), Прачечным переулком и набережной Мойки, в 1720-х годах располагался деревянный дворец царевны Прасковьи Ивановны, племянницы Петра I, затем земля отошла к Семеновскому полку. К 1740-м годам обширный участок был поделен между двумя владельцами: Петром Ивановичем Шуваловым и Петром Григорьевичем Чернышевым. Граф Шувалов обустроил себе усадебное хозяйство с парадным дворцом, парком, службами и огородами. После смерти Петра Ивановича Шувалова его сын, Андрей Петрович, продал в 1767 году часть отцовского владения с парадным дворцом Захару Григорьевичу Чернышеву, брату Петра Григорьевича. Любопытно отметить, что в дальнейшем владения обоих братьев Чернышевых отошли Военной коллегии, вице-президентом которой являлся Захар Григорьевич. Себе Андрей Петрович Шувалов оставляет восточную часть отцовской усадьбы, где на месте служебного двухэтажного флигеля по проекту архитектора Жана Батиста Мишеля Валлен-Деламота был выстроен новый особняк, поставленный «покоем» с трехэтажной центральной частью и двухэтажными боковыми ризалитами. Со стороны дворового фасада к новому дворцу примыкала каменная ограда, ограничивавшая пространство внутреннего двора. С набережной Мойки кареты хозяев и гостей въезжали в парадный двор, вымощенный булыжником, через проезд в центре дворцового здания. Вход во дворец располагался так же со стороны парадного двора. На замечательных аксонометрических планах Санкт-Петербурга, составленных де Сен-Илером в 1765–1773 годах, можно детально рассмотреть всю усадьбу Андрей Петровича: дворцовое здание, служебные флигели, огороды, регулярный садик, Садовый павильон, возведенный по южной усадебной границе и сохранившийся до наших дней, и перед ним пруд изящного очертания, окаймленный зелеными боскетами [1]. К 70-м годам XVIII века очертания участка устоялись, став впоследствии границами Юсуповской усадьбы, и, как ни удивительно, сохранились до наших дней. Явление довольно уникальное, когда в центре города на протяжении более 250 лет сохранялся во всей полноте усадебный ансамбль (рис. 1). После кончины Андрея Петровича Шувалова в 1789 году его наследники, два сына и две дочери, решили продать усадьбу в казну, а в 1795 году Екатерина II подарила ее своей фрейлине – графине Александре Васильевне Браницкой. Графиня Браницкая владела усадебным комплексом 35 лет, но проживала в нем не часто и никаких серьезных строительных работ не вела.

В 1830 году Татьяна Васильевна Юсупова, сестра Браницкой, купила у нее бывшую усадьбу Шуваловых со всеми расположенными на ней постройками. В том же году Татьяна Васильевна и ее сын Борис Николаевич начинают обширные строительные работы, которые велись под руководством архитектора Андрея Алексеевича Михайлова-второго. На протяжении 1830–1837 годов была выполнена перестройка уже существовавших зданий. Дворец был значительно расширен и надстроен по всему объему до 3-его этажа. По восточной границе к дворцовому зданию был пристроен корпус, возведенный специально для картинной галереи и замыкавшийся объемом домашнего театра.

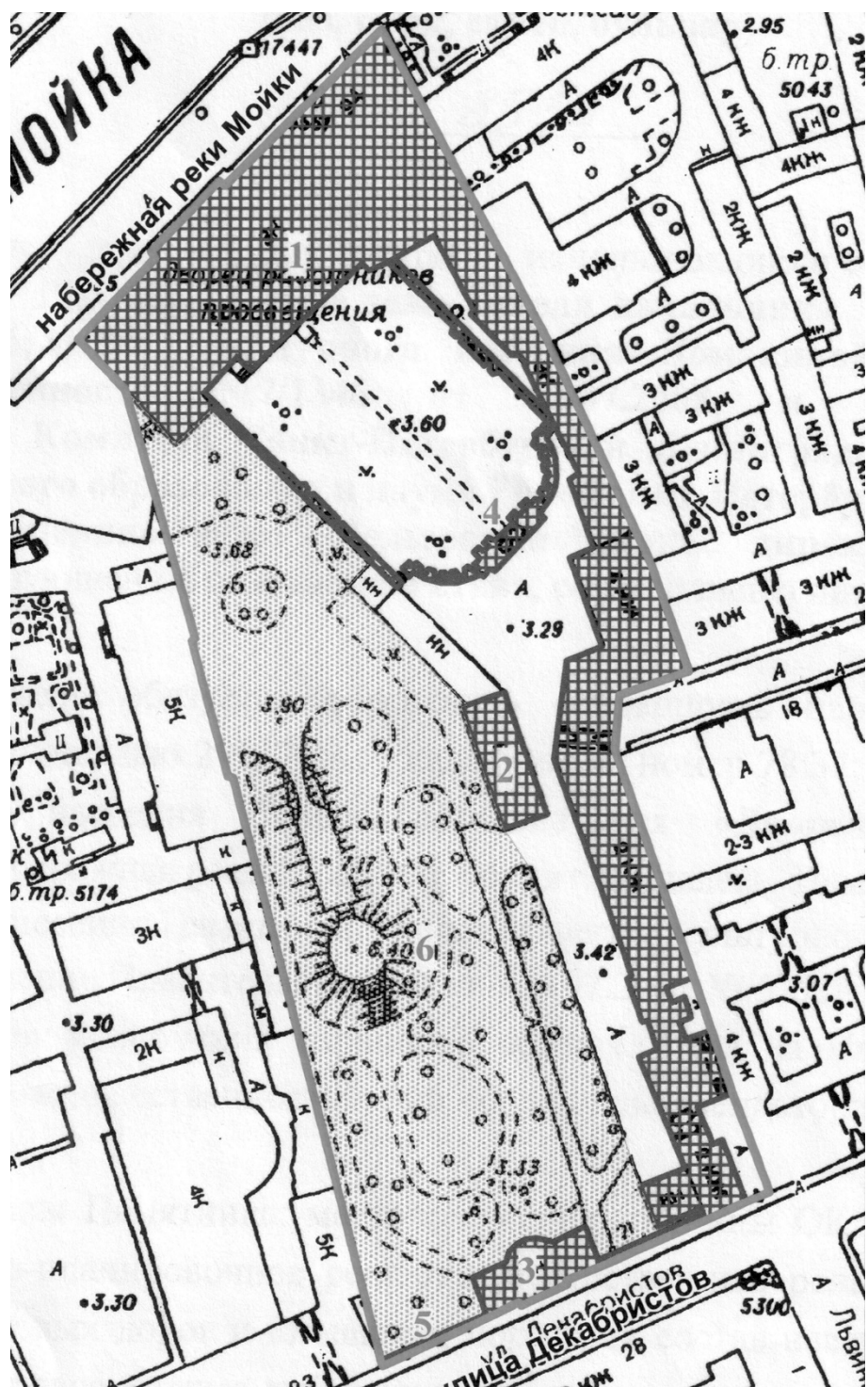

Рис. 1. План ОКН Дворец Юсуповых. 2007 г.

А далее по ломаной линии, обусловленной своеобразно сформировавшейся границей земельных участков, выстроились служебные флигели, доходящие до Офицерской улицы. Сравнение архивных чертежей и результатов современных натурных изысканий показывает, что архитектор Михайлов применил весьма экономичный метод: он не сносил уже существовавшие служебные постройки, а на их основе, расширяя и увеличивая в высоту, выстроил восточный корпус и 5 новых дворцовых флигелей. Это обстоятельство объясняет необычную и сложную планировку и во дворце и во флигелях со множеством больших и малых высотных перепадов. Как пример можно привести появление

в восточном корпусе интерьера Малой ротонды: к стене старого флигеля, имевшей полукруглое очертание, была пристроена вторая половина, образовавшая круглое в плане помещение. При этом круглый объем Малой Ротонды на дворовом фасаде скрыт прямоугольным ризалитом, поставленным под углом к соседним участкам фасада и оформленным портиком на уровне 2-ого этажа. Михайлов оставил без изменений Садовый павильон, который с южной стороны, вдоль красной линии Офицерской улицы, оформлял усадебную территорию. В этот же период по южной границе усадьбы появилась ограда на известняковом цоколе с металлической узорной решеткой и воротами. Перестройки этого периода не затронули каменную ограду парадного двора, сохранившую свой облик с 1770-х годов. Сам парадный двор после того, как вход во дворец был устроен с набережной Мойки, утратил функцию въездной зоны и стал частью парадной дворцовой территории. Благодаря акварели художника Андрея Алексеевича Редковского мы располагаем сведениями о том, что в 1860-х годах двор уже не был мощен булыгой, а имел набивное покрытие, и в летний период его украшали растениями в кадках, приносимыми из оранжерей.

Помимо перестройки дворцового здания и флигелей на территории усадьбы были возведены отдельные строения: одноэтажный Прачечный флигель, а также Оранжерейный павильон. Оранжерея представляла собой оригинальное строение на каменном фундаменте и двумя кирпичными стенами: фасадной и боковой. Две другие стены были сооружены из металлических полуциркульных ферм, составлявших одновременно конструкцию стены и потолка. Фермы были полностью застеклены. В садовой зоне был спланирован пейзажный парк с фонтанами, изобилием цветов, растений и горкой Парнас. Текстовые архивные документы содержат сведения, что позднее, в конце XIX века, на вершине пейзажной горки Парнас была построена беседка – Бельведер, но иконографические материалы пока не обнаружены. Сохранившийся реестр растений позволяет судить о большом количестве и разнообразии деревьев, кустарниковых и цветочных групп, высаженных в княжеском парке. Хозяйственные дворы, вытянувшиеся вдоль служебных флигелей, были отделены от парка металлической оградой на каменном цоколе, в центре которой имелся полукруглый изгиб. В этом месте перед флигелем, занятым экипажным сараем и большими конюшнями, был устроен разъезд для карет. Ограда до наших дней не сохранилась. Таким образом, в 30-х годах XIX века в результате реконструкции дворцового комплекса сложилась окончательная компоновка Юсуповской усадьбы: стилистически завершенная парадная усадебная зона с дворцовым зданием и парадным двором, хозяйственная зона и усадебный парк [2].

Как использовались помещения обширного дворцового комплекса, общая площадь которого составляет около 12 000 кв. м, можно судить по фиксационным чертежам, тщательно исполненным архитектором К. Руска в 1868 году для составления страховой описи княжеского имущества [3]. В подвальном этаже размещались погреба и различные складские и служебные помещения. Первый этаж был занят жилыми покоями князя, комнатами княжон и служебными помещениями. Бельэтаж главного здания был отведен под парадные гостиные и личные княжеские покои. В верхнем, третьем, этаже наряду с большим помещением гардеробной княгини и детскими комнатами находилась квартира для одного из служащих, кладовые, девичьи и комнаты для прислуги. В первом этаже восточного корпуса были размещены Большая кухня, кладовые и мастерская. В дворовых флигелях, которых на тот период было пять, размещались комнаты для прислуги

и квартиры для служащих, а также квартиры, сдававшиеся в наем площадью от 27 кв. м до 200 кв. м. Неравномерность площадей служебных квартир можно объяснить, скорее всего, тем, что их изначально планировали под расселение конкретных лиц в соответствии с их статусом. В одном из флигелей разместили конюшни для 15 княжеских лошадей и сарай для парадных экипажей. В отдельно стоящем Прачечном флигеле три равных по площади внутренних помещения использовались под прачечную, гладильную и конюшню на 9 стойл. На Генеральном плане усадьбы, составленном так же архитектором К. Руска в 1868 году, в центре парадного двора условно изображено сооружение, значащееся в изъяснениях к плану как «фонтан и пожарный кран». В изученных архивных документах пока не удалось обнаружить изображения его внешнего вида, но, скорее всего, это был водоразборный фонтан с типовым для того периода оформлением (например водоразборные фонтаны на Сенной площади или у церкви Святого Пантелеймона).

На протяжении XIX века во Дворце в соответствии со вкусами княжеского семейства и веяниями моды неоднократно переоформлялись интерьеры, а на территории усадьбы по желанию владельцев видоизменялись флигели, перестраивался Садовый павильон, увеличивалась Оранжерея. Наиболее серьезные перестройки были проведены в конце XIX века, когда под руководством архитектора Александра Александровича Степанова были переоформлены несколько дворцовых интерьеров, в том числе знаменитый домашний театр Юсуповых. На усадебной территории были выполнены сложные инженерные работы, полностью перестроен с повышением второго этажа флигель, выходящий на Офицерскую улицу, и возведен новый флигель. Первоначально он предназначался для размещения электростанции, снабжавшей дворцовый комплекс электроэнергией. Затем, после подключения усадьбы к городским электросетям флигель был переустроен под гараж [4]. В 1910-х годах еще раз переделывали один из флигелей с приспособлением под магазин для торговли винной продукцией из Крымских княжеских поместий. По проекту архитектора Андрея Петровича Вайтенса на фасаде флигеля, выходящем на Офицерскую улицу, был пробит входной проем в магазин, оформленный витринным блоком: совмещенные два окна и дверь между ними. Несколько витринных блоков такого типа сохранились до наших дней в Апраксином дворе и в Малом гостином дворе по нынешней улице Ломоносова. В начале XX века так же перестраивался и Садовый павильон, в нем разместился цветочный магазин. Вывеска на павильоне свидетельствовала о его принадлежности к Стрельнинской дворцовой школе садоводств [5]. В течение 87 лет Юсуповы использовали усадьбу как главную городскую резиденцию, но на лето княжеская семья обычно выезжала в подмосковное Архангельское или в имения, расположенные в других губерниях. В 1917 году князя Юсуповы покинули свой дом на Мойке и больше в него не возвращались, уехав сначала в Крым, а потом в эмиграцию в Европу.

После национализации в 1919 году усадьба Юсуповых получила статус музея дворянского быта. Но уже в 1925 году Дворец Юсуповых «со всеми принадлежащими к указанному особняку строениями, устройствами и необходимым движимым имуществом» был передан под Центральный Дом Работников просвещения, дом Печати и клуб научных работников. Именно с этого времени начинается разорение городской усадьбы Юсуповых, как единого архитектурного ансамбля. В интерьерах Дворца разместились и проводили самую разнообразную деятельность многочисленные кружки и секции учительского профсоюза. Часть дворцовых помещений была обустроена под администра-

тивные и канцелярские нужды. Следует отметить, что сотрудники и посетители Дома учителя за все долгие десятилетия пребывания в стенах Юсуповского Дворца проявили должное понимание ценности памятника и возможно бережное отношение к нему. При приспособлении дворцовых интерьеров к нуждам клубной деятельности или проведении ремонтных работ администрация Дома работников просвещения вела активную переписку с Инспекцией по охране памятников, стараясь действовать в рамках полученных предписаний и согласований. Так, например, несколько интерьеров Дворца для обустройства служебных кабинетов были защищены фанерой, а в конце 1990-х годов обнаружены под зашивкой в достаточно хорошем состоянии. Все помещения дворцовых флигелей использовались под жилье.

В конце 1970-х годов начался процесс расселения жилых помещений в усадебных флигелях. Прачечный флигель и Садовый павильон вернулись в распоряжение Дворца культуры работников просвещения, в них разместились детская музыкальная и художественная студии. Освободившиеся от жилья помещения других флигелей распределили между новыми арендаторами. Конюшенный флигель передали ДСО «Труд» под устройство спортивного зала. В остальные флигели въехал проектный институт «Спецпроектреставрация». Оба арендатора капитально перестроили усадебные постройки под свои нужды, что привело к полной утрате их исторической планировки и в значительной степени к утрате архитектурного облика. Перестройке подверглась не только внутренняя планировка, но и несущие конструкции. Во время проведения многочисленных ремонтов фасады зданий постепенно лишались своих архитектурных элементов. Не лучшая участь ожидала и Садовый павильон – старейшую постройку Юсуповской усадьбы. В конце 1990-х годов павильон был передан в аренду под ресторан. В результате перепланировки здания была уничтожена вся внутренняя отделка, возведено железобетонное антресольное перекрытие, а при ремонте фасадов стены павильона были оштукатурены слоем цемента толщиной до 10 см, на котором достаточно произвольно был воспроизведен архитектурный декор.

В отличие от парадного Дворца, интерьеры которого на протяжении более 80-ти лет оберегались и реставрировались, территория парадного двора, парка, и усадебные постройки постепенно приходили в упадок.

За последние 15 лет нашему учреждению при существенной поддержке городских властей, в первую очередь КГИОП, удалось провести комплекс беспрецедентных работ за пределами дворцовых интерьеров: восстановление каменной ограды парадного двора, реставрацию дворовых фасадов, благоустройство территории парадного двора и усадебного сада, реставрацию и приспособление для современного использования четырех усадебных флигелей.

Во второй половине XX века несколько раз проводилась реставрация дворовых фасадов, но работы носили, в основном, косметический характер. В 2008 году, к моменту начала очередной реставрации, дворовые фасады находились в плачевном состоянии: штукатурка и красочный слой отслаивалась, имелись многочисленные продольные и поперечные трещины. Необходимо было срочно укреплять профилированные детали и лепной архитектурный декор и восполнять множественные утраты. В процессе пробных расчисток, которые были проведены на наиболее проблемных участках фасадов, выявился ряд дополнительных осложнений. Оказалось, что местами кирпичная кладка имела большую деструкцию и трещины с раскрытием более 5 см. Кроме того, значительная

часть штукатурного слоя состояла из цементного раствора. Все эти данные указывали на необходимость проведения комплексных реставрационных работ с полной расчисткой кирпичных стен, удалением позднейших цементных вставок, усилением и вычинкой кирпичной кладки и воссозданием утраченных деталей. Началу реставрации предшествовали архивные и натурные изыскания, в результате которых удалось воссоздать некоторые утраченные ранее элементы архитектурного убранства: треугольные сандрики над дверным и оконными проемами будуара З. Н. Юсуповой, ниши заложённых в конце XIX века оконных проемов в районе Буфетной при театре и т. д. Необходимо напомнить, что первоначальный вид особняка, созданный Валлен-Деламотом в середине XVIII века, в силу дальнейших перестроек претерпел кардинальные изменения и не дошел до наших дней. Однако по вскрытым в процессе реставрации элементам кирпичной кладки и известнякового камня на небольшой части фасада, которая не подвергалась перестройкам при Юсуповых, удалось воссоздать фрагмент фасада старого дворца, оформленного с использованием дорического ордера. Раскрытое архитектурное убранство фасадной стены метопами и триглифами, а так же нишами и филенками теперь можно увидеть в юго-западной угловой части дворового фасада. На основании обнаруженных в архивах фотографий и обмерных рисунков было воссоздано изящное литое ограждение балкона при будуаре З. Н. Юсуповой, представляющее собой причудливо сплетенный растительный орнамент. Кроме того, усилиями реставраторов удалось вернуть к жизни металлические жалюзи на оконных и дверном проемах знаменитой Мавританской гостиной. Они были установлены в начале XX века, но к 60-ым годам прошлого века пришли в полную негодность. Таким образом, в 2008 году, впервые почти за 100 лет, была проведена комплексная реставрация, которая позволила вернуть дворовым фасадам действительно дворцовый вид.

В результате последовавших в XIX веке реконструкций дворцового комплекса каменная ограда, являющаяся одним из самых старых усадебных строений, никогда не перестраивалась и практически сохранила свой первоначальный облик. По замыслу Валлен-Деламота, ограда, декорированная рустом и полуциркульными нишами, была прорезана тремя воротными проездами с металлическими решетками. Все три воротных проезда фланкированы спаренными колоннами. Центральные ворота оформлены в виде триумфальной арки, украшенной бюстами. Парные бюсты также были установлены в симметричных нишах, замыкающих закругленные части ограды.

Однако к началу XX века каменная ограда стала приходить в полный упадок. Исторические документы 20-х годов XX века, хранящиеся в научном архиве КГИОП, содержат печальные сведения о ее состоянии. В актах технического обследования дворцового комплекса и многочисленных письмах и обращениях за 1924–1927 года, отмечено, что к этому времени ограда покачнулась от неравномерной осадки фундамента, стены дали трещины и угрожают разрушением. Возникло даже предложение разобрать ограду, так как она «... никакого существенного значения для использования не имеет, а может рассматриваться как памятник древней постройки...». К счастью, в 1927 году было принято решение о том, что: «... внутренняя ограда (cour d'honneur) в доме музея бывшем Юсупова представляет из себя неотъемлемую часть здания и входит в план его композиции, а поэтому ... обязанность ее ремонта и исправления покривившихся частей возлагается на арендатора и означенная работа, в виду ухудшающегося состояния ограды, должна быть проведена в течение текущего сезона»

[6]. Но, как следует из архивных материалов, ни в 20-ых, ни в 30-ых годах никаких существенных работ по приведению ограды в порядок не проводилось. Кроме того, в период блокады Ленинграда ограде был нанесен значительный урон артиллерийскими обстрелами. Архивные фотодокументы 1942–1944, 1950, 1961 и 1967 годов свидетельствуют о постоянном ухудшении состояния ограды. К началу XX века состояние каменной ограды, окружающей парадный двор, приобрело угрожающий характер. За последние 30 лет неоднократно предпринимались попытки вывести памятник из критического состояния, но, к сожалению, практически безуспешно. Акт КГИОП 2004 года зафиксировал аварийное состояние ограды с раскрытием трещин до 3 см и отклонение от вертикали до 40 градусов (рис. 2). Только в 2005 году были начаты работы по выправлению крена и усилению фундаментов ограды, давшие хороший результат, к концу 2006 года противоаварийные работы были завершены на всех ее участках. Технология работ заключалась в том, что вся ограда в местах сквозных вертикальных трещин была поделена на участки, каждый из которых выправлялся по вертикали и усиливался мощным фундаментом, после чего, все участки были снова соединены с восполнением утрат кирпичной кладки. В 2007–2008 годах была выполнена реставрация фасадов ограды с восстановлением геометрии и архитектурного убранства, полностью отреставрированы трое металлических решетчатых ворот с воссозданием утраченного бронзового декора. В 2011 году была проведена реставрация 8-ми гипсовых бюстов: четыре женские парные скульптуры на аттике центральной арки и четыре мужские парные скульптуры в симметричных нишах закругленной части ограды заняли свои исторические места.

Рис. 2. Парадный двор и каменная ограда до начала реставрации. 2005 г.

На протяжении своей истории парадный двор Юсуповской усадьбы несколько раз менял свой облик и назначение. На основании данных археологических исследований установлено, что первоначально парадный двор был вымощен булыжным камнем. С 1830–х годов, после закладки проезда с набережной Мойки, двор стал использоваться только как парадная территория, а поверх булыжного мощения было устроено набивное покрытие. Архивные источники дают сведения, что в период 40-х годов XIX века и 10-х годов XX века во дворе существовало озеленение в виде газонов, цветников и кустарниковых групп. В качестве парадной рекреационной зоны двор использовался до 20-х годов XX века. За последние 80 лет облик парадного двора был искажен существенными утратами. Бомбежки времен блокады, а в последующие годы прокладки инженерных сетей и ликвидации постоянных аварий на них, нарушили вертикальную планировку и привели к утрате исторического покрытия двора. В 1980-х годах по центральной оси двора с запада на восток была проложена городская магистральная теплотрасса. При устройстве магистрали был выбран культурный слой в той части двора, где ранее располагался фонтан. Это обстоятельство затрудняет доказательство существования фонтана натурными изысканиями и, соответственно, возможность его воссоздания. При подготовке к работам по благоустройству парадного двора одним из самых сложных являлся вопрос выбора характера покрытия его территории. Для достижения максимальной исторической достоверности и обеспечения сохранности памятника в условиях его современного использования необходимо было благоустроить территорию парадного двора таким образом, чтобы она, с одной стороны, соответствовала историческим данным, и в то же время позволяла использовать парадный двор и в целях экскурсионного показа, и как концертно-театральную площадку для проведения культурных программ. В 2010 году при активном содействии специалистов КГИОП была разработана программа покрытия территории двора современным материалом, имитирующим историческое набивное покрытие: цветная асфальтосодержащая масса с наполнителем из гранитного отсева мелкой фракции. Трудоемкие и сложные работы были проведены летом того же года, при этом была устроена булыжная отмостка по периметру каменной ограды и обеспечено отведение ливневых вод с поверхности двора. После проведения работ по благоустройству парадному двору было возвращено утраченное художественное оформление и историческое предназначение, и он по праву стал достойным продолжением парадных интерьеров Дворца.

Успешно проведенная реставрация парадной усадебной зоны и подготовка к реставрации следующих усадебных объектов выявила наличие новой проблемы: обеспечение сохранности памятника. После целой череды актов вандализма в 2011 году на только что отреставрированных объектах пришлось срочно решать вопросы организации физической охраны усадьбы и проведения реставрации металлической ограды по улице Декабристов. Расположенная вдоль южной границы усадьбы металлическая ограда на каменном цоколе, украшенная растительным и геометрическим орнаментами, несколько десятилетий простояла с множественными утратами, а в 1980-х годах ее въездные ворота бесследно исчезли. В течение 2011–2012 годов работы по реставрации ограды были успешно выполнены, а благодаря архивной фотографии 1930-х годов удалось воссоздать утраченные ворота, рядом с которыми впервые за многие десятилетия появился охранный пост. В течение последующих нескольких лет нам пришлось методично и упорно формировать упорядоченный допуск посетителей на территорию сада, доказывать

гражданам необходимость соблюдения законных правил и ограничений на территории памятника, бороться с хулиганскими действиями, совершенствовать охранную систему. С 2016 года вход и саму территорию усадьбы контролирует стационарный круглосуточный охранный пост, оснащенный всей необходимой охранной аппаратурой и системой видеонаблюдения (рис. 3).

Рис. 3. Парадный двор и каменная ограда после проведения работ. 2011 г.

В 2013 году мы приступили к разработке проектного решения по восстановлению усадебного сада на основе имеющихся архивных документов: опорного плана и реестра растений 1840-х годов. К этому времени некогда цветущий пейзажный сад стал выглядеть совершенно заброшенным: разбитые набивные дорожки, вытоптанные и заросшие сорняками газоны. Одиночные дубы, липы, каштаны и клены оказались в зарослях сорных деревьев и кустов. Насыпная декоративная горка, так называемый «Парнас», оползла и утратила свою историческую конфигурацию. Оранжерея, как и вся территория усадьбы с постройками, значительно пострадала в период блокады Ленинграда. К 1960-х годам от нее остались лишь фундамент и фасадная стена с остатками архитектурного убранства, и в итоге павильон был разобран. В архиве КГИОП сохранились фиксационные фотографии и обмерные чертежи того периода. В комплексе с архивной иконографией XIX века они представляют достаточно полный комплект документов, позволяющий разработать проектную документацию на ее воссоздание. Однако положения действующего законодательства существенно осложняют процесс воссоздания утраченного памятника. За садом не только в быту, но и в некоторых официальных

документах закрепились название «Солдатский», видимо, в связи с располагавшимся (до недавнего времени) по соседству военным училищем. К началу 2000-х годов никем не охраняемый и неухоженный сад представлял собой печальное зрелище, став местом выгула собак и пристанищем полукриминальных личностей. Работы, в состав которых входила замена верхнего слоя грунта, корректировка трасс садовых дорожек в соответствии с историческими данными, устройство новых оснований для набивных дорожек, лечение деревьев, высадки кустарниковых и цветочных групп, были выполнены в 2015–2017 годах, и в настоящее время сад Юсуповской усадьбы вновь радует посетителей своей ухоженностью, обилием цветущих кустарников и цветников, посаженных вдоль извилистых дорожек. На верхнюю площадку отреставрированной горки «Парнас» ведут ступени гранитной лестницы, скрывающейся в зарослях помолодевших деревьев.

2015 год стал очень значимым этапом в современной истории Юсуповской усадьбы. В результате активных действий нашего учреждения, предпринятых на протяжении 2005–2015 годов, городские власти при поддержке Губернатора Санкт-Петербурга приняли решение о передаче в пользование нашему учреждению всего имущественного комплекса в границах объекта культурного наследия «Дворец Юсуповых», и в декабре 2015 года это решение было закреплено всеми необходимыми правовыми документами. В тот же год началась реализация «Адресной программы КГИОП», рассчитанной на несколько лет и направленной на возвращение исторического облика усадебным флигелям. Первым объектом этой программы стал Прачечный флигель (рис. 4), реставрация его фасадов преподнесла несколько приятных сюрпризов: под слоем цементной поздней штукатурки были обнаружены элементы декора, ранее считавшиеся полностью утраченными. Тщательная реставрация, позволившая восстановить прежний облик, превратила одноэтажный барак в усадебную постройку, не лишенную архитектурной привлекательности (Рис. 5). В настоящее время наше учреждение за счет собственных средств завершает работы по приспособлению памятника для современного использования. В том же 2015 году были завершены работы по реставрации и приспособлению Конюшенного флигеля, длившиеся около пяти лет и проведенные так же за счет собственных средств нашего учреждения. В результате удалось не только ликвидировать аварийное состояние памятника, привести его в должное состояние, но и вдохнуть в него новую жизнь, вовлечь в культурную деятельность Дворца. Это наш первый опыт по устройству в объекте культурного наследия совершенно современного, многофункционального пространства, позволяющего проводить самые разнообразные мероприятия: концерты, выставки, презентации и так далее. Сейчас Конюшенный флигель постоянно принимает посетителей различных выставок, молодежных мероприятий, зрителей на спектакли и концерты, появились уже свои традиционные мероприятия джазовых конкурсов и экспозиционных циклов.

Достигнутые определенные успехи и полученный опыт приспособления Конюшенного флигеля дали нам основание для разработки и реализации дальнейших наших проектов. После возвращения усадебных флигелей в пользование нашему учреждению первым делом мы вынуждены были выполнить детальное и максимально объективное обследование их технического состояния, на что ушло в общей сложности больше года. Результаты обследований показали наличие большого количества как ожидаемых, так и более сложных проблем.

Рис. 4. Прачечный флигель до начала работ. 2015 г.

Рис. 5. Прачечный флигель после выполнения работ. 2015 г.

К этому времени сложилась основная концепция поэтапного восстановления и использования новых помещений. В первый этап вошли работы по реставрации и приспособлению под новую входную зону двух флигелей, выходящих на улицу Декабристов. Вопрос создания дополнительной входной зоны в связи с большим потоком экскурсантов возник довольно давно. Частный особняк князей Юсуповых имеет один главный вход и не приспособлен для такого массового посещения. Эта проблема актуальна не только для Юсуповского Дворца. Несколько лет назад Эрмитаж уже решил ее, организовав еще один вход с Дворцовой площади. Нам представилось целесообразным, развести потоки индивидуальных посетителей и организованных групп. Расположение флигелей вдоль улицы Декабристов и их историческая внутренняя планировка с просторными помещениями, как нельзя лучше подошли под эти цели. Два года ушло на разработку и согласование проектной и экспертной документации и на производство технически очень сложных работ, обусловленных плохим состоянием памятников.

С 1 июня 2018 года новая входная зона, оборудованная современными техническими средствами, стала принимать индивидуальных посетителей. Одновременно на основании Государственных контрактов была выполнена реставрация фасадов обоих флигелей. Небольшие по объемам работы были осложнены тем обстоятельством, что в процессе предыдущих фасадных работ был в значительной степени искажен архитектурный облик: перебиты русты, изменены оконные и воротные проемы, перестроена кровля, утрачены декоративные элементы. Работы начались с расчисток фасадов от слабодержащегося и неисторического цементного штукатурного слоя, затем были восполнены утраты кирпичной кладки и лепного декора. Одновременно велись работы по воссозданию кровельных конструкций и замене оконных, дверных и воротных заполнений в соответствии с историческими сведениями. К сожалению, предыдущие работы на фасадах флигелей практически полностью уничтожили следы первоначальных колеров, и только на основании данных стратиграфии удалось определить цветовое решение по окраске фасадов. После завершения всех работ стало ясно, что еще два объекта Юсуповской усадьбы возвращены из небытия.

Подготовка и открытие новых помещений в двух флигелях являются только частью большого проекта постепенного включения всей территории усадьбы в музейную зону. Также был тщательно продуман и обустроен маршрут прохода посетителей с улицы Декабристов во Дворец. В садовой зоне установлены информационные стенды и таблички, помогающие гостям ориентироваться, чтобы пройти в Парадный двор, через который они входят в подвальный этаж Дворца. Из подвальных помещений Дворца еще в прошлом году были вынесены склады и различный хозяйственный инвентарь, помещения отремонтированы, в том числе и все инженерные сети, и оборудованы под комнаты ожидания, информационные зоны, гардеробы и туалетные комнаты для посетителей. В настоящее время мы приступили к реализации следующего этапа нашей концепции возрождения усадьбы Юсуповых: это разработка проектных решений по реставрации и приспособлению еще трех флигелей и Садового павильона. Весьма запущенное техническое состояние объектов, повреждения и утраты, нанесенные им позднейшими перестройками, дают основание уже сейчас утверждать, что и на стадии принятия проектных решений и на стадии проведения восстановительных работ нас ожидают серьезные и сложные проблемы. Но мы полагаем, что в течение 2019–2020 годов этот этап работ будет также успешно завершен.

Полученные дополнительные площади в усадебных флигелях предполагается использовать под новые экспозиционные зоны, посвященные истории княжеской семьи, многофункциональные и выставочные помещения, нехватка которых очень ощутима во Дворце. Кроме того, в помещениях флигелей планируется размещение дополнительных туристических услуг с современным высокотехнологичным оборудованием, без которого сегодня уже невозможно развивать музейную и экскурсионную сферу.

Такой небывалый масштаб работ на территории усадьбы вовсе не означает, что дворцовые интерьеры остались за рамками наших реставрационных проектов, в них так же регулярно ведутся необходимые работы.

В 2015 году были завершены работы в Мавританской гостиной, длившиеся в течение 5 лет. В декабре 2007 года в результате подвижки грунтов один из самых знаменитых интерьеров Юсуповского Дворца получил серьезные конструктивные повреждения и, как следствие, множественные утраты великолепной художественной отделки: трещины на стенах с раскрытием до 2 см, разрывы мраморных полов, провисание и деформация кессонированного потолка, повреждения лепного декора. После определения причин произошедших повреждений было проработано проектное решение по усилению фундаментов под интерьером, и в 2011 году выполнены соответствующие работы. Весь 2012 год велись инструментальные и визуальные наблюдения за состоянием Мавританской гостиной, и, только убедившись в отсутствии дальнейших подвижек и раскрытий трещин, реставраторы приступили к работам в самом интерьере. В течение трех лет были не только ликвидированы печальные последствия, но проведен весь комплекс необходимых реставрационных работ, в результате которого Мавританская гостиная снова восхищает всех своим великолепием. И на этот раз не обошлось без новых открытий: были обнаружены и раскрыты два живописных изображения совмещенного герба Юсуповых и Сумароковых-Эльстон, относящихся к концу XIX века.

С 2015 года мы стали получать значительное ежегодное государственное финансирование на проведение крупных реставрационных работ дворцовых интерьеров в рамках «Адресной программы КГИОП». В том же году были начаты работы по реставрации самого большого интерьера Дворца – Белоколонного зала. В течение двух лет зал, в котором более 20 лет не проходили реставрационные работы, был полностью приведен в достойный вид. Помимо сложных инженерных работ по усилению перекрытий полов была расчищена и укреплена живописная разделка свода, выполненная в стиле гризайль, отреставрированы искусственный мрамор колон, позолоченный лепной декор, хрусталь, бронза и ажурные мастичные люстры.

В этот же период были завершены еще два сложных реставрационных проекта, выполнявшихся уже за счет собственных средств нашего учреждения. В общей сложности 7 лет ушло на то, что бы восстановить домовый храм князей Юсуповых. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была освящена во Дворце на Мойке в 1881 году, в 1926 году была закрыта, а в 1938 году – полностью разобрана. Началу работ предшествовали долгие архивные поиски, разработка и согласование проектной документации. Работы осложнялись тем, что помещение храма расположено на 3-м этаже дворцового здания, над объемом парадной дворцовой лестницы, и требовали особого мастерства и осторожности. В расчищенном помещении на основании авторских эскизов архитектора Василия Александровича Кенеля были возведены деревянные арочные конструкции, купол и иконостас, в дальнейшем оштукатуренные, а затем воссоздана их живописная

разделка. Сейчас в воссозданной домовой церкви проходят ежедневные экскурсионные сеансы, а раз в неделю осуществляются богослужения. Рядом с домовою церковью находится еще одно помещение, которому удалось вернуть его первоначальный вид. Это бывшая бельевая кладовая, которая после выполнения целого комплекса реставрационно-ремонтных работ тоже включена в экскурсионный показ. Такие помещения с бытовым назначением редко где сохранились до наших дней. Бельевая в Юсуповском дворце удивляет степенью своей сохранности, вплоть до огромного гладильного стола с ящиками для столового белья и шкафов для платья, оборудованных перемещающимися полочками и выдвижными вешалками (рис. 6).

Рис. 6. Бельевая кладовая после проведения работ. 2016 г.

В 2016–2017 годах реставрация была выполнена еще в пяти интерьерах дворца: Дубовая столовая, зал Виги, Музыкальная гостиная, гостиная Генриха II и кабинет князя. На всех этих объектах работы начинались с обследования и усиления несущих конструкций, и только затем реставраторы приступали к расчисткам и устранению повреждений художественной отделки. В процессе выполнения работ во всех интерьерах были восстановлены ранее утраченные элементы декора и исторические цветовые решения. Так, например, зал Виги после возвращения ему подлинных колеров отделки стен и дубового декора предстал в совершенно ином, торжественном виде, а в Дубовой столовой смонтированы шелковые штофы, выполненные по сохранившимся подлинным фрагментам. Летом 2017 года были выполнены долгожданные работы по реставрации главного фасада Дворца, выходящего на набережную Мойки. Помимо устранения различных де-

фектов и повреждений, проведения всех обязательных реставрационных мероприятий, Дворцу был возвращен еще один утраченный ранее элемент его убранства. В 1947 году во время проведения первоочередных реставрационных работ, направленных на ликвидацию последствий войны, было принято решение не восстанавливать сильно разрушенную балюстраду над парадным входом. Спустя ровно 70 лет воссозданная балюстрада снова украшает Дворец на Мойке (рис. 7).

Рис. 7. Главный фасад после проведения работ. 2017 г.

Масштабный объем работ, выполненный за последние пять лет, сохраняется и сегодня. В 2018 году реставраторы выполнили работы в остальных интерьерах на половине князя: Бильярдной, Гардеробной, Секретарской, Кариатической, а также в Парадном вестибюле Дворца. Учитывая возраст Юсуповского дворца, реставрация в этих интерьерах также началась с решения инженерных вопросов и усиления конструкций. Тщательно и методически правильно проведенные работы по расчисткам стен дали положительный результат и помогли исправить ошибки прежних работ: во всех интерьерах удалось восстановить подлинную художественную разделку.

Опыт активного проведения реставрации и приспособления памятников на территории Юсуповской усадьбы, приобретенный за несколько последних лет, позволяет высказать мнение о том, что нам удалось сформировать жизнеспособную концепцию решения главных задач в этом вопросе. В первую очередь, это особое внимание к «здоровью» конструктивных элементов памятников, возраст которых насчитывает уже более двух столетий. Во-вторых, это выбор самых щадящих методов проведения всех видов работ

на памятниках. В третьих, это применение самых деликатных способов выполнения реставрационных работ. И самое главное: при выборе варианта приспособления памятника должны быть максимально учтены его характерные особенности, которые и составляют его историческую ценность. Надеемся, что и в дальнейших работах нам удастся сохранить этот ставший для нас уже традиционным принцип решения задач по сохранению нашего культурного наследия.

В завершение, хотелось бы отметить, что, воссоздание усадебной территории с флигелями и вовлечение ее в музейную, театральную-концертную и экскурсионную деятельность не является самоцелью. Как мы надеемся, перемещение части туристического потока на усадьбу позволит использовать художественные интерьеры Дворца в более щадящем режиме, что в итоге положительно скажется на уровне их сохранности.

Литература

1. Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. (План П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.). СПб.: Крига, 2003. С. 74.
2. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3392. Лл. 3а, 4, 35–38, 43–46.
3. ГМИ СПб. ФГИГ, № I-A-86-И – I-A-92-И. Лл. 1–7.
4. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3392. Лл. 108–110, 113–115, 124.
5. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3339. Лл. 111–112.
6. Архив КГИОП. П-61 переписка, 1919–1934 гг.

УДК 72.03:71(711.41)

Ситникова Елена Владимировна,
канд. арх., доцент
(Томский государственный архитектурно-
строительный университет
E-mail: elensi@vtomske.ru

Sitnikova Elena Vladimirovna,
PhD of Architecture, Associate Professor
(Tomsk State University
of Architecture and Building)
E-mail: elensi@vtomske.ru

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТОМСКА)

PROBLEMS OF PRESERVING THE HISTORICAL BUILDING IN A MODERN CITY (FOR EXAMPLE, TOMSK)

В статье проведен краткий исторический обзор развития архитектуры г. Томска, в том числе рядовой усадебной застройки; выявлены основные проблемы сохранения деревянной застройки в историческом городе.

Вопросы сохранения и эффективного использования исторической застройки в современном обществе становятся все актуальнее. Ежегодно человечество теряет огромные пласты культурного наследия, которые восполнить невозможно. Эта проблема актуальна как для многих российских городов, так и для Томска. Несмотря на высокий статус «исторического поселения федерального значения», присвоенного городу в 2010 году, историческая застройка Томска подвержена ряду факторов, способствующих ее уничтожению. Для поиска решений по предотвращению этой ситуации необходимо выявить проблемы, способствующие уничтожению ценного культурного наследия исторического города.

Ключевые слова: архитектура г. Томска, историко-культурное наследие, историческая застройка, деревянная усадебная застройка, проблемы сохранения наследия.

The article contains a brief historical review of the development of architecture in the city of Tomsk, including the ordinary manor buildings; identified the main problems of preserving wooden buildings in the historic city.

Issues of preservation and effective use of historical buildings in modern society are becoming increasingly important. Every year, humanity loses huge layers of cultural heritage that cannot be replenished. This problem is relevant both for many Russian cities and for Tomsk. Despite the high status of the „historical settlement of federal significance“ assigned to the city in 2010, the historical buildings of Tomsk are subject to a number of factors contributing to its destruction. To find solutions to prevent this situation, it is necessary to identify problems that contribute to the destruction of the valuable cultural heritage of the historic city.

Keywords: architecture of the city of Tomsk, historical and cultural heritage, historical buildings, wooden manor buildings, problems of heritage preservation.

Многие исторические города России из-за активного развития в настоящее время теряют свою идентификацию, так как происходит массовая утрата историко-культурного наследия. Глобальные масштабы нового строительства в исторических кварталах приводят к изменению градостроительной культуры российского города, формировавшегося столетиями, а также его архитектурно-художественного облика, в котором главенствующая роль принадлежала деревянной застройке. В связи с неграмотным подходом к этой проблеме, многие исторические города России лишились целостности, гармоничного восприятия и статуса исторического поселения. Подобная проблема актуальна и для старинного сибирского города Томска, имеющего статус «исторического поселения федерального значения», присвоенного городу в 2010 году.

Цель статьи – выявить основные проблемы сохранения деревянной застройки в историческом городе на основе изучения ценного историко-культурного наследия г. Томска в процессе его становления и развития.

Для понимания ценности историко-культурного наследия Томска, обратимся к истории формирования застройки города.

Томск был основан в 1604 г. как город-крепость. Выгодное местоположение города способствовало его быстрому росту. Уже в 1630 г. на Песках была построена Богоявленская церковь, а в 1639 г. за рекой Ушайкой – Благовещенская. Все постройки того времени, в том числе и первые церкви, были деревянные. Помимо первоначальной оборонительной функции в Томске, практически сразу, стала активно развиваться торговля. Город постепенно обрастал посадами, слободами, монастырями. Основную массу городских строений составляли деревянные избы на высоких подклетьях с двухскатной щипцовой крышей, которые представляли собой типичную застройку русских городов того времени.

Большое влияние на развитие города оказал Московско-Сибирский тракт, проложенный через Томск в 1735 г. Томские купцы вели торговлю с сибирскими и европейскими городами России, а также с Китаем и городами Средней Азии. Одновременно с торговой деятельностью активно развиваются различные местные ремёсла, промыслы и речной транспорт. Томск становится главным пунктом товарораспределения, что нашло отражение, как в увеличении населения, так и в архитектурно-пространственной организации города. Главным ядром планировочной структуры города становится Базарная площадь [1].

В конце XVIII в. в Томске начали строить каменные постройки, в первую очередь это были храмы. Первый каменный храм в Томске – церковь во имя Казанской Божьей Матери в составе ансамбля Богородице-Алексеевского мужского монастыря, была зало-

жена в 1776 г., освящена в 1789 г. С 1777 г. по 1784 г. шло строительство Богоявленской соборной церкви на Базарной площади, а с 1782 г. по 1804 г. – строительство каменной Благовещенской церкви.

Характерной чертой русского градостроительства конца XVIII – первой половины XIX века было распространение принципов типового и повторного строительства по всей территории страны, с целью создания регулярной ансамблевой застройки городов. Типовое проектирование служило средством обеспечения быстрого и качественного строительства в условиях нехватки высококвалифицированных кадров архитекторов и строителей. В 1830 году был утвержден новый регулярный план Томска, разработанный В. И. Гесте. Вместе с планом в Томск прислали и правила застройки, в которых устанавливались габариты жилых домов и служебных зданий, оград, определялось положение зданий по красной линии, регламентировалась этажность в зависимости от значения и характера улиц и проспектов [3].

На рубеже XIX–XX веков все значимые для города объекты уже возводили в камне. Начиная от культовых, административных, общественных построек и заканчивая зданиями торговых домов. Однако большинство обывательских строений, составляющих жилые усадьбы, продолжали строить из дерева. В камне возводили только постройки, предполагающие повышенную пожарную опасность: склады, торговые лавки и магазины и некоторые производственные объекты. Жить предпочитали в деревянных домах. Деревянные особняки конца XIX – начала XX в., сохранившиеся до нашего времени, представляют собой шедевры томского деревянного зодчества. Дома купцов Г. И. Голованова и М. Желябо по ул. Солдатской (совр. ул. Красноармейская, 71 и 65–67), Н. Я. Беляева по ул. Торговой (совр. ул. Вершинина, 12), А. Ф. Громова по ул. Дворянской (совр. ул. Гагарина, 42) являются памятниками архитектуры федерального значения [4].

Первоначально деревянные здания воспроизводили формы архитектуры классицизма и многие из них повторяли в общих чертах каменную застройку. Таких домов в Томске сохранилось уже немного. Они относятся к середине XIX в. и представляют собой двухэтажные, иногда с мезонинами постройки. С прекращением в конце 1860-х гг. обязательного строительства жилых домов по высочайше утвержденным фасадам закончилась целая эпоха архитектуры русского города. Городское население получило возможность заявить о своих художественных и эстетических ценностях. В этот период начала развиваться томская домовая декоративная резьба, которая принесла заслуженную славу нашему городу.

На развитие деревянной архитектуры Томска в конце XIX – начале XX в. повлияла и отмена крепостного права, когда из деревни в город хлынул поток крестьян, а с ними пришли в города характерные для крестьянских селений типы домов и застройки участков. Ярко выраженные черты народной архитектуры – откровенная открытость материала, символично-знаковые мотивы декора, служили средством самоутверждения и самовыражения недавних выходцев из деревни, которые имели свои традиции [2].

До настоящего времени, наряду с каменной деловой застройкой, в Томске сохранилась и деревянная жилая застройка, относящаяся, в основном, к рубежу XIX–XX веков. Выделяются отдельные массивы исторической деревянной застройки – районы «Татарская слобода», «Болото», улицы Воскресенская, Кирпичная и др., которые отличаются большим архитектурно-художественным разнообразием и отражают историческое развитие города. Деревянные жилые дома формируют красные линии историче-

ских кварталов и придают неповторимый колорит томским улицам, занимают важное градостроительное положение, являются ценной застройкой исторической структуры города, формируют силуэт и панораму улиц города Томска.

Для сохранения этого ценного архитектурного наследия разработаны градостроительные документы, регламентирующие правила землепользования и застройки. К ним относятся – Генеральный план города Томска и Проект зон охраны объектов культурного наследия города Томска (сначала 1984 г., сейчас 2012 г.) в которых обозначены охранные зоны объектов культурного наследия, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности, а также зоны охраняемого природного ландшафта. Однако на практике можно наблюдать нарушение установленных регламентов. Отсюда вытекает **первая проблема** – несовершенство системы охраны объектов культурного наследия, вследствие чего происходит нарушение целостности историко-архитектурной среды города. В кварталах исторической застройки появляются дисгармоничные объекты. Новая застройка в исторической среде ведётся с нарушениями градостроительных характеристик (планировочной структуры и объемно-пространственной композиции), архитектурно-художественных (габариты, пластика фасадов, материалы), функционального использования (изначально предполагалась усадебная застройка) и др. (рис. 1) [5].

Рис. 1. Вид квартала с перекрёстка ул. Вершинина и ул. Герцена. Фото Я. Степанюка, 2016 г.

Многие исторические здания, охраняемые государством, сохраняются и успешно эксплуатируются в настоящее время. Однако историческая архитектурная среда, включающая и рядовые здания, в основном деревянные, передающие исторический колорит города, в большей степени подвержены искажению и утрате.

Второй немаловажной проблемой можно считать отсутствие единого владельца (хозяина) дома. Исторические деревянные дома перенаселены, часть квартир приватизирована, часть принадлежат муниципалитету. Вследствие чего не производится комплексных ремонтных работ, каждый собственник на своё усмотрение внедряет чужеродные материалы в историческую постройку, которая обрастает поздними малоценными наслоениями, что негативно сказывается на общем облике здания. Территории таких жилых усадеб захламлены, застроены дисгармоничными постройками, благоустройство отсутствует.

Третья проблема сохранения исторической застройки заключается в современных методах «реставрации», которые не направлены на сохранение подлинности, поэтому поле проведённых таким образом работ вместо подлинных объектов появляются новоделы, зачастую выполненные с искажениями пропорций и не имеющие никакой исторической ценности (рис. 2, 3).

Рис. 2. Здание на ул. Пушкина, 5.
Фото Е. В. Ситниковой, 2002 г.

Рис. 3. Здание на ул. Пушкина, 5.
Фото 2018 г., после восстановления

Четвёртой проблемой можно назвать идеологию современного человека, так как большинство населения исторического города убеждено в том, что деревянный столетний дом не может быть пригоден для жилья. В результате чего, данный контингент населения старается принести вред исторической застройке, какой бы уникальной архитектурой она не обладала. А также борьба за ценные земельные участки в историческом центре города приводит к регулярным поджогам и варварскому отношению к исторической застройке.

Несомненно, причин утраты историко-архитектурного наследия намного больше и в каждом конкретном случае нужно искать индивидуальный подход к решению проблем. Мы обозначили основные, из которых вытекает множество сопутствующих, приводящих в конечном итоге к необратимым последствиям. Несмотря на это, в Томске начинают появляться примеры восстановления рядовых исторических зданий и их эффективного использования в настоящее время. Администрацией г. Томска разрабатываются программы по сохранению историко-архитектурного наследия и поиска инвесторов, благодаря чему в городе появляются отреставрированные и восстановленные объекты, которые используются под современные общественные функции, благодаря чему здания сохраняются. Инвесторы на практике показывают, что восстановление исторического фонда не только рекламный ход, но и вполне выгодное капиталовложение.

Литература

1. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века): Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск: монография / В. П. Бойко, Е. В. Ситникова, Н. В. Шагов, О. В. Богданова, В. Г. Залесов, Т. Н. Манонина; под ред. В. П. Бойко. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. 480 с.
2. Деревянная архитектура Томска. М.: Советский художник, 1987.
3. Ситникова Е. В. Деревянный классицизм г. Томска // Региональные архитектурно-художественные школы. Новосибирск: Изд-во НГУАДиИ, 2013. № 1. С. 305–309.

4. Ситникова Е. В. Деревянная архитектура Томска второй половины XIX – начала XX в. / Е. В. Ситникова. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2011. № 1. С. 59–65.

5. Степанюк Я. Г., Ситникова Е. В. Новое строительство в исторической среде г. Томска // Региональные архитектурно-художественные школы. Новосибирск: Изд-во НГУАДиИ, 2017. № 1. С. 10–17.

УДК 72.035/036

Тимченко Валентина Алексеевна,
аспирант
Иванова-Ильичева Анна Михайловна,
кандидат архитектуры, доцент
(Академия Архитектуры и искусств Южного
Федерального университета)
E-mail: valusha_92@mail.ru,
ami0202@yandex.ru

Timchenko Valentina Alekseevna,
postgraduate student
Anna Michailovna Ivanova-Ilicheva,
PhD of Architecture, Associate Professor
(Academy of Architecture and Arts,
Southern Federal University)
E-mail: valusha_92@mail.ru,
ami0202@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ИНФЕКЦИОННОЙ БОЛЬНИЦЫ ИМ. С. П. БОТКИНА

TOWARDS PRESERVING HOSPITAL OF INFECTIOUS DISEASE NAMED AFTER S. P. BOTKIN IN THE CITY OF LENINGRAD

Статья посвящена Ленинградской инфекционной больнице им. С. П. Боткина. Больница им. С. П. Боткина – пример комплекса больницы барачного (павильонного) типа, сохранившей первоначальное функциональное зонирование территории и ряд элементов планировочной структуры. При трехэтапном строительстве больницы (1880-е гг.; 1905–1910 гг.; 1927–1939 гг.) постройки каждого периода сооружены по проектам ведущих зодчих своего времени. Городская барачная больница была построена по инициативе Общества русских врачей и выдающегося русского ученого, крупного общественного деятеля С. П. Боткина. В наши дни знаменитая больница является объектом культурного наследия регионального значения «Комплекс Александровской барачной больницы (больницы им. С. П. Боткина)».

Ключевые слова: советская архитектура, конструктивизм, авангард, архитектура, Гегело А. И., больница.

The article is devoted to the Leningrad infectious diseases hospital of S. P. Botkin. Hospital of S. P. Botkin – an example of a complex of the hospital of barrack-type (stage) type which maintained initial functional zoning of the territory and a number of elements of planning structure. At three-stage construction of hospital (the 1880th; 1905–1910; 1927–1939) constructions of every period are built on projects of the leading architects of the time. The city barrack-type hospital was constructed at the initiative of Society of the Russian doctors and the outstanding Russian scientist, the large public figure S. P. Botkin. Today the well-known hospital is an object of cultural heritage of regional value „Aleksandrovskoy Complex of Barrack-type Hospital (Hospital of S. P. Botkin)“.

Keywords: Soviet architecture, constructivism, vanguard, architecture, Gegelo A. I., hospital.

Первая треть XX в. была важнейшим этапом в развитии архитектуры. В 20-е годы прошлого столетия происходил переломный момент в процессах формообразования. Для советской архитектуры с первых же лет её существования была характерна устремленность в будущее, выразившаяся в первую очередь в архитектуре советского авангарда.

Первый период с 1917 по 1934 гг. в истории страны насыщен был очень сложными событиями. Происходило восстановление разрушенного хозяйства, ускоренная индустриализация. В первые послереволюционные годы, когда новое архитектурное мышление только зарождалось, творчество архитектора было направленное на поиски нового художественного образа. В активизация творческого процесса важную роль сыграли конкурсы, одним из важных аспектов которых был поиск нового художественного образа [2].

На рубеже 1920–30-х гг. развиваются тенденции строительства больниц павильонного типа, зародившиеся еще в последней четверти XIX в. Создаются больничные городки. Павильонный тип больницы с размещением отдельных корпусов получил широкое распространение во второй половине 20-х гг. Такие больницы были построены в крупных городах СССР (Москва, Харьков, Ростов-на-Дону и др.). Вскоре стал преобладать рациональный подход, разрабатываться новый тип централизованной больницы. Здания корпусов представляли собой лаконичные формы, с выступающими объемами лестничных клеток, присутствовали ленточные остекления и т. д. Решения на уровне генеральных планов представлялись симметричными с главной осью.

Одним из значимых больничных проектов периода конструктивизма является проект А. И. Гегело «Клиническая инфекционная больница имени С. П. Боткина» в Ленинграде 1927–1930 гг.

Изначально на месте существующего больничного комплекса располагалась Александровская барачная больница, которая была основана в 1882 г. Санкт-Петербург середины XIX в. представлял собой чрезвычайно пеструю в санитарно-эпидемиологическом отношении картину. Наряду с роскошными дворцами, особняками и благоустроенными жилыми зданиями в центре города, на окраинах располагались деревянные дома без всякого удобства. Проблемы санитарной организации заостряются в 1880-е гг. 20 июня 1880г. городская дума ассигновала 200000 рублей на постройку временной барачной больницы на 500 коек и на снабжение этой больницы всеми необходимыми больничными принадлежностями. Участок для нее был отведен городским самоуправлением вблизи железнодорожной товарной станции, на территории бывшего Александровского плаца, рядом с существовавшими там конным рынком, тюрьмой и казачьими казармами. В то время Г. И. Архангельскому (известный врач-гигиенист и доктор медицины) было предложено обследовать место, отведенное для строительства, а также составить необходимые расчеты по ее внутреннему устройству. Тщательно были продуманы инженерные системы, а именно, освещения, отопления и вентиляция [4].

Генеральный план размещения больничного городка был рассчитан на строгое разграничение заразной и незаразной территории, для чего административно-хозяйственные постройки были обособлены и располагались вдали от бараков.

Размещение больных по баракам строилось по принципу групповой изоляции. Каждый барак предназначался для определенной инфекции. Имелось также небольшое здание для изоляции болевших одновременно двумя заразными болезнями.

Палаты в бараках имели двустороннее естественное освещение. В каждой из них было по 10 окон. Общая площадь палаты составляла около 20 кв. м.

Просуществовала барачная больница почти 50 лет, вскоре она перестала отвечать современным требованиям медицинской науки, а кроме того, пришла в ветхость, и ее деревянные павильоны-бараки начали один за другим выбывать из строя. Здания стали разрушаться, разрушались инженерные системы, была нехватка лекарственных препаратов.

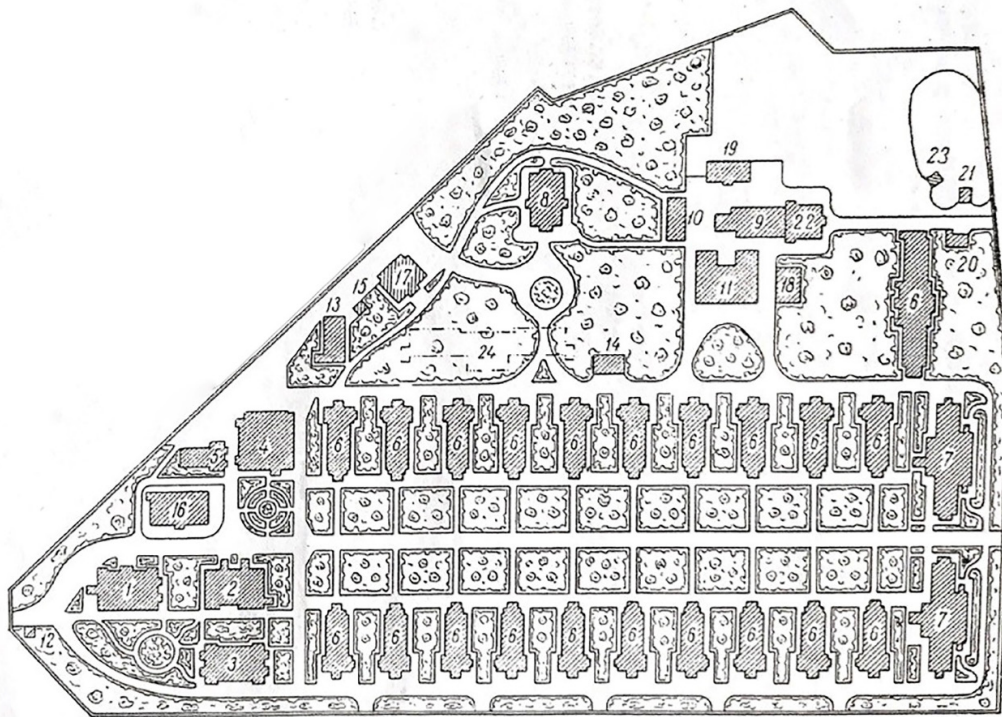

Рис. 1. Подробный план строений больницы кон. XIX в. [4] Условные обозначения:
 1 – аптека и квартира; 2 – приемный покой; контора и квартиры; 3 – казарма; 4 – кухня;
 5 – ледники; 6 – бараки для больных; 7 – бараки для выздоравливающих; 8 – часовня;
 9 – дезинфекционная камера; 10 – сарай для хранения имущества; 11 – прачечная с квартирами;
 12 – сторожка; 13 – ферма; 14 – ледник для барачков; 15 – навозная яма; 16 – дом для сестер;
 17 – дом для служителей; 18 – баня; 19 – конюшенная и сарай; 20 – барак для изоляции больных;
 21 – керосинный погреб; 22 – новая дезинфекционная камера;
 23 – печь для сжигания соломы; 24 – изоляционно-сортировочный барак

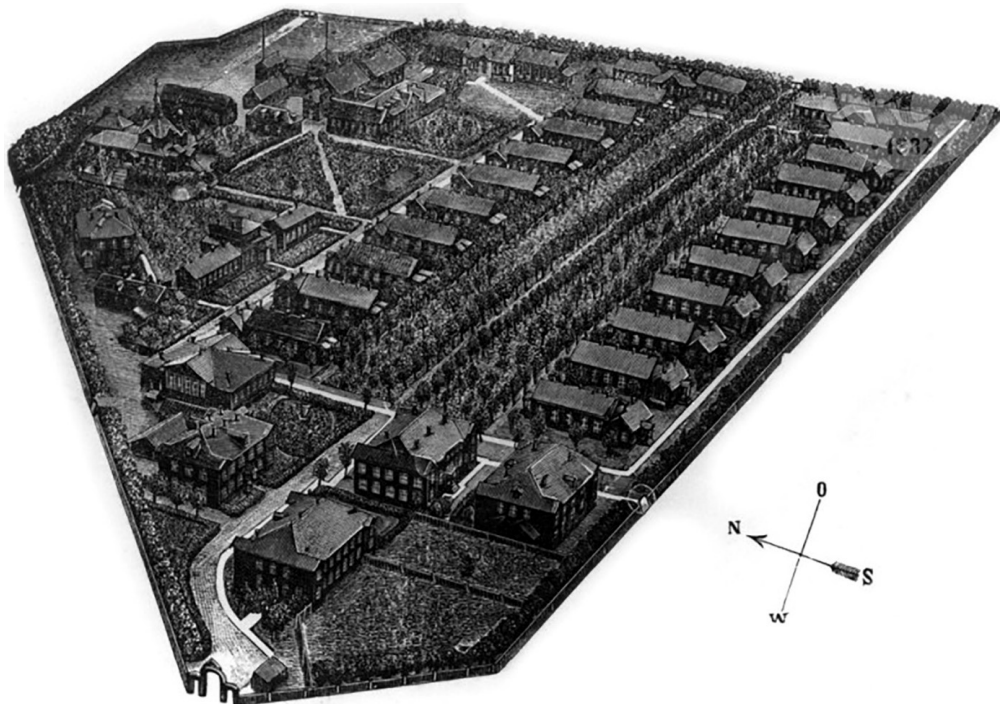

Рис. 2. Подробный план строений больницы конца XIX в. [3]

В 1907 году после окончания Военно-медицинской академии в больницу пришел работать будущий главный врач Г. А. Ивашенцов. За долгие годы его работы у него зрела мысль о необходимости строительства новой больницы на месте старой [4].

Несмотря на то, что бараки были отремонтированы и вполне годны для эксплуатации, Г. А. Ивашенцов отчетливо понимал несоответствие требованиям санитарным нормам. Он мечтал о больнице, которая отвечала бы задачам советского здравоохранения с инфекционными болезнями.

По его замыслу, реконструированная больница должна была превратиться в институт инфекционных болезней с благоустроенными клиниками, хорошо оснащенными лабораториями, аудиториями и отвечать современным требованиям изоляции больных.

Решение о реконструкции было принято, но специалистов в области строительства больниц, особенно инфекционных, тогда еще не было даже среди старшего поколения архитекторов и врачей, не говоря уже о молодежи, так как строительство лечебных учреждений в царской России стояло на самом последнем плане. Поэтому в 1925 г. по поручению губернского отдела здравоохранения Ленинградское общество архитекторов-художников объявило открытый конкурс на проект инфекционной больницы на 1000 коек. Несмотря на трудность задачи и сложность программы проектирования, конкурс встретил широкий отклик со стороны ленинградской архитектурной общественности. И хотя, как правило, ни один архитектурный конкурс не дает проектов, пригодных для непосредственного осуществления в натуре, материалы конкурса облегчают разработку окончательных программных установок и часто помогают найти идею первоначального замысла проектируемого объекта. Так было и в данном случае. На конкурс поступило 26 проектов, из которых было отобрано 6 лучших, послуживших основой для разработки исполнительного проекта. Авторами этого проекта были архитекторы А. И. Гегело, Г. А. Ивашенцов и Н. Г. Котов.

По рассказам А. И. Гегело, Глеб Александрович был идейным руководителем всей стройки, глубоко вникал в весь процесс проектирования. Больница должна была строиться на той же самой территории, по возможности без повреждения зеленых насаждений и с условием сохранения числа функционирующих коек не ниже 650. Срок окончания работ был определен – конец 1934 г.

Так в 1927–1939 гг. на месте барачной Александровской больницы по проекту Александра Ивановича Гегело было возведено 11 крупных каменных больничных корпусов, которые отвечали всем необходимым медицинским требованиям. Больница увеличилась с 300 до 1230 коек.

Данный проект – это иной творческий процесс в создании большого и сложного комплекса и представляет интерес в изучении проектирования столь масштабного объекта в то время [1].

В книге самого архитектора «Из творческого опыта: Возникновение и развитие архитектурного замысла» А. И. Гегело, представлен очерк по работе над данным проектом. Александр Иванович пишет, о получении зарубежного опыта по проектированию новейших больниц и именно такое глубокое изучение проблемы больничного строительства облегчило архитекторам поиск наиболее подходящих планировочных форм, а также взаимосвязь отдельных помещений.

Перед архитекторами стояла непростая задача, которая состояла в создании современной клинической больницы для лечения больных различными видами инфекций.

Это способствовало выбору в пользу павильонной системы, так как она обеспечивала изоляцию больных не только внутри отделения, но и на территории больницы. Одна из важных причин выбора такого типа для строительства больницы – это возможность в будущем осуществлять замену старых зданий новыми.

Участок, на котором предполагалось строительство больницы, находится в центре Санкт-Петербурга, он является затеснённым и имеет неправильную и сложную конфигурацию. Перед архитекторами стояла задача сохранить некоторые здания и подземные коммуникации.

В своей книге архитектор пишет о требованиях, которые были направлены на благоприятные условия и нормального функционирования и эксплуатации новой больницы: «Одним из них было устройство главного входа в больницу с Миргородской улицы, по оси Золотоношской улицы, что отвечало требованиям удобства доставки больных из города. В отношении группировки и размещения отдельных зданий программа предлагала расположить главный административный корпус с приемным покоем и помещением для дезинфекции подвижных средств транспорта, с аудиторией и лабораториями для студентов вдоль Миргородской улицы, около главного входа, и всю эту группу изолировать от остальной больничной территории.

Здания лаборатории и аптеки, отделение рентгена и кабинет светолечения требовалось разместить в центре участка. «Хозяйственные здания надо было построить на территории существовавшего хозяйственного двора, а больничную кухню – возможно ближе к центру больницы, но так, чтобы она примыкала к хозяйственному двору» [1].

Перед архитекторами стояла задача найти лучшее решение на поставленные задачи, которые в большей или меньшей степени противоречат друг с другом. А именно, решить проблему «чистого» и «грязного» движения, что означает минимизировать пересечение больных, санитарных работников и т. д. с движением персонала, посетителей и др. А также группа зданий делилась на две подгруппы, где одна группа зданий предназначалась для больных летучими инфекциями, а другая для больных не летучими инфекциями.

Участок для проектирования не позволял «вольностей», так как необходимо было учитывать недостаточные размеры и сложную конфигурацию участка и к этому добавилось сохранение некоторых зданий. Эти вылились в функциональные противоречия с практическими возможностями решения генерального плана и влияли на конфигурацию, размеры проектируемых зданий.

Вследствие двух уже разработанных генпланов, появилось третье решение (рис. 3), которое создавало простор между проектируемыми павильонами. Для лечебных павильонов была принята П-образная конфигурация, которые оказались достаточно компактными. Далее был предложен Т-образный вид в плане, который позволил сохранить уже имеющиеся ранее три главные дороги. «Такое уравновешенное решение генерального плана, соответствовавшее косому направлению Миргородской улицы, в общем удачно сочеталось с постановкой зданий второго отделения и хозяйственного двора и давало определенные функциональные преимущества, а именно: хорошую ориентацию палат, почти полное сохранение наиболее ценной части подземного хозяйства, увеличение расстояний между павильонами до 60, 65 и даже 80 м, создание довольно больших открытых и свободных зеленых пространств, куда выходили окна павильонов, и, наконец, полное разделение «чистого» и «грязного» движения по территории больницы» [1].

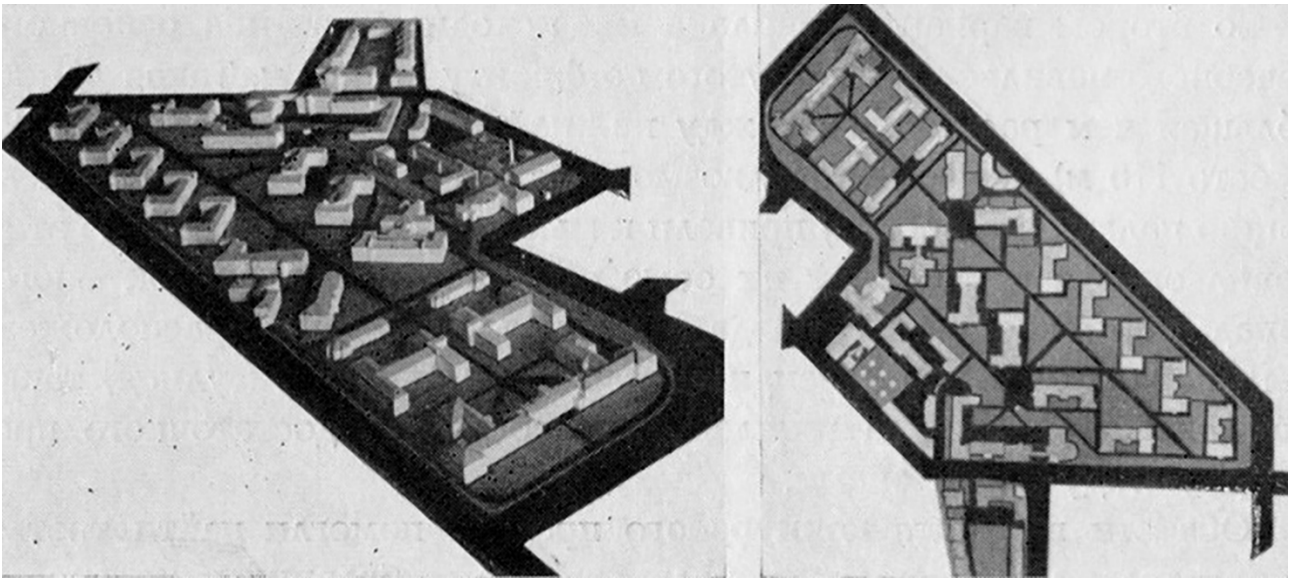

Рис. 3. Проект больницы им. С. П. Боткина в Ленинграде, арх. Гегело А. И. [3]

В целом создалась четкая и логичная композиция генерального плана больницы, который можно считать одним из первых в советской архитектуре примеров отказа от традиционных, канонических приемов планировки большого и сложного комплекса, типичных для архитектуры классицизма. Генеральный план Боткинской больницы – пример свободного решения, не подчиненного графическим композиционным осям, а вытекающего из технологических требований больничного комплекса и реальных условий участка и его застройки.

Что касается общего архитектурного облика больницы, то фасады выполнены с характерной простотой и лаконичностью формы. Декоративная обработка фасадов сводилась к частичному выделению междуоконных простенков, а именно легким западанием по отношению к поверхности стен.

«Некоторые изменения внесены в отделку фасадов. Они заключались в отказе от продолжения затемненного пояса междуоконных столбов второго этажа на боковых крыльях здания непосредственно до цилиндрического объема, что потребовало небольших дополнительных затрат на переделку в этих местах уже законченной штукатурки, но зато значительно улучшило вид здания. Этот пример говорит о том, что архитектору, особенно при разработке новой для него темы, бывает трудно предусмотреть на бумаге до конца все детали, и даже в натуре иногда возникает необходимость некоторой корректировки проекта в его деталях» [1].

Вскоре, во время ВОВ, больница понесла сильнейше повреждения, а именно, авиационные налеты артиллерийские обстрелы противника выводили из строя одно за другим больничные здания. Seriously пострадали от разрушения два двухэтажных павильона, административно-хозяйственный корпус и приемный покой. За весь период войны на территории больницы взорвались 6 крупных бомб.

Больница им. С. П. Боткина является сегодня наглядным примером прогресса не только отечественной медицинской науки, но и примером прогресса в архитектурно-строительной практике первой половины XX в. Проект демонстрирует развитие идей рационализма, которые являются актуальными и на сегодняшний день. Гегело отмечал в своей книге, что архитектору не стоит забывать о постоянных изменениях в требова-

ниях к строящемуся сооружению, поэтому в проектировании архитектор должен учитывать не только требования, которые выдвигаются сегодня, но и предвидеть будущее функциональных процессов, для которых проектируется архитектурно-пространственная среда. «Это поможет ему создавать такие произведения, которые не только будут совершенны для своего времени, но и надолго переживут его, сохранив свою ценность для грядущих поколений» [1].

На сегодняшний день больница им. С. П. Боткина является одним из крупнейших клинических центров страны, ее общее визуальное состояние является удовлетворительным и требует должного внимания в сохранении своего облика.

Литература

1. Гегело А. И. Из творческого опыта: Возникновение и развитие архитектурного замысла / А. И. Гегелло; Институт теории и истории архитектуры АСИА СССР. Ленинград: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. 376 с.
2. Хан-Магамедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн.2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.
3. Историческая справка клинической инфекционной больницы им. С.П. Боткина [Электронный ресурс]. URL: <http://botkinhosp.org> (дата обращения 17.03.2018г.).
4. Фигурина М. М. Ленинградская инфекционная больница им. С. П. Боткина 1882–1961. СПб.: Государственное издательство медицинской литературы М Е Д Г И З, Ленинградское отделение, 1961. 100 с.

УДК 72.025.21(470.324)

Чесноков Геннадий Анатольевич,
канд. арх., профессор
Чесноков Владимир Геннадиевич,
ассистент

(Воронежский государственный технический университет)
E-mail: chesnokov@mail.ru,
che.vir@yandex.ru

Chesnokov Gennady Anatolievich,
PhD of Architecture, Professor
Chesnokov Vladimir Gennadievich,
Assistant

(Voronezh State Technical University)
E-mail: chesnokov@mail.ru,
che.vir@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПОСЛЕВОЕННОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ ВОРОНЕЖА

HISTORICAL CONTINUITY IN THE POST-WAR RESTORATION OF VORONEZH

Исследован и проанализирован процесс восстановления города Воронежа, разрушенного в годы Великой Отечественной войны на 92 %. В результате титанических усилий жителей города, проектировщиков и строителей удалось уже к 1955 году не только полностью завершить восстановительное строительство, но и возродить исторический центр, сохранив его аутентичность. Проектные работы, проводимые под руководством академика архитектуры Л. В. Руднева, осуществлялись в основном силами воронежских специалистов, что в значительной степени и обусловило бережное отношение к внешнему облику буквально каждого здания, которое можно было восстановить. В городе, практически стертом с лица земли, до сих пор сохраняется около трехсот объектов культурного наследия, что само по себе воспринимается как чудо.

Ключевые слова: послевоенное восстановление, Воронеж, генеральные планы, исторический центр, памятники архитектуры.

Investigated and analyzed the process of restoring the city of Voronezh, destroyed during World War II by 92 %. As a result of the titanic efforts of city residents, designers and builders, by 1955 it was possible not only to complete the restoration construction, but also to revive the historical center, while maintaining its authenticity. Design work carried out under the guidance of academician of architecture L. V. Rudnev, carried out mainly by Voronezh specialists, which largely determined the careful attitude to the appearance of virtually every building that could be restored. The city literally wiped out about three hundred objects of cultural heritage, which in itself is perceived as a miracle.

Keywords: post-war reconstruction, Voronezh, master plans, historical center, architectural monuments.

Работы по восстановлению многих городов страны, разрушенных в период Великой Отечественной войны, проводимые в условиях жесточайшего дефицита строительных материалов и многочисленных физических утрат объектов, придававших им аутентичность, трансформировали их облик и в какой-то степени исторически сложившуюся архитектурно-планировочную структуру. Этот противоречивый и весьма поучительный исторический опыт представляет несомненный исследовательский интерес. В этом плане пример Воронежа во многом с одной стороны показателен, а с другой по многим обстоятельствам уникален.

В июле 1942 года вражеским войскам удалось захватить правобережье Воронежа, где располагался его исторический центр. Однако их попытки овладеть левобережной заречной частью города, активное освоение которой началось лишь в советский период, были отражены. Линия фронта прошла через реку Воронеж. Вместо планировавшихся 2–3 дней гитлеровские войска застряли под Воронежем на 7 месяцев. Авторы многочисленных исследований, опубликованных в послевоенные годы, убедительно доказывают, что ожесточенное сражение за город в значительной степени способствовало победе под Сталинградом. По потерям мирного населения Воронеж занял второе место после Ленинграда.

Из-за угрозы окружения, возникшей в ходе проведения Советской армией наступательной Воронежско-Касторненской операции, немецкие войска в ночь с 24 на 25 января 1943 года покинули Воронеж. Перед отступлением из города фашисты взорвали лучшие здания из тех, что уцелели во время бомбардировок и артобстрелов.

Печальное зрелище представлял собой освобожденный Воронеж в те дни. В центре города не было ни одного неповрежденного здания. Многие улицы и кварталы были превращены в груды развалин. Лишь кое-где в правобережье сохранились дома, пригодные для жилья. Об этом свидетельствуют не только воспоминания современников, отчеты всевозможных комиссий и многочисленные фотографии, хранящиеся в архивах, но и фронтовые рисунки, сделанные московскими художниками В. В. Богаткиным и В. А. Демидовым. Снимки, сделанные с воздуха немецкими и нашими летчиками, пожалуй, дают самое полное представление о том, насколько сильно был разрушен город (рис. 1). Так, например, в историческом центре (в районе проспекта Революции) крыша сохранилась лишь на Доме связи.

В результате уличных боев, обстрелов и пожаров пострадали практически все памятники истории, культуры и архитектуры Воронежа. Наибольшие разрушения получили те, что располагались на бровке правобережного плато и по приречному склону города. Так, в частности, семидесятиметровая колокольня Митрофановского монастыря, возведенная по проекту Д. Кваренги, на которой также, как и на других, располагался немецкий наблюдательный пункт, огнем артиллерии с левого берега была превращена

в руины. От артиллерийских обстрелов погиб и цейхгауз Петра I, входивший в состав первого российского адмиралтейства, построенного на одном из островов поймы реки.

Рис. 1. Вид с самолета на разрушенный центр города Воронежа

В акте областной комиссии по истории Великой Отечественной войны, созданной в феврале 1943 года, говорится о преднамеренном варварском уничтожении исторических памятников, культурных и музейных учреждений города. В отчете Государственной комиссии по выяснению ущерба, нанесенного Воронежу немецкими захватчиками, приведены следующие цифры: 92 % жилого фонда полностью было уничтожено, а из 20 тысяч домов было разрушено и сожжено 18277. Из каждых ста разрушенных домов примерно двадцать, по результатам экспертизы, не подлежало восстановлению [1]. Во избежание обрушения их приходилось разбирать или взрывать. От пожаров, бомб и снарядов пострадали также и все промышленные предприятия города, а сады, скверы и парки были вырублены во время оккупации.

Воронеж по масштабу разрушений может быть сопоставим лишь с такими городами как Сталинград и Севастополь. Специалисты, проводившие оценку состояния города после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, даже ставили под сомнение вопрос о необходимости восстановления города, считая лучшим построить его заново и на другом месте [2]. Данное предложение на определенном этапе рассматривалось в экономическом плане, как более предпочтительное. Однако воронежцы своим массовым возвращением к родным пепелищам по существу проголосовали за возрождение города. Всего лишь через месяц после освобождения в Воронеже, в котором не оставалось гражданского населения, насчитывалось уже более 10 тысяч человек.

В разгар войны 19 апреля 1943 года СНК СССР и РСФСР приняли специальное постановление о первоочередных мероприятиях по восстановлению Воронежа. Большую роль в жизни города сыграло и постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», принятое 21 августа 1943 года, одним из следствий которого явилось составление «Перечня зданий по городу Воронежу, находящихся на учете как исторические памятники». В него, в частности, были включены и слабо поврежденные и сильно разрушенные объекты гражданской и культовой архитектуры. С образованием в 1943 году Комитета по делам архитектуры работы по подготовке проектов восстановления и реставрации памятников были поручены Главному управлению охраны памятников архитектуры [3].

В конце этого же года на должность главного архитектора города был назначен Н. В. Троицкий, который на этом посту, потребовавшем от него огромного напряжения творческих сил и титанических организационных усилий по восстановлению Воронежа, проработал до 1951 года. Оценивая результаты его деятельности на этой должности можно с уверенностью сказать, что городу и горожанам повезло, что на таком ответственном месте оказался коренной воронежец, опытный и высокообразованный специалист, любящий и знающий свой родной город.

Он последовательно выступал против разборки на кирпич, который в то время рассматривался как стратегический материал, сохранившихся бывших дворянских и купеческих особняков, доказывал необходимость сохранения в объемно-планировочной структуре города и культовых зданий. Он считал, что лучше употребить энтузиазм воронежцев на изготовление собственного кирпича всеми подручными средствами, чем отнимать его у истории.

Стремясь как можно скорее возродить город, воронежцы работали буквально не жалея сил. О громадном трудовом энтузиазме жителей весьма красноречиво говорит тот факт, что только за 1944 год на расчистке завалов, восстановлении домов и благоустройстве города они безвозмездно в нерабочее время отработали 2 млн. 600 тыс. человеко-часов (каждый житель не менее 100 часов). Кроме того, заготовка кирпича из развалин входила в твердый план каждого строительного предприятия. Поскольку экскаваторы появились в Воронеже лишь в 1947 году, то все работы на разборке руин выполнялись вручную.

Еще во время войны, в 1943–1944 гг., началась работа по составлению генеральных планов разрушенных в ходе боев городов. По распоряжению правительства при Академии архитектуры СССР были созданы специальные мастерские, которые возглавили ведущие архитекторы того времени, призванные курировать проектные работы по восстановлению конкретных городов.

В соответствии с этим решением разработка нового генерального плана Воронежа была поручена мастерской одного из ведущих зодчих страны Л. В. Руднева, который для выполнения этой работы впервые приехал в город весной 1944 года. Впечатление от увиденного было столь сильным, что архитектор решил – все придется создавать с нуля, поскольку города практически не было.

Учитывая масштаб разрушений, Л. В. Руднев предложил создать новый план Воронежа практически без учета исторически сложившейся планировки. Однако против этого предложения выступил главный архитектор города Н. В. Троицкий. Он сумел убедить столичного зодчего в необходимости сохранения планировочной структуры центральной

части Воронежа, которая явилась следствием последовательной реализации первого регулярного генерального плана 1774 года (рис. 2). Ему удалось доказать, что она наиболее оптимально соответствует рельефу местности и придает городу неповторимый колорит.

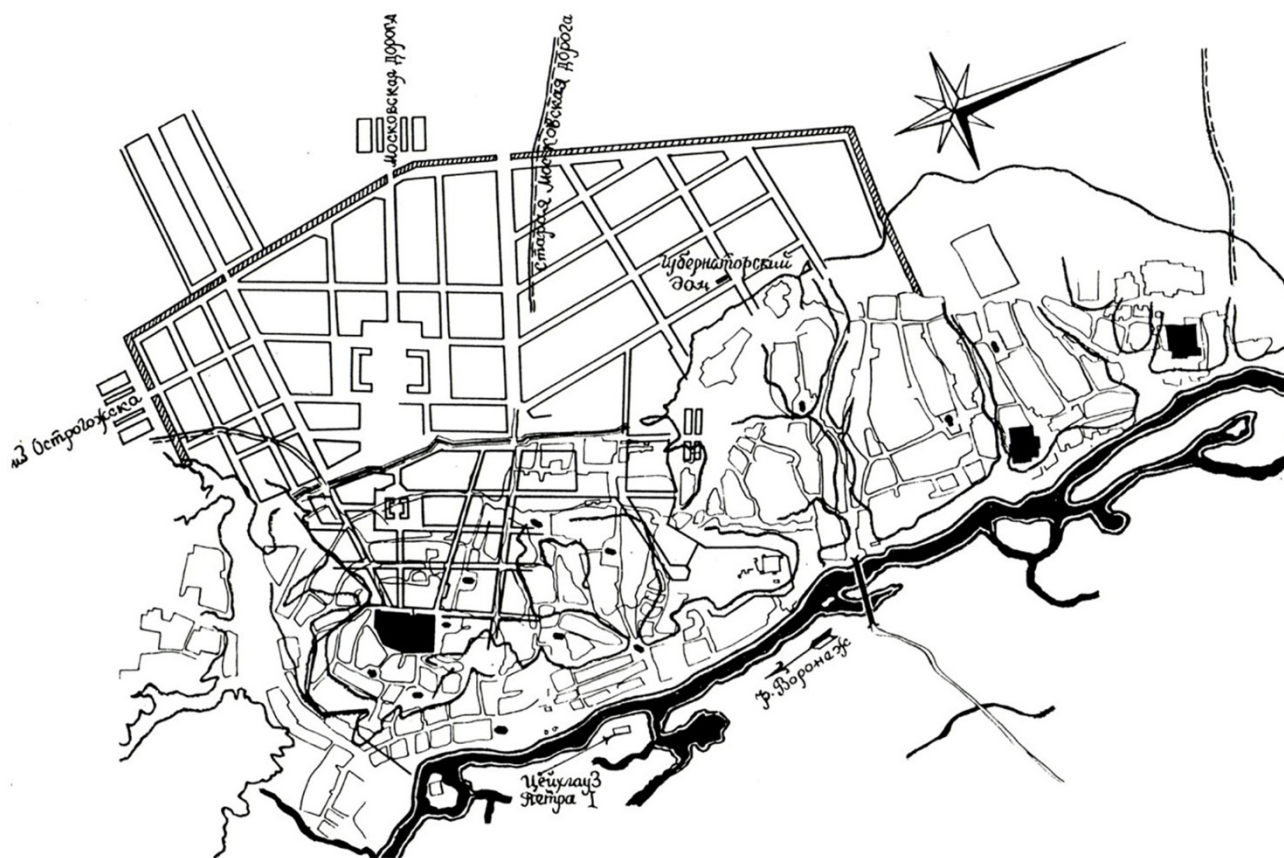

Рис. 2. Первый регулярный план города Воронежа (архитектор И. Е. Старов, 1774 г.)

Под руководством Л. В. Руднева над обликом будущего, возрожденного Воронежа трудились московские архитекторы И. В. Ткаченко, П. П. Штеллер, В. В. Лебедев, Г. А. Тиме, инженеры-экономисты Л. А. Волков, В. С. Семенов и другие [4]. В работе принимала участие и воронежская контора «Облпроект» во главе с архитектором А. В. Мироновым. При этом перед проектировщиками была поставлена задача по возможности сохранить в процессе реконструкции ценные объекты культурного наследия и с учетом современных градостроительных норм и требований планировочную структуру исторического центра города.

Составление схемы планировки Воронежа было закончено уже к 25 августа 1944 года. Столь стремительные темпы проектных работ были продиктованы, прежде всего, тем обстоятельством, что отсутствие нового плана сдерживало проведение ремонтно-восстановительных мероприятий. Только зная, где будет пробита новая улица или перекрыта старая, расширена площадь, возведено новое здание, можно было определить целесообразность восстановления того или иного дома.

Постановлением Комитета по делам архитектуры при СНК РСФСР от 3.03.1945 г. генеральная схема планировки Воронежа, разработанная этим творческим коллективом, была утверждена, а Л. В. Рудневу было поручено начать разработку проектов генплана города и детальной планировки и застройки его центра. Н. В. Троицкий, как главный архитектор города, при составлении всех этих градостроительных документов принимал самое активное участие.

14 ноября 1945 года Совнарком СССР принял постановление о неотложных мероприятиях по восстановлению 15 старейших русских городов, наиболее сильно пострадавших во время войны. На эти цели были выделены сотни миллионов рублей и необходимые строительные материалы. Среди названных в постановлении городов был и Воронеж. Его генеральный план был утвержден 19 ноября 1946 года Советом Министров РСФСР, а уже 6 марта 1947 года Исполком Горсовета одобрил «Основные положения по застройке центра города Воронежа».

Характеризуя период послевоенного советского градостроительства, выдающийся зодчий академик архитектуры А. В. Щусев отмечал, что его важнейшей чертой «...является стремление не только восстановить в кратчайшие сроки разрушенные города, но и одновременно реконструировать их, бережно сохраняя в процессе реконструкции ценное художественное наследие, лучшие исторически сложившиеся черты планировки города» [5]. Именно такой подход был положен в основу работы над проектом восстановления и развития Воронежа. Исторический трезубец трех главных улиц города, закреплённый в плане И. Е. Старова (1774 г.), был принят авторами как главный композиционный костяк. В то же время генплан 1946 года изменял распределение территории в пределах планировочного пятна города, границы которого в основном совпадали с теми, что были установлены еще до войны.

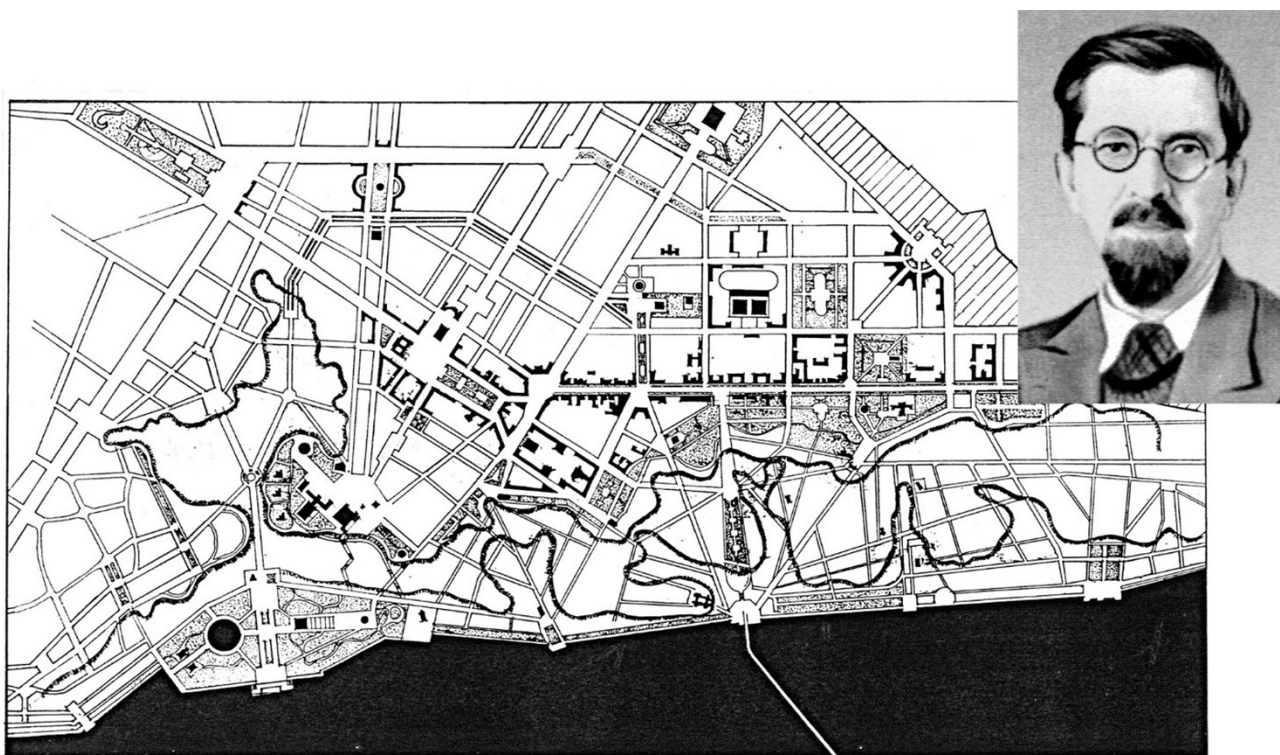

Рис. 3. Генеральный план Воронежа 1946 года, архитектор Л. В. Руднев

По генеральному плану организация центра получала ясную объемно-пространственную композицию в виде тактично дополненной системы исторических площадей и архитектурных ансамблей, вносящих в облик центра особую выразительность за счет мастерски расставленных доминант (рис. 3).

В проекте были разработаны новые подходы к формированию объемно-пространственной композиции силуэта и панорамы правобережья Воронежа. Предполагалось,

что здания, образующие фронт застройки обильно озелененного склона, будут сооружаться как бы на трёх террасах, лежащих друг над другом. С тем, чтобы сохранить характер застройки склонов, где в основном сохранялась исторически сложившаяся до-регулярная планировка, при проведении работ по её упорядочиванию было решено, что она не будет превышать двух этажей.

При этом в общую композицию фасада города со стороны реки включались и сохранившиеся исторически сложившиеся акценты в его застройке. Вертикали уцелевших церквей, дополненные в наиболее выразительных точках панорамы многоэтажными зданиями с башнями, увенчанными шпилевидными завершениями, по замыслу авторов должны были вернуть живописный силуэт возрожденному Воронежу.

По генеральному плану на вновь осваиваемых периферийных городских территориях предусматривалось создание крупных кварталов, а в староосвоенных районах по возможности их укрупнение и придание им в ряде случаев более правильной прямоугольной формы, что в большинстве случаев было продиктовано необходимостью решения транспортных проблем в историческом центре.

В число первоочередных практических мероприятий по возрождению Воронежа входила, в том числе и работа по восстановлению зданий, являющихся памятниками архитектуры или представляющих архитектурный интерес. Так, уже в 1944 году архитектором А. В. Даниловым было проведено обследование бывшего дома губернатора И. А. Потапова (ныне здание Областного музея изобразительных искусств им. И. Крамского), а архитектором В. Г. Шевандроновым был выполнен проект восстановления здания бывшего Крестьянского поземельного банка (ныне областная прокуратура, улица Орджоникидзе, 41).

В 1945 году управлением главного архитектора города были выданы задания на восстановление целого ряда памятников архитектуры, известных в дореволюционном Воронеже как дом Вигеля, Мещанская управа, Воскресенская церковь и многих других. Для координации этой работы в 1946 году в отделе по делам строительства и архитектуры Воронежского облисполкома была введена должность архитектора-инспектора по памятникам архитектуры.

В августе 1948 года Исполком областного Совета утвердил список памятников, подлежащих государственной охране и обязал проектировщиков строго при их восстановлении следовать исторической правде. В тяжелейшее для страны время в городе удалось найти средства и возможности для восстановления в прежнем виде множества старинных зданий, сохранивших стены и элементы отделки фасадов. Причем это были не только памятники, но и здания, не стоявшие на официальном учете. С целью повышения эстетических достоинств, сдаваемых в эксплуатацию объектов, при тресте «Воронежгорстрой» была организована специальная мастерская скульптурных и отделочно-архитектурных работ. Заслуга её в возрождении облика зданий, формирующая представление об историческом центре города, была чрезвычайно велика.

Воронежские архитекторы и строители сделали, казалось бы, невозможное – они вернули городу его овеществленную историю и неповторимость, сохранив, таким образом, визуальную связь времен. При другом подходе всего того, что нас окружает в историческом центре Воронежа и воспринимается на уровне подкорки, как знакомая с детства мелодия не было бы. Справедливости ради здесь следует сказать о том, что утверждающие и архитектурные органы на первых порах выступали за полную переделку фасадов всех восстанавливаемых зданий [2]. К счастью, из-за значительного удорожания

ремонтно-реконструктивных работ это предложение было признано достаточно быстро нерациональным.

В 1946 году был воссоздан без изменений архитектурного облика городской Дом пионеров, разместившийся в старинном двухэтажном особняке эпохи классицизма (бывший дом врача С. В. Мартынова, улица Карла Маркса, 55). Богато декорированный дом Ф. Н. Вигеля (улица Вайцеховского, 2/4), построенный в середине XVIII века в стиле ампир, был восстановлен во всех его деталях по проекту В. В. Савостьянова (при участии А. В. Миронова) в 1948 году. По проекту архитекторов Карелина и А. В. Миронова было восстановлено величественное здание бывшего Волжско-Камского банка (ныне здание городской администрации, улица Плехановская, 10). В 1951 году, по проекту инженера В. П. Глотова, в первоначальном виде был восстановлен бывший дом фабриканта Тулинова (проспект Революции, 30), от которого после войны сохранился лишь обгорелый остов. Именно в этом двухэтажном классической архитектуры особняке традиционно останавливались царственные особы, находившиеся с визитом в Воронеже.

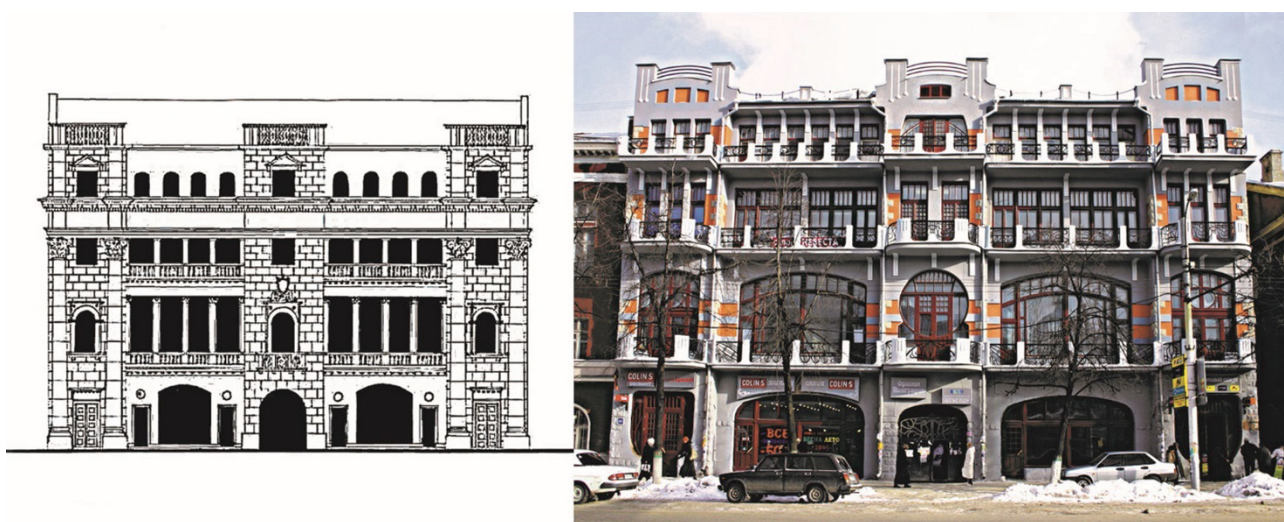

Рис. 4. Гостиница «Бристоль»: слева – вариант восстановления главного фасада (1945 г.), справа – фасад, возрожденный в соответствии с первоначальным историческим обликом

Архитектор Г. В. Здебчинский вернул прежний облик жемчужине воронежского модерна – полуразрушенному зданию отеля «Бристоль» (рис. 4). По его проекту был восстановлен старейший на сегодняшний момент жилой дом Воронежа – бывший дом купцов Гардениных (1720-е гг., переулок Фабричный, 12). Он же принимал непосредственное участие в возрождении единственного в городе здания дворцового типа, занятого ныне музеем изобразительных искусств, «Арсенала» (улица С. Разина, 43); здания бывшей Мещанской управы (улица Плехановская, 3) и многих других известных воронежских памятников истории и культуры. Именно Г. В. Здебчинским, занимавшем должность архитектора-инспектора по памятникам архитектуры, в 1949 году был составлен «Генплан охраняемых памятников архитектуры Воронежа», хранящийся ныне в Москве в Государственном музее архитектуры имени А. В. Щусева.

В первоначальном виде были полностью восстановлены все основные здания старейшего воронежского вуза – комплекса сельскохозяйственного института (1946–1955 гг.), превращенного в результате ожесточенных боев руины. Проектирование возглавил архитектор И. Н. Маковецкий, который очень бережно подошел к возрождению этого ве-

ликолепного ансамбля, созданного в 1913 году в стилистике петровского барокко известным петербургским архитектором А. И. Дитрихом.

Из культовых сооружений в рассматриваемый период были восстановлены всего три церкви: Казанская (1946 г.), Покровская (1948 г.) и Никольская (1950 г.), в которых в дальнейшем были разрешены богослужения. Причем две последние были возрождены по проектам воронежского архитектора Б. Н. Зотова. Количество действующих храмов в городе оставалось неизменным более сорока с лишним лет. Тем не менее, из 33 храмов, формировавших облик дореволюционного Воронежа, несмотря на военные разрушения и проводимую в советское время политику воинствующего атеизма, в городе до наших дней сохранилось 15.

В послевоенные годы в Воронеже, выполнявшего с начала 1930-х годов роль столицы Центрально-Черноземного района, прежний облик обрели такие знаковые для областного центра здания как драмтеатр, гостиница «Воронеж», областная контора Госбанка, Дом связи и Дом книги.

Наряду с реставрационным подходом при восстановлении известных в Воронеже зданий целый ряд из них подвергся коренной реконструкции, в результате которой они приобрели не только новую планировку, но и совершенно новый облик. Такая радикальность во многом была обусловлена необходимостью изменить масштаб застройки столицы Черноземья, нуждами города и стилистическими веяниями в архитектуре того времени. Так, например, по проекту реконструкции проспекта Революции (архитектор А. В. Миронов), активная реализация которого началось с 1946 года, главную магистраль исторического центра города решено было застраивать зданиями не менее 3-х этажей.

Тем не менее, восстановив и дополнив дореволюционную архитектуру, архитекторы того времени сумели сохранить масштаб центра, сопоставимый с размером человека и во многих случаях сделать так, что надстройки оказались практически неотличимы от подлинных исторических объемов зданий.

В условиях острой нехватки жилых и служебных площадей двухэтажное здание бывшей казенной палаты (архитектор Д. Кваренги) в послевоенные годы было надстроено на два этажа по проекту ведущего зодчего послевоенного Воронежа А. В. Миронова (проспект Революции, 21). В результате дом стал более сомасштабным расположенному напротив грандиозному зданию Управления Юго-Восточной железной дороги, ставшему наиболее ярким символом возрожденного Воронежа. Левое крыло бывшего дома губернатора (проспект Революции, 22) в контексте старого облика также было надстроено на этаж. В центре здания по проекту Н. В. Троицкого был устроен фронтон, который блестяще завершил новую композицию фасада.

Бывшее здание губернских присутственных мест (проспект Революции, 23) при восстановлении по проекту Г. В. Здебчинского, получило третий этаж, а его главный фасад украсили балконы с ограждениями из балясин и арочные окна. С именем этого талантливого архитектора связана и послевоенная реконструкция очень известного в Воронеже «дома со львами» (проспект Революции, 27). Сохранив в целом прежнюю композицию, Г. В. Здебчинский в то же время дополнил ее введением шипца сложного очертания над ризалитом главного фасада. В результате здание приобрело более выразительный силуэт и зрительно стало легче. По итогам Всероссийского конкурса на лучшие жилые и гражданские здания, выстроенные в 1947 году, работа воронежца получила одно из первых мест и была признана образцом восстановительного строительства.

Большой объем работы был выполнен и при восстановлении ансамбля зданий бывшей губернской клинической больницы № 2 (проспект Революции 10, 12, 14). Центральный корпус, восстановленный в 1952 году по проекту А. В. Миронова, удостоенного первой премии в конкурсе проектных организаций Воронежа, украсил величественный шести-колонный портик с треугольным фронтоном.

В процессе восстановительных работ существенно изменило свой облик и здание городского музыкального училища (проспект Революции, 41). По проекту архитектора И. Н. Маковецкого оно было надстроено третьим этажом и вместо модерна получило псевдоклассические черты: пилястры и лепные украшения на фронтоне (1958 г.). Оно было восстановлено на центральной улице города последним.

Перечень бережно восстановленных и умело реконструированных объектов, без которых Воронеж во многом утратил бы свой исторический облик и неповторимость, можно было бы продолжить. Однако и приведенных примеров, как нам, кажется, вполне достаточно для того, чтобы мы могли в полной мере оценить мастерство воронежских зодчих и строителей, боровшихся буквально за жизнь каждого дома. В связи с этим весьма показателен тот факт, что на проспекте Революции в рассматриваемый период появилось всего лишь несколько абсолютно новых зданий, прекрасно вписавшихся в контекст возрожденной застройки.

В целом проспект Революции, да и весь центр города, несмотря на грандиозность разрушений, были довольно быстро восстановлены и застроены. Тем не менее, в процессе возрождения Воронежа достаточно отчетливо прослеживается два этапа. Первый был напрямую связан с массовым восстановлением зданий, от которых сохранились коробки. В этой работе проявилось высочайшее мастерство воронежских проектировщиков, которые при выборе архитектурно-планировочных и конструктивных решений должны были максимально исходить из расположения лестничных клеток в восстанавливаемых зданиях.

В результате самоотверженного труда горожан уже к пятой годовщине освобождения Воронежа в эксплуатацию было сдано 13581 жилых домов общей площадью в 771 758 кв. м [6]. Уже к 1949 году жилой фонд Воронежа был восстановлен практически полностью, достигнув довоенного уровня. Жители города своим титаническим трудом совершили настоящее чудо, в реальность которого отказывалось верить сознание. О достижениях воронежцев Н. В. Троицкий официально доложил на совещании в Москве.

Главный архитектор вспоминал: «Я вернулся из столицы с представительной комиссией, которая должна была либо засвидетельствовать столь невероятный факт, либо разоблачить нас как весьма искусных надувателей» [2]. Увиденным результатом комиссия осталась удовлетворена, вследствие чего 1 февраля 1949 года было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах помощи в восстановлении г. Воронежа». В соответствии с этим постановлением городу выделялись дополнительные средства на 1949–1950 гг., а в тридцати его пунктах было расписано конкретное участие в восстановительных мероприятиях союзных министерств и Совмина РСФСР.

К обязательному участию в возведении городских зданий были привлечены все архитектурные силы и строительные организации Воронежа, а также ведомства, занимающиеся промышленным строительством. Это помогло в кратчайший сроки построить на оставшихся после войны пустырях величественные общественные здания и многоэтажные жилые дома. В их проектах большое внимание было уделено художественно-об-

разным исканиям, призванным сформировать максимально самобытный облик города. С этим масштабным строительством неразрывно связан завершающий этап периода послевоенного возрождения Воронежа.

Вызванное этим постановлением ещё большее ускорение темпов реализации генплана сделало очевидным тот факт, что его возможности оказались практически исчерпаны. В 1950–1952 гг. генеральный план города был переработан в тресте «Облпроект» под руководством Н. В. Троицкого и инженера – экономиста В. С. Семенова. Желая убедиться в том, что застройка центра, намеченная послевоенным генеральным планом, выполнена полностью, Л. В. Руднев специально приезжал в Воронеж в 1952 году.

Генеральный план 1952 года сыграл важнейшую роль в практике дальнейшего восстановления и реконструкции Воронежа. Застройку города предполагалось по-прежнему осуществлять с использованием псевдоклассических композиционных приемов и архитектурных форм, ориентированных на поиск триумфально возвеличивающих проектных решений. При этом во главу угла был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего планомерного развития центральной части города с тем, чтобы она имела более респектабельный вид. Однако печально известное постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» внесло в его реализацию после 1955 года существенные изменения. Это привело к тому, что тщательно продуманная объемно-пространственная композиция, заложенная в проекте Л. В. Руднева, оказалась в значительной степени не реализована.

С высоты нашего времени можно по-разному оценивать послевоенную застройку Воронежа, но бесспорно одно – без неё образ города немислим, она органично вошла в его архитектурную ткань. Как мы видели, наиболее наглядно это проявилось при реконструкции проспекта Революции, где господствует единый архитектурный контекст: единая в большинстве случаев линия карнизов, окон, цоколей. На фасадах зданий много лепки и декора, придающих главной исторической магистрали города нарядный и очень представительный облик.

Практически все восстановленные и построенные в те годы в Воронеже здания отличаются высоким уровнем архитектурно-художественного мастерства. В отличие от архитектуры 1920-х годов «академизм» сталинской эпохи, при всей его противоречивости, обладал высоким гуманистическим потенциалом и был созвучен эпохе. Эта стилистическая направленность способствовала формированию по-настоящему профессиональных архитектурных и строительных кадров, без которых успехи в возрождении разрушенных городов не были бы столь впечатляющими.

В течение долгого времени в работах по истории советской архитектуры период послевоенного десятилетия характеризовался как насквозь ошибочный и упадочный. При этом упускалось из виду, что созидательная деятельность огромных масштабов по восстановлению страны осуществлялась по проектам, созданным именно в те годы. Что касается Воронежа, то именно в этот период, благодаря сформировавшейся в стране высокой архитектурно-строительной культуре, был создан уникальный образ старинного и одновременно современного города.

Мы знаем такие общеизвестные примеры послевоенного восстановления как возрождение Дрездена, Варшавы. Широко известен опыт восстановления Сталинграда, который по масштабу разрушений сопоставим только с Воронежем. Большие реставрационно-восстановительные работы велись в Москве, Ленинграде, Новгороде Великом

и многих других городах страны. В этом ряду Воронеж возможно не очень известен, но именно он может служить уникальным для нашей страны примером грамотного восстановления исторического центра.

Благодаря бережному, кропотливому подходу зодчих к восстановлению и реконструкции объектов культурного наследия, Воронеж сохранил свой исторический облик и неповторимость. В результате этих гигантских восстановительных мероприятий удалось возродить практически заново, казалось бы, навсегда утраченный исторический центр старинного русского города Воронежа. Этот факт достоин того, чтобы он стал ещё одной славной страницей в истории отечественной архитектуры и градостроительства.

Литература

1. Чесноков Г. А. Архитектура Воронежа: история и современность. Воронеж: Государственная архитектурно-строительная академия, 1999. 396 с.
2. Троицкий Н. В. Я – коренной воронежец / Публикация, вступ. ст. и примеч. А. Н. Акиньшина, Г. А. Чеснокова. Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2005. 208 с.
3. Былинкин Н. П., Рябушин А. В. История советской архитектуры (1917–1954 гг.). Изд. 2-е. Москва: «Стройиздат», 1985. 176 с.
4. Троицкий Н. В. Воронеж (Архитектура городов СССР). Москва, 1959. 64 с.
5. Щусев А. В. Памятники зодчества в социалистической реконструкции города // Архитектура и строительство, 1948. № 12. С.54–57.
6. Воронеж: справочник – путеводитель. Воронеж: Кн. изд-во, 1953. 250 с.

УДК 712.03 (292.471)

Шитикова Валентина Николаевна,
старший преподаватель
(Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского)
E-mail: shitikovav@mail.ru

Shitikova Valentina Nikolaevna,
senior lecturer
(Crimean Federal University
V. I. Vernadskii)
E-mail: shitikovav@mail.ru

САДОВО-ПАРКОВАЯ АРХИТЕКТУРА КРЫМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

GARDEN AND PARK ARCHITECTURE OF CRIMEA: HISTORY AND MODERNITY

Сохранение, реставрация и научно обоснованное рекреационное использование заповедных земель и парковых зон Крымского полуострова имеют определенные проблемы. Одна из них – забвение первозданного мастерства паркостроения и бережное отношение к тому, что осталось. Цель статьи рассказать о значимости Алушкинского дворцово-паркового ансамбля, Никитского ботанического сада, Ботанического сада им. Н. В. Багрова (парк «Салгирка»); их определяющей роли в организации стилистической направленности ландшафтного побережья Крыма. Цель статьи – привлечь внимание к проблеме сохранения существующих ландшафтных объектов, которые принесли Крыму историко-культурную ценность; рекомендации молодым ландшафтными архитекторам придерживаться стилистики садово-парковых композиций, содержащих местный колорит. Крым современный – природный музей.

Ключевые слова: Крым, сады, парки, история, стилистика, сохранение, развитие.

Preservation, restoration and scientifically based recreational use of protected lands and park zones of the Crimean peninsula have certain problems. One of them – oblivion of primitive skill of park build-

ing and careful attitude for what is left. The purpose of the article is to tell about the importance of Alupka Palace and Park ensemble, the Nikitsky Botanical garden, the Botanical garden. named after N. V. Bagrov (Park “Salgirka”); their defining role in the organization of stylistic orientation of the landscape coast of the Crimea. The purpose of the article is to draw attention to the problem of preserving the existing landscape objects that have brought historical and cultural value to the Crimea. I would like to recommend young landscape architects to adhere to the stylistics of garden and Park compositions, containing local flavor. Crimea modern – natural museum.

Keywords: Crimea, gardens, parks, history, style, preservation, development.

Введение

Роскошь ландшафта, развалины прошлых цивилизаций в соединении с искусством паркостроительства дали широкую возможность в XIX веке сделать Крым природным музеем. Определяющая роль в организации образно-символической направленности садов и парков («моря с горами, камня с лесом, дикости природы с изяществом цивилизации» [1]) принадлежала Алушкинскому дворцово-парковому ансамблю, Никитскому ботаническому саду, Ботаническому саду им. Н. В. Багрова. Цель статьи – привлечь внимание к проблеме сохранения существующих ландшафтных объектов, которые принесли Крыму мировую славу и историко-культурную ценность.

Анализ публикаций. Об организации и стилистической направленности садов и парков Крыма в XIX веке писали ученые и писатели: Муравьев В. Б., Лихачев Д. С., Волошин М. П., Галиченко А. П. Об уникальности крымских ландшафтов и пейзажей писали Паллас П. С., Яната А. А. [2, 3, 4, 5]. Ученые: Морозов Г. Ф., Колесников А. И., Рубцов Н. И., Миншев В. Г. – в своих научных трудах описали видовой состав растительности Крыма, технологию восстановления леса, интродукцию экзотических растений [6, 7, 8, 9]. Современные ученые предлагали проекты по созданию Природного национального парка «Таврида» в горнолесном Крыму [10]. В целом информация о садах и парках Крыма представлена в полном объеме, но современное отношение к имеющимся ценностям требует внимания, обсуждения и понимания. Необходимо постоянно помнить, что садово-парковая архитектура – это искусство, которое нужно бережно хранить, поддерживать в хорошем состоянии, развивать, выделять средства на реставрацию, охрану и популяризацию.

Цель исследований строится на основе исторических и аналитических методов в определении стилевого направления, семантической трактовки пейзажей, индивидуальности элементов ландшафтной композиции Алушкинского дворцово-паркового ансамбля, Никитского ботанического сада, Ботанического сада им. Н. В. Багрова, стилистики дворцово-парковых ансамблей Южного берега Крыма. Осмысление величия ландшафтного мастерства XIX века создаст базу идей для молодых ландшафтных архитекторов и, как следствие, – понимание, уважение и приумножение идей по озеленению полуострова, поддержание местного колорита.

Задачи исследования: анализ садово-парковой архитектуры Крыма XIX века.

Для этого:

- проведем обзор существующих научных и литературных источников по теме исследования;
- дадим определения элементам ландшафтной композиции: «видовые точки», «приемы замкнутого пространства», «заповедные уголки дикой природы», «монументальные композиции из зеленого материала», «пейзажи настроения»;

- рассмотрим видовое разнообразие растений и их роль в формировании крымского побережья;
- проследим формирование ландшафтных композиций по территории Южного берега Крыма и выделим их.

Результаты и анализ

Около двух веков назад создавались дворцово-парковые ансамбли Южного берега Крыма, ботанического сада, городских садово-парковых систем. Интерес к преобразованию Крыма в цветущий сад наблюдался в период бурного экономического развития и интенсивного становления капитализма на юге страны. Одним из первых, кто распорядился направить мастеров, садовников, виноделов, шелководов, художников и «посадить как можно больше деревьев, кустов и прочих растений, потребных по украшению садов Таврических» был генерал – губернатор Г. А. Потемкин [3].

В этот период в Европе культура садово-паркового искусства утверждалась в романтическом пейзажном направлении, характеризующаяся восторженным отношением к естественной природе, не затронутой человеком; увлечении греко-римской культурой, пейзажным искусством Востока. Экзотический ландшафт Крыма располагал возможностями для преобразования побережья в модные английские парки.

Определяющую роль на ландшафтное благоустройство южного побережья имел государственный деятель – граф Михаил Семенович Воронцов – «один из немногих истинных государственных мужей нашего отечества, человек просвещенной мысли и полезного дела» [1]. Генерал-губернатор Новороссии, одержимый идеей освоения Крыма, подает личный пример и начинает преобразовать в парки и виноградники лучшие участки земель в Алушке, Ай-Даниле, Массандре и другие. Южный берег идеально подходил для организации пейзажного парка: мягкий климат, крупные водные источники, террасированные склоны, море, горы, девственные леса. Впечатления усиливали романтические предания о древних генуэзских колониях, восточная архитектура, руин средневековых монастырей и крепостей, пещерных городов, ковыльные степи и многовековые дубовые леса. Поэтому семантика и образная логика планировки Алушкинского парка слились в единое целое с окружающей средой и в последствии были оценены как лучшее достижение отечественного и европейского зодчества начала XIX века.

Для устройства «земного эдема» Воронцов пригласил немецкого садовника Карла Кебаха. «Все вошло в состав его плана, всякая подробность получила роль в задуманной им общей картине. Ничего натянутого, искусственного, сочиненного. Природа везде осталась сама собою, глубоко постигнутая, во всем живье и во всей характерности своей» [1]. Мастер работал над садами Гурзуфа, Массандры, Ореанды, Мисхора, Фороса [3]. Разбивка ландшафта была подчинена сохранению естественного пейзажа с обустройством **видовых точек**. Композиционная доминанта в планировочном решении отводилась Большому дворцу. Сложный силуэт здания гармонировал с естественным горным ландшафтом и дополнял его «в дико-поэтическом стиле Ай-Петри» [1]. Эkleктика, которая заложена в образе Воронцовского дворца, гармонировала с историей и культурой Крымского побережья и в последствии нашла свое отражение в многочисленных особенностях классического, готического, мавританского стилей. Органичная связь архитектуры и природы отражалась и в устройстве окружающей территории. На партерных террасах применялся прием искусственной архитектурной обработки растительного материала – **фигурная стрижка**. Этот древнеримский прием в последствии часто встречался в старых

парках Крыма. Успешно архитектурно обрабатывались лавр, самшит, каменный дуб, виргинский можжевельник и др. Северные границы парка смыкались с естественным лесом у подножия горного, а южные пределы определялись морем с его заливами, мысами, нагромождениями каменных глыб, пляжами. Парк разбивался с характерными уголками мифических времен античности, элементами восточных и мавританских мотивов. Композиции Верхнего парка строились так, чтобы видовые точки открывали вершины Ай-Петри – ее очертания доминировали во многих пейзажах. Прогулочные дорожки вели к романтическим руинам – Большой хаос, Малый хаос (символ заимствован из античной натурфилософии и гармонично вписался в местный ландшафт) и пейзажной части – полянам, озерам. Каждое из трех озер (Зеркальное, Форельное и Лебединое) отличается размерами, конфигурацией берегов и общим настроением – от несколько сумрачного, до светлого, жизнерадостного. «Горные ключи, наполняющие лес своим веселым журчаньем и дыханьем горной свободы, бегут вам навстречу то из опрокинутой урны античного мрамора, то из сердцевины срубленного пня или из недр гранитного обломка; то низвергаются диким каскадом с обрыва утеса, то сползают широко распластанною скатертью по округленной поверхности камня» [1]. Нижний парк определял дорогу к морю и максимально раскрывал его красоту и прибрежные скалы. Использовался прием **монументальной композиции**, осуществляемый путем сгущенных групповых посадок кипарисов для создания акцентов у входов, для замыкания внутрипарковых перспектив и образования крупных ориентиров для дальних проспектов, особенно эффектных на фоне морского пейзажа. Особое настроение создавалось на контрастной смене впечатлений – «пейзажи настроения», где темные рощи, сменялись лужайками, озерами на фоне шума падающей воды с «таинственным гротом, приютом любви и мечтания». Львиные террасы, классические колонны, вазы, скамейки, фонтаны – все это станет в дальнейшем типичными атрибутами парков Южного берега Крыма.

В Нижнем парке много видовых точек на морские пейзажи. В композиции насаждений применялись **приемы замкнутости** при создании прохладных аллей, затененных «комнат» для отдыха. Уголки парка устраивались в расчете на утренние или вечерние прогулки, а озеро еще и на ночное освещение [3, 4, 5, 7, 8].

«Нигде, кроме Алупки, – писал в «Очерках Крыма» писатель крымоведа XIX века Е. Л. Марков, не видел такого сочетания архитектурного гения с гением пейзажиста, моря с горами, камня с лесом, дикости природы с изяществом цивилизации» [1].

Идеи элементов ландшафтной композиции Алушкинского парка отразились на организации пространственной среды и архитектурных ансамблей Южного берега Крыма в Ливадийском и Массандровском дворцово-парковых комплексах, Нижней Ореанде, парке Форос, Меласс, Дюльбер, в Мисхорском парке. Современным вариантом ландшафтной планировки в романтическом стиле может служить парк «Парадиз», расположенный на крутых склонах амфитеатра небольшой бухты в поселке Партенит. Парк несет в себе дух легенд греко-римской мифологии, имеющей отношение к Партенитской долине и японские мотивы (куда без них?). Водопады, скульптуры, экзотическая растительность – знакомая стилистика времен графа Воронцова.

Крым удивляет видовым разнообразием растительного мира, которое можно сравнить с «природной теплицей, пьющей открытыми устами тепло и влагу южного моря». Привычные для полуострова «афинские пропилеи – кипарисы стоят ... строгими колоннами... глядя на далекое море»; «старые платаны протягивают свои ветви плоским ша-

тром»; «розовая ограда из цветущих олеандров»; «уютная роща магнолий с ... громадными белыми лилиями» [1]. «Счастливым весенний вид в самый развал зимы» имеет свою славную историю, уходящую ко времени эпохи Просвещения. Научная и культурная жизнь Европы переживала подъем и усиленный интерес к ботаническим садам и паркам-дендрариям. **Южное побережье отождествляли с образами древней Эллады, это отразилось на происхождении видового состава насаждений** – пинии, кедры, секвойи, лавры, оливки. Средиземноморская растительность производила на путешественников сильное впечатление. Стала необходимостью в разведении саженцев и широкого видового разнообразия растений. По Высочайшему повелению в 1812 году был заложен ботанический сад. Работу по организации поручили известному русскому ботанику Христиану Христиановичу Стевену. Ученый разработал «План экономо-ботаническому саду на южном берегу Тавриды под деревней Никитой». В плане о задачах сада сказано: «Для поощрения садоводства... из коего должны быть распространены всякого рода полезные растения... облегчение желающим разводить сады, способов достать внутри наших границ за умеренную цену надежные семена или дерева... Таврический Казенный Сад будет иметь в виду тройкую цель:

1. полное, по возможности, собрание всех без изъятия в здешнем климате расти могущих и в каком-либо роде хозяйства полезных или только для украшения служащих дерев, кустов и трав...;

2. добывание семян и разведение по мере возможности больших или меньших школ таковых, которые в прочей России произрастать могут;

3. разведение больших плантаций таковых растений, которые одним теплым климатам свойственны, для получения от оных доходов и поощрений...» [6].

За годы работы русского ученого были сформированы основные направления развития ботанического сада, которые сохранились до сегодняшнего времени и приумножились: «фруктовый, парк, экономический, цветник, ботанический»; собрана богатая коллекция растений; обширный гербарий; организована библиотека.

«Таврический казенный сад» превратился в современное крупное комплексное научно-исследовательское учреждение, ведущее ботанические исследования по изучению дикорастущей флоры; по интродукции растений; по селекции и агробиологическому изучению южных и субтропических плодовых культур, декоративных и лесных пород деревьев и кустарников, эфиромасличных и других технических культур, цветочных растений.

По аллеям Верхнего, Нижнего, Приморского сада можно встретить насаждения растений, завезенных со всех континентов Земли: роща бамбука из Китая, дуб каменный вечнозеленый из Средиземноморья. Здесь же растут мощные деревья пихты, секвойи, ядэндрона гигантского из Северной Америки. Привычными экзотами стали магнолия крупноцветковая и банан, лавр благородный и гингко двулопастный.

Все крымские сады и парки (Мисхорский парк, Нижняя Ореанда, Карасан) несут в себе частицу Никитского ботанического сада, определяющую «вечный праздник юга» [1]. Стройные кипарисы, зонтообразные формы сосны крымской, альбиции ленокоранской, пальмы вееролистные вырисовываются на фоне моря и стен архитектурных строений. В организации насаждений используются **рощи, куртины, солитеры, аллеи, живые изгороди, вертикальное озеленение**. Однородные насаждения (рощи, куртины) позволяют усилить архитектурные свойства, характерные для той или иной породы в от-

дельности, и создать оригинальные по своему ландшафту уголки в парке. В Никитском ботаническом саду создана роща из ливанских кедров и пробкового дуба, в Карасане – атласского кедра и пиний, в Алушке из крупноцветных магнолий. Встречаются территории, сохранившие **заповедные уголки дикой природы**. Парк Форос имеет пологие склоны каменистых глыб с местным лесным массивом и лишайником. Парк санатория Мелас украшен реликтовым лесом из пушистого дуба и можжевельника. Бережно сохраняются старые деревья местной флоры Никитским ботаническим садом. На востоке от Приморского парка обустроен заповедник «Мыс Мартьян» – уголок реликтового субсредиземноморского леса, в котором произрастают в девственных условиях можжевельник высокий, сосна крымская, земляничник мелкоплодный, фисташка туполистная и другие редкие деревья, кустарники и травы. Заповедник является природной лабораторией ученых.

Сегодня нет сомнения в том, что Крымский полуостров стал садом, благодаря большой работе и великим целям «экономо-ботанического сада на южном берегу Тавриды под древней Никитой» [6].

С именем ученого ботаника Христиана Христиановича Стевена связана еще одна история – в уездном городе Симферополе на территории дворцово-паркового комплекса, который принадлежал губернатору Тавриды графу Михаилу Семеновичу Воронцову, «сделать воронцовский сад своеобразным методическим центром, откуда крымское промышленное плодоводство будет получать и совет, и необходимую помощь» [6]. Ученый хорошо знал местность, проживал в Симферополе, намеревался организовать первый в Крыму ботанический сад именно здесь. Симферопольское поместье Воронцова располагалось в предгорной долине вдоль реки Салгир. Ранее эта земля была пожалована ее Величеством Екатериной II профессору естественной истории Петру Симону Палласу за свои труды на благо России.

Сегодня Ботанический сад им. Н. В. Багрова называют историческим центром естественных наук в Крыму [9]. На базе дома Палласа в конце XIX века открылась практическая школа садовых рабочих – «Школа садоводства, огородничества и виноградарства» Министерства земледелия России. С 1913 года работала Помологическая станция, в загородном дворце Воронцова и на прилегающей ей территории. Сельскохозяйственная и помологическая деятельность имела большое значение для степной и предгорной зон Крымского полуострова, преобразовав их в сады и виноградники. Новейшая история Ботанического сада им. Н. В. Багрова обязана своим возрождением ректору Таврического национального университета Николаю Васильевичу Багрову. С 2003 года преобразованный парк «Салгирка» стал базой для создания Ботанического сада Таврического национального университета. Планировочное решение территории выполнено в ландшафтном стиле с элементами регулярного, обогащено приемами геопластики: каскадом прудов, рокарий с почвопокровными растениями и естественным руслом реки Салгир. Каждое дерево имеет свою историю, а многочисленные моносады из роз, сирени, ириса, лилейника – стали любимым местом отдыха симферопольцев [9, 17]. Славное историческое прошлое предопределило назначение Ботанического сада им. Н. В. Багрова и Воронцовского загородного дома: город имеет прекрасный арборетум и место, объединившее научный потенциал Крыма. С 1997 года исторический дом Воронцова преобразован в Крымский научный центр Национальной академии наук Украины, с 2015 года – Научно-образовательный центр ноосферологии и устойчивого ноосферного развития

Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Со времен Палласа, Стевена, Воронцова, заложившими в Крыму условия для «царства плодов и цветов» [1], перед учеными стоит задача сохранить уникальную природу и упорядочить хозяйственную деятельность человека так, чтобы она не привела к возникновению масштабных экологических кризисов. Наглядным примером серьезного подхода к проблеме служат (к сожалению, не реализованные) проекты: Природного национального парка «Таврида» в горнолесном Крыму, Большая эколого-этнографическая тропа по периферии этого парка, трех национальных природных парков в районе водно-болотных угодий северного Крыма [9, 10, 17]. Реализация этих проектов дала бы возможность объединить природные, исторические и рекреационные комплексы со строго регламентированной организацией передвижения, с оборудованными местами для отдыха и осмотра достопримечательностей. Цель преобразования крымской земли определена: сохранение исторически сложившихся садово-парковых ансамблей, сохранение природного ландшафта в нетронутом виде, как единый природный музей Крыма.

Выводы

Садово-парковая архитектура Крыма имеет мировую славу и историко-культурную ценность.

Алупкинский парк, Никитский ботанический сад, Ботанический сад им. Н. В. Багрова являются историко-культурными памятниками и национальным достоянием.

Алупкинский парк, Никитский ботанический сад, Ботанический сад им. Н. В. Багрова обогатили природный ландшафт и видовое разнообразие растений Крымского полуострова.

Романтическая идея Алупкинского парка предопределила стилистическую направленность ландшафтной архитектуры Южного берега Крыма в классическом и мавританском стилях.

Необходимо сохранение, реставрация и научно обоснованное рекреационное использование заповедных земель и парковых пространств Крымского полуострова. Алупкинский парк разрушается со времен 1917 года. Реконструкция и реставрация не соответствует исторической значимости объекта. Никитский ботанический сад – застраивается жилыми объектами.

Типовые элементы ландшафтной композиции, характерные для южного бережья: «видовые точки», «приемы замкнутого пространства», «заповедные уголки дикой природы», «монументальные композиции из зеленого материала», «пейзажи настроения», «сплошные цветники самых роскошных цветов, самых изящных клумб» [1]; рощи, аллеи, группы, солитеры, клумбы, рабатки.

Крымские мотивы: водные источники (фонтаны, ручьи, каскады), террасированные склоны, море, горы, смесь дикорастущих пород с плодовыми, виноградники, сады. Впечатления усиливают генуэзские мотивы, мусульманская архитектура, средневековые монастыри, крепости, дореволюционные дворцы, пещерные города, ковыльные степи, многовековые леса, лавандовые поля и крымская роза.

Крым современный – природный музей.

Литература

1. Марков Е. Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь, 2006. 512 с.
2. Муравьев В. Б. Дорогами российских провинций: Путешествие Петра-Симона Палласа. М.: Мысль, 1977. 94 с.

3. Волошин М. П. Парки Крыма. Симферополь, 1964. 160 с.
4. Анненков А. А. Алушкинский дворцово-парковый комплекс. / А. А. Анненков, А. А. Галиченко. Симферополь, 1979.
5. Галиченко А. П. Алушка. Дворец и парк. Из истории усадебной архитектуры ЮБК (Альбом) / А. П. Галиченко, А. П. Царин. К.: Містецтво, 1992.
6. Кочкин М. А. Государственный Никитский ботанический сад. Симферополь, 1962.
7. Горохов В. А. Зеленая природа города. М.: «Архитектура – С», 2005. 290 с.
8. Лихачёв Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей: сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. М.: Согласие: Новости, 1998. 356 с.
9. История Таврического университета. / Под общ. ред. чл.-кор. НАН Украины Н. В. Багрова. К.: Либідь, 2003.
10. Научно-прикладные основы создания природного национального парка «Таврида» и Большой эколого-этнографической тропы в Крыму // Приложение к научно-практическому дискуссионно-аналитическому сборнику «Вопросы развития Крыма». Симферополь: Сонат, 2000.
11. Сайт Крымского научного центра [Электронный ресурс]. URL: <http://crimean-center.com>.
12. Миншев В. Г. Лес и человек. Симферополь: Таврия, 1985.
13. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства. М.: Наука. 1999.
14. Морозов Г. Ф. Учение о лесе. М.: 1926.
15. Колесников А. И. Архитектура парков Кавказа и Крыма. М., 1949.
16. Яната А. А. Очерк флоры Крыма. Крым путеводитель. Симферополь.: 1914.
17. Определитель высших растений Крыма / Под. ред. Проф. Н. И. Рубцова. Л.: Наука, 1972.

УДК 72.025.3/.4:782.83(470.23)

Шуваева Евгения Юрьевна, аспирант
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: e.u.shuvaeva@mail.ru

Shuvaeva Evgeniia Yurievna, postgraduate student
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: e.u.shuvaeva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ УСАДЕБНОЙ ЗАСТРОЙКИ НА ПРИМЕРЕ УСАДЬБЫ КОБРИНО В ГАТЧИНСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

THE PROBLEMS OF RESERVATION THE HISTORICAL COUNTRY ESTATE ON THE EXAMPLE OF COBRINO ESTATE IN GATCHINA DISTRICT, LENINGRAD REGION

Рассмотрены предпосылки возникновения Кобринской мызы, этапы ее формирования и развития. Описана история возникновения дачной застройки во второй половине XIX века на окрестных территориях. Перечислены примеры функционального использования в советский период. Рассмотрены выполненные в 1980-х годах проекты реставрации и приспособления.

Описаны основные проблемы сохранения и современного использования исторической усадебной застройки применительно к усадьбе Кобринно.

Ключевые слова: усадебная застройка, дачная застройка, Гатчинский район, Кобринно, история создания, проблемы сохранения наследия.

The preconditions of appearance the Cobrino country house were considered. It describes the history of origin the country buildings in the second half of XIX century on the environs. The examples of functional usage of it in period of Soviet Union were enumerated. The projects of restoration and adaptation, which were performed in 1980s, were examined.

It describes the main problems of preservation and modern usage of historical country estate in respect to Cobrino.

Keywords: Country estate, cottage buildings, Gatchina district, Cobrino, history of creation, problems of preservation the heritage.

История усадебной застройки в России, по европейским меркам, была короткой, чуть более двух столетий, от времени правления Петра I до революции 1917 года. Основной период ее развития – между серединой XVIII и серединой XIX веков [1]. На территории современного Гатчинского района строительство крупных дворянских имений началось во второй половине XVIII века, в период формирования классического образа загородной усадьбы.

Селение Кобрино, с расположенной на его территории мызой Руново, в 1712–1746 годах входило в состав имения Суйда и принадлежало сподвижнику Петра I – Петру Матвеевичу Апраксину и его потомкам [2]. После межевания 1746 года часть этих земель была роздана помещикам и деревня Кобрино (пустошь мызы Елецкой) находилась во владении генерал-майора Д. А. Симонва до 1762 года (Рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент карты окрестных земель на побережье Финского залива. 1742 г.

Пустошь Коприна была куплена Абрамом Петровичем Ганнибалом в 1762 году. Тогда же была устроена небольшая усадьба Руново с большим двухэтажным домом [3]. С 1782 года ее владельцем был капитан II ранга Иосиф Абрамович Ганнибал. Согласно судебному решению по делу о разделе имения, длившемуся с 1784 по 1792 год, поместье было поделено на две части. Надежде Иосифовне Ганнибал (Пушкиной) досталась меньшая часть, ставшая в 1796 году ее приданным при вступлении в брак с Сергеем

Львовичем Пушкиным. В 1801 году кобринская мыза была продана по частям коллежскому советнику Вильгельму Александровичу Жандру (деревня Кобринно) и сестрам Зельберейзен (усадьба Руново) [4].

Следующий этап развития усадьбы связан с именем известного мореплавателя Юрия Федоровича Лисянского. Женившись на вдове В. А. Жандра Шарлотте Карловне и выйдя в отставку в 1809 году, Юрий Федорович преимущественно жил в Кобринно. При нем на мызе был обустроен хозяйственный двор, состоящий из сараев, конюшни, амбара, скотного двора, риги, молочной, людской и столярной. Ныне утрачен деревянный господский дом Лисянских, на месте которого в период с 1830 по 1863 год выстроен новый, не повторяющий облик исторического.

Мария Юрьевна Рупина (урожденная Лисянская) вступила в права владения усадьбой после смерти отца в 1837 году. Через пять лет (1 мая 1842 года) супруги Рупины продали имение Надежде Тимофеевне Карташевской [5].

При Карташевских Кобринская мыза стала уголком русской культуры, здесь часто бывал брат хозяйки – писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, также украинский поэт и революционер Тарас Григорьевич Шевченко, писатель Иван Сергеевич Тургенев, скульптор Михаил Осипович Микешин, ученый Николай Иванович Надеждин. В 1857 году, с появлением железнодорожного сообщения, мыза впервые была сдана на лето дачникам [3]. Гостевая дача, построенная в парке, полностью утрачена [6]. В числе известных отдыхающих были поэты и писатели Зинаида Николаевна Гиппиус и Дмитрий Сергеевич Мережковский (Рис. 2).

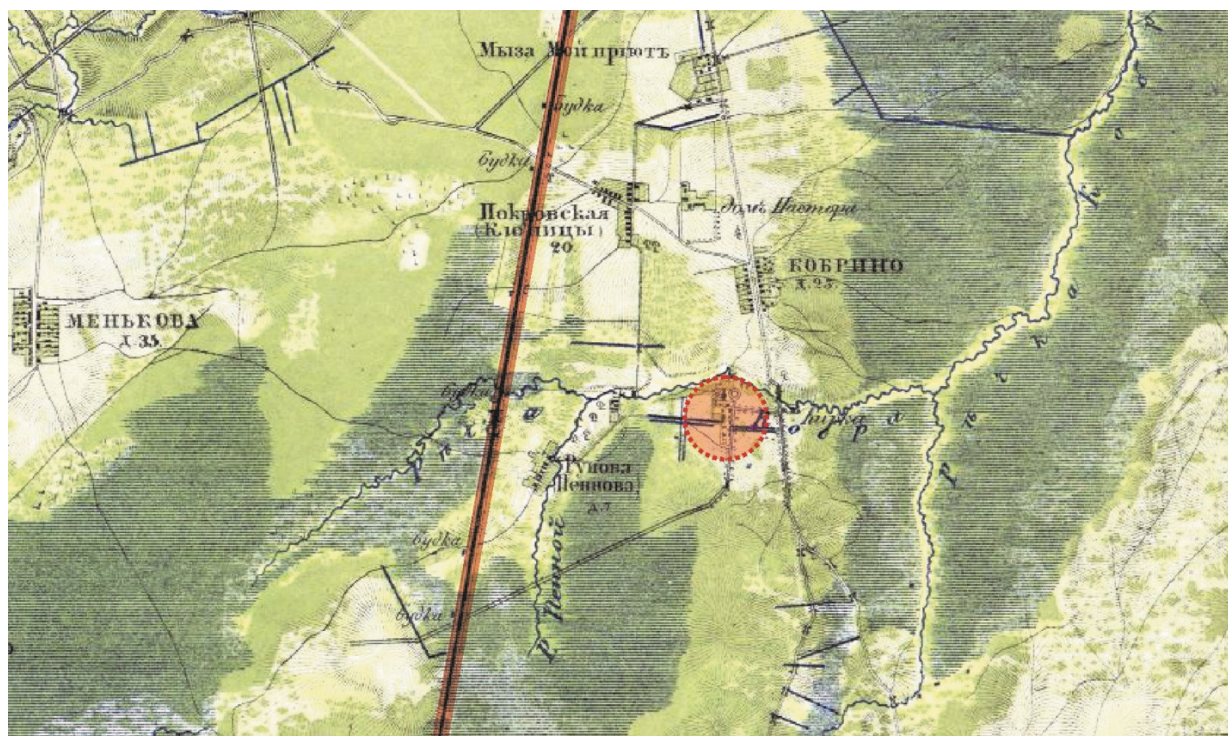

Рис. 2. Фрагмент топографической карты частей Санкт-Петербургской и Выборгской губерний. 1860 г.

В 1887 году имение перешло к Дмитрию Григорьевичу Карташевскому, а затем к его сестре – Надежде Григорьевне, супруге потомственного дворянина Николая Андреевича Марковича [7]. Они устраивали музыкальные вечера с участием знаменитых русских

композиторов Антона Григорьевича Рубинштейна, Николая Андреевича Римского-Корсакова. В этом же году произошел крупный пожар, полностью уничтоживший господский дом [3]. На месте старой постройки, на каменном фундаменте возведен новый деревянный усадебный дом, сохранившийся до нашего времени [8]. Историк архитектуры Ю. М. Пирютко [8] и краевед А. В. Бурлаков [6] сходятся во мнении, что его прообразом послужил исторический кобринский особняк. Здание имеет трехчастную объемно-пространственную композицию, его фасадное решение и планировка типичны для классицизма, к центральному двухэтажному объему с обеих сторон примыкают одноэтажные флигели с эркерами, венчает строение четырехугольный бельведер со шпилем.

На рубеже XIX и XX веков земли, ранее принадлежавшие семье Карташевых, активно застраивались дачами (Рис. 3). Удаленность реки Кобринки, лишавшая местность привлекательности прибрежных дачных мест, компенсировалась обилием лесов [9].

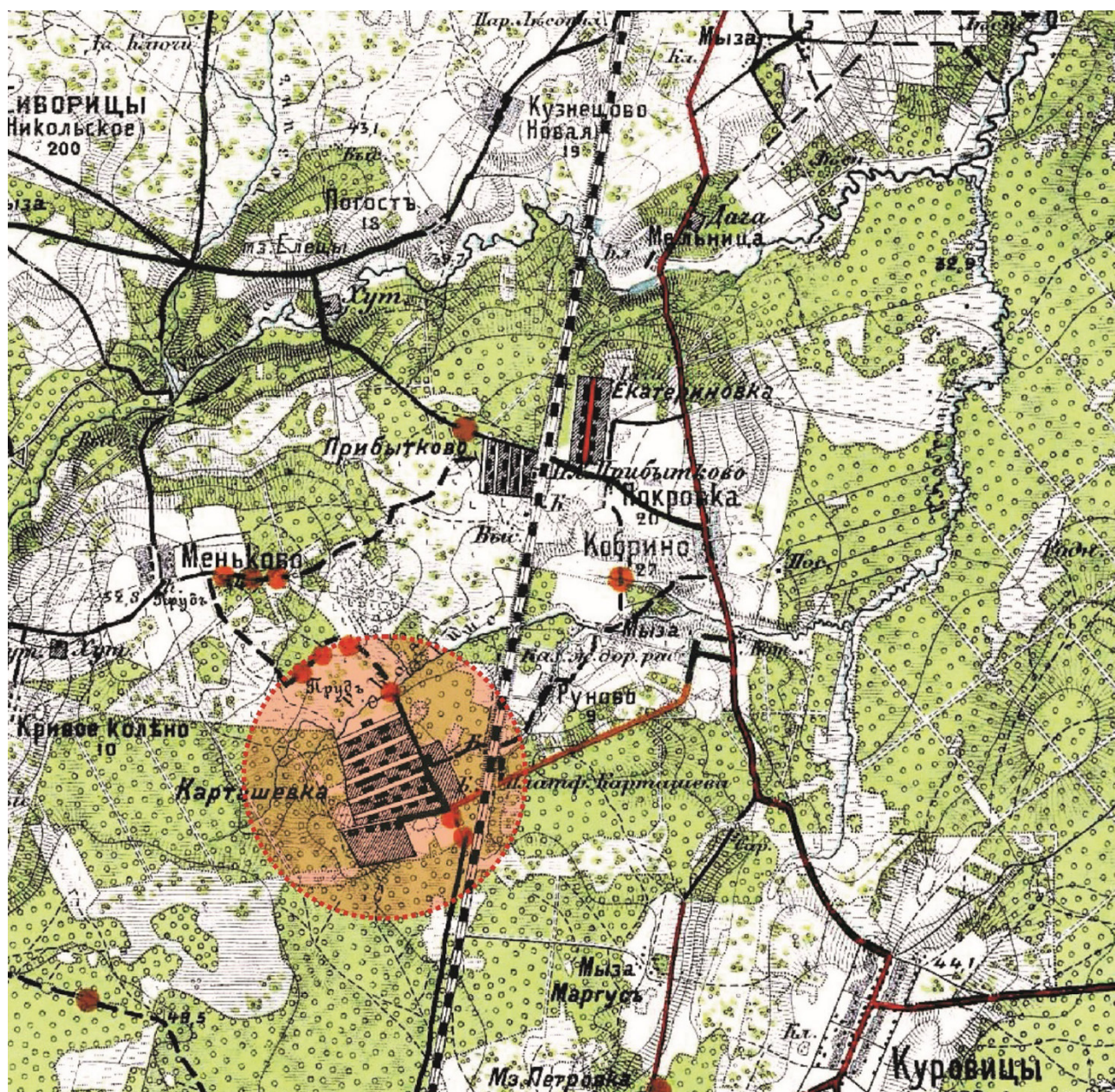

Рис. 3. Фрагмент карты центра Санкт-Петербургской губернии (2-х верстовка). 1913 г.

Последним владельцем имения Кобринно в предреволюционные годы значится купец второй гильдии П. К. Груббе [3]. После 1917 года усадьба была передана сельскохозяйственной коммуне, затем семилетней школе [6].

После Великой Отечественной войны, а именно с 1946 года, в главном доме находилось учебно-производственное предприятие № 2 Общества слепых. Внутренняя планировка была изменена, некоторые помещения переделаны для размещения общежития.

С 1961 по 1989 год в усадьбе располагалась Кобринская специализированная больница Леноблздрава.

В 1984–1985 годах проектным институтом Леноблпроект были разработаны проектные предложения по реконструкции с реставрацией главного корпуса Кобринской туберкулезной больницы в поселке Кобринно. Планировалось использование господского дома в качестве лечебно-административного корпуса. По результатам натурных исследований 1984 года техническое состояние здания признано неудовлетворительным, требующим проведения научно-реставрационных работ.

Проблема сохранения усадебной застройки в России существует с 1861 года и актуальность ее только возрастает. Около 80 % объектов культурного наследия находятся в неудовлетворительном состоянии, ежедневно утрачивается от одного до трех памятников, а из всех дворянских усадеб, существовавших к началу XX века, сохранилось по разным данным от 5 до 10 % [10].

Сохранившийся с многочисленными утратами усадебный дом в Кобринно расположен в центре участка, имеющего форму неправильного многоугольника. За всю историю своего существования он перестраивался дважды. Полностью утрачены все исторические крыльца, галерея на главном и терраса на дворовом фасадах (рис. 4). На территории и за ее пределами находятся различные современные постройки. С юга к усадьбе примыкают пашни, на землях которых вдоль дороги расположен каменный скотный двор, используемый местными жителями для хозяйственных нужд (рис. 5).

Рис. 4. Главный фасад усадебного дома (1950-е гг. / 1981 г. / 2018 г.)

Вытянутый с востока на запад живописный парк, расположенный на южном берегу реки Кобринки, сохранился фрагментарно. Он является примером ландшафтного решения камерной помещицкой усадьбы середины XIX века. При его создании использовался один из основных принципов устройства русских усадебных парков – обогащение и дополнение природных особенностей ландшафта [11].

В наши дни парки сельских усадеб имеют важное познавательное, историко-культурное, природоохранное значение [12]. Они являются значительным звеном в организации рекреационных пространств для туристов и местных жителей.

Решение проблемы сохранения и современного использования исторических усадеб требует комплексного подхода. В качестве одного из аспектов рассматривается изучение

истории возникновения и развития объекта, позволяющее выявить его историко-культурный потенциал. На примере усадьбы Кобрино затронуто лишь несколько факторов, способствующих стремительному разрушению – от упразднения учреждений, занимавших пустующие имения в советский период до отсутствия вовлеченности в современную жизнь поселения и района в целом (рис. 6).

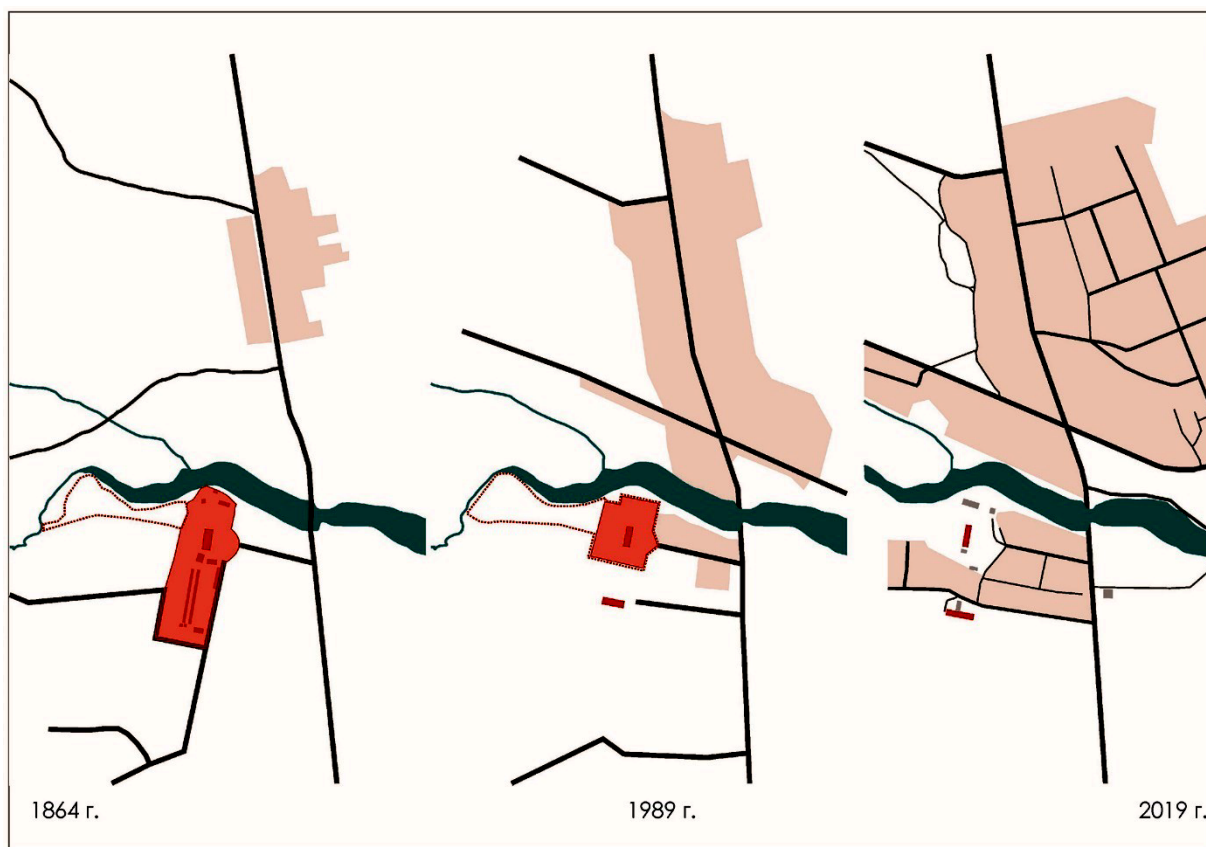

Рис. 5. Схема этапов развития территории усадебного комплекса с 1864 г.

Рис. 6. Современное состояние интерьеров усадебного дома. Фото 2018 г.

Важной задачей также является утверждение проектов зон охраны, позволяющих обеспечить целостность усадебной территории и сохранение исторических визуальных

связей и ландшафтных характеристик [13]. Для рассматриваемой усадьбы границы охранной зоны не установлены.

Большое мемориальное значение Кобринской мызы связано с именами родителей Александра Сергеевича Пушкина и его няни Арины Родионовны, известного мореплавателя Юрия Федоровича Лисянского, с пребыванием в усадьбе выдающихся деятелей русской культуры и искусства. Архитектурно-художественная ценность обусловлена планировочным решением главного дома и его фасадами с хорошо сохранившимся декором. Наличие разновременных наслоений, связанных с многоэтапной строительной историей и проведенными работами по функциональному переустройству имеют научно-реставрационную значимость. Исторический ландшафт играет важную роль в формировании пространственной композиции всей окружающей среды.

На основании наличия всех перечисленных критериев историко-культурной ценности можно сделать вывод о значительном ресурсе для сохранения и высоком потенциале для современного использования усадебного комплекса в Кобрино.

Литература

1. Рувельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / П. Рувельт; [авториз. пер. с англ. Н. А. Вознесенского и А. В. Вознесенского]. СПб.: Коло, 2008. 520 с.
2. Гришина Л. И. Памятные места Ленинградской области / Л. И. Гришина, Л. А. Файнштейн. Л.: Лениздат, 1973. 434 с.
3. Гусаров А. Ю. Юго-западные предместья Петербурга. История, архитектура, дачная жизнь. СПб.: Паритет, 2015. 368 с.
4. Мурашова Н. В. Сто дворянских усадеб Санкт-Петербургской губернии: исторический справочник. СПб.: Выбор, 2005. 399 с.
5. Село Кобрино, Карташевой // ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 9. Д. 904. Л. 13.
6. Бурлаков А. В. Прогулки по южным окрестностям Гатчины. Авторский путеводитель. Гатчина: АНО ДО «СЦДБ», 2015. 128 с.
7. Бурлаков А. В. Святые места Гатчинской земли. Храмы и монастыри XV–XVIII века. Гатчина: АНО ДО «СЦДБ», 2016. 216 с.
8. Пирютко Ю. М. Гатчина. Художественные памятники города и окрестностей. Л.: Лениздат, 1979. 144 с.
9. Лучинский А. А. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге (переиздание книги 1910 г.) / А. А. Лучинский, Н. В. Никитин. Гатчина: АНО ДО «СЦДБ», 2013. 80 с.
10. Краснобаев И. В. Сохранение сельских усадеб: проблемы и перспективы. СПб.: Коло, 2013. 168 с.
11. Нащокина М. В. Русский усадебный парк: феноменология, проблемы сохранения и пропаганды // Русская усадьба: сборник ОИРУ. СПб., 2015. Вып. 20 (36). С. 584–598.
12. Леонова В. А. Современное состояние, восстановление и уточнение историко-опорных планов на примере трех усадебных парков Галичского района Костромской области. СПб.: Зодчий, 2018. 71 с.
13. Нащокина М. В. Проблемы сохранения и реставрации усадебного наследия Подмосковья // Русская усадьба: сборник ОИРУ. М., 2009. Вып. 15 (31). С. 25–30.

УДК 72.03

Щербакова Любовь Сергеевна,
аспирант
Голобородский Михаил Венидимович,
канд. архитектуры, профессор
(Уральский государственный архитектурно-художественный университет)
E-mail: architrave@inbox.ru,
lub.shcherb@gmail.com

Shcherbakova Liubov Sergeevna,
postgraduate student
Goloborodsky Mikhail Venidimovich,
PhD of Architecture, Professor
(Ural State University
of Architecture and Art)
E-mail: architrave@inbox.ru,
lub.shcherb@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1950 ГГ.

TO THE HISTORY OF THE PROTECTION OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE SVERDLOVSK REGION IN 1920–1950

Постановка объектов на государственную охрану является важным этапом в сохранении объектов культурного наследия. То какие объекты культурного наследия и в каком состоянии сохранились до настоящего времени, зависит во многом от действий предыдущих поколений. Особо значимы в данном вопросе события советского периода. В статье, на основании архивных материалов, описываются процессы выявления и сохранения объектов культурного наследия: памятников археологии, истории, архитектуры и искусства – в Свердловской области в 1920–1950 гг. Выявлены наиболее значимые направления исследования региона. Рассматривается взаимодействие госорганов, музеев, отдельных граждан в вопросах охраны памятников.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, памятники истории, памятники архитектуры, памятники археологии, памятники искусства, Минкульт РСФСР.

Placing objects on state protection is an important step in the preservation of cultural heritage objects. What objects of cultural heritage and in what conditions they have survived to the present time, depends largely on the actions of previous generations. Events of the Soviet period are particularly significant in this matter. The processes of identifying and preserving objects of cultural heritage: monuments of archeology, history, architecture and art in the Sverdlovsk region in 1920–1950 are described in the article. The article is based on archival materials. The most significant research directions of the region were identified. The interactions of government agencies, museums, individuals in the protection of monuments are considered.

Keywords: objects of cultural heritage, historical monuments, architectural monuments, archeological monuments, monuments of art, Ministry of Culture of the RSFSR.

На этапе выявления объекта культурного наследия (далее ОКН) осознается и формулируется ценность объекта, определяется предмет охраны. Переосмысление опыта постановки памятников культуры на государственную охрану может помочь в сохранении ОКН в настоящее время и дальнейшем выявлении новых памятников. Авторами ведется работа по систематизации и обобщению опыта охраны и сохранения ОКН в Свердловской области. Данная статья посвящена периоду 1920–1950 гг.

В 1923–1934 гг. Свердловская область вошла в состав Уральской области, включившей в себя территории современных Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской, Пермской областей с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским округами [1]. Изменение административно-территориального деления благоприятно отразилось на г. Свердловске как областном центре в плане финансирования.

В этот период охраной памятников занималось Уральское отделение народного образования (Ураломо). Наибольший интерес на местном уровне представляли уникальные памятники природы. Так для Кунгурской ледяной пещеры в 1926 г. поднимается вопрос об обеспечении «права заповедности», собираются материалы [2, с. 1], а в 1928 г. подаются ходатайства об отпуске средств на расчистку и охрану пещеры [3, с. 1–9].

На республиканском же уровне наибольший интерес на Среднем и Северном Урале представляют археологические памятники. Исследование Урала с точки зрения археологии и систематизация данных была заложено ещё в конце XIX в. с Уральским обществом любителей естествознания (УОЛЕ).

В 1926 г. Главнаукой выданы открытые листы на производство археологических раскопок в Пермском и Кунгурском Округах сотруднику музея Академии Наук гр. А. В. Шмидту [2, с. 6]. В 1928 г. А. В. Шмидту выдается открытый лист на производство раскопок уже в Уральской области [3, с. 19].

Командируется экспедиция в район Свердловска, Верхотурья, Тавды «для изучения и собирания материалов по быту XVIII и XIX вв. рабочих Уральских заводов и крестьян, производства фотографических снимков с памятников старины, искусства, быта и археологических раскопок и кроме того производства археологических раскопов в пределах Тагильского округа» [2, с. 10].

В 1928 г. Наркомпрос выдает открытый лист археологу Государственного Исторического музея Д. Н. Эдингу на право производства археологических раскопок в пределах Тагильского округа [3, с. 18].

Уникальным для области является открытие в 1922 г. Далматовского музея-монастыря (Далматовский Свято-Успенский мужской монастырь основан в 1644 г.).

Рис. 1. Вид на Успенский Далматовский монастырь. 1900–1910 гг., Курганская область, Далматовский район, г. Далматово [0]

Из переписки Шадринского окружного исполнительного комитета, Далматовского райисполкома, заведующего музея следует [3, с. 14–16, 21–23]:

- попытка сохранения целого разновременного ансамбля обеспечивалась четко обозначенными границами кремля;
- музей-монастырь, один из 39 музеев области на 1929 г., не имел бюджетного финансирования;
- райисполком был заинтересован в присвоении недвижимого имущества музея, самовольно сносил часть деревянных построек;
- сложившаяся ситуация в результате позиции госоргана способствовала открытому расхищению имущества музея.

В результате сложившейся ситуации в 1928 г. заведующий музея был вынужден сложить с себя обязанности, в 1930 г. музей был окончательно закрыт. Данный случай иллюстрирует веяния времени, связанные с отрицанием исторического прошлого, наличие более насущных потребностей общества.

В целом для довоенного периода характерно открытие в области краеведческих музеев, формирование коллекций по истории и природе края, открытие революционных музеев [0] и установка памятников революционерам. Работа с объектами, признанными в настоящее время архитектурным наследием, велась в направлении освоения и приспособления площадей под нужды нового государства.

В послевоенное время активизируется памятно-охранная деятельность. В 1947 г. впервые в Свердловской области поставлены на государственную охрану 6 памятников архитектуры Постановлением СОВМИНА РСФСР ОТ 22.05.1947 N 389 «Об охране памятников архитектуры» [5].

В 1955–1958 гг. вопросами учёта охраны и реставрации памятников истории и культуры в Свердловской области занимается отдел культпросвет работы [6]. В отчете за 1955 г. описывается роль областных краеведческих музеев в деле охраны памятников. Они занимались выявлением, учётом и пропагандой археологических памятников. Серовский, Красноуфимский, невянский музеи были заняты проведением обследования состояния исторических памятников и выявлением памятников искусства. Напротив, отмечается бездействие Свердловского краеведческого музея. Таким образом, областные историки краеведы вели работу по охране памятников, исходя из указаний и на основании методических материалов (инструктивно-методическое письмо управления музеев 1956 г. № 12–918). В результате в 1955 г. было выявлено новых памятников: «зданий – 8, не заданий – 2, искусства – 7, археологических – 41» [9, с. 83]. За составление исторической справки автору выплачивался гонорар.

Данная работа велась на основании приказа Минкульта РСФСР по сплошному обследованию, завершению их паспортизации и составлению охранной документации, согласно которому на 1956 г. в области должно было быть 1200–1500 объектов. Данные о памятниках, взятых на учет на 1 января 1956 г.: «исторических памятников зданий – 75, исторических памятников не зданий – 686, археологических – 154, памятников искусства – 7» [9, с. 83].

На 25.11.1957 г. в Свердловской области стояло на учете «969 памятника Культуры и архитектуры, в том числе историко-революционных – 713, памятников республиканского значения, состоящих на государственном учёте – 5» [9, с. 19]. Таким образом, за 10 лет в период с 1947 по 1957 г. не было поставлено на республиканскую охрану

ни одного нового объекта, хотя в области ещё оставались памятники конца XVIII – первой трети XIX века. Большая часть памятников сохранялась силами местных госорганов и районного финансирования.

Ремонтировались исторические памятники: «Дом, в котором жили крепостные Черепановы Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович» в г. Нижний Тагил и «Дом, в котором жил Чайковский Петр Ильич в 1849–1850 гг.» в г. Алапаевске [9, с. 19].

Рис. 2. Дом, в котором жили крепостные Черепановы Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович. Свердловская обл., г. Нижний Тагил [10]

Рис. 3. Дом, в котором жил Чайковский Петр Ильич в 1849–1850 гг. Свердловская обл., г. Алапаевск [11]

22 июля 1953 года образовано Управление культуры исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся в Свердловской области. Областное управление культуры являлось передаточным звеном в документообороте между местными органами власти, музеями и Министерством культуры РСФСР. Фактическая работа с памятниками: заполнение паспортов, актов техосмотра, охранных обязательств, уточнение адресов и текстов мемориальных досок – велась на местах районными отделами культуры, музеями, райисполкомами.

Для работы с особо ценными памятниками приглашались специалисты, так для заполнения паспорта на архитектурный ансамбль гор. Верхотурье был направлен Белкин Л., специалист реставрационных мастерских гор. Соликамска [8, с. 2]. В данный период под восстановлением понимаются ремонтные работы, включая работы по приспособлению инженерных систем, не научная реставрация.

До 1 декабря 1961 г. в области проводилась перепаспортизация памятников. Собирались новые сведения, данные о собственниках, в том числе охранно-арендные договоры, сведения о ремонте и благоустройстве памятников и о мероприятиях по пропаганде памятников, включавшие в себя лекции, экскурсии, фотовыставки, плакаты, радиопередачи, публикации статей в газетах и журналах, выпуск книг: «Аннотированный указатель архитектурных, исторических, историко-революционных памятников Свердловска». В 1959 г. Герштейн снял любительский фильм об археологических памятниках Невьянского района [7, с. 4].

Велась работа по выявлению памятников промышленной архитектуры. На охрану в 1961 г. поставлены ««Ушаковский канал» – замечательное гидротехническое сооружение середины XIX в.» в пос. Черноисточинск, Плотина Ревдинского метизного завода, сооруженная в 1727–1733 г. Велся учет, собирались данные о состоянии с фотодокументацией как братских могил, так и отдельных захоронений времен Гражданской и Великой Отечественной войны. Деятельность приурочивалась к годовщинам: 40-летие Великого Октября, 40-летие годовщины освобождения Урала от Колчака, 15-летие победы в Великой Отечественной войне. При этом предложения по благоустройству территорий памятников, требуемых средствах разрабатывались Горрайисполкомами. К этим же датам были установлены мемориальные доски и устанавливались новые памятники.

Работа по приведению в порядок памятников Октябрьской революции и гражданской войны велась «при помощи партийных комсомольских и пионерских организаций, воинских частей, школ и технических училищ» [9]. Только за 1957 г. были приведены в порядок не менее 22 братских могилы, отремонтировано и благоустроено не менее 50 памятников, а также поставлены новые памятники, что требовало значительных затрат.

Вопросы установки мемориальных досок и памятников инициировались не только государственными органами, но и отдельными гражданами. Так деятельность по увековечиванию памяти физиолога Н. А. Миславского в 1959 г. была начата со статьи, опубликованной в газете «На смену» [7, с. 11]. В райсоветы и управление культуры направлялись ходатайства о постановке памятников.

Сооружение памятников, посвященных выдающимся деятелям, также было приурочено к юбилейным датам. Так в 1959 г. праздновалось столетия со дня рождения А. С. Попова. По этому поводу Академия наук направила прошение о сооружении памятника изобретателю в Краснотурьинске и установке мемориальных досок в Свердловске. В 1960 г. минуло 10 лет со дня смерти писателя П. П. Бажова в связи, с чем велись ра-

боты по устройству надгробного памятника, на которые Министерством культуры было выделено 150 тыс. руб. [7, с. 15].

Рис. 4. Могила Бажова Павла Петровича (1879-1950).
Свердловская область, г. Екатеринбург, Ивановское кладбище [12]

На фоне столь масштабной деятельности вопросам о сохранении памятников архитектуры уделено меньше внимания. Тем не менее, в документах Областного управления культуры встречаются смета на «восстановление дома-памятника М.-Сибиряка в котором размещается детская библиотека в г. Н.-Салда». В 1959 г. в главснабсбыт при Совете мин РСФСР направлены 2 прошения о выделении материалов на ремонтно-реставрационные работы на 2 крупных и значимых объекта: Церковь Вознесения в г. Свердловске и Верхотурский Свято-Троицкий собор. Примечательно, что вероятнее всего реставрация Вознесенской церкви также инициирована отдельным гражданином. В 1957 г. в Министерство культуры поступило письмо из редакции журнала «Крокодил», где «указывается на плохое состояние здания Свердловского областного краеведческого музея» [9, с. 41], экспозиции которого размещались в стенах церкви.

Вопросы о взятии под охрану государством зданий как памятников архитектуры рассматривались правлением Свердловского отделения союза архитекторов СССР. При этом было достаточно заключения только одного специалиста. Так в результате отрицательного заключения Н. С. Алферова, Нижне-Салдинская Александровская церковь не была поставлена на охрану как памятник архитектуры, отражается характерное для периода отрицание архитектурной ценности эклектики.

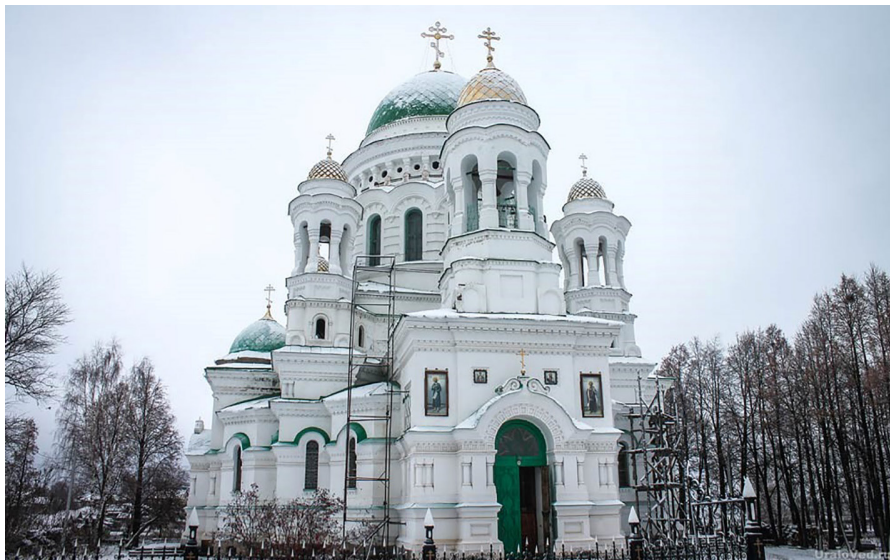

Рис. 5. Церковь Александра Невского. Свердловская область, г. Нижняя Салда [0]

Обобщенно период до 1940 г. можно охарактеризовать как период интереса к истории края. С 1945 по 1960 гг. была проведена большая работа по паспортизации памятников истории и архитектуры, послужившая базой для утверждения Советом Министров РСФСР перечня памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, прилагаемого к Постановлению от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» [15]. Перечнем было утверждено 13 памятников археологии, 17 памятников истории, 10 памятников архитектуры, включая 1 ансамбль Комплекс зданий XVII–XVIII вв.: г. Верхотурье и 5 памятников искусства.

Рис. 6. Комплекс зданий XVII–XVIII вв. Свердловская область, г. Верхотурье [0]

Данный период характеризуется включением в работу административного и человеческого ресурса. Неценима роль сотрудников краеведческих музеев, проводивших данную работу. Профессиональная общественность в лице архитекторов подключается для оценки собранных данных и принятия решений о присвоении объектам статуса памятников архитектуры. Было уделено значительное внимание исследованию памятников археологии, благодаря чему многие памятники не были окончательно утрачены в результате хозяйственной деятельности.

Наиболее общественно значимы в послевоенный период мемориальные памятники, содержание которых и оперативное приведение в порядок было немыслимо без общественных организаций. В это же время на республиканском уровне уникальные старейшие жилые здания и религиозные объекты области начинают рассматриваться как памятники архитектуры, промышленное архитектурное наследие региона – как памятники истории. Ремонтно-реставрационные работы в области начинаются лишь в 1957–1959 гг. Большую часть работ составляли текущие и капитальные ремонты на памятниках истории. В связи с поздним признанием исторической и архитектурной ценностей региональной архитектуры хозяйственное использование объектов растянулось минимум до начала 1950-х гг., что привело к безвозвратным утратам многих промышленных объектов, интерьеров и экстерьеров жилых и общественных зданий.

Литература

1. Уральский федеральный округ [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/90817/%D0%A3%D0%A0%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99> (дата обращения: 08.03.2019).
2. ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 1. Д. 1060.
3. ГАСО. Ф.88-р. Оп. 1. Д. 2024.
4. Retro View of Mankind's Habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://pastvu.com/p/594116> (дата обращения: 08.03.2019).
5. ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 2577.
6. Совет министров РСФСР. Постановление от 22 мая 1947 г. N 389 «Об охране памятников архитектуры» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4641.htm (дата обращения: 08.03.2019).
7. ГАСО. Ф. Р-2354. Оп.1. Д. 151.
8. ГАСО. Ф. Р-2354. Оп. 1. Т.1. Д. 152.
9. ГАСО. Ф. Р-2354р. Оп. 1. Д. 62а.
10. Историко-технический музей «Дом Черепановых» [Электронный ресурс]. URL: http://museum-nt.ru/content/visit/portfolio/case/?tour=8&TOUR_NAME=%D0%97%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C%20%D0%9D%D0%B8%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 08.03.2019).
11. Дом-музей П. И. Чайковского в Алапаевске [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/alarayevsk/museum/23206/responses/1612> (дата обращения: 08.03.2019).
12. Информация о Свердловской области и Урале [Электронный ресурс]. URL: http://semantic.uraic.ru/object/objectedit.aspx?object_id=15126 (дата обращения: 08.03.2019).
13. Город Нижняя Салда [Электронный ресурс]. URL: <https://uraloved.ru/goroda-i-sela/sverdlovskayaobl/nizhnaya-salda> (дата обращения: 08.03.2019).
14. Информация о Свердловской области и Урале [Электронный ресурс]. URL: http://semantic.uraic.ru/object/objectedit.aspx?object_id=9823 (дата обращения: 08.03.2019).
15. Приложение N 1 к Постановлению Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. N 1327 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ural-voopik.ru/poleznaya_informatsiya/normativnye_dokumenty/postanovlenie_sovmina_rsfsr_ot_04.12.197 (дата обращения: 08.03.2019).

УДК 711.168

Яковенко Наталья Евгеньевна,
старший преподаватель
(Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского)
E-mail: natiknet2@mail.ru

Yakovenko Natalya,
senior lecturer
(V. I. Vernadsky
Crimean Federal University)
E-mail: natiknet2@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕКОНСТРУКЦИИ САДОВО-ПАРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ

MODERN TRENDS OF RECONSTRUCTION OF GARDEN-PARK OBJECTS

Современная реконструкция садово-парковых объектов включает не только восстановление объемно-планировочной структуры объекта, но и внедрение в структуру современных функций, инновационных технологий, учитывая потребности населения.

К реконструкции парка обращаются, когда он теряет художественную и эстетическую привлекательность, насаждения приходят в запущенное состояние, зонирование территории устаревает и функция не отвечает требованиям современного города. Большинство этих объектов – исторические парки, и при реконструкции возникает проблема увязки исторической планировки и новых функций, которые предъявляют посетители.

Данная статья содержит материал, раскрывающий основные факторы и тенденции реконструкции парков.

Ключевые слова: реконструкция парков, реконструкция зеленых насаждений, система озеленения, зеленые насаждения города, зеленый каркас города.

Modern reconstruction of landscape gardening objects includes not only the restoration of the space-planning structure of the object, but also introduces into the structure of modern functions, innovative technologies, taking into account the needs of the population.

Reconstruction of the park is addressed when it loses its artistic and aesthetic appeal, plantings become neglected, the zoning of the territory becomes obsolete and the function does not meet the requirements of the modern city. Most of these objects are historical parks and during reconstruction there is a problem of linking the historical layout and new features that visitors bring.

This article contains material revealing the main factors and trends in the reconstruction of parks.

Keywords: reconstruction of parks, reconstruction of greenery, landscaping, green spaces of the city, green frame of the city.

Зеленые зоны города должны постоянно использоваться в пространственной структуре города. Как только функция парка устаревает и не отвечает требованиям населения, он начинает разрушаться и приходит в запустение. Проведенный анализ выявил следующую группу проблем, влияющую на посещаемость парка:

- отсутствие функций, интересных для современного человека;
- размещение, сочетание различных парковых зон по устаревшим моделям;
- жесткая планировочная структура и отсутствие планировочной гибкости;
- отсутствие ландшафтного дизайна, низкий уровень озеленения;
- моральное старение;
- плохое санитарно-гигиеническое состояние среды;
- отсутствие современных технологических решений;
- стихийная перепланировка.

Это привело к тому, что в большинстве случаев парки в наших городах не отвечают требованиям современного человека. Они перестали развиваться, стали невостребованными и, как результат, становятся деградирующими территориями города. Поэтому в настоящее время в городах большое внимание уделяется реконструкции и реставрации парковых объектов. Как правило, это парки и дворцово-парковые комплексы конца XIX – начала XX веков, парки культуры и отдыха XX века [3].

Современная градостроительная политика направлена на создание в городах системы зеленых насаждений, базирующейся на реконструкции существующих парков и зеленых территорий. Это дает возможность повысить комфортность отдыха населения и сохранить парковые территории.

Наша жизнь требует условий для отдыха не только в создании санитарно-гигиенических и микроклиматических условий, а также увеличения функциональной наполненности отдыха в радиусе пешеходной доступности [1]. При реконструкции садово-парковых объектов необходимо учитывать новые требования потребителей к функциям объекта. Если раньше парк вмещал в себя две или три функции, то в настоящее время необходимо большое количество функций, удовлетворяющих различные группы населения. В результате возникают новые тенденции по его функциональному зонированию.

Города растут и развиваются, городской ландшафт меняется, парки начинают играть важную роль в системе озеленения городского пространства, в организации художественного образа города. В этих условиях перед выбором методов реконструкции объекта необходимо провести комплексное изучение. Это историко-культурная, архитектурная характеристика, возможности использования. Комплексный анализ состоит из следующих позиций: место объекта в системе озеленения города; рекреационная и пейзажно-эстетическая оценка ландшафта; функциональное использование; рекреационные нагрузки; наличие и состояние сооружений, оборудования; функциональная оценка.

Функциональная оценка включает несколько показателей:

- одноцелевое назначение;
- многоцелевое назначение;
- возможные варианты использования.

Для памятников садово-паркового искусства обследование проводится по следующим группам критериев:

- природно-климатические особенности;
- историко-архитектурная значимость.

Первая группа выявляет структуру рельефа и как он изменялся в процессе эксплуатации объекта. При этом рассматривается водный режим парка, источник подачи воды на территорию, степень ее загрязнения. Изучается растительность.

Вторая группа включает историко-археологические градостроительные критерии. Изучаются документы по садово-парковому объекту: время создания, используемый стиль, время его расцвета, основные этапы использования, границы объекта. Проводится также натурное обследование, включающее определение границ территории на месте, соотношение открытых и закрытых пространств, определение объемной композиции, дается характеристика зеленых насаждений по составу и приемам их группировки.

Реконструкция парка ведется на основании комплексного подхода. Который включает сложившуюся ситуацию и перспективы развития данного объекта в пространственной структуре города с учетом социально-культурных предпочтений населения.

Широкое распространение получил средовой подход, который состоит из комплексного формирования архитектурно-планировочной структуры. При таком подходе садово-парковый объект рассматривается как часть архитектурно-планировочной структуры города [3]. Функциональное наполнение парка рассматривается под влиянием градостроительной ситуации.

В современное время применяются два пути реконструкции садово-парковых объектов. Первый путь – это когда проводится реконструкция архитектурно пространственной структуры садово-паркового объекта, которая включает следующие этапы работ:

- первый этап – это выявление исторической ценности объекта, проводится комплексный анализ, описывается степень удовлетворения существующей функции предъявляемым требованиям. Это дает возможность установить объем реконструкции парка по отдельным зонам, где проводится полная или частичная реконструкции, сохранение или восстановление;

- на втором этапе определяются способы реконструкции и особенности их применения. Задается возможность для создания условий использования современных функций;

- третий этап направлен на выбор мероприятий реконструкции отдельный участков парка, его сооружений, зеленых насаждений. Составляется программа использования с учетом перспективы развития парка.

Второй путь – это реконструкция, основанная на изучении и учете историко-культурного прошлого парка. При реконструкции воспроизводится утраченный ландшафт, сохраняется масштаб и стиль среды. При таком подходе парки могут включаться в состав туристических объектов, что повышает уровень обслуживания туристов.

Парковое пространство – это взаимосвязь открытых и закрытых пространств, создающих художественный облик, который всегда имеет эмоциональную окраску. Г. З. Каганов полагает, что в ее моделировании внешние слои субъекта проецируются на объект, воспринимаются вместе с ним и размывают субъективно-объективную границу [2]. Но при реконструкции парковой среды нам необходимо проигрывать жизнь одного фрагмента в пространственной структуре всего объекта. При разработке паркового пространства должна ставиться задача вывести посетителя из обыденности, спровоцировать его на эмоции, тогда парк приобретет эстетическую значимость.

Все компоненты парковой среды должны быть целостны, подчиняться единому замыслу функции объекта, формам деятельности и поведения [3].

После реконструкции парка его среда должна представлять объект художественного творчества. Каждый объект индивидуален и здесь не должно быть унифицированного подхода, но необходимо придерживаться основных целей:

- создание условий для удовлетворения потребностей населения в активном отдыхе, культурном досуге, духовном и эстетическом наслаждении, укреплении здоровья;

- создание экологически и психологически позитивного пространства;

- сбережение и восстановление природных экосистем, флоры и фауны.

При реконструкции садово-парковых объектов необходимо учитывать, что они являются экологическими объектами городского пространства, которые составляют зеленый каркас в пространственной структуре города.

В заключение на основании изложенного, надо выделить три основных принципа реконструкции парков:

- принцип изменения планировочной структуры;

- принцип разного ландшафтного сценария в парке;
- принцип изменения функциональных зон парка.

Эти принципы осуществляются на основе композиционных приемов:

- сочетание старого и нового (старая композиционная сетка накладывается на новую или природная структура на функциональную);
- включение новых элементов инфраструктуры в существующую природную среду;
- использование новой планировочной структуры с сохранением старых зеленых насаждений;
- изменение функциональных зон парка;
- использование технологических устройств для поддержания парковой среды путем включения в исторические элементы парковых объектов нового поколения;
- единство паркового пространства путем применения простой формы как части сложной;
- единое стилевое решение;
- разработка тематики парка с использованием различных сценариев пребывания в нем;
- применение нестандартных композиционных решений для эмоционального воздействия;
- создание в современном ландшафте легенды и тематической окраски;
- изменение функциональных зон в парке.

Литература

1. Крайняя И. П., Высоковский А. А. Процесс реконструкции городов и его отражение в методологии проектирования // Проблемы системного анализа и моделирования развития городов и систем населенных мест: ВНИИ системных исследований. М., 1982. Вып. 5.
2. Каганов Г. З. Некоторые следствия и оппозиции «среда – окружение» // Теоретические проблемы дизайна: Сб. ВНИИТЭ. М., 1979. 66 с.
3. Петоян Е. М., Лабурдова Е. Г. Реконструкция парков: основные тенденции [Электронный ресурс]. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000049/st010.shtml> (дата обращения: 15.02.2019).
4. Нарута Я. С., Шумейко Ю. Д. Теоретические аспекты реконструкции городских парков культуры и отдыха как объектов социокультурной среды. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12–2. С. 326–329 [Электронный ресурс]. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10834> (дата обращения: 28.02.2019).

Секция
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ
АРХИТЕКТОРОВ-РЕСТАВРАТОРОВ

УДК 72.01

Абасс Хиба Саад, аспирант
(Южный Федеральный университет)
E-mail: arch.hebaabbas@hotmail.com

Abbas Hiba Saad, postgraduate student
(Southern Federal University)
E-mail: arch.hebaabbas@hotmail.com

АЛЖИРСКАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ
АРХИТЕКТУРНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ALGERIAN PROTECTION POLICIES FOR THE PRESERVATION
OF ARCHITECTURAL AND CULTURAL HERITAGE

В этой статье анализируется политика защиты, принятая алжирским государством для сохранения архитектурного и культурного наследия в целом, и унаследованного от французской колониальной эпохи в частности. Рассмотрены важные правовые нормы и законодательство, которые были приняты и применяются к охраняемым государством территориям и историческим зданиям.

Были также определены различные субъекты, отвечающие за охрану архитектурного наследия на национальном уровне, и определены их цели и виды действий в рамках предоставленных им полномочий для обеспечения лучшей защиты архитектурного и человеческого наследия в Алжире.

Ключевые слова: архитектурное наследие, Алжир, ЮНЕСКО, Французский мандат, церковь Св. Моники, сохранение.

This article analyzes the protection policies adopted by the Algerian state to preserve the architectural and cultural heritage in general, inherited from the French colonial era in particular. It emphasizes important legal norms and legislation that have been adopted and applied to state-protected territories and heritage buildings.

Various actors were also identified who are responsible for the protection of the architectural heritage at the national level, and their goals and actions were determined within the framework of their authority to ensure better protection of the architectural and human heritage in Algeria.

Keywords: architectural heritage, Algeria, UNESCO, French Mandate, Church of St. Monica, conservation.

Концепция охраны исторического наследия претерпевает непрерывные изменения, что заметно особенно в последнее время. Он превратился из «объекта-памятника» в «комплексный исторический памятник». Франсуаза Чой [1] подчеркивает движение этой концепции, называя ее «кочевником», потому что она продолжает развиваться. Автор определяет это явление как «благо, общее наследие сообщества прикладного искусства, произведений и произведений всех знаний и умений людей». Мария Гравари-Барбас [2] утверждает, что «понятие наследия имеет тенденцию охватывать все более обширные пространства, охватывающие как монументальное, так и повседневное, исключительное и обыденное». Новизна современной концепции наследия заключается в расширении правообладателей, от семьи до всего общества и даже всего мира. Действия различных международных органов, таких как ЮНЕСКО, ИКОМОС, способствовали расширению понятия, добавив новую типологию, а именно – всемирное наследие или общее наследие, которое относится к концепции собственности. Именно в этом теперь

определяется понятие наследия, которое мы воспринимаем как общее, местное, национальное и даже международное благо [2].

Новая концепция охраны памятников нашла отражение в современной алжирской практике сохранения архитектурного наследия. Что касается семантической эволюции словарного запаса, используемого алжирским законодателем для определения культурного наследия, то это показывает определенный эффект мутаций, характерный для мировой традиции. Энтузиазм в отношении наследия вызвал интерес многих специалистов в различных областях и специальностях, таких как география, гуманитарные науки, искусствоведение, социология, урбанистика. Множество книг было посвящено эволюции политики в области наследия и ее оценке. Из этого множества в наибольшей степени отражает современные обстоятельства охраны памятников в Алжире книга под названием «Перспективы, с которыми сталкиваются в мире на заре XXI века», в которой Мария Гравари-Барбас и Сильви Гишар собирали работы многих авторов, которые раскрывают в своих текстах определение наследия, его генезис, его эволюцию в современных условиях, а также политику его сохранения. Опыт Алжира в области сохранения и приумножения культурного наследия на примере Алжирской касбы разработан автором Надиром Бумаза. А автор Найма Бенкари раскрывает проблемы соответствия алжирской политики в области охраны наследия и мировой практики [3].

Другие алжирские исследователи также интересовались наследием, такие как Набила Улебсир и Джамель Декуми. Архитектор-реставратор Ясин Уогни сосредоточилась на сложной проблеме ноу-хау и последствиях неприменения действующих законов, в частности Закона № 98/04 от 15 июня 1998 года о защите культурного наследия. Последний признает наследие различных цивилизаций от предыстории до наших дней как алжирское наследие. Однако в этом законе есть пробел: упущение термина «колониальное наследие», признание которого в то же время лежит в основе статьи 01 указанного закона. Это определяет культурное наследие (в том числе колониальное) и вводит правовые меры по его сохранению. Как на самом деле применяется этот закон? Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрели национальный список памятников и классифицированных исторических мест, в котором упоминается 500 памятников и исторических мест, из которых 30 %, по словам Марии Гравари-Барбас [3], относятся к периоду античности. Автор утверждает, что усилия алжирского государства по децентрализации процесса охраны памятников неэффективны. Так, несмотря на богатство и важность архитектурного наследия французской колониальной эпохи, в реестр внесены только 22 памятника и классифицированных исторических мест, относящиеся к этому периоду. В этот период в алжирских городах Бон построил множество престижных и символических общественных зданий, многие из которых до сих пор заметно обогащают городской ландшафт, например ратуша, консульский дворец, театр, здание суда, железнодорожный вокзал, базилика св. Августина, дворец Лекок и дворец Кальвин.

Несмотря на значительное количество архитектурных ценностей периода Французского Мандата, никакие юридические меры не были установлены для сохранения и современного использования этого наследия. Что еще хуже, эти произведения подвергаются запланированным сносам. Например, церковь Св. Моника, которая была снесена в течение семидесятых годов XX века и заменена автобусной остановкой. Сохранность памятников архитектуры Алжира в условиях коммерческого пространства вызывает тревогу. Даже восстановление этого наследия вызывает споры. Любое вмешательство в историческую

архитектуру с целью ее изменения или даже ремонта и реставрации без учета современной методологии и технологии реставрации и технологий меняет его ценность. Ратуша является поучительным примером. Местная пресса в многочисленных статьях сообщала не только о состоянии деградации, в которой находится здание, но и указывала на отсутствие технологических ноу-хау в технологии ремонтно-реставрационных работ. В частности, заметно снизили качество памятника и его историко-культурную ценность последствия операции «шлифования» [4].

Эти ограничения, взятые из наблюдения, ссылаются на такие гипотезы, как: несоответствие между законодательными текстами и их применением, незнание законов, сопряженное с определенной инерцией, проявляемой некоторыми местными субъектами, являются объяснительными факторами ухудшения ситуации, в которой находится сегодня колониальное архитектурное наследие.

Изменение подхода к охране архитектурного наследия в Алжире было продиктовано как общемировыми тенденциями, так и местными условиями – переход от колониального государства к независимому, выбор децентрализованного управления делами страны, способствующее распределению ответственности за сохранение культурного наследия между различными уровнями государственной власти. Из понятия частного блага, обозначающего наследство, переданное потомкам, наследие стало общественным, коллективным благом.

Для охраны наследия в настоящее время в Алжире есть много механизмов и существенный правовой арсенал. Специальные подразделения отвечают за инвентаризацию архитектурного наследия, управление и разработку проектов реставрации и приспособления в соответствии с законодательством. Цель состоит не в том, чтобы дробить и детализировать эти структуры, а в том, чтобы определить степень ответственности и пределы вмешательства различных субъектов на национальном и особенно местном уровнях [4].

Эволюция законодательной базы для сохранения архитектурного наследия в Алжире, ретроспектива развития законодательных текстов в Алжире позволили выделить три периода, в течение которых были приняты различные меры по защите архитектурного наследия. По словам Сайдуни, в османский период в Алжире был установлен режим вакфов [4], известный как хабус. Вдохновленные системой мамлюков, османы применили систему управления имуществом вакфов в Алжире под названием «*qanoun naama*», которая касалась зданий, домов и сельскохозяйственных угодий. В настоящее время это традиционный инструмент управления наследием, очень важный, который способствует сохранению нескольких памятников, таких как великая мечеть и Джамаа-эль-Джадид в Алжире. Комментарий, подтвержденный Яном Мансуром Де Барном [5]: «Самый важный инструмент инвентаризации состоит из вакфа и его функции записи свойств и их характеристик, топографий, функций, доходов, расходов, архитектурной и городской терминологии, даже материалы и техника строительства и обслуживания. В 1845 г. Людовик Витет и Проспер Мериме из комиссии по историческим памятникам используют работы Равуазии как основу для первой классификации памятников Алжира [5]. В 1887 году был обнародован закон об охране памятников и произведений искусства, представляющих исторический и художественный интерес. Таким образом, созданы правовые основы действия службы исторических памятников в Алжире. Первый официальный список исторических памятников, созданный в том же году, насчитывает 07 памятников во главе с Джамаа-эль-Кебир, Джамаа-эль-Джадид и мечетью Сиди-Абдеррахмане-Этхаалиби.

Второй список составлен в 1900 году и объединяет в общей сложности 84 памятника. 31 декабря 1913 года был обнародован еще один закон, касающийся исторических памятников, который дополнил закон 1887 года, посвятив раздел классификации, определив рамки и статус исторических памятников. С отделением Алжира Франция издает указы относительно архитектурного наследства. Первый указ от 14 сентября 1925 года касается археологических памятников Алжира. После обретения независимости алжирский законодатель обновил французское законодательство, касающееся защиты объектов и исторических памятников, его положения, не противоречащие национальному суверенитету. Например, Закон № 62/157 от 31 декабря 1962 года, который обновляет французский аналог от 02 мая 1930 года. Этот закон получил незначительное применение. Интерес к историческим местам и памятникам был достигнут благодаря пересмотру Закона № 62/157, который был конкретизирован в результате принятия Постановления № 67/281 от 20 декабря 1967 года, касающегося раскопок и охраны памятников и исторических мест, критериев классификации, а также системы уполномоченных органов охраны. Это первые национальные законодательные акты, составленные под влиянием французских законов, определяющие национальную политику охраны наследия [6].

Эпоха обновления начинается с принятия Закона № 98/04 от 15 июня 1998 года о защите культурного наследия. В настоящее время этот юридический документ отменяет Указ № 67/281. Он сформулировал новое понимание, касающееся публичного и частного права, установил новые рамки для археологических исследований в более широких пределах, чем те, которые определены в Постановлении № 67/281, создал механизмы для финансирования действий по вмешательству и укреплению культурных ценностей. Определены также санкции в случае нарушения закона. Особенностью этого закона остается появление понятия культурных ценностей и определение правил инвентаризации, которая становится юридическим обязательством государства. Тем не менее, этот закон имеет ограничения и серьезные проблемы эффективности его применения из-за несоответствия между положениями закона и локальными постановлениями о его исполнении.

После обретения независимости право собственности на архитектурное наследие и ответственность за охрану культурного наследия передается следующим организациям:

- Департамент изящных искусств при Министерстве национального образования Алжира – отвечает за охрану музеев, мест хранения археологических и других культурных ценностей, в основном на северной территории страны;
- Министерство культуры и информации: с появлением в 70-х годах этого министерства, отвечающего за центральный сектор культуры, ему передано управление наследием (музеи и археология, памятники и исторические места).

Централизация полномочий по принятию решений, усугубляемая нехваткой квалифицированных кадров, привела к тому, что власти стали более реалистичными и создали филиалы на всей территории страны – парки, офисы, музеи и учебные мастерские [7].

Национальное агентство по археологии и охране исторических мест и памятников, созданное Указом № 87/10 от 6 января 1987 года, было преобразовано 1 января 2007 года в национальное управление по управлению и эксплуатации охраняемых культурных ценностей (OGEBC).

В интересах децентрализации Декрет № 81/382 от 26 декабря 1981 года, устанавливающий компетенцию и полномочия муниципалитета и вилайя в сфере культуры, разрешает последнему вмешиваться в функционирование памятников.

Как это ни парадоксально, всего 48 архитекторов в Алжире специализируются в области сохранения и приумножения культурного наследия, они сосредоточены в крупных городах страны, включая Алжир, Блиду и Константин. Закон № 90/08 от 7 апреля 1990 года о коммуне в своей статье 93 предусматривает, что в рамках охраны архитектурного наследия муниципалитет отвечает за сохранение и защиту объектов культурного наследия, наделенных историко-эстетической ценностью. Закон № 11/10 от 22 июня 2011 года о муниципалитете, отменяющий все противоречащие ему положения Закона № 90/08, усиливает prerogatives муниципалитета в отношении защиты архитектурного наследия и подтверждает их в статьях 94 и 116 [8].

История Алжира в разные периоды его развития показала, что каждая держава создала учреждения и структуры, отвечающие за управление архитектурным наследием на основе видения этой проблемы, свойственного времени. Сегодня угрозы наследию XIX века бросают нам вызов. Хотя в некоторых академических и научных кругах до сих пор ведется дискуссия о возможности их признания в качестве национального достояния, классифицировано и инвентаризировано ограниченное число памятников, относящихся к этому периоду. Проблема с этим наследием заключается не в существующем законодательстве, а скорее в пробелах, лазейках, неопределенности текстов и особенно в их применении. В областях планирования и охраны наследия местные выборные представители играют важную роль. Небрежность в отношении к охране памятников, проявляемая некоторыми выборными должностными лицами и местными субъектами, незнание законов, оперативная и административная неэффективность и недостаток технических и людских ресурсов ведет к утрате культурного наследия страны.

Литература

1. Чой Ф. Аллегория наследия. С порога. Париж, 1992. 271 с.
2. Гравари-Барбас М., Гишар-Ангуис С. Перспективы наследия в мире на заре XXI века. Париж: Издательство университета Парижского университета Сорбонна, 2003. 952с.
3. Айше Б., Шерби Ф. и Оубузар Л. Архитектурное и городское наследие XIX и XX веков в Алжире. «Наследие Проект II. Общее наследие», *Vrelex UMMT Campus Review* № 4, 1992. 36–47 с.
4. Аренда Ф. Здание девятнадцатого века и улица. Париж, 1987. 478 с.
5. Derdour H. Annaba 25 преследует повседневную жизнь и борьбу, под ред. SNED. Т. 1. Алжир, 1983. 388 с.
6. Сайдуни Н. Вакф в Алжире в Османский период, XI–XII века, Гегира, XVII–XIX века, под ред. IFEA. Стамбул, 1994. 111 с.
7. Улебсир Н. Наследие. Памятники, музеи и колониальная политика в Алжире (1830–1930), под ред. дома наук о человеке. Париж, 2004. 418 с.
8. Grange I. M., Инструмент вакфа для устойчивого развития, Ed. Aix en Provence. Париж, 2005. 157с.

УДК 69.059.73

*Гребенникова Лариса Александровна, преподаватель
Мартынова Алла Львовна, преподаватель
(Санкт-Петербургский архитектурно-
строительный колледж)
E-mail: arhlag@gmail.com,
alla.m75@mail.ru*

*Grebennikova Larisa Aleksandrovna, lecturer
Martynova Alla Lvovna, lecturer
(St. Petersburg College of Architecture
and Construction)
E-mail: arhlag@gmail.com,
alla.m75@mail.ru*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ССУЗ
НА ПРИМЕРЕ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ –
СТАРОЛАДОЖСКОЙ ЖЕНСКОЙ СЕМИНАРИИ НА МАЛЫШЕВОЙ ГОРЕ
(ДВУХКЛАССНОЙ ШКОЛЫ), ПОЗЕМСКАЯ УЛ., Д. 39**

**ORGANIZATION OF THE PROJECT ACTIVITY OF STUDENTS
OF THE SPECIAL SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS BY THE EXAMPLE
OF DEVELOPING A PROJECT PROPOSAL FOR THE RESTORATION
OF THE CULTURAL HERITAGE OBJECT – STAROLADOZHISKY WOMEN'S
SEMINARY ON MALYSHEVA MOUNTAIN
(TWO-YEAR SCHOOL), POZEMSKAYA UL. 39**

В статье рассматривается опыт организации внеаудиторной проектной работы среди студентов среднего специального учебного заведения в рамках Федерального государственного образовательного стандарта. В процессе обучения и проектной подготовки студентов ССУЗ становится неопределимой роль внеурочной работы, создающей реальные возможности для совершенствования профессионального развития каждого обучающегося, формирования его индивидуальной образовательной направленности. Немаловажную роль в мотивации студентов к внеучебной практике играет участие в различных профессиональных конкурсах. Архитектор должен обладать общими компетенциями, включающими в себя такие способности, как понимание сущности и социальной значимости своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 07.02.01 Архитектура (базовой подготовки) дает возможность при работе с творческой молодежью выполнять проектную работу с применением методов научных исследований.

Указ Президента РФ о реализации общенационального культурно-туристического проекта и создании туристско-рекреационного кластера в Старой Ладого Ленинградской области открыл реальные возможности для студентов принять участие в мероприятиях по воссозданию объектов культурного наследия. Разработка проектного предложения по восстановлению объекта Староладожской женской семинарии на Малышевой горе (двухклассной школы) Поземская ул., д.39 приняла участие во Всероссийском конкурсе молодежных авторских проектов, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия». Проект завоевал призовое место среди участников конкурса.

Ключевые слова: учебное проектирование, реставрация, Старая Ладога, Ленинградская область.

In the process of training and project preparation of students of secondary vocational schools, the role of extracurricular work becomes invaluable, creating real opportunities for improving the professional development of each student, shaping his individual educational orientation. In the process of training and project preparation of students of secondary vocational schools, the role of extracurricular work becomes invaluable, creating real opportunities for improving the professional development of each student, shaping his individual educational orientation. An important role in motivating students to extracurricular practice is played by participation in various professional competitions. An architect should have gener-

al competences, including such abilities as understanding the essence and social significance of his future profession, and show a steady interest in it. The federal state educational standard of secondary vocational education in the specialty 07.02.01 Architecture (basic training) makes it possible, when working with creative youth, to carry out project work using scientific research methods.

A presidential decree on the implementation of a nationwide cultural and tourist project and the creation of a tourist and recreational cluster in Staraya Ladoga, Leningrad Region, opened up real opportunities for students to take part in activities to recreate cultural heritage sites. Development of a project proposal for the restoration of the object of the Staroladozhskaya Women's Seminary on Malysheva Gora (a two-year school) Pozemskaya Street. 39 took part in the All-Russian competition of youth author projects aimed at the socio-economic development of Russian territories "My country is my Russia". The project won a prize among the participants of the competition.

Keywords: project work, restoration, Staraya Ladoga, Leningrad Region.

В докладе Жака Делора по проблемам образования в XXI веке от 1996 года «Образование: сокрытое сокровище» было выделено четыре главных составляющих, на которых основывается образование на протяжении всей жизни: научиться познавать, научиться делать, научиться быть, научиться жить вместе. Эти выводы остаются актуальными и для сегодняшнего дня. Государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования предполагают повышенные требования к профессиональным компетенциям и профессиональным качествам выпускника системы СПО. Современное развитие общества очень динамично и требует нового взгляда на выпускника, с новыми требованиями к обучению, воспитанию и формированию его профессиональных компетенций, личностных качеств. Большое внимание направлено на внеучебную деятельность и ее влияние на динамику профессионального становления студентов. Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования ставят целью создание новых условий для развития и формирования конкурентноспособных профессионалов, что предполагает возрастание роли внеурочной работы, создающей реальные возможности для совершенствования профессионального развития каждого обучающегося, формирования его индивидуальной образовательной направленности.

В письме Министерства образования и науки РФ от 18 августа 2017 г. № 09-1672 «О направлении методических рекомендаций» определяется понятие «внеурочная деятельность». Под внеурочной деятельностью следует понимать образовательную деятельность, направленную на достижение планируемых результатов освоения основных образовательных программ (личностных, межпредметных и предметных), осуществляемую в формах, отличных от урочной. Внеурочная деятельность является неотъемлемой и обязательной частью основной общеобразовательной программы. Формы внеурочной деятельности должны предусматривать активность и самостоятельность обучающихся; сочетать индивидуальную и групповую работу; обеспечивать гибкий режим занятий (продолжительность, последовательность), переменный состав обучающихся, проектную и исследовательскую деятельность (в т. ч. экспедиции, практики) и пр. Возвращаясь к истории педагогических идей, стоит обратиться к трудам Дж. Дьюи, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкого, которые отмечали особую роль внеучебной деятельности в развитии личности. Внеучебная деятельность – совокупность разнообразных видов и форм воспитательной работы со студентами, проводимыми за пределами занятий и учебного времени. Основана на принципах выбора, самообразования, добровольности, возможности повышения своего профессионального уровня. В рамках специализации «Архитектура»

организация внеучебной проектной деятельности является важной составляющей образовательного процесса современной профессиональной образовательной организации в рамках ФГОС СПО.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 07.02.01 Архитектура (базовой подготовки) предполагает освоение обучающимися программы подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) с присвоением квалификации Архитектор. Нормативный срок освоения ОПОП на базе основного общего образования – 2 года 10 месяцев. В Соответствии Федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения (ФГОС-3) компетенция – это комплексная характеристика готовности выпускника применять полученные знания, умения и личностные качества в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности

Архитектор должен обладать общими компетенциями, включающими в себя способность:

- ОК 1. Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес;
- ОК 6. Работать в коллективе и в команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителями;
- ОК 7. Брать на себя ответственность за работу членов команды (подчиненных), за результат выполнения заданий;
- ОК 8. Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации;
- ПК 1.1. Разрабатывать проектную документацию объектов различного назначения;
- ПК 2.3. Осуществлять сбор, хранение, обработку и анализ информации, применяемой в сфере профессиональной деятельности;
- ПК 3.2. Участвовать в организации проектных работ.

На базе Архитектурно-строительного колледжа при работе с творческой молодежью сложились все условия для выполнения проектов с применением методов научных исследований и новизной собственных концептуальных решений. Таким примером является внеучебная проектная деятельность по углублению и расширению предметно-методических знаний и умений. Работа над проектом «Разработка проектного предложения по восстановлению объекта культурного наследия Староладожской женской семинарии на Малышевой горе (двухклассной школы). Поземская ул., д. 39» велась в рамках индивидуальной внеучебной воспитательной работы, направленной на развитие творческого и профессионального потенциала одарённых студентов, обучающихся по специальности Архитектура. Была организована рабочая группа заинтересованных преподавателей, руководивших проектом студента Н. В. Краснова, в которую вошли преподаватели специальных дисциплин СПб ГБПОУ «СПАСК» (Гребеникова Л. А., Мартынова А. Л., Молитвин П. В.). Творческая инициатива преподавателей, желание познавать у студентов, получение знаний по модулям образовательной программы позволили команде студентов и преподавателей получить призовое место во Всероссийском конкурсе «Моя страна – моя Россия», «Лучшая студенческая работа» в смотре конкурсе в г. Москва в рамках 1 Всероссийского фестиваля с Международным участием «Архитектурное наследие».

Межпредметные связи при изучении модулей образовательной программы способствуют успешной проектной деятельности при изучении модуля по предмету «Объемно-

пространственная композиция». В рамках выполнения заданий на тему: «Фрагмент архитектурного памятника», студенту предлагается аналитический разбор памятника архитектуры как вариант научно-исследовательской деятельности. Детальное изучение архитектурных памятников необходимо студенту для общего художественного воспитания; для сопоставления различных стилей; понимания как организуются приемы объемно-пространственной композиции; представления в целом основных закономерностей ее построения и, как следствие, жизненных функций. В процессе учебной работы изучение архитектурных сооружений проводится преимущественно по фото с чертежей, фотофиксаций памятников, выполненных студентами во время обмерных практик, по обмерным чертежам, изданным в печати и архитектурным увражам. Студент знакомится с графическим мастерством автора, анализирует композиционные приемы и стилистические особенности памятников архитектуры. Все это обогащает общую графическую культуру студента, развивая и формируя вкус и архитектурную грамотность. Так, при изучении модуля «Проектирование объектов архитектурной среды», студент приобретает практический опыт разработки проектной документации объектов различного назначения на основе анализа принимаемых решений и выбранного оптимального варианта по функциональным, техническим, социально-экономическим, архитектурно-художественным и экологическим требованиям; умеет выполнять обмеры зданий и сооружений, составлять обмерные кроки и чертежи; решать несложные композиционные задачи при построении объемно-пространственных объектов, разрабатывать, по эскизам руководителя отдельные фрагменты зданий. Теоретическое обучение понимается как система обучения общеобразовательным, общепрофессиональным и профессиональным дисциплинам, в результате, которого формируется обобщенная система теоретических знаний в области основных наук. В результате освоения учебной дисциплины «Типология зданий» обучающийся приобретает знания об общих сведениях архитектурного проектирования; особенностях планировочных и объемно-пространственных решений различных типов зданий; основах функционального зонирования помещений; знакомится с нормами проектирования зданий; особенностями здания различного назначения. Изучая азы дисциплины «Архитектурное материаловедение» обучающийся должен знать основы технологии производства, номенклатуру и рациональные области применения строительных материалов и изделий.

Также в процессе изучения предмета «Реконструкция зданий и сооружений» студентами осваиваются основные принципы и приемы обновления материальной среды жизнедеятельности человека путем ее реконструкции и модернизации; определяется смысл основных архитектурных и научно-технических проблем и перспективы развития областей техники в реконструктивном преобразовании, основные принципы и приемы обновления материальной среды жизнедеятельности человека путем ее реконструкции и модернизации; изучают приемы проектирования и оптимизация проектных решений при реконструкции городских территорий.

В рамках ежегодной конференции «Строительство и архитектура» предоставляется возможность выступить перед аудиторией со своей исследовательской работой. Таким образом, с младших курсов нарабатывается и формируется материал на избранную архитектурную тему, в данном случае – реконструкцию, реставрацию или реновацию. Проектное предложение по приспособлению объекта церковно-приходской школы под паломническую гостиницу – возможность реализовать свои знания и умения в реаль-

ном проекте – явилось мощным стимулирующим фактором для начинающего специалиста. Студентами была проведена исследовательская работа по объекту культурного наследия «Здание бывшей каменной двухклассной школы, нач. XX в.» в Старой Ладого. В ходе работы были открыты неизвестные факты, вошедшие в краеведческий сборник.

Согласно Указа Президента РФ о реализации общенационального культурно-туристического проекта и создании туристско-рекреационного кластера, дает дополнительный импульс развитию Старой Ладого, кластер послужит модернизации туристической индустрии: маршруты от первой столицы протянутся в другие регионы страны, что создаст самый популярный туристический центр Ленинградской области.

Старая Ладога (до 1703 года Ладога) – село в Волховском муниципальном районе Ленинградской области, административный центр Староладожского сельского поселения. До 1703 года Ладога была городом. В 2003 году отмечалось 1250-летие Старой Ладого, в ходе которого село позиционировалось как «древняя столица Северной Руси». И 1250-летие Старой Ладого было вычислено не по летописям, а путем точного научного анализа. Рассвет Ладого приходится на XII век. Каменные храмы начинают украшать город. Сельское поселение Старая Ладога было не только главным портом Древней Руси, но также выполняло оборонительную роль от набегов непрошенных гостей. В Ладого археологи раскапывают фундаментальные ценности отечественной и мировой истории и культуры. Самое главное – удалось раскрыть понятие города Ладога: он стоял на скрещении двух путей – волжского и из варяг в греки. Ладога – международный город, живший торговлей. *“Мы чувствуем по этим раскопкам, что горожане были сообществом вольных мастеров, а Ладога – своеобразным вольным городом. И сельские жители тоже владели навыками ремесленного мастерства, а вовсе не были угнетенными пахарями – об этом тоже свидетельствуют раскопки”, – писал Сергей Евгеньевич Глезеров.*

История школы начала XX века

Во второй половине XIX – начале XX в., занятия просвещением народа были тесно связаны с общественной деятельностью, противостоянием правительству и церковному ведомству. В начале XX века Россия не имела единой системы начального образования – обучение проходило в церковно-приходских школах, земских, частных, городских школах, принадлежащих разным ведомствам. В этот период вырабатывались основные черты практической деятельности земств по народному образованию: расширяется сеть начальных школ, развивается женское образование. Руководство земскими уездами ставит вопрос о введении в России всеобщего начального образования. Школа начала XX века представляла собой в области начального образования религиозно-просветительное направление с комплексом формирования национально-патриотических чувств. Церковная школа удовлетворяла интересы крестьянства и была поистине народной. Церковно-приходские школы – были самым распространёнными школами, были либо одноклассными с двухлетним сроком обучения, или двухклассные. Во-первых – образование ограничивалось Законом Божьим и церковным пением, чтением, письмом, самыми начальными сведениями об арифметике. В двухклассные добавлялись сведения о церковной русской истории. В одноклассных обучение в начале XX в. составляло 3 года, в двухклассных – 5 лет. Правительство расходовало на эти школы в десятки раз больше, чем на земские и министерские. Церковно-приходские школы составляли 46,5 % из всего начального образования. Лучшее всего преподавание было организовано

в земских школах. Земства не сразу начали активно работать в области народного образования. Лишь с 90-х гг. XX в. начали активно организовывать библиотеки, читальни. При большинстве земств были созданы специальные комиссии, занимавшиеся вопросами народного образования. К концу 90-х гг. земства активно ставят вопрос о введении всеобщего начального обучения. Большинство земских школ было рассчитано на 3 года обучения, в остальных – на 4. Собственно, само обучение и учебные пособия были бесплатны. Начальные училища министерства народного просвещения значительно уступали земским школам. Ещё больше им уступали церковно-приходские школы. С конца 1900-х годов земства перешли к построению школьных сетей, рассчитанных на достижение всеобщего обучения в течение 5–15 лет. Земство занималось строительством школ, обеспечивало учащихся учебным оборудованием и литературой. Земства постоянно корректировали и совершенствовали нормы проектирования школ «Правила постройки школьных зданий с пособием от земств». В это время издавались альбомы с примерными типовыми проектами школьных зданий и распространялись всеми крупными земствами.

Труды Эрисмана, Федора Федоровича (1842–1915), создателя основополагающих принципов общественной гигиены и социально-гигиенического направления медицины легли в основу «Разработки типовой планировки земских школ». Земские архитекторы, как правило, следовали этим требованиям. Согласно Строительному Уставу, школа должна строиться на сухом и относительно ровном месте. На участке мог быть запроектирован дом учителя. К началу XX века в земствах сложилась типологическая схема школ. Помимо классных комнат в школе должны были быть запроектированы ночлежная комната и помещение для учителя «Соображения об устройстве образцовой классной комнаты согласно требованиям современной гигиены» [4].

Реформы образования начала XX века в земствах подтолкнули к строительству гражданского здания – церковно-приходской школы. В 1901 году Императорская Археологическая комиссия направляет в Старую Ладугу для ремонта староладожских церквей св. Георгия и Дмитрия Солоунского инженера, археолога, коллекционера и собирателя старых архивов, а после революции – научного сотрудника Русского музея, уполномоченного Петроградского отдела охраны памятников искусства и старины Николая Филипповича Романченко (1869–1923). Он являлся председателем приходского попечительства Георгиевской церкви в Старой Ладоге. Николай Филиппович в 1894 г. окончил Институт гражданских инженеров. Техник Санкт-Петербургского градоначальства (с 1894). Преподаватель ИГИ. Действительный член Археологического института. Историк архитектуры, коллекционер [5].

В 1905 году под руководством Н. Ф. Романченко была построена Староладожская женская семинария на Малышевой горе (ул. Поземская, д. 39), в дальнейшем – женская двухклассная школа. Н. Ф. Романченко осуществил намерение создать в Старой Ладоге музей древнерусского искусства – иконы, церковная утварь, шитьё, медное литьё вначале в церкви Дмитрия Солоунского, где были организованы специальные полки, позднее музей перенесли в «класс-музей» женской семинарии. В 1918 г., с принятием декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», церковно-приходская школа была закрыта.

В 1870-х гг. возникает рационалистическое течение в архитектуре. Постулаты А. К. Красовского («Гражданская архитектура. Части зданий». С.-Петербург. 1851), с идеями рационализма, вплоть до Октябрьской революции пропагандировал Петербургский

институт гражданских инженеров. Еще с указов Петра I наблюдалась тенденция к простоте и экономичности при строительстве. Способ отделки фасадов без использования штукатурки и излишеств, без ордерной системы композиция, ритмичность членений – отличают здания фабрик, построенных из кирпича в 1830–1840 гг. «Кирпичный» стиль сформировался в промышленной архитектуре значительно раньше, чем в гражданской. В новом направлении переосмысливается роль художественной идеи, связанная с функциональным предназначением здания. «Свойство материала и возможно лучший способ его сопряжения определяют способ построения или конструкцию, а конструкция определяет наружную форму частей и зданий... Соблюдение этого правила придает строению качество, известное под названием архитектурной истины». Так формулирует Аполлинарий Красовский во вступительной главе учебного руководства «Гражданская архитектура. Части зданий» основной принцип нового стилевого направления. Наиболее выразительным средством, становится рельефная кладка – разнообразные приемы кирпичного декора, выполнены за счет выдвигания и углубления кирпича различной конфигурации, узор мог быть выложен в два цвета кирпича, вводились детали из керамики и природный камень. Кирпич оказался материалом, хорошо пригодным для строительства в нашей климатической зоне. А прекрасные каменщики, способны были делать из кирпича выдающиеся фронтальные композиции. Дома в «кирпичном стиле» прошли апробацию временем. В частности, постройка начала XX века «Здание бывшей каменной двухклассной школы, нач. XX в.» (ул. Позёмская, д. 39) представляет историко-культурную ценность.

Строительство из красного кирпича характерно для зданий церковного назначения. Давнюю и богатую историю имеет кирпич. Слово кирпич тюркского происхождения. Сначала кирпич был плинфой. (от греч. πλίνθος — кирпич). Её толщина, как правило, от 2,5– 4,5 см, а длина и ширина не оставались постоянными. Данный материал практически ручной выработки отличается высокой прочностью и морозоустойчивостью. Благодаря этому стены здания школы сохранились в достаточно хорошем состоянии.

В 1905 году открылась женская гимназия рядом с храмом. Гимназия возникла на святом месте. Входная группа здания школы и главный фасад, обращенный на юг и храм Рождества Иоанна Предтечи, представляет собой характерный для «кирпичного стиля» учебных зданий деловой, рациональный облик. В архитектурном решении равноценно разработанных фасадов – сочетание классической тектонической ясности с активным использованием декоративных приёмов и средств данного стиля, без штукатурной отделки. Метрическое чередование окон 1 и 2 этажей разделено межэтажным поясом-карнизом. По классическому принципу второй этаж повышен. Оконные проемы с лучковыми перемычками обрамлены наличниками простой формы, в первом этаже, завершающиеся сандриками в виде треугольных фронтонов. Наличники оконных проемов, выложенные кирпичом с перевязкой швов, задают великолепную светотеневую «окраску» на фасаде в солнечные дни, являясь важной частью наружного убранства здания. Западный фасад предельно лаконичен. Огибающие лопатки (подобие пилястры без ордера) по углам здания поддерживают карниз со ступенчатыми кронштейнами. Лопатки в каменной постройке – напоминание о деревянном строении, где по углам выступали комли бревен.

Во время обмеров был найден кирпич с клеймом завода «А.Иешин» (А.Иешин). Наличие такого завода подтверждено в картотеке Новоладожского архива в перечне кирпичных заводов уезда. Акцентом фасада является ризалит (часть здания, выступающая

за основную линию фасада и идущая во всю высоту здания), заканчивающийся аттиком. Находящийся в 1 этаже на центральной оси в ризалитном выступе под лучковой перемычкой проем, возможно был центральным входом. Рустованным обрамлением с «замком» активно выделено арочное окно второго этажа.

Первоначальная планировка здания к настоящему времени оказалась во многом утраченной. Частично реконструировать ее помогут сохранившиеся в интерьере капитальные стены, печи, лестницы и дверные проемы. Можно предположить, что в разработке проекта двухклассной церковно-приходской школы при церкви Н. Ф. Романченко опирался на типовые предложения. Постройка вписывается в школьные реформы начала XX века, имеет типичную планировку планов зданий учебных заведений того времени – классы и кабинеты размещены вдоль южного и восточного фасадов,

Оконные проёмы расположены метрически на фасаде, обрамлены наличниками. Различные размеры и формы окон сочетаются с наличниками, сандриками, карнизами, выполненными в едином «кирпичном» стиле.

Проектная практика предполагала выполнение следующих задач: осуществить поиск, обработку, анализ и хранение информации, связанной с творческой подготовкой архитектора, из различных источников и баз данных, представить её в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 44.02.06 профессиональное обучение (по отраслям).
2. Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 августа 2017 г. № 09-1672 «О направлении методических рекомендаций».
3. Основные профессиональные образовательные программы среднего профессионального образования базовой и углубленной подготовки.
4. Пояснительная записка к находящейся на выставке модели образцовой классной комнаты. / Сост. Ф. Ф. Эрисман, орд. проф. Московского университета; Юбилейная выставка Общества поощрения трудолюбия в Москве, 1888 г. Москва: «Печатня С. П. Яковлева», 1888. 10 с.; 21.
5. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник. / А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков. СПб: Пилигрим, 1996 г.
6. Астафьев В. «Он учил любить красоту прошлого» (Н. Ф. Романченко). // «Тропинки в прошлое» историко-краеведческие статьи и очерки. Выпуск 5, 75. Волхов, 2010 г.
7. В.Н.Смирнов Д.Д.Ёлшин Кирпичные клейма Санкт-Петербургской губернии середины XIX – начала XX в. Каталог и исследование. // Российская академия наук институт истории материальной культуры. Бюллетень №7. Материальная культура Санкт-Петербурга. Выпуск №1. СПб, 2017.
8. «Волховские огни». 25.06.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://volhovogni.ru/article/76161/>.
9. Возвращение к истокам: Старая Ладога – самая древняя столица Северной Руси. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravme.ru/2015-02-28-vozvrashchenie-k-istokam-staraya-ladoga-samaya-drevnyaya-stolica-severnoy-rusi.html>.

УДК 37.01. 378.377

Кармазина Наталья Валерьевна,
канд. ист. наук, доцент
(Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского)
E-mail: knv579@mail.ru

Karmazina Natalia Valerievna,
PhD of Sci. Hist., Associate Professor
(V. I. Vernadsky Crimean
Federal University)
E-mail: knv579@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL EDUCATION IN THE SPHERE OF CULTURAL HERITAGE PRESERVATION

В статье рассмотрены основные направления развития профессионального образования для сферы сохранения культурного наследия. Модель формирования профильной системы подготовки кадров показана на основе анализа как тенденций развития в целом самой отрасли, так и трендов современного профессионального образования. Представлено основное содержание системы подготовки кадров как комплекса мероприятий по формированию отраслевой рамки квалификации, профессиональному самоопределению молодежи в рамках отрасли, получению среднего профессионального и высшего образования, дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки), осуществлению профессионального обучения для подготовки по рабочим специальностям.

Ключевые слова: развитие профессионального образования, сфера сохранения культурного наследия, система подготовки кадров.

The article consists of the main directions of professional education development in the sphere of cultural heritage preservation. The model of formation profile system of training is based on the analysis of both tendencies of development in the case of educational sector frameworks, and trends of modern professional education. The main content of the system of training as a set of measures to form the sectoral framework of qualification, professional self-determination of young people in the industry, secondary vocational and higher education, additional vocational education (advanced training and retraining), the implementation of vocational training for training in working specialties.

Keywords: development of professional education, sphere of preservation of cultural heritage, system of personnel training.

В Указе Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года культура впервые в отечественной истории получает статус национальной программы, которая, наряду с другими национальными проектами и программами, была представлена «для рассмотрения на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам». Правительству РФ предписано «при разработке национальной программы в сфере культуры обратить особое внимание на необходимость укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации». Поскольку культурное наследие – неотъемлемая часть «культурных ценностей», получается, оно официально объявлено основой российской идентичности. Россия, являясь страной с большим количеством объектов культурного наследия и своим национальным кодом, также заинтересована в сохранении объектов культурного наследия, поскольку они составляют зримую память и основу для последующего развития [1].

Одним из направлений комплексной стратегии развития сферы культурного наследия должно стать формирование профильной системы подготовки кадров. Она должна включать в себя комплекс мероприятий по формированию отраслевой рамки квалификации, профессиональному самоопределению молодежи в рамках отрасли, получению среднего профессионального и высшего образования, дополнительное профессиональное образование (повышение квалификации и профессиональную переподготовку), профессиональное обучение для подготовки по рабочим специальностям.

В основу формирования векторов развития образования в сфере сохранения культурного наследия должны быть положены не только тенденции развития в целом самой отрасли, но и тренды современного профессионального образования.

В современном мире основанием для определения компетенций выпускников университетов (как целей реализации образовательных программ разных уровней) служат рамки квалификаций (международные, национальные, отраслевые, секторальные, по универсальным видам деятельности), связывающие требования рынка труда к профессиональным квалификациям (компетенциям) работников разного уровня с образовательными квалификациями. Однако в Российской Национальной системе квалификаций (далее – НСК) не создана единая модель требований к общим (универсальным) и общепрофессиональным компетенциям работников, которую могли бы взять за основу разработчики всех профессиональных стандартов, а вслед за ними и разработчики образовательных стандартов. В результате разработанные и утвержденные профессиональные стандарты не ориентированы на сферу культурного наследия, на которую возложены важные миссии в рамках стратегических государственных задач. Отсутствие профильных профессиональных стандартов затрудняет возможность трудовой мобильности и профессионального развития, а отраслевых рамок квалификации как структурно-квалификационных моделей секторов деятельности, не представляет возможности для формирования системной подготовки в сфере сохранения культурного наследия, определения профессиональных задач выпускников [2].

Сегодня для целенаправленной и комплексной подготовки кадров для сферы сохранения культурного наследия актуально разработать отраслевую систему квалификаций в контексте основных направлений деятельности на основе определения профессиональных задач.

Одним из направлений развития всей системы подготовки профессиональных кадров – создание условий для реализации LongLifeLearning (непрерывное обучение) [3]. Однако в формирующейся Национальной системе квалификации отсутствуют методологические и инструментальные основы для построения системы LongLifeLearning и непрерывного карьерного роста. В системе профессионального образования нет инструмента «переноса и накопления результатов обучения» с целью их последующей сертификации, так как программы среднего профессионального и дополнительного профессионального образования вообще не применяют систему зачетных единиц при оценивании общих трудозатрат для достижения заданных результатов обучения. То есть еще не созданы основы для формирования системы независимой оценки и сертификации квалификаций.

На сегодняшний день с учетом отсутствия профильных профессиональных стандартов для наполнения профессионально-квалификационной подготовки будущих специалистов для сферы сохранения культурного наследия необходим анализ потребностей

отраслевого рынка труда и разработка модели (портрета) востребованного работодателями специалиста, владеющего комплексом квалификационных характеристик и необходимыми в профессиональной деятельности личностными качествами.

Одной из характерных особенностей развития профессионального образования является усиление роли работодателей, которые формируют целевые установки образовательных программ с учетом реальной потребности в тех или иных компетенциях работников. Формирование содержания образовательных программ, организация производственной практики и стажировки студентов и преподавателей, итоговая аттестация выпускников должны осуществляться в непосредственном взаимодействии с работодателями.

Создавая систему непрерывного образования в сфере сохранения культурного наследия, необходимо предпринимать отдельные действия по повышению престижа профессий в отрасли (реставратора, архитектора, музейных работников и др.), совершенствования системы раннего профессионального ориентирования (культурно-просветительская работа, образовательная, средства массовой информации) и профессионального самоопределения (через деятельность профильных школ, организацию проведения мастер-классов, конкурсов, олимпиад, реализации дополнительных общеобразовательных программ, волонтерские акции).

В Республике Крым на сегодняшний день имеется более 4,5 тысяч памятников. При этом нет ни одного профильного учреждения, которое готовит реставраторов и архитекторов, способных заниматься объектами культурного наследия. Значительное количество объектов культурного наследия на полуострове требует проведения работ по ремонту, реставрации или благоустройству. Проблема в острой нехватке кадров, которые способны решать эти задачи. Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (далее – КФУ) ежегодно выпускает студентов по направлениям подготовки «Строительство», «Градостроительство», но реставрация объектов культурного наследия – это не общестроительная отрасль. Для людей, которые занимались бы этой специфической деятельностью, нужны и специфические компетенции. Они должны обладать историческими знаниями, иметь серьезное общекультурное образование и, безусловно, быть специалистами в этой области.

В КФУ инициировано открытие новых междисциплинарных образовательных программ «Управление пространственным развитием городов» и «Реконструкция и реставрация градостроительных объектов» по направлению подготовки «Градостроительство» в Академии строительства и архитектуры КФУ с целью подготовки кадров для сферы реставрации и архитектуры, которые получают навыки эффективного сохранения исторической застройки, музеефикации историко-архитектурного наследия.

Целесообразно формирование междисциплинарных компетенций, знаний, умений и опыта профессиональной деятельности и в области реставрации, и управления, и сфере осуществления государственных закупок у бакалавров, магистров направлений подготовки, связанных с сохранением объектов культурного наследия.

Актуальны разработка образовательных программ среднего профессионального образования, профессионального обучения для сферы реставрации, создание ремесленных училищ, которые будут способствовать передаче традиций народных промыслов, опыта реставрационных работ. Сегодня необходимо возрождение программ обучения, повышения квалификации и профессиональной переподготовки по прикладным ремеслам в сфере сохранения исторического и культурного наследия, декоративно-прикладного

искусства и народных промыслов. Обучение должно осуществляться в учебно-производственных мастерских: витражной, кузнечной и др.

Необходимо освоение дополнительных профессиональных программ по сохранению культурного наследия обучающимися гуманитарных направлений подготовки («История», «Культурология», «Туризм», др.) для дальнейшего профессионального самоопределения в сфере охраны памятников истории и культуры.

Сегодня нужно формировать новый класс управленцев комплексных проектов реставрации, понимающих не только в реставрации, но и экономике культуры, современных адаптивных технологиях. Центральным звеном содержания подготовки кадров для сферы сохранения культурного наследия должно быть использование культурного наследия, которое подпитывается другими дисциплинами. Образовательная программа должна быть направлена на формирование блоков компетенций: управленческих, общекультурных через знание истории, теории градостроительства, основ музеологии, и технологических, то есть прикладных через овладение технологиями управления культурными ценностями. В программе должен быть заложен модульный принцип, который позволит реализовать такие специализированные модули как реставрация и консервация, археология, история искусств, архивы и библиотеки, архитектура и территории, управление музеем.

В ходе профессиональной подготовки специалистов для сферы сохранения культурного наследия особое внимание уделяется организации научно-исследовательской деятельности студентов. Кроме традиционного сбора материала и написания курсовых и дипломных работ, акцент должен осуществляться на формирование исследовательских компетенций через активную внеучебную исследовательскую работу в студенческих научных кружках, в подготовку и защиту исследовательских работ на студенческих конференциях, конкурсах.

В рамках внеучебной деятельности студентов важно также уделять внимание вопросам поддержки добровольческих инициатив. Так, в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского систематически проводятся мероприятия, направленные на развитие волонтерского движения на объектах культурного наследия с целью интеграции и координации усилий профессорско-преподавательского состава, студентов университета и общественности для совместной научно-исследовательской, образовательной и просветительской деятельности, а также обмена практиками по укреплению российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации.

В работе круглых столов, конкурсов проектов, различных акций, мастер-классов принимают участие научно-педагогические работники университета, педагоги общеобразовательных учреждений Республики Крым, представители юнармейского движения, различных общественных волонтерских организаций и другие. Участники волонтерских акций рассказывают о своих начинаниях, обсуждают проблемы и перспективы масштабирования деятельности в Республике Крым. Актуальными для обсуждения являются такие вопросы, как формы и методы организации социально-значимой деятельности обучающихся; волонтерская деятельность как одна из важнейших составляющих основ духовно-нравственного воспитания обучающихся; добровольческие инициативы по сохранению культурного наследия – современная проектная образовательная технология; мониторинг и благоустройство военно-мемориальных объектов как практика формирования патриотизма.

Итоги добровольческой деятельности подводятся на в рамках ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма», на площадке Крымпатриотфорума, что позволяет найти единомышленников и масштабировать проект на другие города и районы Крыма.

Таким образом, подготовка компетентного специалиста складывается из множества составляющих, приоритетными из которых является заказ самой сферы на основе анализа развития инновационных процессов и перспективных тенденций развития, а также учет трендов развития самой системы профессионального образования. Для формирования эффективной системы подготовки кадров для сферы сохранения культурного наследия необходима разработка отраслевой рамки квалификаций, содержательная работа по профессиональному самоопределению молодежи в рамках отрасли, совместная разработка с работодателями актуальных образовательных программ среднего профессионального и высшего образования, дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки), а также профессионального обучения.

Литература

1. Сохранение культурного наследия – приоритетный национальный проект [Электронный ресурс]. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/sokhranenie-kulturnogo-naslediya-prioritetnyu-natsionalnyu-proekt/>.
2. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / Отв. ред Е. В. Караваева. М., 2018. 240 с.
3. Шестернева Н. Н., Приходько А. Н. К вопросу о развитии системы профессионального градостроительного образования // Экономические науки. 2014. № 8. С. 1444–1449.

УДК 719. 378.24

Кригер Лариса Валерьевна, доцент
Федоров Михаил Сергеевич, ассистент
(Воронежский государственный
технический университет)
E-mail: kriglv@mail.ru,
silentiume@gmail.com

Kriger Larisa Valerievna, Associate Professor
Fedorov Mikhail Sergeevich, Teaching Assistant
(Voronezh State
Technical University)
E-mail: kriglv@mail.ru,
silentiume@gmail.com

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ РРАН

PLANNING OF ZONES OF PROTECTION OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE IN THE PROGRAM OF EDUCATING OF BACHELORS ON SPECIALITY OF RESTORATION AND RECONSTRUCTION OF ARCHITECTURAL HERITAGE

В статье рассматриваются вопросы обучения студентов бакалавриата разработке проектов границ территорий, зон охраны объектов культурного наследия; подготовке документации для создания достопримечательных мест. Определяется последовательность овладения теоретическими знаниями и практическими навыками историко-культурных исследований и проектирования от единичного объекта – памятника до участка городской среды, включающего в себя памятники и ансамбли. Особое место уделяется вопросу обучения разработке историко-культурных опорных планов, подготовке проектов предмета охраны ансамблей и достопримечательных мест, разработке режимов

использования территорий этих объектов культурного наследия и определению параметров допустимого строительства и реконструкции в границах зон охраны.

Ключевые слова: защитная зона объекта культурного наследия, проект границ территории объекта культурного наследия, проект зон охраны объекта культурного наследия, проект предмета охраны ансамбля, проект предмета охраны достопримечательного места, историко-культурный опорный план.

In article questions of training of students – bachelors to development of projects of borders of territories, zones of protection of objects of cultural heritage are considered; to preparation of documentation for creation of noteworthy places. The sequence of mastering theoretical knowledge and practical skills of historical and cultural researches and design from a single object – a monument to the site of the urban environment including monuments and ensembles is defined. The special place is given to an issue of training in development of historical and cultural basic plans, preparation of projects of a subject of protection of ensembles and noteworthy places, development of the modes of use of territories of these objects of cultural heritage and determination of parameters of admissible construction and reconstruction in borders of zones of protection.

Keywords: protective zone of an object of cultural heritage, project of borders of the territory of an object of cultural heritage, project of zones of protection of an object of cultural heritage, project of a subject of protection of ensemble, project of a subject of protection of the noteworthy place, historical and cultural basic plan.

Вступившие в действие в 2016 году защитные зоны объектов культурного наследия [1] привели к полной или частичной парализации строительства в городских и сельских населенных пунктах, имеющих на своих территориях значительное число памятников. Поскольку защитная зона уменьшается после утверждения границ территории памятника или ансамбля, а снимается только после утверждения зон охраны этих объектов, проблема разработки проектов границ территорий и проектов зон охраны объектов культурного наследия стоит сейчас очень остро. Специалистов, способных грамотно выполнить такие проекты, мало, поскольку это специфический вид градостроительного проектирования, основанный на историко-культурных исследованиях, требующих знаний в сфере охраны объектов культурного наследия.

В программах обучения бакалавров по специальности РРАН до недавнего времени информация о проектах границ территории, проектах зон охраны, проектах создания достопримечательных мест, особенностях проектов предмета охраны ансамбля и достопримечательного места преподавалась в рамках лекционных курсов по дисциплинам «Реставрация и реконструкция объектов историко-культурного и градостроительного наследия», «Российское и международное законодательство в сфере охраны наследия» и других. Однако, теоретические знания, не подкрепленные опытом проектирования, оказываются нестойкими и уже к выпускной квалификационной работе из группы в 20 студентов лишь два-три выпускника способны осознано подготовить историко-культурный опорный план и зоны охраны для своего объекта реставрации. Предмет же охраны ансамбля, например, усадьбы, сводится к предмету охраны отдельных объектов, недопустимость чего прямо указана в законодательстве [1].

Все вышесказанное привело к осознанию необходимости введения в программу обучения бакалавров по специальности 07.03.02. (РРАН) практической дисциплины «Проектирование зон охраны», рассчитанной на два семестра 3 курса.

Авторы настоящей статьи, имея многолетний опыт подготовки проектов зон охраны, границ территорий, достопримечательных мест, при разработке рабочей програм-

мы, постарались максимально приблизить тематику каждого занятия к реальному проектированию, включить в учебный процесс подготовку различных видов документации, с которой в условиях современного законодательства имеют дело специалисты в сфере охраны культурного наследия.

Обучение предполагает поэтапное «погружение» студентов в тему градостроительной охраны наследия: от достаточно простого комплексного исследования единичного памятника и последующей разработки проекта границ его территории, до комплексного исследования градостроительной среды с разработкой проекта объединенной зоны охраны группы объектов культурного наследия и разработкой проекта достопримечательного места.

Так, предложена следующая последовательность тем проектирования, основанная на законодательных требованиях:

- разработка проекта границ территории объекта культурного наследия – памятника [1, 3];
- разработка историко-культурного опорного плана участка городской среды [4];
- разработка проекта границ территории и предмета охраны ансамбля [1, 2, 3];
- разработка проекта зон охраны объекта культурного наследия – памятника [1, 4];
- разработка проекта изменения защитной зоны объекта культурного наследия [1, 5];
- разработка проекта объединенной зоны охраны [1, 4];
- разработка пакета документации для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации объекта культурного наследия – достопримечательного места [1, 6].

Для оптимизации проектирования преподавателю потребуется предварительно подготовить несколько вариантов территорий исследования и проектирования, которые должны отвечать следующим требованиям:

- во-первых, территория должна иметь историю градостроительного освоения не позднее XVIII века и на эту территорию должен быть исторический картографический материал: дорегулярные и регулярные планы, желательно с показом участков в структуре кварталов;
- во-вторых, на территории должны быть объекты культурного наследия – памятники, ансамбли, возможно, – выявленные объекты культурного наследия;
- в-третьих, территория, желательно, должна обладать признаками достопримечательного места;
- в-четвертых, на территории, кроме объектов культурного наследия, должны быть здания и сооружения различных периодов постройки, в том числе современные. Желательно также, что бы территория имела выраженные ландшафтные особенности: рельеф, гидрографию, озеленение;
- в-пятых, территория должна находиться в легкой доступности для ее натурного обследования, т. е., например, в городе Воронеже или ближайшем пригороде.

Принятие единой территории для исследования и проектирования позволит использовать уже «наработанные» в предыдущем блоке материалы: архивные, библиографические, градостроительные, кадастровые, реестровые, нормативно-правовые данные и сведения, исторические справки, историко-градостроительные, ландшафтные и визуальные исследования для последующих проектов. Так, разработанные границы территорий памятников войдут в схему историко-культурного плана, а далее для этих же

памятников можно будет разрабатывать зоны охраны. Историко-культурный опорный план, его текстовая и графическая части, станут основой для проектирования зон охраны и подготовки документации для достопримечательного места.

Отметим, что подготовке историко-культурного опорного плана следует уделить особое внимание. Практика показывает, что, в подавляющем большинстве случаев, историко-культурный опорный план рассматривается студентами как некая схема в виде раскрашенной топосъемки, на которую нанесены автодороги и здания. В рамках программы обучения необходимо достигнуть понимания студентами того, что историко-культурный опорный план – это документ, состоящий из текстовой части: комплексных историко-градостроительных, ландшафтных исследований и графической части, которая может быть представлена одной или несколькими схемами, на которые, на современную ситуацию, нанесены все историко-культурные и ландшафтные ценностные характеристики территории.

Историко-культурные исследования, проводимые для подготовки рассматриваемых градостроительных проектов, несколько отличаются от исследований, необходимых для проектов реставрации. Помимо историко-архивных и библиографических исследований в историко-культурные исследования для зон охраны включается анализ ландшафта, взаимосвязей объектов культурного наследия с рельефом, реками, прудами, озеленением природным и искусственным. Обязательной составляющей историко-культурных исследований является анализ правовых актов по объектам культурного наследия и выявленным объектам, расположенным в границах исследования (приказы об утверждении границ и режимов территорий, зон охраны, предмета охраны), анализ утвержденной градостроительной документации (схемы территориального планирования региона и муниципального района, генеральный план и правила землепользования и застройки поселения, проекты планировки и межевания и т. д.); анализ данных кадастра недвижимости. Одна из главных задач преподавания в данном случае – научить студентов находить и анализировать информацию применительно к участку городской среды и территории конкретного памятника или ансамбля.

Также от проектов реставрации отличаются и натурные исследования для проектирования территорий и зон охраны объектов культурного наследия. Для последних ставится задача определить визуальные взаимосвязи, установить сохранившиеся подлинные элементы, фиксирующие границы территорий, кварталов, площадей; определить фоновые средовые объекты, исторически ценные объекты и объекты, диссонирующие с памятниками, которыми могут быть не только здания и сооружения, но и озеленение, транспортная и инженерная инфраструктура, рекламные конструкции и многое другое.

Законодательство требует установления любых границ и, соответственно, режимов, требований к градостроительным регламентам, требований к объектам недвижимости, расположенным в границах территорий и зон охраны объектов культурного наследия, на основании историко-культурных исследований с учетом современной ситуации. Здесь перед проектировщиком стоит сложная дилемма: обречь домовладение или часть города вокруг памятника на полную консервацию, либо установить возможность реконструкции и нового строительства на основе утвержденных регламентов. Именно поэтому к территориям и зонам охраны объектов культурного наследия нужен только индивидуальный подход. Допустимые габариты новых или реконструируемых объектов капитального строительства должны быть просчитаны и выверены. Особенно это стало актуально

с августа 2018 года, когда в законодательство ввели возможность денежной компенсации собственникам за ограничения, установленные в зонах охраны [7]. Понимание последствий утверждения проектов границ территорий и зон охраны как для объектов культурного наследия, так и людей, использующих эти объекты и живущих рядом, должно также быть осознано студентами.

Вероятно, кому-то, не знакомому со спецификой охраны объектов культурного наследия, покажется странным включение в программу проекта предмета охраны ансамбля. Однако именно этот вид работ по охране наследия наиболее сложен, особенно для ансамблей с внедренной в их ткань новой застройкой. Таково состояние большинства усадеб и функциональных комплексов (больниц, учебных заведений, заводов и т. д.).

Для определения границ территории ансамбля необходимо исследование исторической территории и ее состояния, включая ландшафтные особенности, определение местоположения утраченных элементов ансамбля, выявление и фиксацию визуальных связей между сохранившимися элементами ансамбля, выявление композиционной структуры всего комплекса. Что, собственно, и фиксируется в предмете охраны ансамбля. Только после установления предмета охраны возможно определить границы и объективно прописать режим использования территории и требования к объектам капитального строительства, «попавшими» в границы территории. В т. ч. это могут быть требования к воссозданию утраченных исторических объектов, требования по санации озеленения, вплоть до полной ликвидации поздних насаждений, перекрывающих исторические взаимосвязи. Это могут быть требования к ограничению или запрету транзитного движения автотранспорта, парковкам, инженерной инфраструктуре, расположенной на территории ансамбля. Опыт проектирования предмета охраны ансамбля далее используется студентами при подготовке проекта предмета охраны достопримечательного места.

Очевидно, что если для проектирования границ территории памятника полноценный историко-культурный опорный план еще не обязателен, то для обоснования предмета охраны ансамбля и достопримечательного места такой документ необходим. И именно историко-культурный опорный план становится основой для схемы графического отображения предмета охраны достопримечательного места и территориально крупного ансамбля.

Также некоторым отклонением от главной темы курса может показаться проект изменения защитной зоны объекта культурного наследия. Однако такой проект предусмотрен законодательной системой современной охраны памятников, определен его состав [5] и будущие бакалавры – реставраторы должны знать методику подготовки документации, основанной, как и все другие проекты, на историко-культурных и, главное, на визуальных, исследованиях.

Каждый блок исследований и проектирования завершает составление сметы на научно-исследовательские и проектные работы. Во-первых, навыки составления смет оказываются востребованы выпускниками. А во-вторых, как показывает многолетняя практика преподавания, составление сметы позволяет упорядочить и систематизировать все действия, выполненные в ходе исследования и проектирования, а также показать потенциальную стоимость тех или иных проектов, что неизменно вызывает радостное оживление среди студентов.

В рамки преподавания данной дисциплины не вошел самый сложный и объемный проект – документация для исторического поселения [1, 8]. Однако освоив «техноло-

гию» подготовки проектов зон охраны объектов культурного наследия и проектов для достопримечательных мест, выпускник сможет самостоятельно разобраться в тонкостях проектирования границ и предмета охраны исторического поселения. Тем более, что информацию о документации для исторических поселений студенты получают в рамках лекционных курсов по иным дисциплинам.

Таким образом, отмечается:

- во-первых, острая необходимость подготовки специалистов, способных осуществлять разработку проектов границ территорий, проектов зон охраны и иной документации, направленной на градостроительную охрану объектов культурного наследия;
- во-вторых, введение в программу обучения бакалавров РРАН специальной дисциплины позволит на практике закрепить теоретические знания по подготовке проектов зон охраны, разработке документации по созданию достопримечательных мест;
- в-третьих, насыщенность программы диктуется законодательными требованиями к обеспечению объектов культурного наследия различными охраняемыми документами, а также установленные сжатые сроки по внесению утвержденных территорий и зон в кадастры и градостроительную документацию;
- в-четвертых, к преподаванию этой дисциплины, желательно, привлекать специалистов-практиков, имеющих опыт разработки, прохождения государственной историко-культурной экспертизы и утверждения этого вида документации, поскольку законодательство динамично меняется, что должно отражаться и в специфике преподавания.

В целом, считаем, что полноценную документацию по градостроительной охране объектов культурного наследия могут разрабатывать, в первую очередь, специалисты, получившие профильную подготовку в сфере охраны и сохранения объектов культурного наследия, на что и направлена рассмотренная программа.

Литература

1. Федеральный закон от 25.05.2002 № 73-ФЗ «Об объектах историко-культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в послед. ред.).
2. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13.01.2016 № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
3. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 04.06.2015 № 1745 «Об утверждении требований к составлению проектов границ территорий объектов культурного наследия».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.09.2015 № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившим силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.12.2016 N 1357 «Об утверждении Положения о принятии региональным органом охраны объектов культурного наследия решения, предусматривающего установление границ защитной зоны объекта культурного наследия на расстоянии, отличном от расстояний, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 34.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы с учетом историко-градостроительного и ландшафтного окружения такого объекта культурного наследия и о внесении изменений в Положение о государственной историко-культурной экспертизе».

6. Методические рекомендации по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места. М, 2017. 87 с.

7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в послед. ред.).

8. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 12.07.2016 № 1604 «Об утверждении порядка включения населенного пункта в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения его предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в указанных границах».

УДК 378.016:72+719

Романова Лариса Степановна,

канд. архит., доцент

(Томский государственный архитектурно-строительный университет)

E-mail: Lara235@yandex.ru

Romanova Larisa Stepanovna,

PhD of Architecture, Associate Professor

(Tomsk State University

of Architecture and building)

E-mail: Lara235@yandex.ru

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ARCHITECTURAL EDUCATION IN RUSSIA IN AREA PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE. PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье освещаются актуальные проблемы и перспективы реставрационного образования. Это направление архитектурной деятельности влияет на сохранение подлинности культурного наследия России и архитектурно-художественного своеобразия российских городов и поселений, определяющих нашу национальную идентичность. Поэтому предлагается систему образования в реставрационной отрасли считать составляющей системы национальной безопасности.

Особое внимание в публикации уделяется вопросу взаимосвязи реформирования образовательных стандартов и качества реставрационного образования. В заключение даются предложения, направленные на повышение качества образования бакалавров и магистров по направлению «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия».

Ключевые слова: реставрационное образование, подлинность, национальная идентичность, национальная безопасность, образовательные стандарты, профессионализм.

The article highlights current issues and prospects for restoration education. This direction of architectural activity influences the preservation of the authenticity of the cultural heritage of Russia and the architectural and artistic originality of Russian cities and settlements, which determine our national identity. Therefore, it is proposed that the education system in the restoration industry be considered a component of the national security system.

Special attention is paid to the issue of the relationship between the reform of educational standards and the quality of restoration education. In conclusion, the proposals are aimed at improving the quality of education of bachelors and masters in the direction of “Reconstruction and restoration of architectural heritage”.

Keywords: restoration education, authenticity, national identity, national security, educational standards, professionalism.

Актуальность данной темы обусловлена нынешним состоянием архитектурного образования, одним из направлений которого является реставрационное образование. Изменение социально-политического строя в стране, негативно отразившееся на отношении к историко-культурному наследию и реставрационной отрасли, непрерывные

реформы в сфере образования, которые стали нашей повседневностью в течение более десятка лет, обусловили характер реставрационного образования в России и его проблемы.

Достижение успехов в сохранении культурного наследия неразрывно связано с образованием в этой сфере. Различные этапы развития общества нашли свое отражение в архитектуре, запечатлевшей ценности эпохи, ее экономические, эстетические, технические и другие характеристики. Сохранение максимальной подлинности архитектурных произведений различных эпох, дошедших до наших дней, во многом зависит от профессионализма архитекторов-реставраторов, определяющих стратегию и тактику проведения ремонтно-реставрационных работ. Поэтому качественное архитектурное образование в сфере сохранения культурного наследия является своеобразным фундаментом для сохранения подлинности архитектурного наследия и архитектурно-художественного своеобразия исторических городов и поселений России, а значит – **нашей национальной идентичности**.

Реставрационное направление в архитектурном образовании имеет специфические особенности. В Советском союзе архитекторов-реставраторов начали обучать в Московском архитектурном институте (МАРХИ) в 1970-е годы. Этот период был в стране наиболее благоприятным для сохранения историко-культурного наследия. Создавались новые специализированные научно-реставрационные производственные мастерские с проектными отделами, специализированные проектные институты. Многие постановления партии и правительства были направлены на сохранение наследия, в частности – деревянного зодчества, представляющего национальную архитектуру России. В объединении «Росреставрация» велись научные разработки по различным направлениям реставрационной деятельности, проводились курсы повышения квалификации для проектировщиков и производственников, разрабатывалась и выпускалась методическая литература. На всесоюзных конференциях специалисты в области реставрации (проектировщики и производственники) обсуждали актуальные проблемы и обменивались опытом.

Разрушение ценностей советского периода отразилось на отношении к сложившемуся архитектурно-художественному облику исторических центров российских городов и к объектам культурного наследия, что непосредственным образом проявилось в игнорировании:

- принятых международных документов и указаний по проектированию генеральных планов городов и проектов детальной планировки, разработанных отечественными специализированными институтами [1];
- методики реставрационного проектирования;
- технологии реставрационного производства.

Разрушение сложившейся структуры специализированных проектных институтов и производственных научно-реставрационных мастерских явилось определяющим фактором в значительном снижении качества проектных и ремонтно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры.

Внедрение системы конкурсов в реставрационную отрасль усугубило ситуацию с низким качеством научно-проектной документации и ремонтно-реставрационных работ [2]:

- сжатые сроки проектирования и производства работ способствуют уничтожению главной ценности – **подлинности**, искажению архитектурно-художественного облика и сокращению сроков существования памятников культуры;

- повышение квалификации кадров для реставрационного производства стало совсем не выгодным для подрядчика.

Система подготовки кадров для реставрационной отрасли в целом лишилась базиса по вышеупомянутым причинам. Будущим проектировщикам и производственникам негде перенимать бесценный опыт:

- архитекторов, инженеров, других специалистов в области реставрационного проектирования;

- лепщиков, позолотчиков, жестянщиков, маляров, плотников и др. мастеров.

С особой осторожностью следует относиться к различным нововведениям в реставрационной отрасли – методикам, строительным материалам, технологиям. Только **ВРЕМЯ** может быть беспристрастным судьей. А у нас его просто нет для подтверждения **безвредности** предлагаемых новшеств. Человек пока живет меньше, чем большинство зданий, которые мы реставрируем. Закон **«НЕ НАВРЕДИ!»** должен реально работать в реставрационной сфере деятельности.

Следует отметить, что наряду с негативными тенденциями в сфере сохранения историко-культурного наследия, в постсоветский период в высшем архитектурном образовании России появляется специализация по реставрации и реконструкции архитектурного наследия, открываются кафедры по этому направлению. Так в 1997 году на архитектурном факультете Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) на кафедре теории и истории архитектуры (ТиИА) состоялся первый набор архитекторов-реставраторов. А в 2004 году была создана новая кафедра реставрации и реконструкции архитектурного наследия, действующая и поныне. Такие специализированные кафедры в разные годы были созданы в Новосибирске, Казани, Санкт-Петербурге, Самаре, Ростове-на-Дону, Воронеже и др. городах. Реставрационное образование можно получить в вузах Москвы, Вологды, Астрахани, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода. Всего в России 12 вузов, ведущих подготовку по направлению «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» 07.03.02 (бакалавриат), 07.04.02 (магистратура). Количество выпускников, овладевших этой редкостной профессией, подобно капле воды в океане! И при этом **далеко не все желающие выпускники могут реализовать полученные знания!** Эта специальность занимает 217 место в рейтинге специальностей. Состояние дел в отрасли и проблемы с трудоустройством, очевидно, обусловили это.

Автор статьи неоднократно поднимал вопрос о проблемах реставрационного образования в докладах на научно-практических конференциях, семинарах, съездах и форумах международного, всероссийского и регионального уровней, в публикациях [3, 4].

Отсутствие специалистов-практиков среди преподавательского состава; деградация или закрытие специализированных институтов реставрации архитектурного наследия и научно-реставрационных производственных мастерских, где можно проходить проектную и производственную практику; низкое качество проектных и производственных работ с явным нарушением методики проектирования и технологии реставрации в значительной степени определяет качество реставрационного образования.

Особо следует коснуться ситуации, сложившейся с государственными образовательными стандартами. Безусловно, стремление к совершенствованию можно только приветствовать. Но смену трех стандартов за десятилетие вряд ли можно считать положительным явлением. Переделка рабочих учебных планов: изменение модулей, набора дисциплин, компетенций, нормативной нагрузки, графиков; разработка и корректировка

рабочих программ, их структуры, фонда оценочных средств, аннотаций – все это занимает слишком много времени, отвлекая преподавателей от самого главного – процесса обучения. Необходимость обучать студентов в соответствии с образовательным стандартом, действующим на момент их поступления, в значительной степени осложняет процесс обучения для преподавателей (они вынуждены читать дисциплину одновременно по нескольким стандартам) и для деканатов (усложняется система отчетности). С 1 сентября 2019 года мы должны осуществлять прием по федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования 3++, который должен соответствовать профессиональному стандарту в реставрационной отрасли [5, 6]. В настоящее время профессиональный стандарт еще не утвержден. И вновь значительная часть времени затрачивается не на обучение студента, что снижает качество получаемого образования.

Система образования в реставрационной отрасли должна быть выделена особо и стать составляющей системы национальной безопасности, так как именно здесь готовят специалистов, от которых зависит сохранность историко-культурного наследия нашего Отечества – его подлинность и долговечность, а значит – наша национальная идентичность.

На наш взгляд, повышению качества реставрационного образования будут способствовать следующие меры:

1. к преподавателям практических и теоретических специальных дисциплин следует предъявлять соответствующие требования:

- опыт практической деятельности и умение его передать;
- любовь и преданность своему делу;
- уважение к студентам;

2. с Министерством образования необходимо решить неотложные вопросы:

– о соотношении преподаватель: студент (действующее сейчас соотношение 1:12 недопустимо и губительно для архитектурного образования, особенно для направления «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия»);

– о передаче знаний непосредственно от учителя ученику «face to face» (система «on line», навязываемая сейчас в образовании, как основная, **недопустима в реставрационной отрасли**, и может использоваться только в качестве вспомогательной);

– об обязательном привлечении к преподаванию практиков в области реставрации, **независимо от наличия** ученой степени, звания и членства в творческих союзах (это должно учитываться в показателях аттестованности профессорско-преподавательского состава);

3. необходимо поднимать на **государственном уровне** престиж реставрационной отрасли и профессии «реставратор», в том числе в системе архитектурного образования, различными способами:

- признанием значимости профессии с помощью СМИ;
- введением в программу школьного образования дисциплины краеведение, дающей знание о родном крае, прививающей любовь к месту проживания и воспитывающей чувство патриотизма;
- восстановлением и созданием новых государственных структур – специализированных институтов, производственных мастерских (создание рабочих мест);

- поддержкой и совершенствованием системы образования, исключающей губительные для отрасли ошибки;
- значительным увеличением бюджетных мест, увеличением количества вузов и средних учебных заведений для получения реставрационного образования;
- созданием системы бесплатных стажировок в ведущих образовательных учреждениях, проектных и производственных организациях;
- повышением оплаты труда, достойной такой редкой и ответственной профессии, которая во многом определяет будущее России.

Литература

1. Методические рекомендации об использовании памятников истории и культуры как градостроительных факторов при разработке генеральных планов и проектов детальной планировки городов. М.: Стойиздат, 1988.
2. Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
3. Романова Л. С. Проблемы реставрационного образования // Международная научно-практическая конференция «Региональные архитектурно-художественные школы»: НГАХА, Новосибирск; 2013. С 253–268.
4. Романова Л. С. Воспитание личности – актуальная задача высшей школы // Международная научно-практическая конференция «Региональные архитектурно-художественные школы»: НГАХА, Новосибирск, 2014. С. 225–237.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 07.03.02 Реконструкция и реставрация архитектурного наследия. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2017 г. № 519.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 07.04.02 Реконструкция и реставрация архитектурного наследия. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2017 г. № 521.

Секция
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

УДК 726.5.04

Баулина Елена Николаевна, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: arhi-lena@mail.ru

Baulina Elena Nickolaevna, Associate Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: arhi-lena@mail.ru

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ ПО
СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПРАН**

COMPOSITION METHODS OF ARCHITECTURE OF A.M. GORNOSTAYEV
AS THE COMPOSED ARCHITECTURE OF ASSUMPTION CATHEDRAL
IN HELSINKI

Статья посвящена композиционному анализу основных объемных характеристик Успенского собора в Хельсинки и наиболее ярких композиционных особенностей организации его фасадов. Проводится сравнение собора с наиболее выразительными постройками этого же периода и более ранними постройками А. М. Горностаева. Выделяются устойчивые архитектурные композиции в объемных решениях храмовых построек Алексея Максимовича (главные и второстепенные завершения, композиционное членение фасадов, архитектурная пластика фасадов, отдельных архитектурных деталей и их групп, преемственность цветовых решений и использования отделочных материалов) с выявлением этих базовых композиций на Успенском соборе, который демонстрирует результат творческого метода архитектора.

Ключевые слова: «русский» стиль в архитектуре, устойчивые архитектурные композиции, базовые композиции, композиционная организация фасада, выделение главных и второстепенных осей, отделочные материалы.

The article is devoted to the compositional analysis of the main volume characteristics of the Assumption Cathedral in Helsinki and the most striking compositional peculiarities of the organization of its facades. The cathedral is compared with the most expressive buildings of the same period and earlier buildings of A. M. Gornostayev. Stable architectural compositions are distinguished in the voluminous solutions of the temple buildings of Alexey Maksimovich (main and secondary completion, composite membership of facades, architectural plastic of facades, individual architectural details and their groups, continuity of color solutions and use of finishing materials) with the identification of these basic compositions at the Assumption Cathedral, which demonstrates the result of the creative method of the architect.

Keywords: „Russian“ style in architecture, resistant architectural compositions, basic compositions, compositional organization of the facade, the identification of the main and secondary axes, finishing materials.

Имя архитектора А. М. Горностаева известно знатокам «русского» стиля в архитектуре, особенно же тем, кто занимался исследованиями стиля на территории современного Северо-Западного региона. Зрелое творчество архитектора в большинстве своем было посвящено проектированию храмов, во всяком случае имя мастера широкой публике известно именно по ним.

Стилевые эксперименты Алексея Максимовича в области храмового зодчества относятся к первой половине XIX века и связаны они с проектами для двух монастырей: Валаамского Спасо-Преображенского и Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне под Петербургом.

Работа над постройками Валаамского монастыря и пустыни велась на протяжении всей жизни Алексея Максимовича. С точки зрения выработки композиционных приемов архитектурных и объемно-пространственных решений в более поздних храмах Горностаева, именно эти постройки стали определяющими [1].

В этом смысле интересным примером может служить проект Успенского собора в Хельсинки (Гельсингфорсе) (1858–1868). Одно из последних творений А. М. Горностаева, достроенное уже после его смерти.

Особенно интересными для композиционного анализа Гельсингфорского Успенского собора представляются такие постройки на Валааме как: храм Всех Святых (1845–1850) Всесвятского скита; храм Николая Чудотворца на Крестовом острове (1849–1853); часовня Знамения Божией Матери в центральной усадьбе монастыря (1860–1861). Также церковь Иоанна Златоуста Никольского монастыря в Старой Ладоге (1858–1872); часовни-киоты Спаса Нерукотворного и Покрова Божией Матери (1844–1845) и братский корпус с церковью Саввы Стратилата (1859–1863) Троице-Сергиевой пустыни; часовня Христа Спасителя Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря на Перинной линии в Санкт-Петербурге (1860–1861).

Что касается объемно-планировочного решения Успенского собора, то тут Горностаев обращается к традиционным крестово-купольным схемам, но при этом собор венчает не куполом, а шатром с главкой.

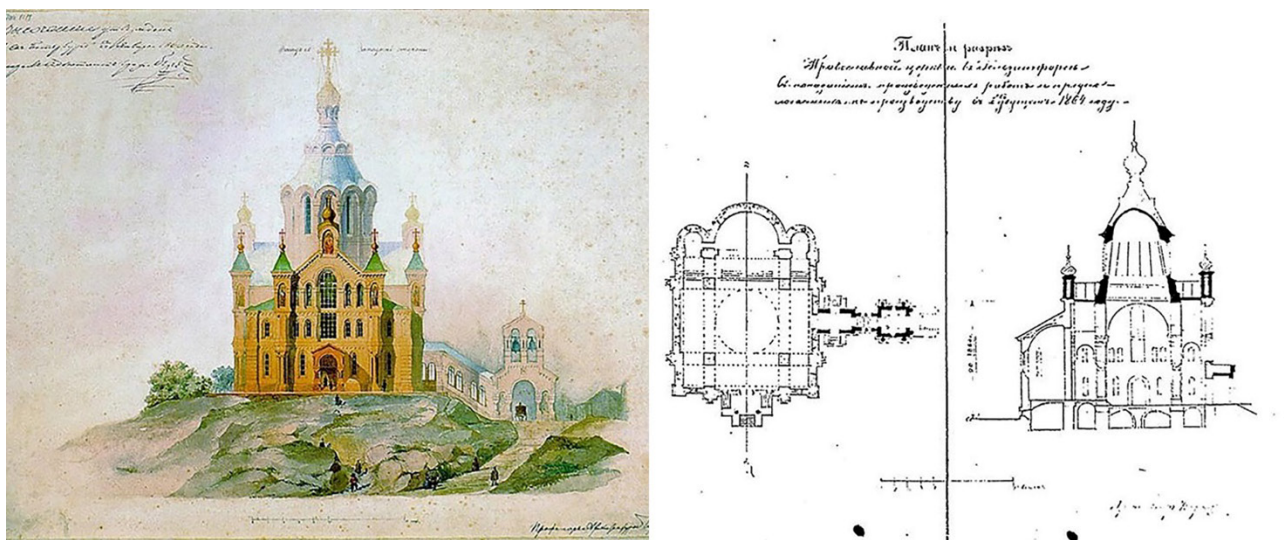

Рис. 1. Успенский собор в Гельсингфорсе, проект 1858 г., план и разрез 1864 г.

1. Главное (центральное) завершение храма. Если мы рассмотрим варианты перекрытий венчающих объемов храмов и часовен, перечисленных выше, то увидим, что перекрытие основного венчающего объема храма всегда осуществляются через арочную конструкцию, либо, как вариант, через закомары. Перекрытие второстепенных объемов

храма всегда осуществляется простыми завершениями (четырёхгранными шатриками) через венчающие карнизы. Так, простые формы венчаний характерны и для основной массы часовен Горностаева.

Успенский собор в этом отношении демонстрирует повторение приема завершения основного объема многогранным шатром на аркатуре, который по своему пропорциональному и декоративному решению относится к Всесвятскому и особенно Никольскому Валаамским храмам. Отличием является только то, что шатер становится еще более пластично насыщенным, двенадцатигранным, сообразно значимости постройки и ее месту в панораме города.

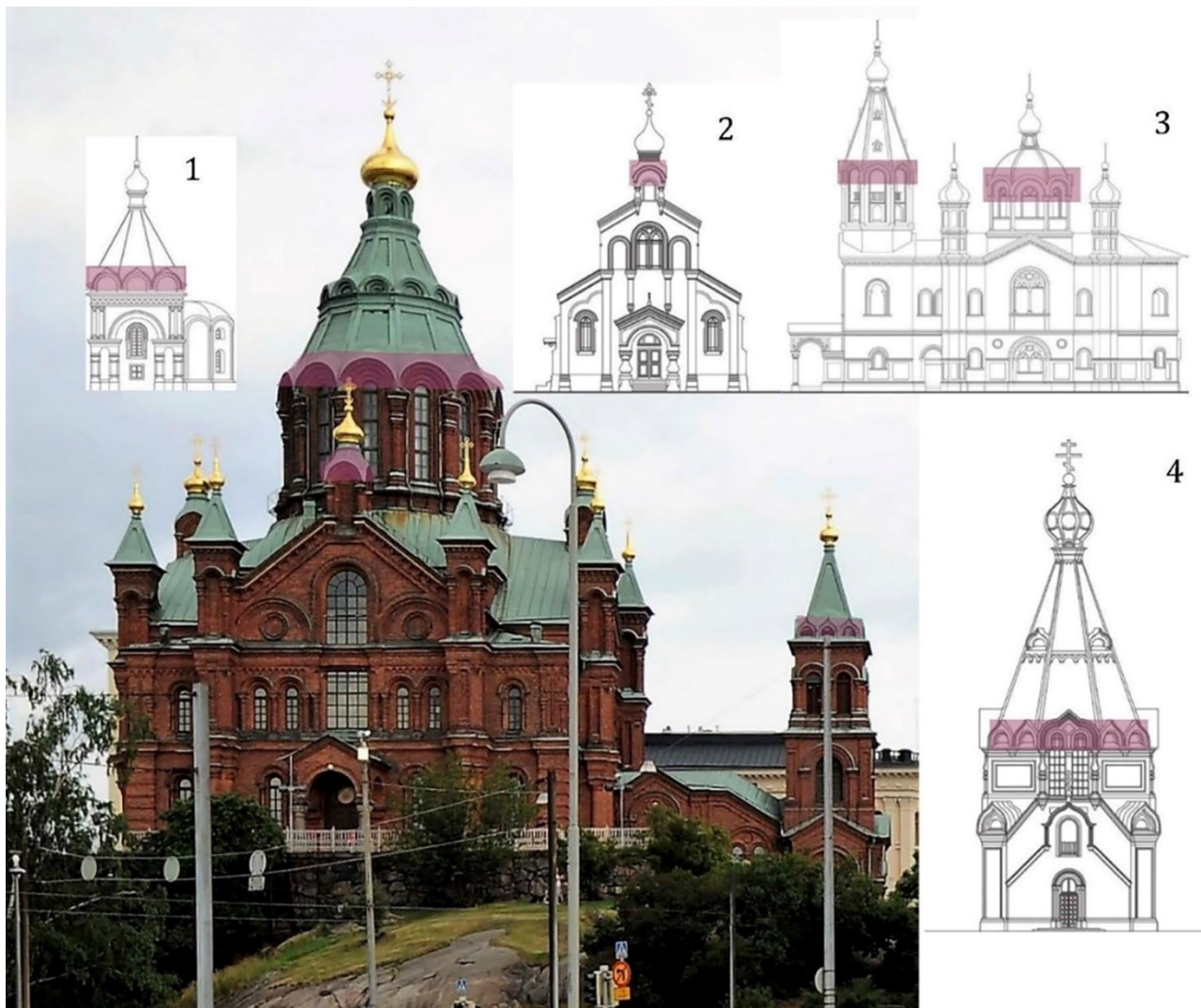

Рис. 2. Перекрытие основных венчающих объемов храма
(1 – часовня Гуслицкого подворья; 2 – церковь Иоанна Златоуста в Старой Ладоге;
3 – церковь Всех святых Валаамского монастыря; 4 – церковь Св. Николая Чудотворца
Валаамского монастыря)

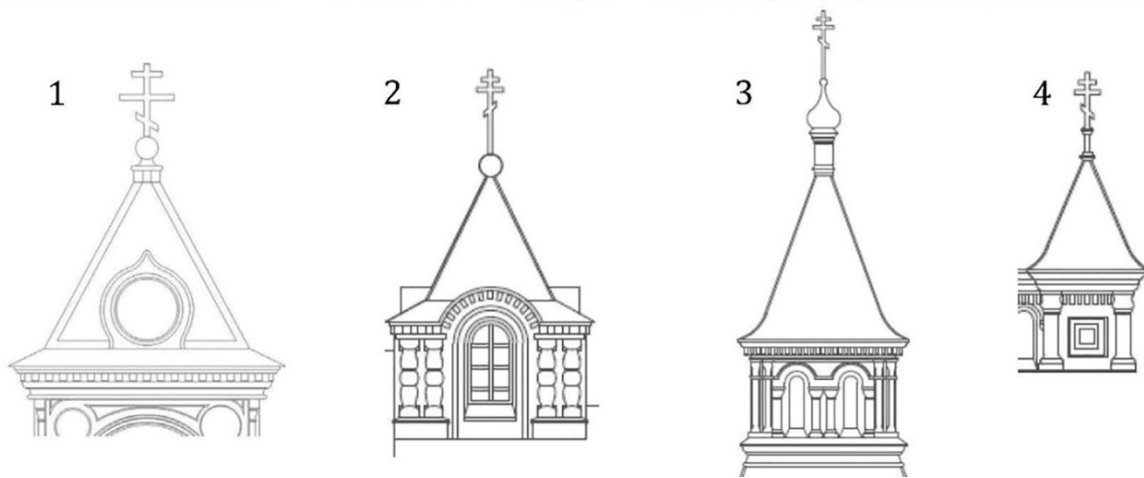
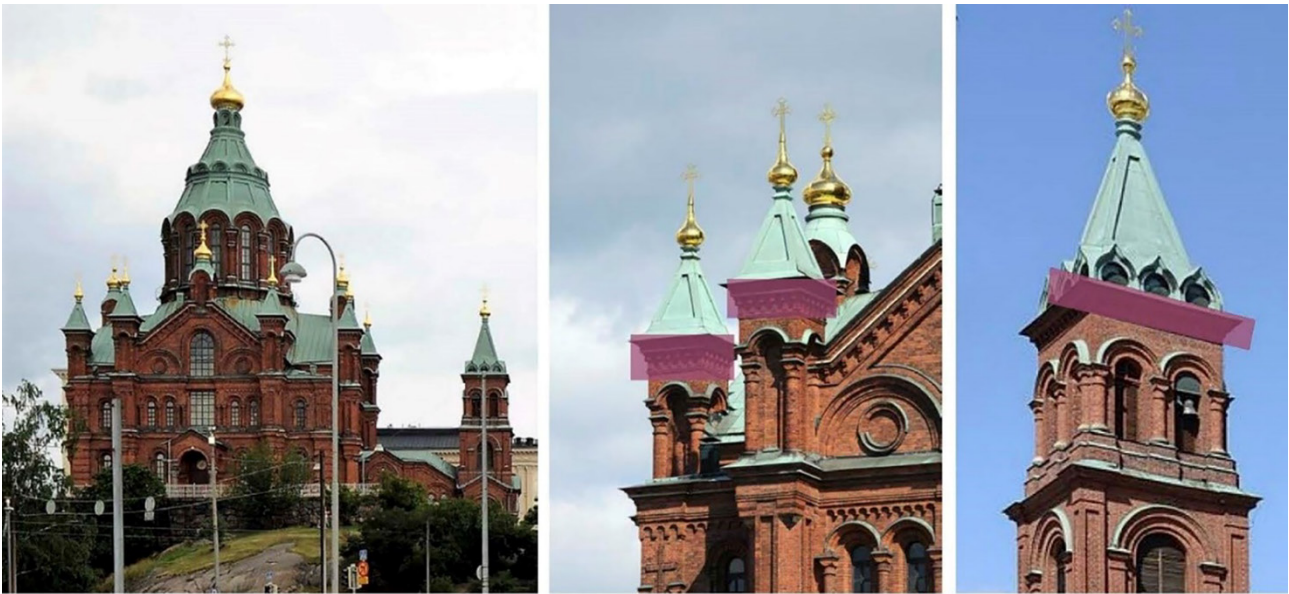

Рис. 3. Перекрытие второстепенных объемов храма
 (1 – Часовня Знамения Божией Матери Валаамского монастыря;
 2, 3, 4 – братский корпус с церковью Саввы Стратилата Свято-Троицкой Сергиевой
 пустыни в Стрельне)

2. Завершения второстепенных объемов. Второстепенные пинаклеобразные башенки по углам храма завершаются так же, как и все подобные (не главного) значения объемы на других постройках: четырехскатными шатрами. Но есть и смешанные варианты для завершения объемов не главных, но значимых: на колокольне собора. Здесь мы видим, что четырехскатный шатер декорирован в основании рядом кокошников, опирающихся на венчающий карниз, что безусловно выделяет его из восьми подобных шатриков собора. Подобный прием выделения не первого по значимости, но и не последнего объема для усиления визуального восприятия можем увидеть, например, на рис. 3 [3].

Если говорить о декорировании шатров Успенского собора, оно тяготеет к шатру Никольского храма на Валааме: центральный шатер в средней части имеет горизонтальное членение рядом кокошников, кроме того, и основной, и все остальные шатры

собора имеют архитектурно-пластическое декорирование с рельефным выделением ребер шатра и всего контура граней [1], что мы встречаем не только на Успенском соборе и Никольской церкви, но и в большинстве храмовых построек архитектора.

3. Выделение углов храма. Устройство многоярусных башенок-пинаклей по углам главного объема храма первоначально встречаем на Всесвятском храме. В Успенском соборе ими выделяются углы центральных ризалитов на фасадах собора, они акцентируют внимание на центральных осях фасадов сакрального объема. В обоих случаях пространство, которое фланкирует башенки, решается как щипцовая стена (рис. 4).

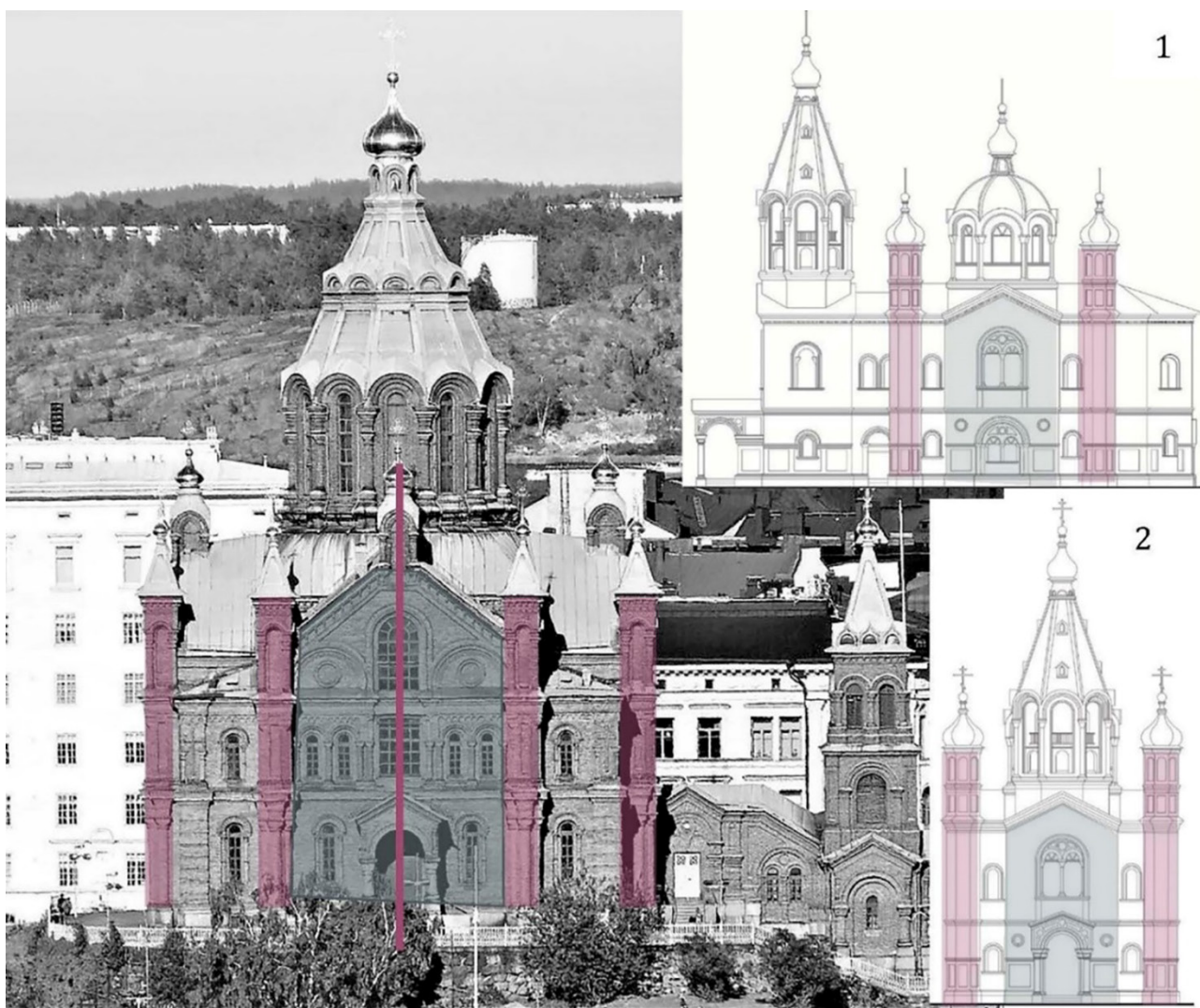

Рис. 4. Усиление центральной оси фасадов фланкированием многоярусными башенками-пинаклями

4. Завершение щипцовых фасадов. Киоты, традиционные элементы убранства интерьеров русских храмовых построек, у Горностаева получают новое звучание и расположение. Они, похожие на малые часовни, выносятся в экстерьер и становятся центральноосевыми пинаклями-надстройками, щипцовых фасадов Успенского собора, дополняя до двенадцати восемь второстепенных башенок-пинаклей (рис. 5). В Успенский собор

киоты-пинакли попадают из церкви Иоанна Златоуста в Старой Ладоге. И хотя неизвестно для какого именно из этих храмов они были придуманы (храмы запроектированы в один 1858 год), определенно, использование этих архитектурных элементов – это авторский композиционный прием.

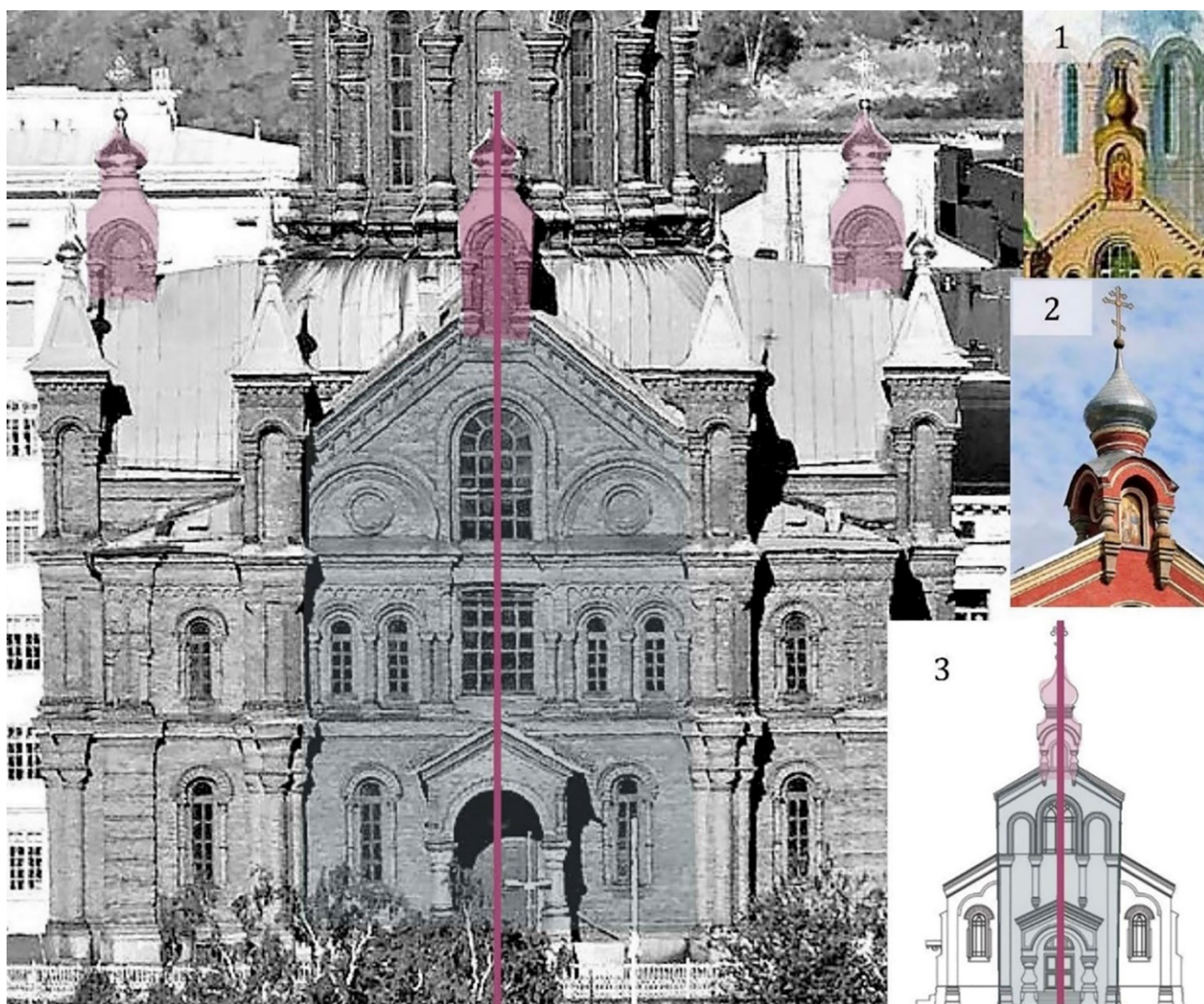

Рис. 5. Акцентирование верхушки щипца на центральной оси фасада

5. Выделение центральной оси фасада. Еще один из композиционных приемов архитектуры фасадов Успенского собора и прочих храмов Горностаева: центральная ось фасада выделяется большим витражным окном, часто сложной расстекловки или сложного очертания просвета окна; двускатным входным порталом на полуциркульной арке с опиранием ее на гранитные колонны и с односходным крыльцом. Полный перечень вышеперечисленных архитектурных элементов на центральной оси главного фасада (а в Успенском соборе все фасады, кроме восточного, равнозначны) мы можем видеть на западном фасаде церкви Иоанна Златоуста в Старой Ладоге, неполный – на западном фасаде Всесвятской церкви Валаамского монастыря (рис. 6).

Рис. 6. Выделение центральной оси фасада большими витражными окнами и порталом с односклонным крыльцом

6. Декоративная отделка и пластика стен. В основном все храмовые постройки Горностаева были выполнены из кирпича и к оштукатуриванию и побелке не предполагались. Как ни трудно представить, но Никольский и Всесвятский храмы Валаама первоначально были краснокирпичными (рис. 7, 8). Успенский собор в этом отношении – типичный представитель построек мастера: он выполнен из красного кирпича и имеет богатейшую пластическую декоративную отделку из фигурного кирпича и различных видов кладки.

Рис. 7. Скит Всех святых. П. Борель. Рисунок времен игумена Дамаскина [2]

Рис. 8. Скит Св. Николая Чудотворца после завершения строительства в красном кирпиче. Студент Академии Художеств Воронков, 1861 год [3]

Излюбленными мотивами наружной декоративной пластической отделки стен храмов у Алексея Максимовича становятся изображения креста и круга. И если круга нет на стене, то он точно есть либо в портале, либо в расстекловке окна. И тот и другой пластический элемент в изобилии присутствуют на фасадах Успенского собора (рис. 9).

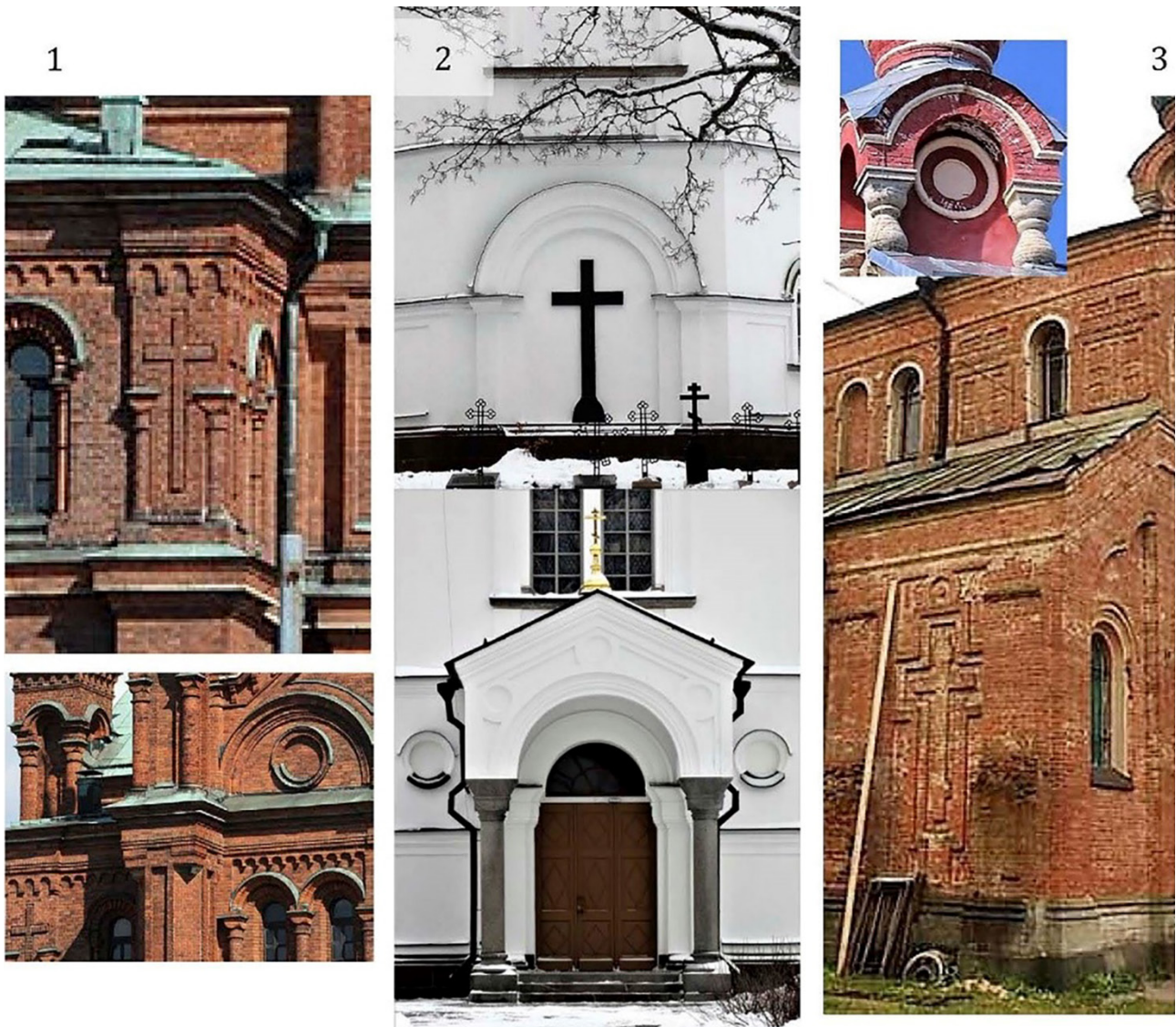

Рис. 9. Декоративная отделка и пластика стен.
1 – Успенский собор в Хельсинки; 2 – церковь Всех Святых на Валааме;
3 – церковь Иоанна Златоуста в Старой Ладоге

Рис. 10. Порталы храмов.

1 – церковь Всех Святых на Валааме; 2 – церковь Иоанна Златоуста в Старой Ладоге;
3 – Успенский собор в Хельсинки; 4 – церковь Сергий Радонежского
в Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне

7. Порталы. Опоры порталов входных групп храмов всегда выполнены только из натурального камня – гранита. Как видно из рис. 10, в большинстве случаев порталы перекрыты на два ската. Барочный гранитный портал церкви Сергия Радонежского скорее дань изначальному барочному фасаду здания, которое перестраивал Алексей Максимович. Интересно, но факт, что все крыльца храмов первоначально были односкатными, боковые марши некоторые из них получили позже при перестройках.

8. Главки. Шатры и большие купола всегда венчаются малыми луковичными золочеными главками. Очертания главок весьма схожи между собой на всех храмах.

Можно проводить и более детальный анализ объемного и архитектурного решения Успенского собора. Но даже из вышеприведенного видно, что Алексей Максимович Горностаев пользовался выработанными им самим устойчивыми архитектурными композициями на первых своих постройках в «русском» стиле, а также заимствовал наработки, сделанные им для более поздних проектов. Архитектором были выработаны базовые композиции главных и второстепенных завершений храмов и часовен, композиционного членения фасадов, архитектурной пластики фасадов, отдельных архитектурных деталей и их групп. Также наблюдается преемственность цветовых решений фасадов и использования отделочных материалов. Выявлением этих базовых композиций на Успенском соборе демонстрирует нам результат творческого метода архитектора.

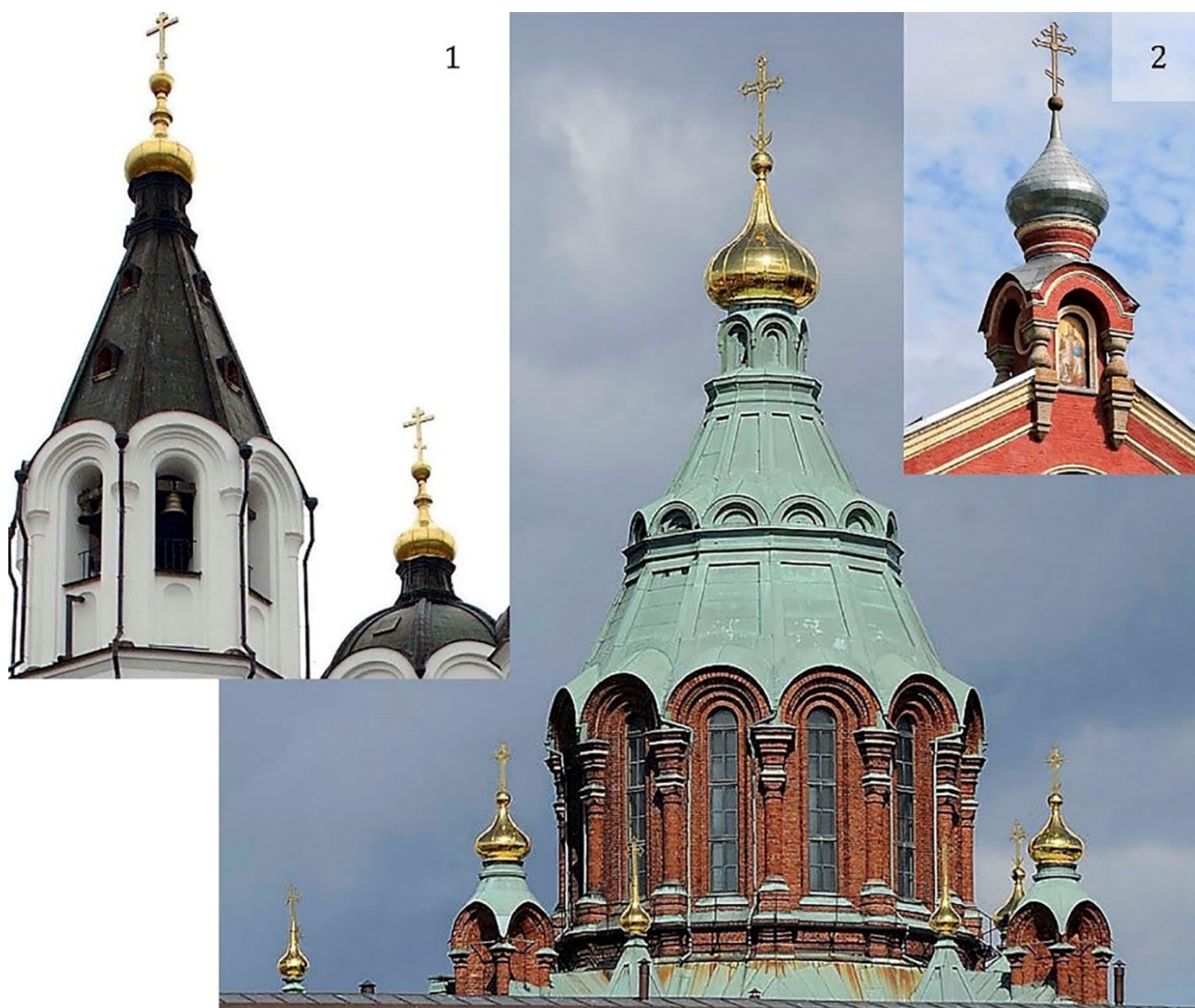

Рис. 11. Венчающие главки храмов.

1 – церковь Всех Святых на Валааме; 2 – церковь Иоанна Златоуста в Старой Ладогe

Литература

1. Баулина Е. Н. Сравнительный анализ архитектуры шатровых храмов в русском стиле XIX века // Проблемы градостроительной реконструкции. Сборник статей. Самара: ФГБОУ ВО СамГТУ, 2019. С. 177–179.

2. Борель П. Ф. Вид Всехсвятского скита при Валаамском монастыре. Литография. Илл. 12. Печатня В. Дарленга, 1850 г. СПМЗ.

3. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб, 1889. С. 215.

УДК 72.036

Бухарова Екатерина Александровна,
канд. искусствоведения
(Уральский государственный архитектурно-
художественный университет)
E-mail: snegogorod@yandex.ru

Bukharova Ekaterina Alexandrovna,
PhD in Art History,
(Ural State University
of Architecture and Art)
E-mail: snegogorod@yandex.ru

**ПРОЕКТ ИВАНА ЛЕОНИДОВА «ДОМ ОТДЫХА НАРКОМЦВЕТМЕТА»:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ
И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОДЕРНИСТСКОГО ЗАМЫСЛА**

**THE HOUSE OF LEISURE OF NARKOMCVETMET BY IVAN LEONIDOV:
RECONSTRUCTION OF THE HISTORICAL BUILDINGS
AND THE REPRESENTATION OF THE MODERNIST PROJECT**

В статье рассматривается малоизвестный проект московского архитектора-авангардиста Ивана Леонидова «Дом отдыха Наркомцветмета в селе Успенском» (1940 г.). Это проект реконструкции усадебного дома XIX века, а также окружающей его территории, и приспособления пространства под новые функции дома отдыха. Оригинальное решение интерьеров здания в сочетании со своеобразной стилистикой архитектуры малых форм в парке усадьбы создавали целостный ландшафт «внутренней» и «внешней» архитектуры. Это позволяло развивать идеи, заложенные в конструктивистской архитектуре Леонидова 1920-х годов, с учетом новых тенденций к большей сложности, нарядности, пластичности архитектуры.

Ключевые слова: советская архитектура, архитектор Иван Леонидов, постконструктивизм, усадьба в селе Успенском, архитектура 1940-х годов, авангард.

The article deals with a project of the house of leisure of Narkomcvetmet by Ivan Leonidov (1940). This is a project of reconstruction of the house of XIX century, as well as the surrounding area, and the adaptation of space for the new functions of the house of leisure. The original solution of the building's interiors in combination with a peculiar style of architecture of small forms in the Park of the estate created a holistic landscape of "internal" and "external" architecture. This allowed us to develop the ideas contained in Leonidov's constructivist architecture of the 1920s years, taking into account the new trends towards greater complexity, elegance, plasticity of the architecture.

Keywords: Soviet architecture, architect Ivan Leonidov, post-constructivism, Uspenskoye estate, architecture of the 1940s, avant-garde.

Архитектор Иван Ильич Леонидов (1902–1959) в 1920-е гг. был одним из лидеров советского архитектурного авангарда. Такие проекты как Институт библиотековедения им. В. И. Ленина в Москве (1927), проект Дворца культуры на месте бывшего Симонова монастыря в Москве (1930), проект Социалистического расселения при Магнитогорском химико-металлургическом комбинате (1930) сегодня стали своеобразной «классикой» архитектурного авангарда. Начиная с 1928 года, Леонидов разрабатывал концепцию современного советского города, впоследствии получившую название «Город Солнца». И даже после травли начала 1930-х годов, он продолжал свою индивидуальную траекторию развития в искусстве, независимый путь архитектора-философа-художника [1]. В 1930-е годы расплываются жесткие стилистические границы архитектуры, что позволяет отнести формально усложненные эксперименты Леонидова этого времени к «социалистическому реализму» [2] (К. Кук) или постконструктивизму (С. О. Хан-Магомедов).

Леонидов широко использовал возможности ландшафтной архитектуры, делал проекты реконструкции и оформления различных объектов, а с 1940 года перешел на работу в Мастерскую монументальной живописи Академии архитектуры СССР, демонстрируя потрясающую социальную и творческую активность в ситуации тоталитарного режима, казалось бы совсем не способствующей раскрытию таланта архитектора-новатора. Исследователи отмечают особый характер дарования Леонидова – его стилеобразующий талант [3]. Поэтому в данной статье интересно проследить на примере проекта реконструкции усадьбы XIX века в селе Успенском то, как усложняется архитектурный язык мастера к 1940-м годам.

Местечко Вяземец (ставшее позже селом «Успенское») при впадении реки Большой Вяземки в Москву-реку упоминалось, начиная с 1328 года. По заказу гр. П. М. Апраксина в 1726 г. здесь была построена Крестовоздвиженская церковь. «Новый усадебный дом на месте старого в усадьбе Успенское построен после приобретения её крупным промышленником Сергеем Тимофеевичем Морозовым. Точная дата строительства неизвестна. По-видимому, здание было возведено сразу после покупки, в самом начале 1890-х годов» [4]. Возможно, усадьба была возведена по проекту П. С. Бойцова. С приходом советской власти усадьба была передана детскому дому, в 1930–1934 годах здесь размещался институт коневодства, в 1935–1941 – школа, в 1942–1955 – снова институт коневодства. Видимо, в 1941 году государство предполагало радикально изменить функционирование усадьбы, перестроив его в Дом отдыха. Церковь была закрыта в 1937 году, а в 1941 – на её месте должен был расположиться цветник и беседка.

Проект перестройки усадьбы в Дом отдыха И. Леонидов реализует совместно с архитекторами М. Чалым и В. Федоровым, выполняя роль главного архитектора и координируя проект в целом, а также являясь автором-архитектором решения парка при усадьбе, малых архитектурных форм (фонтанов, беседок) и оформления отдельных интерьеров в усадебном доме. Судя по технической документации, проект выполнялся в феврале 1941 года.

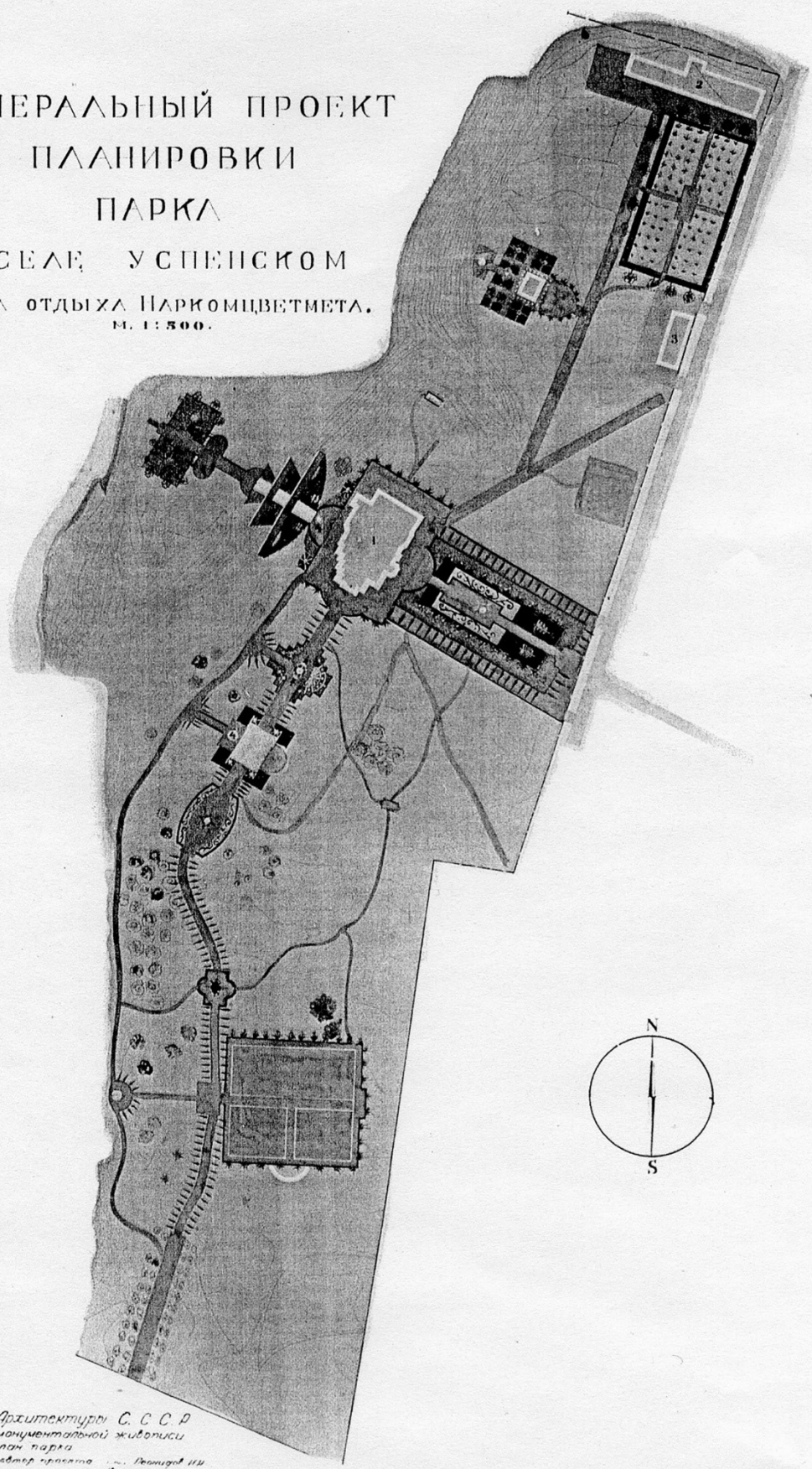
На рис. 1 можно видеть, как в организации парка Леонидов перерабатывает идею 1920-х «полосы жизни», «линии культуры» [5], нанизывая беседки, павильоны, фонтаны, спортивные площадки, видовые площадки, оранжерею на единую композиционную ось, идущую мимо дома вдоль реки. Пластический контраст округлых и угловатых элементов, асимметричные композиционные решения – тоже наследие 1920-х годов. Так в зеленом партере, спускающемся от усадебного дома к реке, сознательно нарушается симметрия в расположении деревьев, что «сбивает» жесткую заданность идеальной геометричности рисунка плана и вносит ощущение свободы, непредсказуемости, динамики. В архитектурно-ландшафтном оформлении парка чувствуется подход, выработанный Леонидовым в масштабных работах по оформлению Южного Берега Крыма ещё в 1930-е годы. Чередование архитектурно продуманных террас, развернутых, а иногда и спускающихся, к реке площадок с фонтанами и павильонами, постепенно нарастающих или убывающих форм отсылают нас к особому пониманию геометрии «живого тела», «плана строения» организма в соответствии с трактатом натурфилософа Э. Геккеля «Красота форм в природе» [6] – настольной книги Леонидова в 1930-е годы.

Исторический облик самого усадебного дома сохранялся без дополнений и «обогащений» (рис. 2). Однако если внешний облик здания сохранял свою аутентичность, то неоготические интерьеры XIX века перестраивались в стилистике советской неоклассики, ориентированной в данном случае на помпейскую фресковую живопись. Тонкий графический орнамент в верхней части ряда помещений, использование утончающихся кверху колонок, сочетание вогнутых и выпуклых декоративных ваз – все эти элементы «внутренней архитектуры» были найдены Леонидовым ещё в 1930-е годы, а теперь разрабатывались как многообразный, вариативный и целостный «словарь» архитектурных форм. При этом церковь Успения Богородицы XVIII века, закрытая в 1937 году и, видимо, подлежащая сносу, тоже «отзвучала» в проекте. Леонидов деликатно оставлял некий «след», воспоминание о церкви, фиксируя формой цветника контуры фундамента храма и располагая среди цветов небольшой павильон или беседку. Здесь важно отметить позицию самого архитектора, с уважением относившегося к православию [7], а не только стремящегося использовать удачное расположение храма и выгодно «подчеркнуть» красоту нового паркового элемента.

Разрабатывая проекты малых архитектурных форм (фонтаны – рис. 3 и 4; беседка – рис. 5), И. Леонидов стремился воплотить идею соответствия архитектурной формы и росписи на ней возникающей (шестигранник в основе планировочной композиции беседки и шестигранная снежинка в росписи этой беседки), стремился решить вопросы сопряжения округлых форм (в основе фонтана с корабликом лежит шар, опирающийся также на сферическую поверхность), акцентировал ярусность формы (фонтан, представленный в плане концентрическими кругами, вырастал в череду из семи цилиндров, что вызывало лишь отдаленные ассоциации с классикой и сохраняло авангардистскую «простоту» формальных решений). Беседка и фонтан – темы, которые становятся объединяющим мотивом и «площадкой» для экспериментов И. Леонидова с формой в самых разных архитектурных пространствах 1930-х – 1940-х годов.

Проект Дома отдыха Наркомцветмета в селе Успенском был проработан детально вплоть до чертежей вентиляции и электрооборудования [8]. Годом раньше И. Леонидовым была выполнена реконструкция конструктивистского здания фабрики-кухни в Калинин (Твери), которая по его проекту была перестроена в Дом пионеров (1940). В 1930-е – 1940-е годы архитектор показывает, что его искусство – это не отвлеченные фантазии, а реальность. И в том, и в другом случае мастер не подчиняет архитектуру новым эстетическим идеалам советской неоклассики, навязанным извне, а преобразует пластический язык конструктивизма в сложносочиненные вогнуто-выпуклые формы близкие к геометрическим структурам биологических организмов или неких исторических аналогов. Дом отдыха в селе Успенском оказался хорошим примером, иллюстрирующим путь талантливого художника-авангардиста, стремящегося не только сохранить новаторские подходы в условиях 1930-х годов, но и развивающего своё уникальное видение мира. Леонидов относится с вниманием к архитектурному сооружению, которое запечатлел И. Левитан в своих произведениях (он жил в усадьбе в 1897 г.), и выстраивает целостность «внутренней архитектуры» усадебного дома и «внешней архитектуры» парка как единого постоянно меняющегося пространства, не разрушая при этом внешний облик главного здания усадьбы.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ПЛАНИРОВКИ
ПАРКА
В СЕЛЕ УСПЕНСКОМ
ДОМА ОТДЫХА НАРКОМЦВЕТМЕТА.
М. 1:500.

Академия Архитектуры С. С. С. Р.
Мастерская монументальной живописи
Генплан парка
Со архитектором автор проекта — Леонидов И. И.
Технический архитектор — Фурманов В. И.

Рис. 1. И. И. Леонидов. Генеральный проект планировки парка в селе Успенском Дома отдыха Наркомцветмета. 1941. Фотофонд Музея архитектуры им. А. В. Щусева в Москве

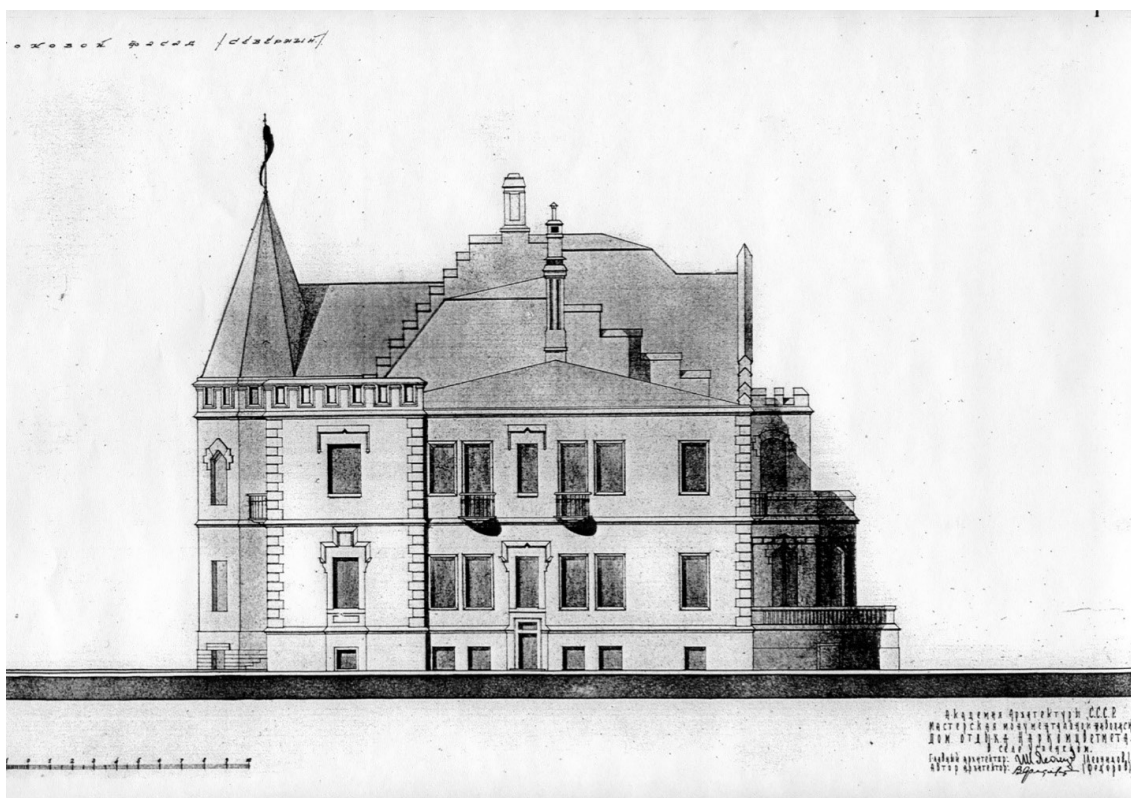

Рис. 2. И. И. Леонидов, В. Д. Федоров. Проект Дома отдыха Наркомцветмета в селе Успенском (северный фасад). 1941. Фотофонд Музея архитектуры им. А. В. Щусева в Москве

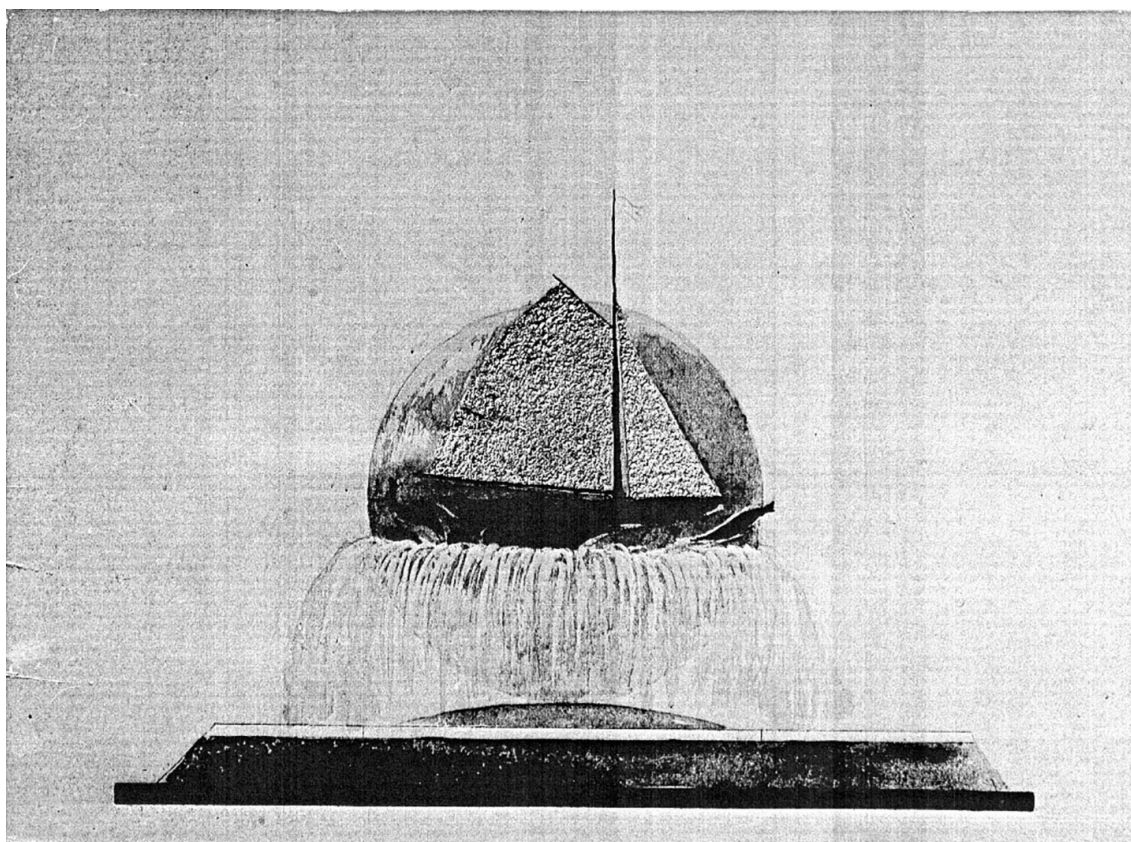

Рис. 3. И. И. Леонидов. Фонтан в парке Дома отдыха Наркомцветмета в селе Успенском. 1941. Фотофонд Музея архитектуры им. А. В. Щусева в Москве

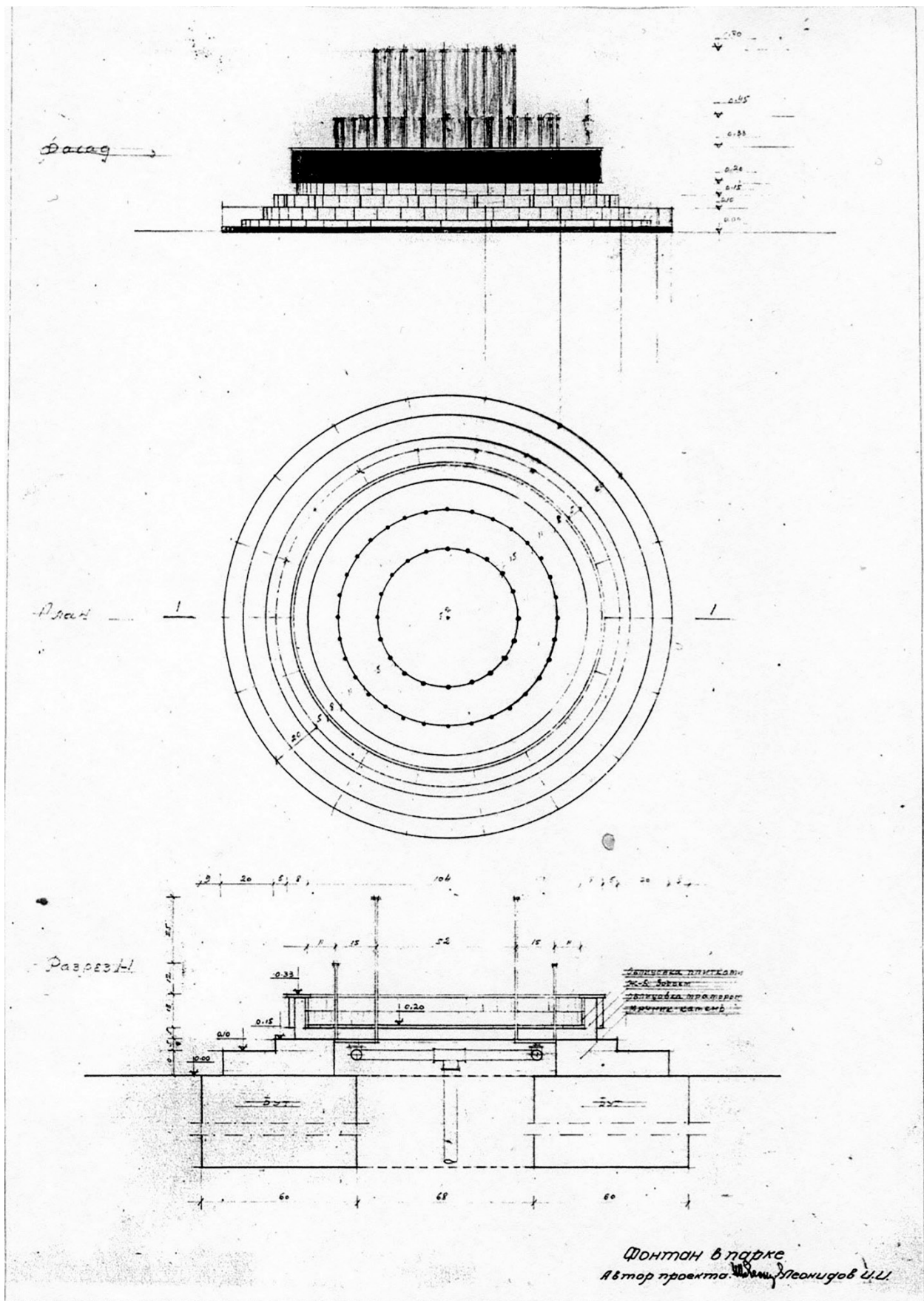

Рис. 4. И. И. Леонидов. Фонтан в парке Дома отдыха Наркомцветмета в селе Успенском. 1941.
Фотофонд Музея архитектуры им. А. В. Щусева в Москве

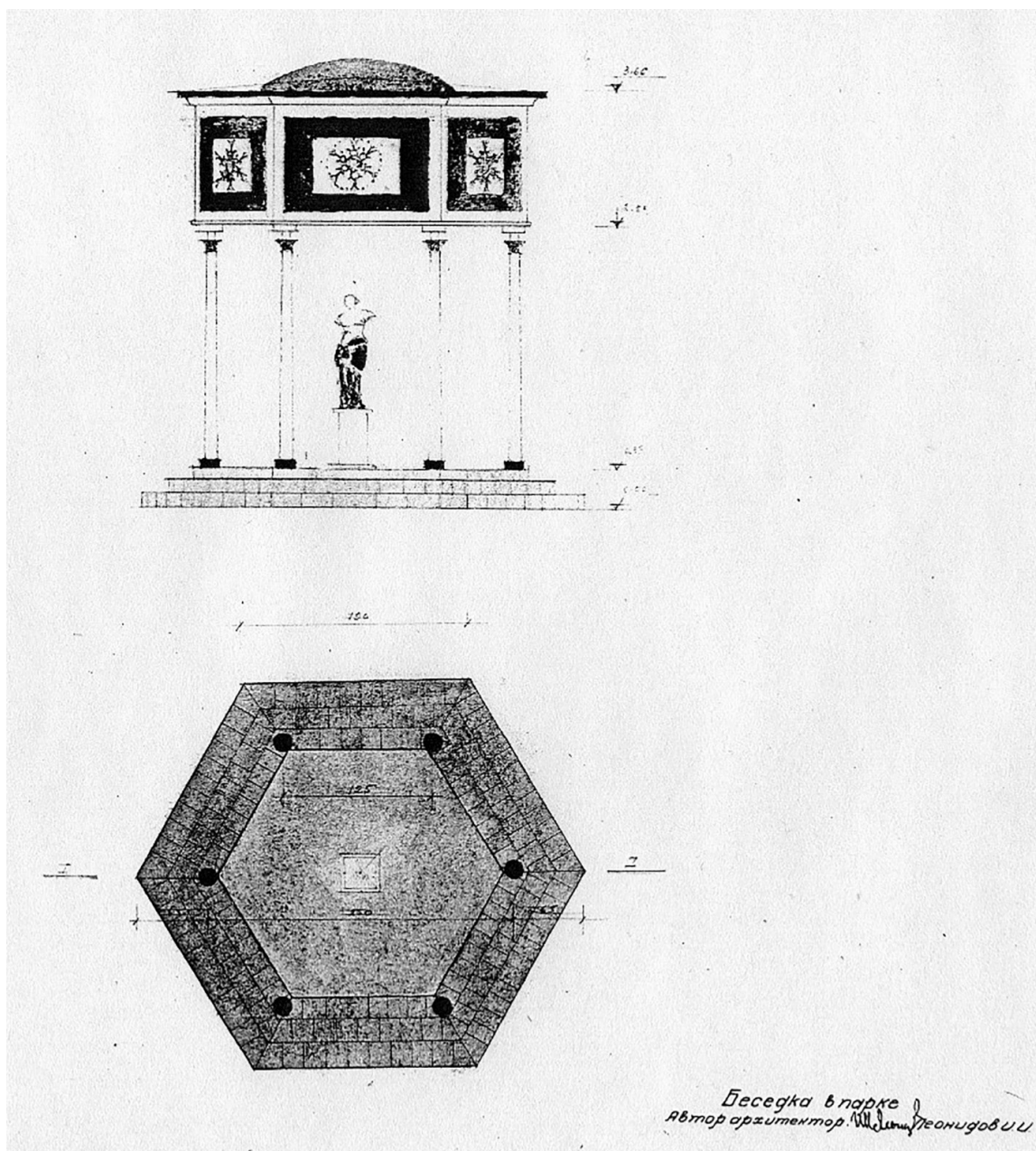

Рис. 5. И. И. Леонидов. Беседка в парке Дома отдыха Наркомцветмета в селе Успенском. 1941. Фотофонд Музея архитектуры им. А. В. Щусева в Москве

Литература

1. Адамов О. И. Творческий процесс и проектная философия И. И. Леонидова / Иван Леонидов: Начало XX – начало XXI веков: Материалы, воспоминания, исследования / Подг. текста О. И. Адамов, Ю. П. Волчок. М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2002. С. 183.
2. Cooke C. Russian Avant-Garde. Theories of Art, Architecture and the City. London: Academy Editions, 1995. P. 201.
3. Хан-Магомедов С. О. Кумиры авангарда. Иван Леонидов. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. С. 293–299.
4. Паспорт памятника истории и культуры, составленный в 1986 г. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.mosculture.ru/object_mo/55503/](http://www.mosculture.ru/object_mo/55503/) (дата обращения: 09.03.2019).
5. Барабанова Е. А., Мишечкина М. В., Тощев А. И. От утопии – к науке, от вечной мерзлоты – к Городу Солнца. Игарка, ИКК МВМ, 2006. С. 38.

6. Геккель Э. Красота форм в природе. СПб.: Товарищество «Просвещение», 1903.
7. Бухарова Е. А. Архитектор Иван Леонидов: космичность умонастроения и эволюция творчества: автореферат дисс. канд. искусствоведения. СПб.: 2017. С. 25.
8. Cooke C., Gozak A., Leonidov A. Ivan Leonidov. London: Academy Editions, 1988. P. 167.

УДК 725.945:711.4.025

Нагаева Зарема Садыковна,
д-р архит., профессор
Буджурова Лиля Алишеровна,
старший преподаватель
(Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского)
E-mail: zarema.nagaeva@gmail.com,
lelia08@mail.ru

Nagaeva Zarema Sadikovna,
PhD of Architecture, Professor
Budzhurova Lilya Alisherovna,
Senior Lecturer
(V. I. Vernadsky Crimean
Federal University)
E-mail: zarema.nagaeva@gmail.com,
lelia08@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДВОРЦОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ КРЫМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

FEATURES OF PALACE ARCHITECTURE OF CRIMEA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

На Южном берегу Крымского полуострова расположены уникальные архитектурные памятники конца XIX – начала XX веков. Усадьбы и дворцы Крыма имеют своеобразные архитектурные особенности, в которых прослеживаются восточные мотивы, не только в экстерьерах, но и интерьерах. Бахчисарайский ханский дворец – единственный дворцовый ансамбль XVI – XVIII веков, в котором сохранились татарские архитектурные традиции, вдохновлял архитекторов в Крыму. Стилистика некоторых домов зажиточных татар в Бахчисарае, Евпатории и Белогорске, с живописными кровлями, резными разноцветными потолками, нашли отражение в усадебной застройке русской аристократии. Кроме того «восточные» постройки и мавританские дворцы Европы с разнообразными архитектурными, декоративными и стилистическими особенностями оказались востребованы в архитектуре Крыма на протяжении конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: памятник архитектуры, дворец, интерьер, экстерьер, усадьба, парк.

On the southern coast of the Crimean Peninsula are unique architectural monuments of the late XIX – early XX centuries. Estates and palaces of the Crimea have peculiar architectural features, which can be traced Oriental motifs, not only in the exteriors but also in the interiors. Bakhchisarai Khan Palace – the only Palace ensemble of XVI–XVIII centuries, which preserved the Tatar architectural traditions, inspired architects in the Crimea. The style of some wealthy Tatar homes in the town of Bakhchisarai, Yalta and Moscow, with dramatic roofs, carved ceilings, colorful, reflected in the farmstead building of the Russian aristocracy. In addition, the „Eastern“ buildings and Moorish palaces of Europe with a variety of architectural, decorative and stylistic features were in demand in the architecture of the Crimea during the late XIX – early XX century.

Keywords: architectural monument, Palace, interior, exterior, manor, park.

В данной статье рассмотрены дворцы: Эмира Бухарского, Массандровский и «Дюльбер». Все они построены в так называемом «мавританском» стиле. Понятие «мавританский» стиль имеет различное понимание в источниках, необходимо глубокое исследование и обоснование данного понятия.

Один из самых красивых в Крыму, **дворец Эмира Бухарского**, был построен в 1907–1911 годах для седьмого правителя узбекской династии Мангыт, дружившего с русским императором Николаем II. В 1898 году Эмир Бухарский приобрел участок земли над Приморским парком в Ялте.

Эмир путешествовал по многим российским городам: Москве, Санкт-Петербургу, Тифлису, Киеву, Одессе. С 1893 года Эмир каждое лето проводил в Ливадийском дворце в Ялте, побывал в Севастополе и Бахчисарае.

Эмиру Бухарскому нравилась Ялта с прилегающими окрестностями, поэтому он инвестировал большую сумму на развитие этих мест. Эмир построил одну из самых больших больниц в Ялте и передал в собственность города, занимался реконструкцией набережной, вооружением военного корабля царской России, который был назван в его честь. За помощь и поддержку развития города в 1904 году местные власти наградили Эмира званием Почетного гражданина Ялты.

Застройку своего земельного участка Эмир начинает со строительства здания для персонала, обсерватории и дома для гостей; закладывает парк с редкими экзотическими растениями и цветами, привезенными со всего мира.

В 1907 году по проекту известного в то время архитектора в Крыму Николая Георгиевича Тарасова началось возведение дворцового ансамбля из керченского ракушечника. Мастера из Бухары занимались возведением стен дворца и минарета.

Рис. 1. Фото Дворца Эмира Бухарского. 20-е гг. XX века

Из всех построенных строений сохранился только дворец, который Эмир называл «Дилькисо» (от турецкого «пленительный», «обворожительный»).

Двухэтажный дворец имеет асимметричную композицию с гармоничным сочетанием различных геометрических форм в плане: круглых, прямоугольных и восьмигранных. Уникальное декоративное оформление террас, лоджий, изысканные балюстрады, зубчатый парапет над карнизом, колонны и капители, с тонкой ажурной резьбой, лепниной и другими декоративными элементами украшают и обогащают сооружение. Восточные арочные окна украшают не только экстерьеры, но и интерьеры, фасады решены в бело-бежевых тонах [1, 2].

Интерьеры оформлены в ярких красочных тонах: различные оттенки зеленого, синего и красного цветов. Дворец Эмира Бухарского венчают купола с отделкой белого цвета.

В 1917 году дворец национализируют, как большинство достопримечательностей Крыма. В марте 1921 года здесь начинает работу Восточный музей Ялты.

Здание дворца понесло значительный ущерб во время Великой Отечественной войны. После восстановительных и ремонтных работ сооружение было передано во владение санатория «Ялта», где была создана библиотека.

В 1970-х годах во дворце проводят ремонт, который нанес колоссальный урон архитектуре дворца, убранству внутренних помещений, парк безвозвратно утратил многие декоративные растения, малые архитектурные формы.

Реставраторы провели значительные работы по реконструкции памятника архитектуры, и в настоящее время это одна из сохранившихся достопримечательностей Ялты, созданных в мавританском стиле крымскими архитекторами.

Рис. 2, 3. Элементы фасадов Дворца Эмира Бухарского

Рис. 4, 5. Элементы фасадов Дворца Эмира Бухарского

В 1830 году граф Михаил Воронцов начал заниматься обустройством 731 гектара будущего **Массандровского дворца**. Был построен двухэтажный особняк, создан значительный сад и выложены дорожки для прогулок в окружающем лесу. Графиня Е. Горчакова так описывала усадьбу: «Когда проезжаешь по лесам Массандры, таинственный мрак, царствующий повсюду, напоминает о священных рощах древней Галлии. Издали можно любоваться красивым дачным домиком князя Воронцова, построенным на полуострове в лесах Верхней Массандры: он окружен густой зеленью и освежается горным ручьем» [1, 2].

В 1878 года буря не пощадила имение графа. В 1881 году Семен Михайлович Воронцов, сын графа, начал строительство нового дворца, заказав проект у французского архитектора Этьена Бушара. В эскизных проектах архитектора дворец был спроектирован в средневековом стиле, но из-за смерти Бушара 30 ноября 1881 года не был построен. При жизни Бушара смогли заложить основание дворца, разбить пешеходные дорожки в парке и оборудовать фонтаны, но после смерти Семена Михайловича Воронцова в 1882 году строительство дворца было приостановлено до 1889 года.

Рис. 6. Фото Массандровского дворца конца XIX века

В 1889 году Массандра становится императорской резиденцией. Владельцем является Александр III, который любил отдыхать в Крыму. Государь поручил архитектору Максимилиану Месмахеру, который разработал проект дворца во французском стиле в апреле 1893 года.

Дворец – трехэтажное сооружение в стиле раннего барокко, с пикообразной крышей и мансардными окнами. Фасады планировались серого цвета, но в результате была

выполнена отделка жёлтой плиткой, а кровля – из чешуйчатого шифера. Отделка цокольного этажа решена в серых тонах. Открытые галереи, террасы и балконы способствовали увеличению площади дворца.

Рис. 7. Фото Массандровского дворца

На первом этаже были расположены парадные залы, бильярдная, столовая, приемная и кабинет Его Императорского Величества. На втором этаже находились комнаты для отдыха и царские опочивальни. Комнаты на третьем этаже планировались как спальни для императорских детей.

Во дворце было устроено паровое отопление и подача горячей воды, проведено электричество.

Интерьеры дворца выполнены с роскошью и богатством. Сохранившаяся отделка помещений дворца выполнена при использовании элементов самых различных стилей: романского, готического, рококо, классицизма. В отделке применены различные породы дерева – красное, дуб, орех. Красочные изразцы украшают холлы и коридоры; потолки с росписями и лепниной, резные панели, мраморные каминные, витражи окон способствовали созданию уникального художественного образа каждой комнаты дворца. Полы комнат, балконов и террас выложены различной по цвету и конфигурации малахской плиткой.

Витые лестницы украшают Массандровский дворец.

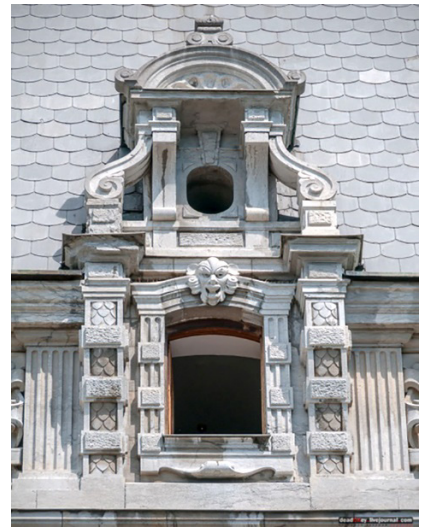

Рис. 8, 9. Элементы фасадов Массандровского дворца

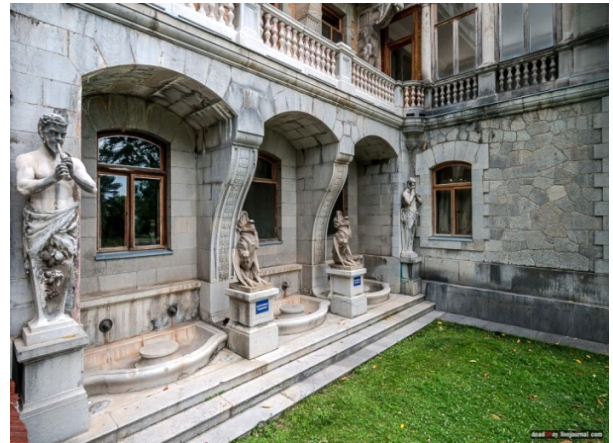

Рис. 10, 11. Элементы фасадов Массандровского дворца

Рис. 12, 13. Интерьеры Массандровского дворца

Максимилиан Месмахер разработал проект парка при дворце. Перед западным фасадом был расположен французский регулярный парк с террасами, цветочными партерами и фигурным бассейном. Статуи и декоративные вазы украшают парк. За террасами располагались фруктовые сады, высаженные еще при графах Воронцовых.

С приходом советской власти дворец был национализирован, в нем организовали санаторий для больных туберкулезом. После Великой Отечественной войны во дворце разместился НИИ «Магарач», который занимался исследованиями в области виноградарства. Вскоре Массандровский дворец стал использоваться как дача для государственных чиновников СССР, на верхних этажах дворца были обустроены жилые комнаты.

С 1 июня 1992 года дворец функционирует как музей. На первых двух этажах здания размещена экспозиция дворцового интерьера 2-й половины XIX века, созданная на основе фондов Алушкинского дворца-музея. Залы третьего этажа занимают стационарные выставки.

Дворцово-парковый комплекс «Дюльбер» расположен в посёлке Кореиз и был создан для великого князя Петра Николаевича, дяди Николая II главным архитектором Ялты, академиком Н. Г. Красновым. Здание дворца, служебные постройки и небольшой парк были возведены на очень сложном по рельефу земельном участке в 1895–1897 годах [9].

Решение о строительстве комплекса «Дюльбер» в восточном стиле было связано с тем, что князь Петр Николаевич и архитектор Н. Г. Краснов серьезно были увлечены данным стилем в архитектуре [1, 2].

Академик Н. П. Кондаков в статье, посвященной Дюльберу, дал высокую оценку работе Краснова, охарактеризовав дворец как «здание столь же удачное, сколь и необычное, в высшей степени истинно-изящное и целесообразное» [10].

Название переводится с крымскотатарского языка как «прелестный» или «красивый».

Здание выполнено в так называемом «мавританском» стиле. Белоснежные стены, арочные окна с голубым восточным орнаментом и цветной мозаикой, зубчатые парапеты, серебристые купола создают живописный образ восточного дворца в парке с бассейнами и фонтанами, беседками и скульптурами.

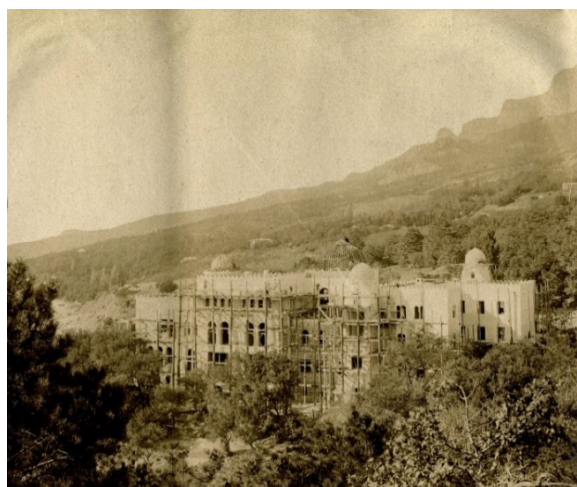

Рис. 14, 15. Строительство дворца «Дюльбер».
Фото 1896–97 гг. Из фондов ЯИЛМ

Парадный вход во дворец украшает арабская вязь, которая переводится так: «Да благословит Аллах вошедшего сюда».

Рассматривая стилевые особенности дворца, академик Н. П. Кондаков замечает: «Трудно было бы определить, в каком собственно стиле это сооружение построено, так как его главные части отвечают своими этажами обычным европейским нуждам – в его комнатах, жилых помещениях полно всякого европейского комфорта. Но так как главные декоративные части: входы, террасы, плоские крыши, покрытия куполов, боковая башня, форма дверей и окон и вообще всякая орнаментальная часть дворца напоминает сарацинские здания Египта и Сирии, то можно было бы без особой погрешности назвать дворец арабским или, вернее, <... > сарацинским. Этот стиль издавна составляет предмет изучения для самого высокого владельца Дюльбера, как стиль необыкновенно оригинальный, глубокий, полный поэтического изящества» [11].

Рис. 16. Фото дворца Дюльбер

Парадный фасад является главным акцентом художественной выразительности, другие три фасада настолько живописны и оригинальны, что каждый новый ракурс представляет собой новый образ [12].

После эмиграции царской семьи в 1919 года дворец был национализирован, а в 30-е годы переименован в пансионат «Красное знамя» и стал советской здравницей. Это была одна из первых советских здравниц, рассчитанная на 35 мест.

Во время Великой Отечественной войны дворец Дюльбер был серьезно разрушен пожаром. Реставрационные работы, которые проводились в 1946–1959 годах не смогли воспроизвести уникальные орнаменты и декоративные украшения, что значительно искажило первоначальный образ. Дворец и сейчас является частью санатория «Дюльбер».

Выводы:

1. крымская архитектура конца XIX – начала XX веков достигла наибольшего расцвета, особенно при строительстве дворцовых комплексов;
2. дворцовые комплексы Южного берега Крыма удачно вписаны в окружающую среду и возведены на земельных участках со сложным рельефом;
3. живописная природа побережья, сочетание моря, пляжей и горного ландшафта способствовали формированию особых форм построек;
4. авторы дворцовых комплексов – архитекторы – при создании архитектурного образа использовали различные стили в своих работах и активно применяли восточные или так называемые «мавританские» приемы, особенно в детализировке и интерьерах создаваемых сооружений;
5. необходимо изучить восточные приемы в строительстве дворцовых комплексов Крыма и дать научную характеристику данных приемов;
6. опыт показывает, что каждый дворцовый комплекс Крыма требует подробного изучения и разработки научных рекомендаций для реконструкции и реставрации сооружений культурного наследия. План крупномасштабных мероприятий с привлечением специалистов различного уровня должен лечь в основу системы научных исследований.

Литература

1. Кокорина Е. Г. Русская усадебная архитектура XIX – начала XX вв. как элемент культурных ландшафтов Южного берега Крыма (факторы развития, этапы, характерные черты) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 4 (40). 2018. № 3. С. 179–189.
2. Крикун Е. В. Архитектура Южного берега. Симферополь: Крым, 1970. 96 с.
3. Летин В. А. Крымские дворцы Романовых в контексте отечественной усадебной культуры. Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 313–318.
4. Брагина Т. А., Васильева Н. В. Путешествие по дворянским имениям Южного берега Крыма. Симферополь: Таврия, 2001. 224 с.
5. Воронцова С. В. Дворцы в парках. Путеводитель. Симферополь: Крым, 1969. 64 с.
6. Иконников А. В. Художественный язык архитектуры. М.: Искусство, 1985. 175 с.
7. Иконников А. В. Эстетические проблемы архитектуры. М.: Знание, 1970. 48 с.
8. Калинин Н., Земляниченко М. Исламские мотивы в творчестве архитекторов Южного берега Крыма // Творчество, 1991. № 9. С. 29–31.
9. Килессо С. К. Архитектура Крыма. Киев: Будгвельник, 1983. 95 с.
10. Кондаков Н. П. Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма // Искусство и художественная промышленность, 1899. № 9–10. С. 731.
11. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 320 с., илл.
12. Сергеев В. С. Дворцы и усадьбы Тавриды (Дюльбер) // Новый Крым, 1999. № 1. С. 30–31.
13. Фомин И. А. Роль архитектора в деле устройства русских курортов // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 14. С. 378–380.

УДК 72.013

Радзюкевич Андрей Владиславович,
канд. арх., доцент
(Новосибирский государственный архитектурно-
строительный университет)
E-mail: artmatlab@mail.ru

Radzyukevich Amdrey Vladislavovich,
PhD of Architecture, Associate Professor
(Novosibirsk State University
of Architecture and Civil)
E-mail: artmatlab@mail.ru

ПРОПОРЦИОНАЛЬНО-МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОРСКОГО СОБОРА В КРОНШТАДТЕ

TITLE PROPORTIONAL-METROLOGICAL FEATURES OF NAVAL CATHEDRAL IN KRONSTADT

В работе проводится анализ размеров и пропорций Морского собора в Кронштадте. Выдвигается гипотеза о том, что кирпич являлся мерой и модулем здания. Размеры кирпичной кладки модульно соответствовали размерам сажени и аршина. 7,5 ложков или 15 тычков кладки соответствовали одной сажени, а 2,5 ложка или 5 тычков соответствовали одному аршину.

Ключевые слова: архитектор В. А. Косяков, Морской собор в Кронштадте, пропорции, логика архитектурного формообразования, размеры кирпича.

The report contains the results of the analysis of the size and proportions Of the Naval Cathedral in Kronstadt. offered the hypothesis that the brick was a measure and the module of the building is. The dimensions of the masonry module corresponds to the size of sazhen and arshin. Sazhen contained 7,5 long sides of the brick and 15 short sides of the brick. Arshin contained 2,5 long sides of the brick and 5 short sides of the brick.

Keywords: architect V. Kosjakov, Naval Cathedral in Kronstadt, proportions, logic of architectural design, brick sizes.

Высочайшее качество выполнения кирпичных фасадов Морского собора в Кронштадте является существенным элементом качества его архитектуры в целом. Попытка выявить логику формообразования собора через его пропорции и размеры уже была произведена в нашей работе [1]. Представляет интерес вопрос о соразмерении элементов кирпичной кладки с мерами длины и, соответственно, с пропорциями и общей композицией собора. Размеры кирпича регламентировались «Урочным положением». Длина кирпича (ложок) должна быть равна шести вершкам, а его ширина (тычек) – трем вершкам [2], что метрологически согласовывалось с размерами сажени (48 вершков) и аршина (16 вершков). Однако если посмотреть чертежи В. А. Косякова по формам Морского собора, то можно заметить, что он использует масштабные линейки с делением сажени не на аршины и вершки, а на 10 и 100 частей. Кроме того, он определяет размер стороны подкупольного квадрата равным 11,2 сажени [3].

Десятеричное деление сажени выглядит не совсем обычно для В. Косякова. Ранее, описывая процесс проектирования и строительства Киево-Печерского подворья [4], он приводит размер внутренней ширины храма равным 10,16 сажени, что можно трактовать как $10 \frac{1}{6}$ сажени и, соответственно, как $30 \frac{1}{2}$ аршина или как 488 вершков. Десятеричное деление сажени вероятно связано с некоторыми особенностями переходного периода, связанного с широким наступлением в Европе метрической системы мер и появлением арифмометров, настроенных на десятичное позиционное исчисление. Так, например, в том же «Урочном положении» указывается, что используемый в Варшаве кирпич име-

ет размеры $250 \times 120 \times 65$ мм ($5 \frac{5}{8} \times 2 \frac{11}{16} \times 1 \frac{7}{16}$ вершка). Возникает вопрос, как удавалось В. А. Косякову согласовывать русские меры длины (сажень, аршин, вершок) с десятичным делением сажени на части? По нашему предположению такое согласование могло быть реализовано с помощью особого выполнения кирпичной кладки. Наши исследования по соразмерению кирпичной кладки с размерами сажени на материале памятников кирпичной архитектуры ряда городов (Санкт-Петербург, Москва, Томск, Новониколаевск, Омск) показывают, что было несколько наиболее распространенных случаев такого соразмерения.

В первом случае получается, что в размер сажени «укладывается» восемь ложков или 16 тычков. При этом нужно учитывать, восемь шестивершковых кирпичей будут соразмерны длине сажени (48 вершков) только при нулевой толщине швов. Поэтому, сами кирпичи должны иметь размеры меньшие, чем положено по «Урочному положению». В этом случае шести вершкам должен быть равен не сам кирпич, а кирпич по осям швов, т.е. в сумме со швом. Такой прием был документально зафиксирован в служебных записках архитектора К. К. Лыгина [5]. Он пишет, что длину и ширину кирпича следует делать меньше необходимых габаритов на $\frac{1}{4}$ вершка.

По нашим исследованиям, такое соразмерение кирпичной кладки встречается не только в произведениях К. К. Лыгина в Томске, но и в ряде объектов из других городов. В Санкт-Петербурге такое соразмерение можно найти в доме В. Ф. Штрауса на 2-й линии (архитектор В. А. Шретер) [6] и в храме Спаса на Крови (архитектор А. Парланд) [7]. В Москве такой прием встречается в здании Московской городской Думы (архитектор Д. Н. Чичагов).

Второй способ соразмерения основан на приравнивании сажени 7,5 ложков или 15 тычков. Эта соразмерность удобна тем, что с кирпичной кладкой можно соразмерить величину аршина – 2,5 ложка или 5 тычков. Такой способ встречается в большинстве произведениях архитектора А. Д. Крячкова в Новониколаевске (Новосибирске). Любопытно, что такой прием также имеет документальные подтверждения. В архивных материалах Государственного архива Новосибирской области (раздел Ф.Д.-97) можно найти проекты, в которых наружная стена зданий обозначается двояко – как один аршин и как два с половиной кирпича.

В третьем, зафиксированном нами случае, использовался кирпич размером 25 сантиметров. Такой кирпич встречается в соборе Петра и Павла Петергофа (архитектор Султанов). Этот же кирпич использовался самим В. А. Косяковым при строительстве Подворья в Санкт-Петербурге. Очевидно, что это был импортный кирпич, закупаемый в Европе. По всей видимости, какого-либо точного модульного соразмерения кирпича и сажени не было.

В кладке Морского собора, по нашему предположению, был использован второй случай соразмерения, когда в сажени «укладывалось» 7,5 ложков или 15 тычков. Этим обстоятельством можно объяснить необычный размер подкупольного квадрата в 11,2 сажени. Если перевести этот размер в количество кирпичей, то получим 84 ложка. Рассмотрим также размеры некоторых другие элементы собора, которые оказались доступными нам для измерения.

Ширина контрфорсов боковых фасадов по наши замерам равна примерно 6,07 м. В этом размере «укладывается» 42,5 тычка. Казалось бы, величиной в пол-вершка можно было пренебречь или принять ее за некоторую случайную строительную погреш-

ность. Однако если интерпретировать этот размер как 8,5 аршин (6,045 м), то получаем именно 42,5 тычка (рис. 1).

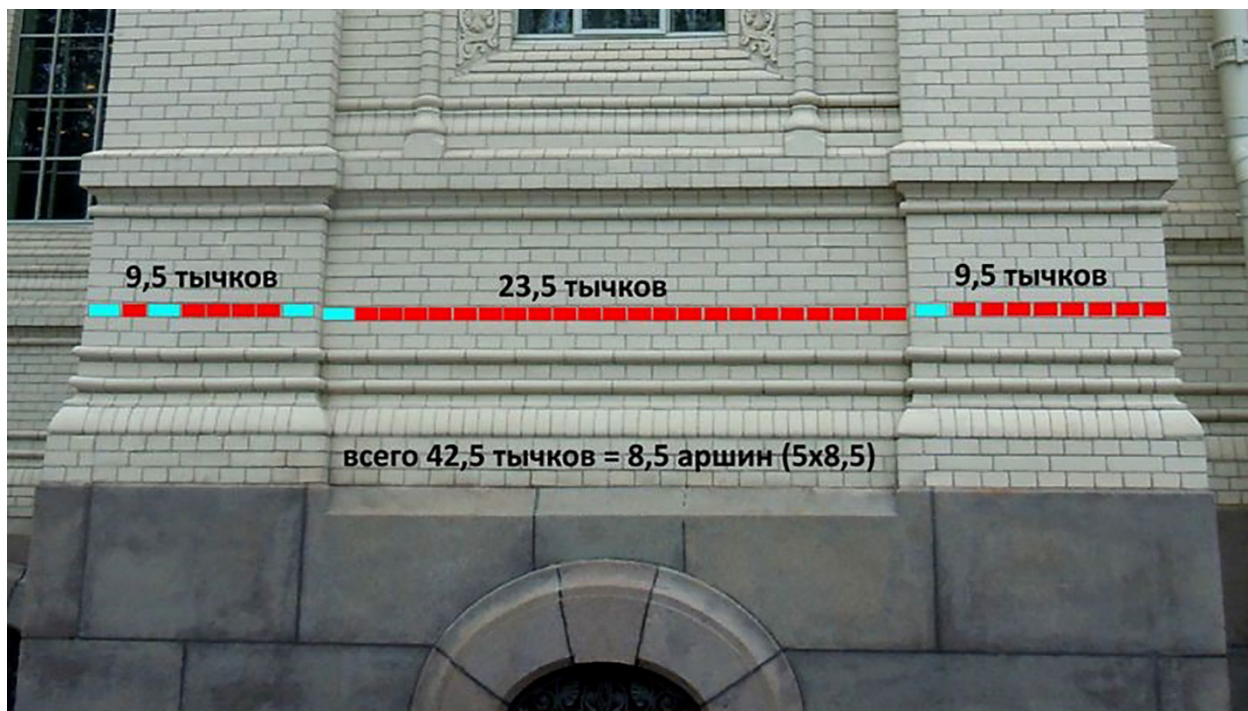

Рис. 1. Количество тычков на поверхности стены контрфорса бокового фасада (красным цветом обозначены тычки, голубым цветом – трехчетвертные кирпичи)

Часть стены между контрфорсом и входным порталом боковым фасада (рис. 2) содержит ровно 40 тычков, что соответствует ровно 8 аршинам.

Рис. 2. Фрагмент стены между контрфорсом и входным порталом боковым фасада

На западном фасаде ширина выступающего контрфорса оказалась равной 45 тычкам, что соответствует 9 аршинам или трем саженьям (рис. 3).

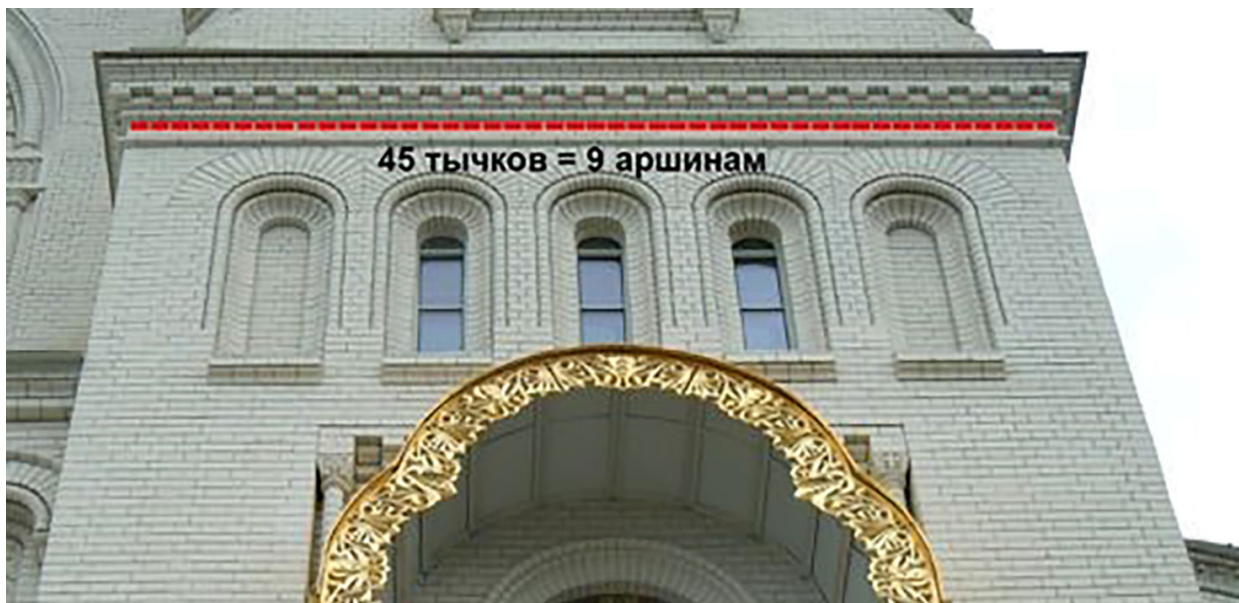

Рис. 3. Ширина контрфорса западного фасада равна 45 тычкам

От такого, казалось бы, малозначительного занятия как подсчет количества кирпичей можно перейти к попытке понять некоторые элементы логики формообразования собора.

Прежде всего, исследуем такой размер как ширина бокового фасада по внешним границам контрфорсов. Суммируя составляющие части, получаем «ровный» размер в 42 аршина (8,5 + 8 + 9 + 8 + 8,5), что равно 14 саженьям (рис. 4).

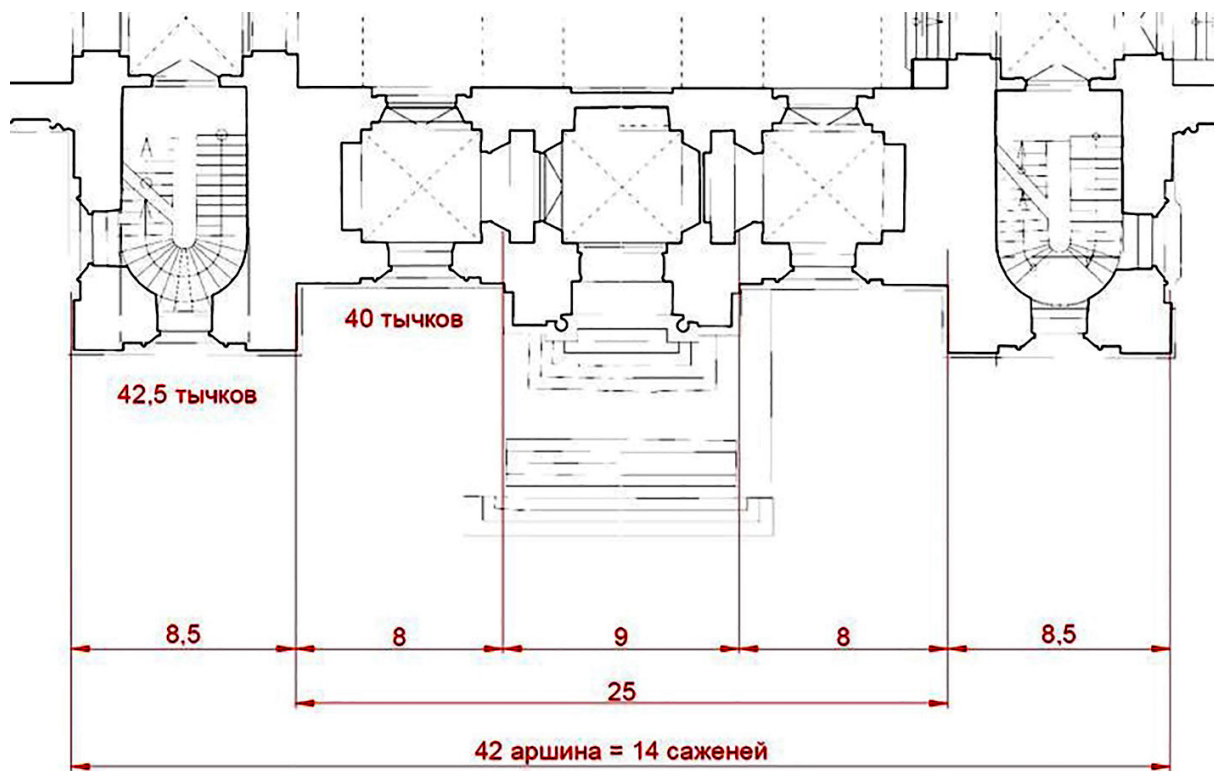

Рис. 4. Интерпретация проектных размеров центральной части бокового фасада

Аналогичный размер по внешним граням стен на западном фасаде равен 10,5 саженим или 31,5 аршинам и содержит 157,5 тычков (рис. 5).

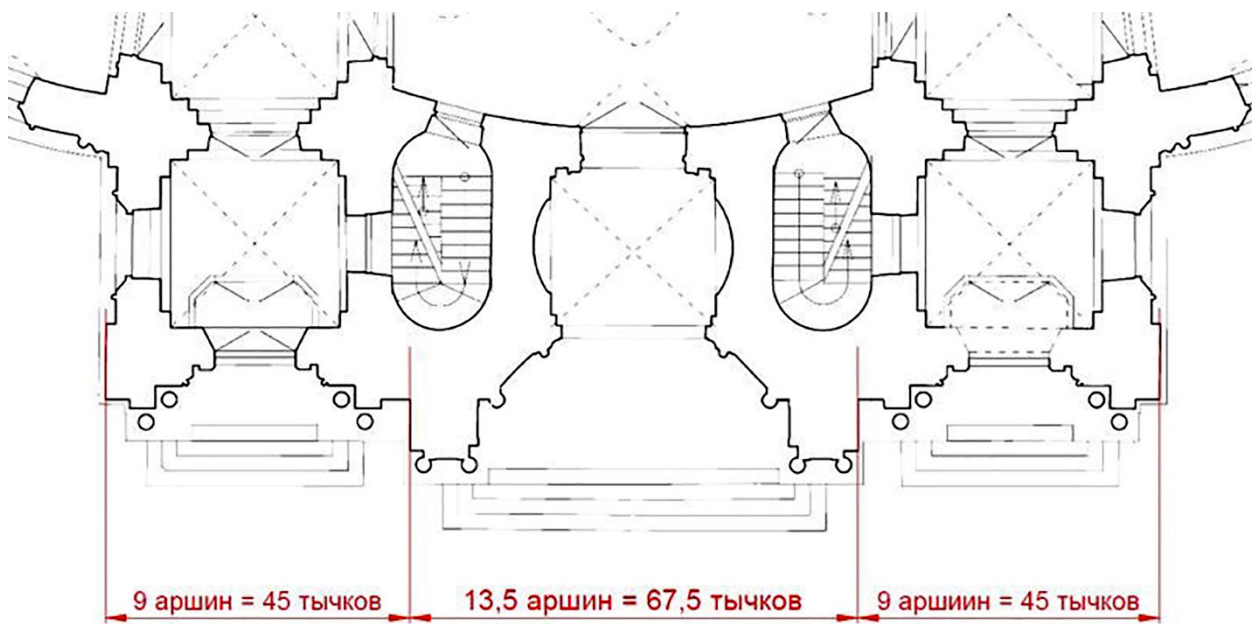

Рис. 5. Интерпретация проектных размеров центральной части западного фасада

Не случайность приведенных размеров подтверждается их простейшим пропорциональным соотношением 4/3:

$$14/10,5 = 1,333.$$

Очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с неким ключевым элементом из общей логики архитектурного формообразования собора.

По обмерным чертежам, любезно предоставленным фирмой «Фотограмметрия», можно заметить, что 14 саженим содержит сторона главного четверика по внешним граням стен. Очевидно, этот размер был одним из самых ключевых проектных размеров. Можно заметить, что этот размер также хорошо соразмеряется с размером подкупольного квадрата:

$$14/11,2 = 1,25 = 5/4.$$

Если эти размеры определить в размерах кирпичей, то получим целочисленное значения – 105 и 84 ложка. Соответственно, разница между величинами внешнего и внутреннего квадрата получается равной 1,4 сажени. Десятеричное деление сажени оправдано технологически именно в том случае, когда в сажени содержится 7,5 ложков или 15 тычков. Размер 1,4 сажени можно «набрать» из 10,5 ложков или из 15 тычков. Размер кирпича в данном случае, косвенно «настроен» на размер 1/10 сажени. Из этого получается целый ряд размерных соответствий:

- 3/4 ложка = 1/10 сажени;
- 3 тычка = 2/10 сажени;
- 3 ложка = 4/10 сажени;
- 2,5 ложка = 5 тычков = 1/3 сажени = 1 аршин;
- 7,5 ложков = 15 тычков = 1 сажень.

Дополнительно косвенно подтвердить данное положение можно при изучении деталей боковых фасадов. Рассмотрим, например, размер в пролете между контрфорсами. По нашим расчетам он равен 25 аршинам. На уровне второго яруса стена делится арка-

ми ровно на 5 частей. Исходя из нашей гипотезы, в каждом пролете арки по осям столбиков должно содержаться 25 тычков. Если посмотреть на детальные фотографии этого фрагмента фасада, то можно убедиться, что это именно так и есть (рис. 5).

Рис. 6. Пролет декоративной арки бокового фасада содержит 25 тычков, что равно 5 аршинам

Большой интерес представляют также размеры большого круглого окна. На фотографиях и обмерных чертежах можно заметить, что один арочный пролет (5 аршин) соответствует пяти квадратным окошечкам, из которых набрано большое круглое окно (рис. 7). Получается, что одно квадратное окно является своеобразным модулем фасада.

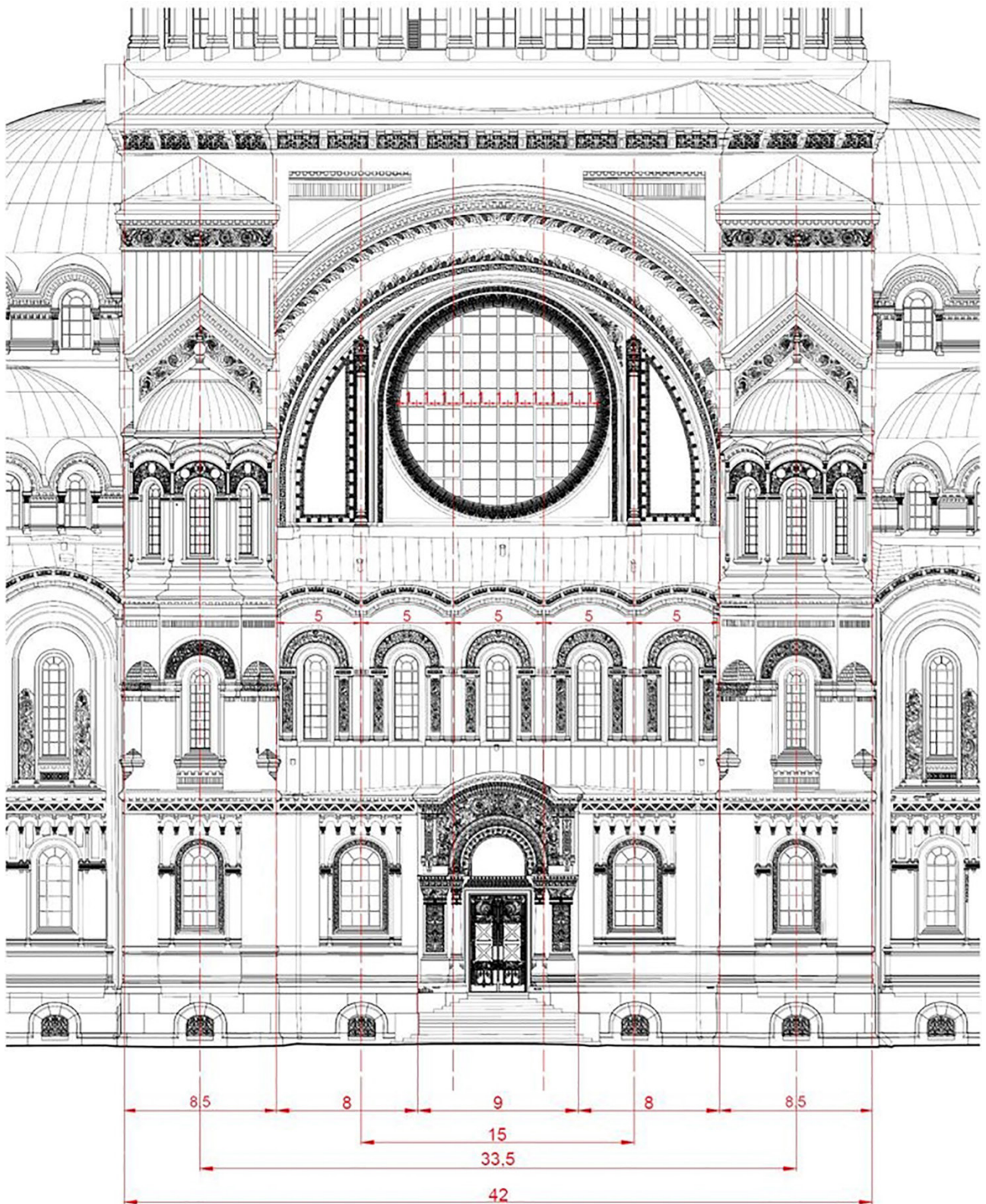

Рис. 7. Реконструкция проектных размеров центрального фрагмента бокового фасада

Важно отметить, что композиция элементов интерьера имеет сквозную согласованность с элементами фасадов (Рис. 8).

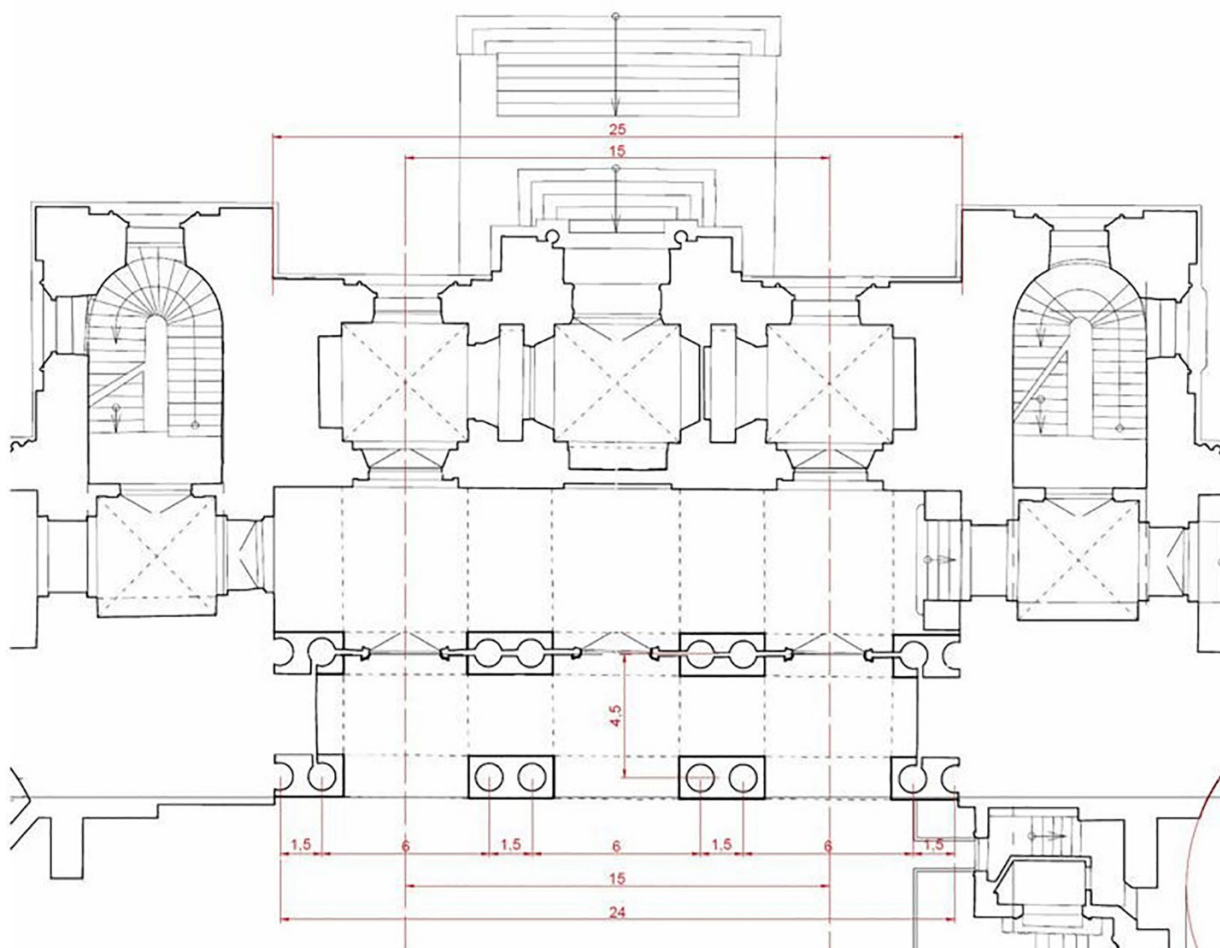

Рис. 8. Интерпретация соответствия размеров элементов интерьера и экстерьера

Простое модульное соответствие размеров кирпича размерам сажени и аршина, приводит к тому, что сам кирпич можно рассматривать одновременно как меру и модуль элементов фасадов. Такой подход представляется нам оправданным и его можно использовать для дальнейшего, более детального анализа размеров и пропорций Морского собора. Полученные результаты могут дать надежный материал для проведения реконструкций логики формообразования этого выдающегося произведения архитектуры.

Литература

1. Радзюкевич А. В. Меры и пропорции Морского собора в Кронштадте. Предварительные материалы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artmatlab.ru/article/0o5r6634O5GS6i6A0H1M95w25WiF1g5421pD44G0>.
2. Урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ. Н. И. де Рошефор. 1916. 790 с.
3. Косяков В. А. Морской собор в Кронштадте 1903–1913. Тип. «Якорь». Б. Болотная. 10. 24 с.
4. Косяков В. А. Постройка храма и переустройство прочих зданий подворья Киево-Печерской лавры в С.-Петербурге. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1900. [4], 82 с.
5. Романова Л. С. Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске: (по материалам фонда К. К. Лыгина в Томском областном краеведческом музее). Томск: Д-Принт, 2004. 193 с.: ил.; 30 см.
6. Ешакина А. А., Радзюкевич. Метрологические особенности кирпичного фасада доходного дома Штрауса (арх. В.А. Шретер, И. С. Китнер) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cathedral.ru/_kafedra_xii_

7. Радзюкевич А. В. Храм Спаса на Крови. К вопросу об архитектурных аспектах русской метрологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artmatlab.ru/article/513w2F52X1gq1Dv6GBJ8474fj13Qn4m45n15A2wc/>

УДК 72.03 (470.620)

Субботин Олег Степанович,
доктор архитектуры, профессор
(Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина)
E-mail: subbos@yandex.ru

Subbotin Oleg Stepanovich,
Dr of Architecture, Professor
(Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin)
E-mail: subbos@yandexx.ru

**ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЗОР АРХИТЕКТУРЫ ГОСТИНИЦ
ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИИ**

**HISTORICAL AND ARCHITECTURAL OVERVIEW OF ARCHITECTURE HOTELS
BLACK SEA COAST OF RUSSIA**

Статья посвящена истории развития архитектуры гостиничных зданий на Черноморском побережье России. Отмечены основные составляющие статьи, а именно постановка цели, определены задача, объект и предмет исследования, проведен анализ и обобщение полученных результатов. Обозначено, что указанные объекты играли важную градостроительную роль в формировании застройки городского поселения. Приводятся также наиболее эпохальные объекты, являющиеся памятниками историко-культурного наследия как сохранившиеся целиком, так и утраченные со временем. Установлено, что данные памятники отражают облик исторического периода, в котором они были построены. Особое внимание уделено вопросам сохранения указанного наследия, равно как и инструментам их осуществления.

Ключевые слова: история, архитектура, объект, гостиница, отель, памятник, наследие, сохранение, облик, историческое развитие, Черноморское побережье.

The article is devoted to the history of the architecture of hotel buildings on the black sea coast of Russia. The main components of the article, namely the goal setting, the task, the object and the subject of the study, the analysis and generalization of the results are noted. It is indicated that these objects played an important urban role in the formation of urban settlement. The most epoch-making objects, which are the monuments of historical and cultural heritage both preserved in their entirety and lost over time, are also given. It is established that these monuments reflect the appearance of the historical period in which they were built. Particular attention is paid to the preservation of this heritage, as well as the instruments of their implementation.

Keywords: history, architecture, object, hotel, hotel, monument, heritage, preservation, appearance, historical development, the black sea coast.

Несмотря на то, что существует значительный ряд отечественных и зарубежных научных работ, посвященных исследованию архитектуры гостиничных комплексов, зданий и сооружений, особенно на современном этапе, в настоящее время существует необходимость конкретной систематизации и обобщения регионального исторического опыта архитектурного формообразования данных объектов с учетом градостроительных принципов их расположения, совокупности основных особенностей архитектуры определенного времени, а также приемов композиционной структуры фасадов и используемых строительных материалов.

Целью исследования является изучение и обобщение особенностей исторического развития архитектуры зданий гостиниц, отелей и аналогичных средств размещения на Черноморском побережье России.

Задачи, требующие решения для достижения поставленной цели – сбор и анализ региональных отличительных черт архитектуры гостиничных объектов, в контексте определенного этапа исторического развития.

Объектом исследования выступают историко-архитектурные гостиничные комплексы и их здания, построенные на Черноморском побережье России.

Предмет исследования – объемно-пространственная композиция зданий гостиниц, в контексте исторической ситуации определенного времени, закономерно отразившейся на архитектуре рассматриваемых объектов.

Метод исследования включал в себя установление ценностных характеристик зданий гостиниц, отелей, пансионатов на определенных этапах исторического развития. Принцип историзма позволил рассмотреть архитектуру гостиничных объектов в периоды постепенной эволюции.

Черноморское побережье Российской Федерации представляет собой узкую прибрежную полосу в Краснодарском крае, расположенную между Черным морем и хребтами Большого Кавказа. Указанная полоса, протяженностью около 400 км с учетом изрезанности береговой линии, почти полностью находится в субтропической зоне. При этом 145 км входит в состав Большого Сочи, где морское побережье, напоминающее пляжи Средиземноморья, соседствует с заснеженными горными вершинами курорта Красная Поляна, высота которых превышает 2000 м над уровнем моря [1, с. 211].

Проводя историко-архитектурный обзор гостиниц следует акцентировать внимание на историю становления поселений Черноморского побережья России. «В северо-восточном углу Черного моря, в 5 часах от Керчи и в 4 – от Новороссийска, приютился городок Анапа; небольшой населенный пункт – 15 000 жителей – мало известен и если пользуется хорошей репутацией морского курорта, то среди жителей Кубанской области; широкая публика его почти не знает. Однако курорт привлекает ежегодно на летний сезон до десяти тысяч приезжих, т. е. не чем менее, если не более, чем прославленный Кисловодск [2]».

По архивным сведениям, известно, что человек поселился на берегу богатнейшей Синдской гавани (многие ученые отождествляют Синдскую гавань с Горгиппией – первоначальное название г. Анапы [3, с. 13–15]), которая простиралась от Керченского пролива до современного г. Новороссийска еще в конце VI в. до н. э. (рис. 1). Историю данного региона первыми стали писать еще древние греки, которые основали на берегах Черного и Азовского морей несколько десятков городов-полисов, крупнейшими из которых были Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, Гермонасса, Торик, Танаис. По реке Бугур (перв. название р. Анапка – *прим. автора*) жило небольшое черкесское племя – хегайки (адыг. Хэгъуайкъу – один из адыгских субэтносов). Владелец анапской земли Магомет Гирей Занов разрешил в 1783 г. суджукскому Ферах-Али паше построить на берегу сначала гостиницу для купцов, а потом и укрепить Анапу.

Рис. 1. Древняя Гортиппия [4]

Такое руководство, можно принимать как преднамеренную деятельность по организации гостиничного дела, что и отразилось в дальнейшем на открытии различных предприятий в области гостиничного бизнеса, а именно постоянных гостиничных дворов, представляющих собой прообразы современных отелей. Особо следует отметить их важное значение как своеобразных предприятий гостеприимства – обязательность радушия и заботы о госте. При этом в гостиных дворах не только торговали, в них жили и совершали коммерческие операции. Указ Петра I «Об учреждении постоянных и гостиных дворов» 1719 г. предписывал создавать заведения такого рода во всех городах, где бывают иностранцы.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовался строительством гостиниц на Черноморском побережье России – в гг. Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сочи (Рис. 2–3).

Для освоения Черноморского побережья Кавказа в Сочи, как и во многих других населенных пунктах самой молодой российской губернии действовало мощная государственная организация – Переселенческое управление. В его программу входило содействие переселенцам: отведение им земель для сельского хозяйства, помощь ссудами, медицинская помощь. Так в Сочи имелась больничка на 12 коек для поселян и гостиница для размещения вновь прибывших. Здание гостиницы, построенное в стиле эклектики, находилось на ул. Подгорной. В нем какое-то время (до строительства отдельного здания на ул. Московской) располагалось Общественное собрание. Здание переселенческой гостиницы сохранилось до наших дней, в нем размещается сочинский городской совет ВОИР (рис. 4) [5].

Рис. 2. Геленджик. Здание центральной столовой и центральных меблированных комнат.
Вид на современную ул. Первомайскую

Рис. 3. Новороссийск. Ул. Серебряковская. Вид на гостиницу «Европа»

Рис. 4. Бывшая переселенческая гостиница. Современный вид

Необходимо подчеркнуть, что «рациональная, геометрически правильная планировка исторических центров поселений, как правило, сочеталась со свободными очертаниями водных пространств и природного ландшафта, включала систему доминант, организующих видовые панорамы и перспективы [6, с. 22]».

В большей степени гостиницам отводилась особая роль архитектурных доминант в застройке территории исторической части поселения. Хорошая пространственная композиция и архитектурное решение здания прекрасно обозревались не только с различных видовых точек, но и с просторов водной глади моря. Прослеживалась органическая связь с окружающим природным ландшафтом и соответствие архитектуре того периода, в котором были построены указанные гостиницы. При этом «сохранение высокой степени сложности пластических решений фасадов зданий и акцентов закономерно предполагает сохранение соответствующей плотности застройки [7, с. 26]».

Вместе с тем трудно определить какая первая гостиница была построена в Сочи. К примеру, на плане города 1913 г., из приложения к путеводителю Г. Г. Москвича, изданного в начале XX в., помимо курорта «Кавказская Ривьера» были обозначены 9 гостиниц (в том числе меблированных комнат) и 3 пансиона (Рис. 5). Вдобавок к этому имелись подобные заведения в Хосте и Адлере, бывшими в то время отдельными населенными пунктами.

Одной из первых гостиниц того времени была гостиница «Лондон», расположенная на ул. Пластунской (Войкова). При этом данная гостиница не обладала изысканными формами и закономерными соотношениями геометрических размеров здания, но зато имело один из характерных атрибутов южной архитектуры – террасы – площадки, пристроенные к зданию, расположенные на слегка приподнятых поверхностях от земли и оборудованные местами для отдыха. На вышеупомянутом плане была также обозначена гостиница «Русь», архитектура которой лаконична и совершенно лишена декоративных элементов (Рис. 6–7).

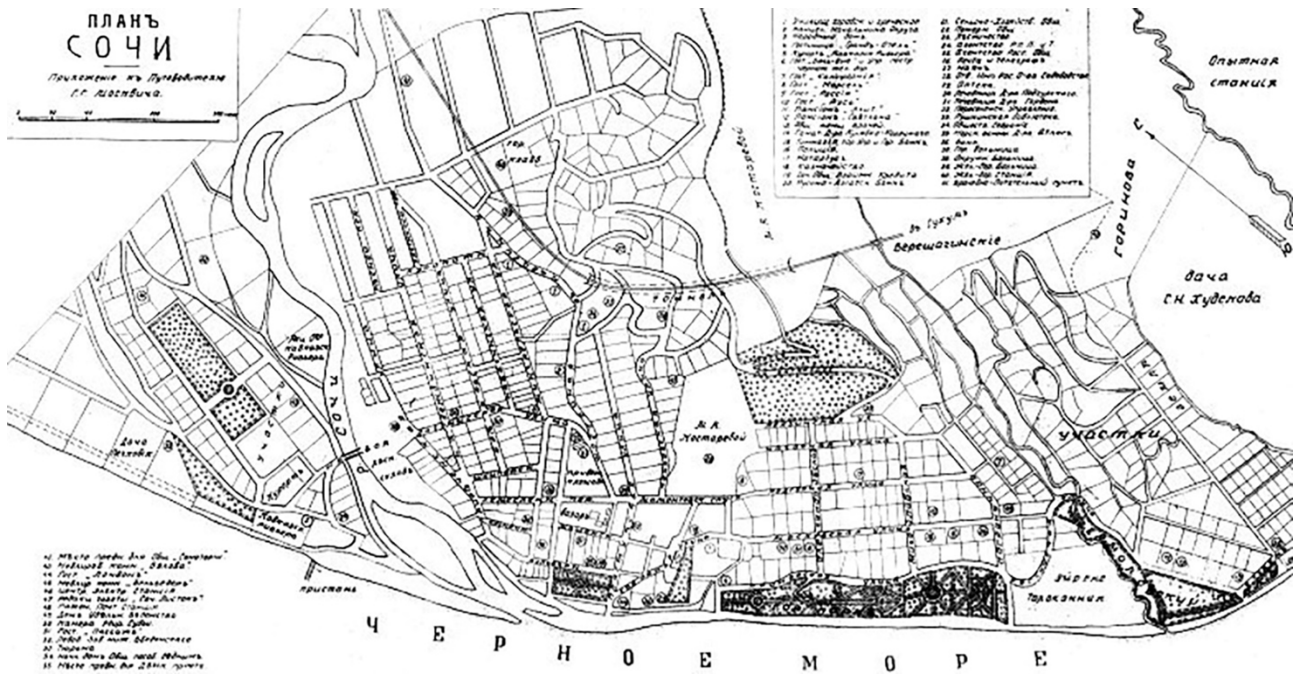

Рис. 5. План Сочи. 1913 г. Приложение к путеводителю Г. Г. Москвича [8]

Рис. 6. Сочи. Гостинница «Лондон», почта и маяк

Рис. 7. Сочи. Гостиница «Русь»

В дальнейшем интенсивное строительство гостиниц на Черноморском побережье приходится на первую половину XX в. и на 1960-е гг. (рис. 8–11). Показательно в данном отношении большое число построенных гостиниц во многих городах побережья, в частности в Сочи и Анапе.

Рис. 8. Большой Сочи. Хостинский внутригородской район. Гостиница «Интурист», 1960–1962 гг.

Рис. 9. Сочи. Гостиница «Приморская». 1960 гг.

Рис. 10. Сочи. Гостиница «Приморская». Современный вид

Рис. 11. г. Анапа. Гостиница «Анапа»

Главный корпус гостиницы «Приморская» на Приморском бульваре г. Сочи был открыт 17 августа 1936 г. При этом первоначально, а именно в 1934 г., проект комплекса на 200 номеров был опубликован в ростовской газете «Молот». Авторами проекта являются ростовские архитекторы В. Н. Наумычев и Я. А. Ребайн. Гостиница выполнена в стиле постконструктивизма – стиля советской архитектуры 1930-х гг. Знаменательно, что до массового строительства гостиниц в 1960–1970-е гг. оставалась лучшей гостиницей города.

Подводя итоги, можно констатировать следующее, что гостиницы «Черноморского побережья представляют собой значительную часть историко-архитектурного наследия Юга России. Они являются памятниками истории и архитектуры, т. е. объектами, обладающими исторической, историко-архитектурной, художественной, научной, мемориальной и иной культурной ценностью. При этом особая роль должна отводиться охраняемому ландшафту – характерной окружающей среде, связанной с исторической архитектурной планировочной композицией, которая должна быть сохранена или воссоздана [9, с. 37]». Взаимодействие архитектуры и ее потребителей является важной мировоззренческой и теоретической проблемой, которая на каждом историческом этапе имеет свои решения [10, с. 10].

На Черноморском побережье России находится значительное количество гостиниц как довольно старых зданий, являющихся памятниками архитектуры или зданий представляющих историческую ценность, так и совсем новых, не уступающих по сервису большим отелям, приобретающим все большую популярность. Но в тоже время необходимо помнить, что в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» объекты культурного наследия – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации.

Поэтому, «необходимо совершенствование системы взаимодействия государственных органов охраны памятников истории и культуры и органов архитектуры и градостроительства всех уровней [11, с. 18]».

Литература

1. Субботин О. С. Укрепления и форты в становлении городов Черноморского побережья // Вестник Волгогр. гос. архит.-строит, ун-та. Сер.: Стр-во и архит, 2013. Вып. 33 (52). С. 211–217.
2. Щепетев В. П. Анапа. Лечебная и климатическая станция – Тифлис, Тип. наслѣдн. К. П. Козловского, 1914. 145 с.
3. Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М.: Наука, 1977. 106 с.
4. Константинов В. А. Анапа: путешествие в прошлое / В. А. Константинов. Анапа, [Б. и.] 2009. 140 с.: ил.
5. Первые гостиницы Сочи [Электронный ресурс]. URL: <http://arch-sochi.ru/author/nutka> (дата обращения: 27.11.2018).
6. Субботин О. С. Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // Жилищное строительство. 2014. № 11. С. 16–22.
7. Субботин О. С. Особенности регенерации кварталов исторической застройки Ч. II // Жилищное строительство. 2012. № 11. С. 26–29.
8. Гордон К. А. Старый Сочи конца XIX – начало XX веков (воспоминания очевидца). Сочи: ЗАО «Дорин», 2005. 163 с.
9. Субботин О. С. Архитектурно-исторические аспекты вилл и дач Черноморского побережья // Жилищное строительство. 2013. № 11. С. 35–38.
10. Птичникова Г. А. Архитектура и потребитель: метаморфозы города под влиянием глобального туризма // Социология города. 2010. № 3. С. 10–14.
11. Субботин О. С. Важнейшие этапы освоения Кубани и стратегия ее развития // Вестник МГСУ. 2011. № 2–2. С. 14–18.

УДК 72.035

Хайруллина Альбина Тагировна,
ассистент
(Казанский государственный архитектурно-
строительный университет)
E-mail: steffanili@mail.ru

Khayrullina Albina Tagirovna,
Teaching Assistant
(Kazan State University
of Architecture and Engineering)
E-mail: steffanili@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ В РОССИИ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

PREREQUISITES OF CREATING OF THE FIRST PSYCHIATRIC HOSPITAL IN RUSSIA

Во второй половине XIX в. в Российской Империи начинается крупномасштабное строительство казенных зданий, предназначенных для общественных нужд. Среди прочих, область здравоохранения выделялась в качестве приоритетного направления. Помимо количества больниц общего профиля и качества оказываемых услуг в них, государство интересовало положение дел с душевнобольными. Эффективным решением этого вопроса стало открытие окружных лечебниц для душевно больных сразу для нескольких губерний. Такого рода заведения предполагалось разместить в крупных городах: Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Харькове, Одессе, Киеве, Вильно и Дерпте (первоначально планировалось в Риге). Первая окружная лечебница для душевно больных была открыта в г. Казани в 1869 году. Статья посвящена выявлению условий и особенностей проектирования и строительства первой в своем роде окружной психиатрической больницы. Исследования проведены на основе архивных материалов РГАДА и НА РТ.

Ключевые слова: архитектура, окружная больница для умалишенных, особенности, объемно-планировочные решения.

From the middle of the XIXth century in Russian Empire began extensive construction of public buildings. Public health was one of the most important lines. Among general hospitals, the state cares about hospitals for mentally ill people. For effective solution of the problem, they founded numerous hospitals in large cities like St. Petersburg, Moscow, Kazan, Kharkov, Odessa, Kiev, Wilno and Dorpat (initially planned in Riga). The 1st district hospital for the mentally ill was founded in Kazan in 1869. Article is devoted to the research of conditions and features of design and construction of the first of its kind district psychiatric hospital. The search is based on archival materials of Russian State Archive of Ancient Acts and National Archive of the Republic of Tatarstan.

Keywords: architecture, district hospital for the mentally ill, construction and planning solutions of hospitals for the mentally ill in XIXth century.

Объектом исследования настоящей статьи является памятник истории и культуры регионального значения «Окружная психиатрическая больница, где в 1893 году работал Бехтерев Владимир Михайлович». Здание, построенное в 1869 году, располагается в глубине квартала, окруженного улицами Николая Ершова, Сеченова, Сибирским переулком, а также лесным массивом (до революции называемым Немецкой Швейцарией).

Цель исследования – выявить предпосылки возведения здания больницы, специально спроектированного в Казани для размещения душевнобольных. Изучению архитектуры зданий медицинских учреждений дореволюционной России посвящены работы Квитницкой Е. Л., Елейниковой В. С., Ишутина О. С. [3–5]. Однако в них не рассматривалась условия появления и проектирования специальных медицинских учреждений, каковыми являются психиатрические больницы.

Во второй половине XIX века в России начинается крупномасштабное строительство казенных зданий, предназначенных для общественных нужд. Это было связано с ростом населения в городах, изменениями социально-экономических условий в государстве, а так же со строительством железных дорог, на всем протяжении которых возводились железнодорожные комплексы с общественными и жилыми зданиями. В этот период в губернских и крупных городах строились здания училищ, институтов, приютов, заводы, фабрики и прочие объекты социальной инфраструктуры. Наряду с этим область здравоохранения выделялась в качестве приоритетного направления, ввиду чего, помимо больниц общего профиля, государство интересовало положение дел с душевнобольными. В это время содержание и лечение такого рода пациентов возлагалось на Приказы общественного призрения.

В ведении Приказов существовали дома для умалишенных, которые открывались постепенно с основания Приказов в 1775 году до второй половины XIX века. Заведения эти находились почти во всех губерниях с той лишь разницей, что некоторые учреждены в виде отделений при больницах, а некоторые в виде самостоятельных учреждений. В столице дела с Приказами Общественного Призрения стояли лучше, ввиду того, что они были в ведении различных попечительских советов. В губерниях же приказы почти ничем не отличались от обыкновенных больниц, и даже их скорее следовало считать местами заключения или местами пользования, тем более, что в них поступали не только больные с психическими расстройствами, но и больные, безумные от рождения. На такое состояние дел домов умалишенных государство обратило особое внимание еще в 1842 году, после объезда домов специальной комиссией. По собранным сведениям оказалось, что все эти заведения находятся в крайне неудобном для призрения умалишенных состоянии, больные в них остаются без всякого лечения по той причине, что само устройство заведений решительно для этого не предназначено. По итогам поездки комиссии в 1844 году был создан специальный комитет, который должен был разработать программу для улучшения условий содержания и лечения душевнобольных. Следствием этого стала идея учредить центральные дома умалишенных для нескольких губерний одновременно. Предполагалось разместить подобные дома в таких крупных городах, как: Санкт-Петербург, Москва, Казань, Харьков, Одесса, Киев, Вильно и Дерпт (первоначальное название Тарту) [1, 6]. С этого периода начинается история строительства первой в Казани психиатрической больницы.

Анализ архивных материалов по данному учреждению показал, что в процессе проектирования было разработано несколько вариантов генплана комплекса психиатрической больницы.

В 1856 году был учрежден новый комитет по устройству окружных больниц для душевно больных под руководством заведующего Преображенской больницей известного психиатра Саблера. Новый совет, рассмотрев ранее разработанный по образцам европейских больниц проект больничного комплекса павильонного типа, по которому предполагалось построить десять отдельных строений, пришел к выводу, что распределение призреваемых по отдельным флигелям потребовало бы многочисленной прислуги и затруднило бы сам надзор за ними. Таким образом, было принято решение, спроектировать комплекс из трех отдельных построек: главного корпуса, предназначенного для призреваемых и лиц, состоящих при заведении; двух флигелей – одного для бани и прачечной, другого – для сарая, конюшни и ледника. Причем главному корпусу должно

было быть дано такое устройство, что бы при необходимости иметь возможность увеличить помещения с помощью пристроев, «не нарушая тем самым удобства и благородного вида здания».

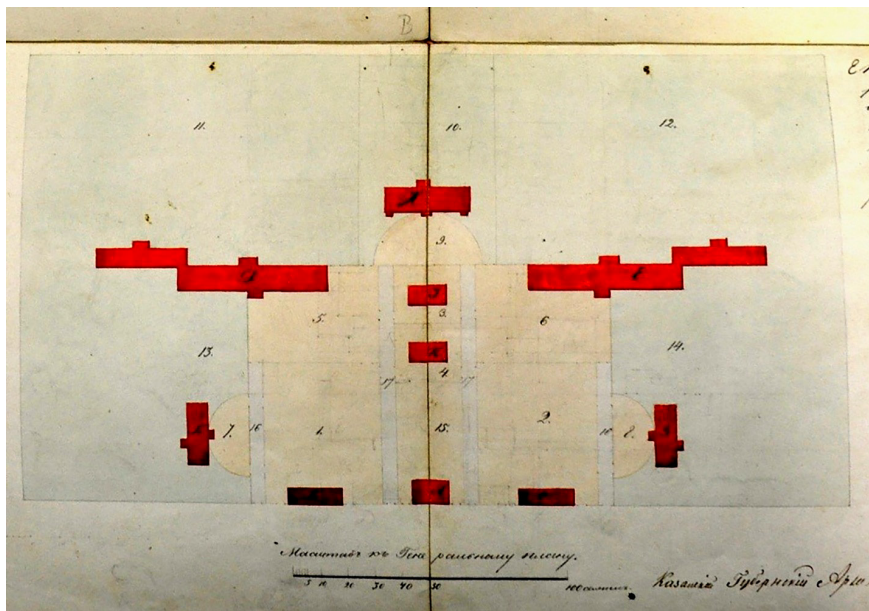

Рис. 1. План общего расположения строений центрального дома для умалишенных на 250 человек больных в г. Казань, вариант 1846 года [1]

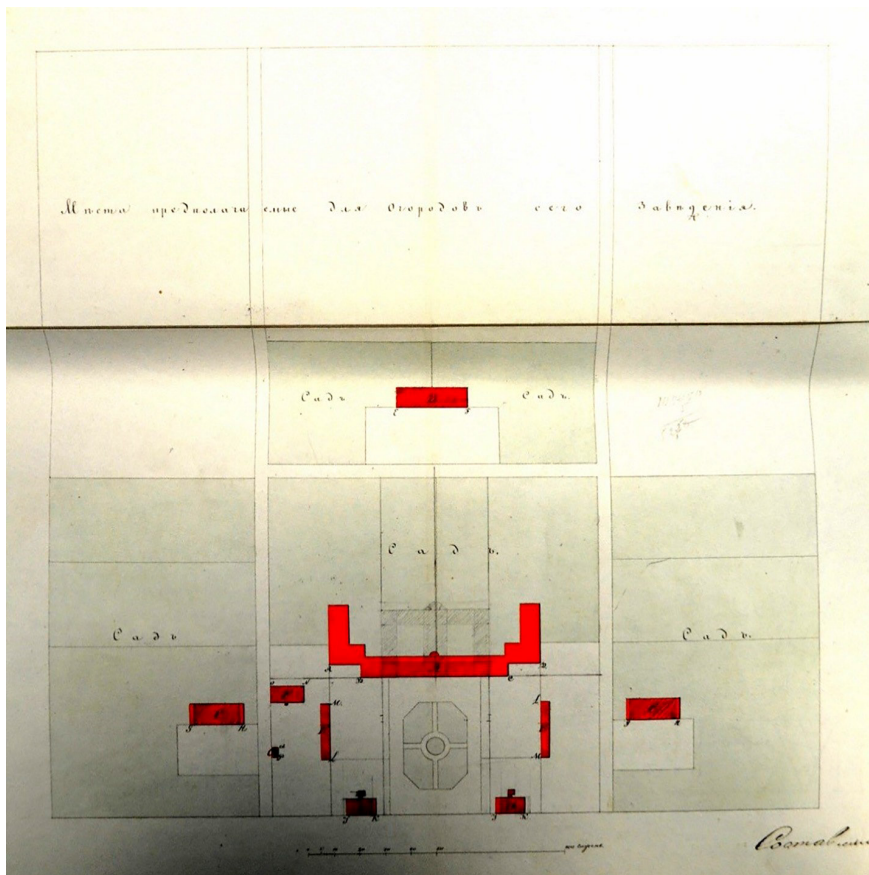

Рис. 2. План общего расположения строений центрального дома для умалишенных на 250 человек больных в г. Казань, вариант 1848 года [6]

Конечно же, было бы весьма не дальновидным начинать строительство сразу восьми окружных психиатрических лечебниц, не имея опыта в строительстве хотя бы одного. Поэтому Комитетом было принято решение, провести некий эксперимент по постройке первой лечебницы в Казани, сократив количество мест с 250 до 150 коек, 100 из которых планировалось отдать мужчинам, а 50 – женщинам. Казанская лечебница, помимо размещения больных губернии, предназначалась и для больных Вятской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерний. Выбору Казанской губернии для строительства больницы способствовало то, что Приказы общественного призрения других губерний «имеют для того сравнительно больше способов, так и потому, что местность под заведение может быть отделена без всяких затруднений и потерь для города». К слову в Вильно и Дерпте (Тарту) участки для размещения больницы предлагалось купить или взять в аренду. И, конечно же, особую роль в утверждении губернии для первого строительства окружной психиатрической больницы стал факт наличия в Казани медицинского факультета Казанского университета.

Первоначально начальник Казанской губернии, генерал-лейтенант Баратынский указал место для строительства на возвышенности на западной стороне городского выгона, идущего от правого берега р.Казанка вверх по течению реки Волга на расстоянии 5 верст от центра города, недалеко от военного госпиталя. Для освидетельствования пригодности указанной местности для строительства была создана специальная комиссия, которая в свою очередь «...нашла оную для этого назначения неудобною, а потому избрала для сего другую местность, именно находящуюся на левой стороне от большой Симбирской дороги в черте городского выгона и отдаваемую ныне городом под хлебопашество» [6]. Для лечебницы была выбрана сухая здоровая местность, в стороне от города, с количеством земли, достаточным для разбивки садов, огородов, а также лесом, пашнями и водой. Судя по картографии участка того периода, он представлял собой трапецию, суженную в сторону Сибирской дороги и максимально расширяющуюся в сторону лесного массива.

Общая смета, включающая в себя строительство трех зданий, устройство коммуникаций, мощения двора, ограды, приобретения мебели и прочего необходимого составила 258 433 р. 35 копеек серебром. К 1859 году смета по проекту архитектора Соболевского по указанию доктора Заблера сократилась до 240 222 рублей 71 копейки серебром. В 1846 году департамент рассмотрения проектов и смет докладывал в департамент искусственных дел «...Департамент по рассмотрению этого проекта, признавая необходимым переделать оный, решил составить новый проект сему зданию, сократив этим издержки против представленного сметного исчисления до 80 000 руб. серебром, так что на возведение всего здания по новому проекту потребуется до 400 рублей серебром». В ходе рассмотрения проекта у Департамента возникли вопросы относительно того, что коридоры были спроектированы шириной 7 аршин, а палаты – шириной 5. Департаментом было рекомендовано все спроектированные пять зданий отдельно стоящих флигелей «объединить в одно здание с необходимым разделением по роду болезней, степени образования и полубольных, а в середине всего здания поместить церковь, которая необходима при таком заведении» [1]. Конечно же, такое решение было продиктовано ничем иным, как экономией, ведь по предположению департамента издержки не только не должны были увеличиться, а наоборот уменьшиться. По результатам собранных замечаний, было подготовлено несколько проектов комплекса Окружной психиатрической лечебницы.

После многочисленных корректировок, проект был согласован 2 марта 1861 года [7], однако, позже были высказаны обширные замечания к утвержденному проекту, среди прочих связанные с отсутствием разделения на отдельные помещения по группам различного рода больных, классам, недостаточности ретирад, а так же с тем, что помещения палат примыкали непосредственно к квартирам служащих. Следствием чего стали корректировки в проекте, хотя на тот момент уже были заключены договоры с подрядчиками – производителями работ, и часть работ по строительству уже началась.

По Высочайше утвержденному плану (от 8 апреля 1862 года) на постройку психиатрической больницы в Казани здание это было предложено выстроить в 2 этажа на 150 человек. Строительство больницы уже было начато и до этого времени уже выведен фундамент главного корпуса, а в текущем году планировалось устройство крыши. Между тем, по соображениям МВД, изначальный комплекс заведения должен будет оказаться недостаточным. Соображения эти были основаны на том, что к этому времени в богоугодных заведениях губерний, причисленных к округу Казанской психиатрической больницы, число душевно больных составляло свыше 150 человек. В этих условиях поступило ходатайство Оренбургского и Самарского генерал-губернатора в предоставлении нескольких кроватей для больных умопомешательством Уральского Казачьего войска.

Военное министерство для этого изъявило готовность ассигновать из войсковых сумм соответствующее количество денег в счет капитальной суммы на постройку. Помимо этого не причисленные к округу по удаленности от Казани губернии: Оренбургская, Пермская и Астраханская требовали помещения больных в Казанский дом, как в единственный для юго-восточного края. В письме Министерства внутренних дел Главному управляющему Путей сообщения и Публичных зданий от 27 февраля 1864 года сказано, что «...Министерство внутренних дел по личному соглашению с приглашенным сюда членом Комитета по устройству Окружного дома, Архитектором Жуковским, остановилось на предположении о надстройке над главным корпусом еще 3-го этажа» [7].

К 1865 году становится ясно, что комплекс необходимо увеличить. На утверждение Комиссии были представлены планы на пристройку двух одноэтажных флигелей к главному корпусу больницы, однако, комиссия выявила ряд неудобств. Комиссия нашла полезным вместо 28 отдельных комнат, показанных по плану, предоставленному Казанским Комитетом, для 40 служащих, назначить меньшее число комнат более обширных, размещая их посередине двух соседних отделений. Учитывая, неопытность на первых парах персонала больницы главным врачом больницы А. У. Фрезе, было предложено отказаться от гимнастического зала в пользу организации мастерских для больных. Однако, терапия того времени требовала проведение ежедневной гимнастики, поэтому размещение гимнастического зала все же было согласовано. Комиссия признала полезным устроить два отдельных хода на кухню для мужской и женской прислуги, удалить от соседства с кухней на некотором расстоянии прачечную с сушильной и баней, а саму кухню увеличить. Кухня, пекарни и кладовые были спроектированы таким образом, что бы можно было готовить пищу приблизительно для 285 человек, пекарню для приготовления около 200 фунтов белого и 500 фунтов черного хлеба в день, такие же соответственные кладовые и погреба для размещения припасов, судомойную и небольшую комнату для раздачи пищи с двумя отдельными сходами в нее. Наконец Комиссия нашла полезным – в обеих одноэтажных флигелях над коридорами устроить своды для безопасности на случай пожаров.

Рис. 3. План общего расположения строений центрального дома для умалишенных на 150 человек больных в г. Казани, утвержденный в 1861 году [8]

Помимо планов флигелей, на утверждение Комиссии предложены были планы бани и прачешной с сушильной, составленные архитектором А. Жуковским, вместо таковых же, составленных строителем Казанского дома умалишенных Архитектором П. Жуковским. К данному плану были высказаны замечания по поводу неудобного месторасположения и большого количества необходимой для обслуживания прислуги. Ввиду чего комиссия решила устроить одну баню с прачешной позади среднего флигеля на расстоянии

5 аршин от второго колодца и соединить постройку с кухней крытой галереей [6]. В исторических документах встречается информация, что доктор А. У. Фрезе и архитектор Жуковский были направлены за границу для изучения опыта строительства психиатрических лечебниц. Однако, до сих пор не удалось выяснить кто же из двух братьев Жуковских сопровождал доктора А. У. Фрезе: Андрей Тимофеевич – академик архитектуры или же его младший брат архитектор и заводчик Петр Тимофеевич.

Несмотря на значительные корректировки проекта пристроек к главному корпусу, Комиссия решила согласовать представленные планы одноэтажных флигелей, а так же проект бани с прачечной и сушильной (в 1865 году проект флигелей был высочайше согласован, и к лету 1866 года планировалось скорое их возведение). Помимо этого, было решено отапливать выстроенное здание лечебницы печами по системе архитектора Связева.

Последующие обсуждения 1866 года выявили ряд недостатков в отоплении печами не только с экономической точки зрения, но и со стороны безопасности и гигиены. Нагревающиеся элементы печей, учитывая специфику заведения, могли бы стать дополнительным источником опасности, нагревание происходило бы неравномерно, температуру и влажность воздуха было бы сложно регулировать. На тот момент существовал ряд удобных типов отопления для таких больших заведений: паровое, водяное и калориферное. Первоначально водяное отопление было исключено еще в 1865 году в угоду печного, ввиду стоимости и сложности в обслуживании – металлические трубы достаточно скоро ржавели и требовали ремонта. Однако годом позже Комиссия вернулась к рассмотрению такого типа отопления. После долгих обсуждений экономической целесообразности, трудности эксплуатации и прочих параметров, было принято решение в пользу парового отопления и завода «Сан Гали» [7].

Ко дню открытия, лечебница представляла собой больничный городок с развитой инфраструктурой, в котором располагались отделения для душевно больных, а также помещения для проживания сотрудников больницы во врачебных и надзирательских корпусах. Больница имела свою домовую церковь, ей придавалось большое значение. Открытие клиники началось с освящения этого храма во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Эта икона с надписью «Нагим – одеяние, больным – исцеление» в настоящее время находится в музее клиники.

Таким образом, исследование условий и особенностей проектирования и строительства психиатрической больницы в Казани позволяет сделать следующие выводы:

С середины XIX в. в России началось проектирование и строительство специализированных медицинских учреждений для душевно больных.

Предпосылками создания таких медицинских учреждений являлось не только осознание необходимости специфического лечения и содержания душевнобольных на основе изучения зарубежного опыта, но и попытки разработать их более эффективную типологию и функциональную взаимосвязь построек.

Разработка проекта и строительство первого комплекса психиатрической больницы для России проходила в Казани в течение 20 лет. Особенность этого процесса заключалась в том, что путем внесения постоянных изменений и переделок проекта психиатрической больницы Казани отрабатывались новые требования к организации и проектированию специфических медицинских учреждений подобного типа для дальнейшего распространения их в других регионах России.

Рис. 5. Одно из ранних изображений Казанской окружной психиатрической больницы

Литература

1. Дело о представлении проекта дома для умалишенных в городе Казани // РГИА Ф. 218 Оп. 4 Д. 149
2. Елейникова В. С. Медицинские учреждения Гродненщины в XIX – начале XX вв. // Историко-медицинские памятники и здравоохранение Гродненщины: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 500-летию Ф. Скорины. 1990. С. 25–30.
3. Ишутин О. С. Исторический очерк становления и развития военно-госпитального дела на территории Беларуси. XIX в. // История военной медицины. 2013. С. 146–153.
4. Квитницкая Е. Д. Госпитали Белоруссии в первой половине XIX в. // Архитектурное наследство. 1982. № 30. С. 46–59.
5. Квитницкая Е. Л. Архитектура лечебных зданий Белоруссии в первой половине XIX в. // Архитектурное наследство. 1984. № 32. С. 103–113.
6. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1845 г. Об устройстве центрального дома для умалишенных в городе Казани, часть 1 // РГИА Ф. 1287 Оп. 13 Д. 141.
7. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1845 г. Об устройстве центрального дома для умалишенных в городе Казани, часть 2 // РГИА Ф. 1287 Оп. 13 Д. 142.
8. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1862 г. Проект на постройку здания для умалишенных в Казани /чертежи/ 11 августа 1862 г. // РГИА Ф. 1287 Оп. 17 Д. 1145.

УДК 72.03: 322(323.2 – 327.2)

Чайникова Олеся Олеговна,
аспирант
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: restavr2015@gmail.com

Chainikova Olesya Olegovna,
postgraduate student
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: restavr2015@gmail.com

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ

ARCHITECTURAL HERITAGE OF SAINT PETERSBURG AND POLITICAL REFORMS IN RUSSIA

Целью исследования является обзорное обращение к истории отечественного опыта в части влияния политических реформ на архитектурные стили и историю архитектурных построек. В рамках данной статьи осуществлено выявление механизмов влияния государства и политических реформ на современную им архитектуру. Данным исследованием определена современная идеология и современные подходы к памятникам архитектуры на фоне действующего законодательства, а также современных реформ в сфере сохранения объектов культурного наследия. Исследованием выявлена необходимость пересмотра норм действующего законодательства как мирового, так и отечественного.

Ключевые слова: архитектурное наследие, влияние, политика, политические реформы, идеология государства, памятники архитектуры.

The aim of the study is to review the history of domestic experience in terms of the impact of political reforms on architectural styles and the history of architectural buildings. Within the framework of this article, the mechanisms of state influence and political reforms on the modern architecture were identified. This study defines the modern ideology and modern approaches to the monuments of architecture according to the current legislation, as well as modern reforms in preservation of cultural heritage. The study revealed the need to review the existing norms of both international and domestic legislation.

Keywords: architectural heritage, influence, politics, political reforms, ideology of the state, monuments of architecture.

История мировой архитектуры наглядно показывает развитие архитектуры и прямую его зависимость от политических ситуаций и реформ, которые, в конечном счете, выражались в появлении новых стилевых направлений и их особенностей. В процессе «эволюции» архитектурной деятельности появлялись новые технологии, выделялись новые технологические дисциплины, такие, например, как строительные материалы, строительные конструкции, архитектура и архитектурные стили, градостроительство, реставрация наследия и прочее.

Исторический экскурс в глубь веков наглядно демонстрирует причины появления каждого стилевого направления, определяет степень влияния исторических событий, персонажей и их политики и ценностных критериев в отношении архитектурных памятников старины.

Так с момента образования Русского государства восточными славянами в конце X в. после принятия ими христианства, на территорию государства проникают новые способы строительства, дерево постепенно заменяют камнем на фоне «заимствования» у византийцев их архитектурного стиля, в частности, для церковного строения. В результате этого уже к XIII веку новгородские церкви в конструкции купольной системы выявляют собственные черты сводчатых перекрытий, определяющих и внешний вид церквей.

В XV веке Москва становится центром Российского государства, Кремль перестраивается, возводятся новые каменные строения, но влияние византийской архитектуры еще сильно и проявляется в постройках XVI–XVII веков [1, с. 66].

Северные районы России, находясь далеко от податливых различным переменам центральных районов, долгое время остаются стабильны и в архитектуре, применяя при строительстве имеющееся у них в изобилии дерево [2, с. 10].

XVI–XVII века в Европе характеризуются слабой позицией католической церкви на фоне укрепления господства светской власти, что, в свою очередь, сказывается на архитектуре появлением мощного и величественного стиля барокко [1, с. 127].

Именно в период барокко европейские города и ландшафты приобретают размеры, не известные средневековью. Закладываются основы научного подхода к формированию структуры города – его композиционной основы, обрастающей монументальными сооружениями светского и церковного характера, а также задействуется естественный рельеф. Здания и строения приобретают иной масштаб, значительно превышающий строения прошлых веков.

На Россию европейские перемены оказали свое влияние, выпавшее на период царствования Петра I, который завоевывает новые территории и с особым размахом создает новую столицу [Там же, с. 135]. Реформы царя кардинальным образом меняют архитектуру России, ее стили, применяемые материалы и технологии строительного производства, осознается значимость и ценность памятников старины, необходимость их охраны [3; 4; 5]. Петром закладываются основы инженерного строительства – появляются гидротехнические сооружения, уникальные фонтанные системы, развивается ландшафтная архитектура, создаются дворцово-парковые комплексы, ансамбли.

Последователи Петра I продолжали проекты, начатые их сверстниками, смелым предком-созидателем. С течением веков сменялись правители, их политика, вкусы и мода, которые влияли, в том числе, и на архитектуру, архитектурные стили. Определяя и формируя новые направления, здания подвергали перестройкам, поновлениям, при этом ценность прошлого проявлялась в сохранении зданий и наделении их статусом памятников старины.

К началу XX века Санкт-Петербург обогатился огромным количеством шедевров архитектурного искусства, из числа которых были объекты религиозного назначения – костелы, церкви, мечеть, синагога; здания светской архитектуры – театры, университеты, училища, больницы, цирк, пассажи, торговые дома; жилые здания – дома, усадьбы, резиденции; объекты монументальной архитектуры и прочее.

Переломным, как для России в целом, так и для Санкт-Петербурга в частности, стал 1917 год. В большей степени созидательный режим абсолютной монархии сменился тоталитарным режимом советской власти с ее идеологическими принципами внедрения во все сферы, и в первую очередь – социально-культурную.

К 1918 году город пришел с богатейшим наследием империалистической России. Воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов призывает беречь и сохранять «огромное наследство», которое теперь «принадлежит всему народу», как «воплощение духовной силы вашей и предков ваших» [3, с. 382].

При этом Декреты Совета Народных Комиссаров один за другим постановляют о прекращении выдачи средств на содержание церквей и их служителей, о снятии па-

мятников царям и их подданным, об упразднении Академии художеств, о реорганизации архивного дела, о национализации художественных галерей, усадеб, домов, дворцов [3; 4]. Одновременно с этим утверждаются списки новых героев, памятники которым должны быть воздвигнуты, запрещается вывоз и продажа за границу предметов, имеющих историко-художественное значение, постановляется охрана библиотек и книгохранилищ, о превращении дворцов, монастырей в музеи и прочее [3; 4].

На фоне политической антирелигиозной пропаганды, «идеологического давления и жестких партийных установок» за несколько десятков лет было истреблено, перестроено, необратимо изменено огромное количество зданий и строений религиозного назначения [3; 4; 5]. В лучшем случае памятники архитектуры приспособлялись под овощные склады, увеселительные заведения – клубы, дома культуры, кинотеатры и прочее, нередко, просто уничтожались. Усадьбы, особняки, дворцы приспособлялись в лучшем случае под музеи, центры просвещения, административные учреждения. Утрата богатого убранства интерьеров, изменение архитектурно-художественного облика архитектурных сооружений – наиболее частое явление и итог революции и перипетий того периода.

Масштабное послевоенное восстановление и строительство не позволяли восстанавливать богатое убранство интерьеров дворцов, домов, усадеб, сохранившиеся после разрушений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в полном объеме и качестве, ввиду условий, продиктованных новой функцией, отсутствием квалифицированных кадров, условий стихийных работ, дефицита финансирования и прочее. В лучшем случае, все ценности убирались в запасники, часть – восстановлена и занимает свое место в экспозициях музеев города. При этом современным правительством признавалась ценность объектов старины, что подтверждают Постановления Совета Министров РСФСР периода послевоенного восстановления 1947, 1948, 1949 годов об охране памятников [3, с. 461–472].

Диктатура пролетариата, вождя И. В. Сталина являлась единственным контролирующим органом в формировании новой культуры советского народа. Политическая экспансия И. В. Сталина привела к образованию так называемого государственного стиля – единого во всех жанрах и видах искусства. Позднее этот государственный стиль менялся, пройдя все «классические» этапы развития – ранний сталинский неоклассицизм, зрелый, поздний (сталинский ампи́р). Массовые разрушения архитектурных строений в период послевоенных восстановительных работ восполнялись зданиями и сооружениями, в том числе, в «государственном стиле», продиктованном современной идеологией.

В настоящее время по всей территории России встречаются представители как «государственного стиля», так и жертвы господствующей политической идеологии того времени, которые ждут своего возрождения, воссоздания исторического архитектурного облика, возвращения функционального, социально-культурного значения. Церкви стоят обезглавленные. Уникальные дворцовые, усадебные комплексы, загородные резиденции (дачи), особняки искажены поздними перестройками и перепланировками до неузнаваемости, нередко – необратимо, многие – заброшены и погибают в забвении.

Последствия политической экспансии советского времени ощущаются и в наши дни. Именно масштаб утрат на фоне современного законодательства, постулатов международных норм о запрете воссоздания памятников архитектуры особенно обостряет эту проблему – проблему сохранения объектов культурного наследия.

Политика сегодняшнего дня в отношении памятников архитектуры продиктована положениями 73-ФЗ, в котором перечень мероприятий по сохранению объектов культурного наследия определен четко: так «воссоздание» возможно лишь «утраченного объекта культурного наследия» согласно ст. 47 Закона, и возможно «в исключительных случаях при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости указанного объекта и при наличии достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания». В п. 2 ст. 47 Закона говорится о принятии решения о воссоздании утраченного объекта культурного наследия Правительством Российской Федерации, на основании заключения историко-культурной экспертизы, «с учетом общественного мнения, а также в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения с учетом мнения религиозных организаций».

Исторически архитектура зависела и была под влиянием политики, политических реформ, политических деятелей. Интерес к архитектуре, деятельность, ее развитие и совершенствование напрямую зависели от политической обстановки, климата внутри страны. Смелость, решительность, амбициозность правителей определяли характер и интенсивность изменений в архитектуре, появление новых стилей, формирование научного подхода, законодательной базы и степень востребованности архитектурной деятельности в государстве.

Современный подход к деятельности на памятниках архитектуры выявляет нестабильный, волнообразный подход, недальновидность и неувязку, а порой и прямое противоречие в законодательных нормах и, как следствие, «страдают» только памятники.

Таким образом, действующее законодательство в сфере памятников архитектуры, требует доработки и уточнения в части «расширения» понятия воссоздаваемых объектов, как например, руинированных и разрушающихся, а также разрушенных и утраченных. Современное общество должно бить тревогу о безвозвратной утрате архитектурного наследия, редких представителей отдельных эпох и стилей, не говоря о невозвратности достояния национальной культуры.

Литература

1. Станькова Я., Пехар И. Тысячелетнее развитие архитектуры / Пер. с чеш. В. К. Иванова; под ред. В. Л. Глазычева. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1987. 296 с.: ил.
2. Красовский М. В. Энциклопедия архитектуры. Деревянное зодчество. СПб.: Сатисъ, 2002. 385 с.: ил.
3. Охрана культурного наследия в документах XVII–XXвв. Хрестоматия, Т. I. М.: изд. Весь Мир, 2000. 528 с.
4. Охрана памятников истории и культуры. М.: Сов. Россия, 1973. 192 с.
5. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов / М. А. Полякова. М.: Дрофа, 2005. 271 с.: ил.

УДК 762:72.012:528.9,,15/16”

Черная Елена Александровна,
канд. педагог. наук, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: elena.chernaya.75@mail.ru

Chernaya Elena Aleksandrowna,
PhD of Pedagogic Sci., Associate Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: elena.chernaya.75@mail.ru

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОРОДА В ГРАВЮРАХ XVI–XVII ВВ.

METHODS OF FORMING THE IMAGE OF THE CITY IN THE ENGRAVINGS OF THE XVI–XVII

На примере исследования образцов картографии, гравюр городов, выполненных западноевропейскими мастерами XVI–XVII вв., представленных в книге Георга Брауна и Франца Хогенберга «Города мира», рассмотрен аспект их возможной классификации по композиционному приему. В таблице представлены элементы формального языка композиции, комбинации которых применяются мастерами для формирования визуального образа города, что позволило нам выявить закономерности и логику построения произведений, композиционное мышления мастеров. Граверы, в зависимости от решаемых задач, применяли различные контрастные противопоставления для фиксации характерных признаков архитектурно-пространственной композиции изображаемых городов, которые в воображении человека способствовали формированию образа города (например, противопоставлялись в одном изображении два вида проекций объема на плоскость – центральная и параллельная).

Исследование изобразительного языка и закономерностей композиции гравюр XVI–XVII вв., необходимо, для понимания истоков языка архитектурной графики.

Ключевые слова: гравюра, «атлас городов земного мира», картография, архитектурная графика, формальная композиция, изобразительный язык художника.

On the example of a research of samples of cartography, engravings of the cities executed by the Western European masters of the 16–17th century of the century presented in Georg Braun and Franz Hogenberg book of “Cities of the World” the aspect of their possible classification by composition method is considered. Elements of formal language of composition which combinations are applied by masters to formation of a visual image of the city that allowed us to reveal regularities and logic of creation of works (composite thinking of masters) are presented in the table. Engravers depending on solvable tasks applied various contrast oppositions to fixing of characteristic signs of architectural and spatial composition of the represented cities which in imagination of the person promoted formation of an image of the city (for example, two types of projections of volume to the plane – central and parallel were opposed).

The research of graphic language and regularities of composition of engravings of the XVI–XVII is necessary, for understanding of sources of language of architectural graphics.

Keywords: engraving, „atlas of the cities of the terrestrial world“, cartography, architectural graphics, formal composition, graphic language of the artist.

Рассматриваемое в статье книга «Города мира» Георга Брауна (Georg Braun, 1541–1622) и Франца Хогенберга (Franz Hogenberg, 1535–1590) является современным переизданием шести книг, вышедших с 1572–1617 гг., и включающих карты городов («Атлас городов земного мира», «Civitates Orbis Terrarum»), прилагаемых к географическому атласу фламандского географа Абрахама Ортелиуса (1570 г., Кельн) – «Theatrum Orbis Terrarum», который неоднократно переиздавался.

Церковнослужитель, клирик, теолог Георг Браун (1541–1622) был редактором приложения к атласу А. Ортелиуса, осуществил переписку со всеми его участниками проекта: учеными, художниками, топографами. Карты были дополнены его комментариями включающие заметки путешественников, справочное сведения о городах (история, уклад жизни людей, архитектура и т. д.).

Автором идеи дополнения атласа иллюстрациями, более 500 городов Европы, принадлежит фламандскому графику, гравёру и картографу Франц Хогенберг [1, с. 12], который был автором многих гравюр атласа А. Ортелиуса, так и его четырех приложений. Он был «автором гравюр с первого по четвертый том данного издания и контролировал работу других гравёров» [1, с. 28]. Ручная окраска гравюр выполнена частично художником, гравёром Авраамом де Брюном (Abraham de Bruyn, 1538–1587) [1, с. 12].

Перечень изображаемых городов был определен заранее в результате переписки Г. Брауна с мерами городов, желающими популяризировать и прославить свой город, приславшими материалы о своем городе – «перспективы городов и поселков вместе с сопроводительным описанием, который мог быть включен в сопроводительный текст к картам» [с. 8]. Таким образом для создания гравюр городов и поселков были использованы как ранее выполненные гравюры и карты городов, так и новые сведения топографов, художников, исследователей, полученные в результате переписки.

Автор вступительной статьи Рем Колхас (Rem Koolhaas), голландский архитектор, теоретик архитектуры, обратил внимание на важность переиздания гравюр карт, ибо с 1572–1617 период исторической смены социально-экономических отношений с феодальной на рыночную. При сравнении гравюр, представленных в книге и виртуальных карт, очевиден их контраст. Современные навигационные системы «делают мир осязаемым и невероятно конкретным; они позволяют нам не знать и забыть» информацию [с. 7].

Как известно, изображение, с одной стороны, – способ познания и синтеза представлений человека сформированного о городе в результате чувственного познания (с помощью пяти органов чувств), так и рационального (с помощью разума, интеллекта, мыслительной деятельности), с другой стороны, – способ коммуникации, общения и передачи информации между группами людей посредством изобразительного языка, способствующего воссозданию трехмерного образа объекта и пространства в воображении человека. Неслучайно Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон при описании термина «композиция» пишут, следующее – композиция, «сочинение художником его произведения, т. е. перенесение» «...» «линий, форм и образов», а далее составление из них, при помощи средств и технических приемов» «...» «органического целого, определенно выражающего задуманного им содержание» [2, с. 904]; композиции как правило существуют ограниченный набор элементов, автором продумывается индивидуальная структура их соединения.

В интернет-картах создается иллюзия отсутствия границ (информационных, количественных, и т. п.), информационной безграничности, предоставляется широкий спектр получения узко специализированных данных (разные виды карт). Пользователь сам определяет разный визуальный сценарий, динамику, скорость движения в виртуальном пространстве и раскрытия информации.

Именно описанные выше различия двух видов карт привлекли внимание Рема Колхаса. На примере гравюр из «Атласа городов земного мира» [1] выявим элементы изобразительного языка и их комбинации, т. е. формальную композицию гравюр, для раскрытия особенностей организации их динамической композиции. Выявим гравюры различные

по структуре и содержанию, по решаемой в них изобразительной задаче, а также образу пространства.

Согласно геометрии Эвклида, объективное пространство имеет три измерения, композиция объема фиксируется при помощи ортогональных проекций на плоскость. По мнению архитектора, доктора искусствоведения Г. Б. Борисовского, «искусство нельзя свести к формулам трехмерной геометрии», так как оно имеет еще два измерения [3. с. 62]:

- четвертое – «целостность» («особый вид измерения предметов, отнесенный к человеку»);
- пятое – чувственное восприятие, связанное со временем.

По мнению В. А. Фаворского в процессе изобразительной работы над произведением график стремится к «цельности зрительного образа» при помощи композиции и, цельности «двигательной формы» – конструкции, организованного изобразительного материала [4, с. 212–213]. В рассматриваемых гравюрах выявим применяемые мастерами приемы композиции как итога их изобразительной работы и композиционного мышления.

Если предположить, что целое – это композиционная система, состоящая из частей, где важные организованные между ними взаимосвязи, где множество элементов, находясь в отношениях, связях друг с другом на разных уровнях композиции, в результате они образуют определённую целостность, единство.

Рассмотрев 539 гравюр XVI–XVII вв. из книги Георга Брауна и Франца Хогенберга «Города мира» [1] были выявлены следующие их различия:

- а) разные объекты изображения – страна, город, ансамбль, комплекс зданий;
- б) разные задачи:
  - фиксация существующей архитектурно-пространственной композиции города;
  - формирование на плоскости образа города;
  - фиксация топографии изображаемой территории;
- в) контрастные варианты расположения и размера пятна города на формате;
- г) разные типы композиции применяются мастерами для изображения разных расстояний между городами (менее 5 км; от 5 км до 20 км; от 20 км 200 и более; от 300 км и более);
- д) горизонт или отсутствует, или располагается в одной из трех зон формата, например, в верхней или средней его части (Табл. 1, I, б);
- е) на изображении фиксируется или несколько уровней горизонта (Табл. 1, III, б) или один уровень горизонта (Табл. 1, III, в).

На основе рассмотрения гравюр городов нами были выделены семь типов гравюр: топографическая схема страны; план-схема города; наглядная схема города; панорамы города; ансамбли и комплексы; ведуты; пейзажи с включением города.

На рисунке 1 представлены две разные композиции городов. На Рисунке 1 (а) пятно города максимального размера на формате. Коричневым цветом на рисунках обозначено пятно города, желтым цветом (Рис. 1, б) – расположение города на формате. На рисунке 1 (б) горизонт расположен в верхней части формата, а также в композиции несколько уровней горизонта.

В таблице 1 можно видеть формальный язык композиции гравюр, здесь представлены возможные варианты размещения пятна города на гравюре и изобразительные прие-

мы моделирования образа на плоскости. В таблице 2 представлены разные комбинации элементов композиции, способствующие раскрытию главных архитектурно-пространственных характеристик изображаемых городов.

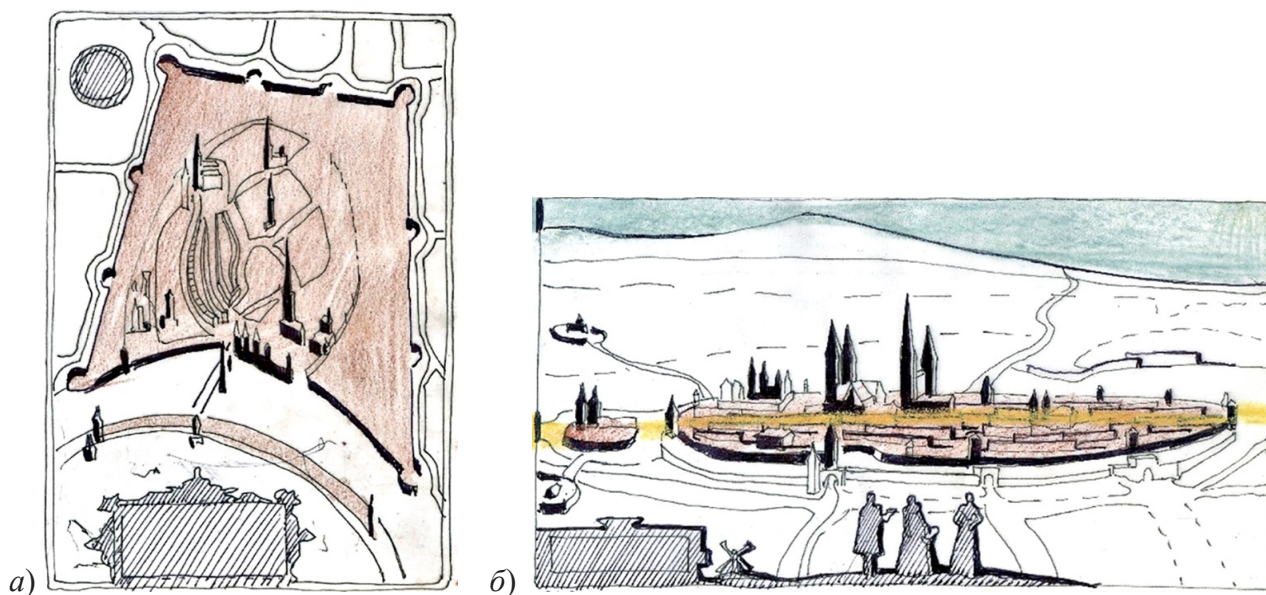

Рис. 1. Примеры разных типов композиции гравюр городов:
а) план-схема французского города Гренобль (Grenoble) [1, с. 214];
б) схема германского города Хальберштадт (Halberstadt) [1, с. 248]

Гравер в процессе изобразительной работы выбирал те способы связи отдельных частей произведения, которые решали изобразительные задачи:

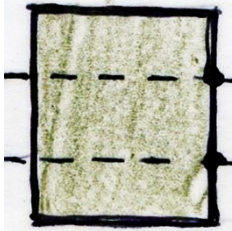
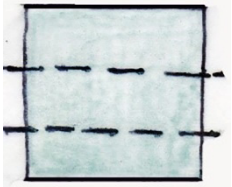

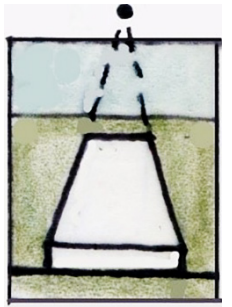
- раскрыть условно точные характеристики изображаемой архитектурно-пространственной композиции города – геометрические и метрические (Рис. 1, а);
- представить характеристики города с учетом зрительного восприятия человека (издалека и вблизи) (Рис. 1, б);
- осуществить информационную коммуникацию посредством изображения, т. е. презентацию города или системы городов, раскрыть их значимость для страны и историю места, представить архитектурные достопримечательности города и показать его жителей.

В таблице 2 представлены разные типы композиции гравюр, в зависимости от поставленной изобразительной задачи. Они имеют разный визуальный сценарий движения в условно трехмерном пространстве гравюры. Он осуществляется при помощи разных контрастных отношений изобразительного материала (пятен) и противопоставления способов моделирования объемов на плоскости, столкновения диагональных направлений и фронтальных плоскостей.

При изображении точных характеристик города преобладает определенный вид проекции на плоскость (вид сверху или спереди).

Композиция гравюры многоуровневая, в формировании ее целостности участвуют ограниченное число элементов, находящихся между собой в определенных отношениях. С увеличением сложности решаемой задачи, увеличивается и количество применяемых на гравюре контрастных отношений.

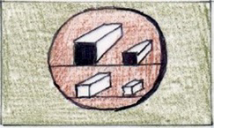
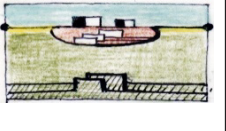
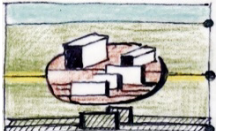
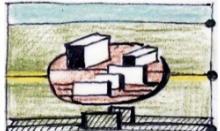
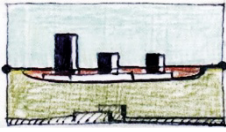
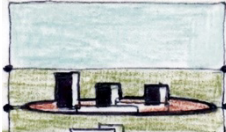
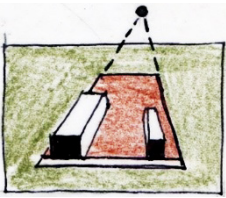
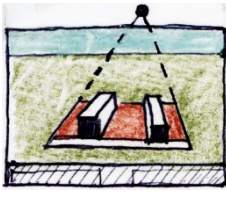
Язык формальный композиции гравюр XVI–XVII вв. – элементы [1]

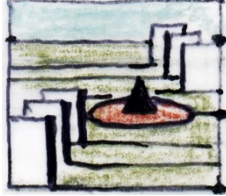

№	Схема	Примечание	№	Схема	Примечание
I Три варианта деления границ изображаемого пространства и расположения уровня горизонта					
А)		Разделение границ изображаемой территории, с учетом расположения визуальной позиции рисующего, на три зоны (части): первую, вторую и третью (ближнюю, среднюю и дальнюю)	Б)		Разделение формата на три зоны возможного расположения в горизонте на изображении в верхней, средней и нижней его части
II Три контрастные размера пятна изображаемого города					
		Возможны три контрастные варианта размеров изображаемого пятна города в выявленных нами типах композиции гравюр городов			
III Три способа формирования глубины пространства					
При помощи плоскостей, перемещения пятен на плоскости и смещения их или вверх или влево и право					
А)		Чередование изображаемых плоскостей с перекрытием их нижних частей	Б)		Чередование плоскостей в глубину пространства с выявлением их основания
При помощи перспективы (диагоналей)					
В)		Перспектива	Г)	Аксонометрия	

№	Схема	Примечание	№	Схема	Примечание
IV	Контрастных отношений				
A)		Противопоставление на одном формате двух видов проецирования на плоскость проекций. Разрыв визуальных связей между проекциями	Б)		Противопоставление на одном графическом листе нескольких изображений одной и той же формы, но разного размера или относительно положения визуальной позиции (близко-далеко). Нерезорванные визуальные связи между разными изображениями.

Таблица 2

Формальный язык композиции гравюр XVI–XVII вв. – комбинаторика элементов на гравюрах, влияющая на формирование разных образов города

	Тип гравюры города	Авторские рисунки-схемы			
1)	Топографические схемы стран				
2)	Топографические планы городов				
3)	Схемы городов				
		План-схема города	Схема города	Схема города	Схема города
4)	Панорамы городов				
5)	Ансамбли, комплексы				

	Тип гравюры города	Авторские рисунки-схемы	
6)	Пейзажи		
7)	Ведуты		

Литература

1. Braun G. Hogenberg Cities of the World: Complete Edition of the Colour Plates of 1572–1617. Köln: Taschen, 2017. 504 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь; Том XV, Коала- Конкордия. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1895. 964 с.
3. Борисовский Г. Б. Красота и стандарт. М.: Изд-во Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при совете министров СССР, 1968. 141 с.
4. Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Советский художник, 1988. 588 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Секция

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

<i>Маркушев С. О.</i> Развитие композиционно-пространственной системы Петровского острова	7
<i>Михайлов А. В.</i> Особенности определения предметов охраны для объектов культурного наследия типа «Комплексные объекты образования»	14
<i>Петухова Н. М.</i> Агломерационная модель идеального города	18
<i>Рябова М. Г.</i> Влияние городской архитектуры при реконструкции открытых общественных пространств южных городов России	29
<i>Семенцов С. В.</i> Реформы Петра I и волны реконструкций Санкт-Петербурга. 1703–1711 годы: стихийное создание российской столицы и реконструкция допетербургской сельской системы расселения	32
<i>Семенцов С. В.</i> Реформы Петра I и волны реконструкций Санкт-Петербурга. 1712–1718 годы: волны реконструкций российской столицы и введение принципов регулярности и ансамблевости	38

Секция

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Кормильцева О. М.</i> Реставрация живописи особняка С. П. фон Дервиза (Галерная ул., 33)	44
<i>Луконина Т. А.</i> Анализ состояния исторических усадебных комплексов Московского региона и методика определения вариантов их использования	48
<i>Нагаева З. С., Мосякин Д. С.</i> Реконструкция учреждений досуга в современных условиях	60
<i>Незвицкая Т. В.</i> Итоги реставрации церкви Преображения Господня Кижского погоста, о. Кижы	69
<i>Рядова М. Н.</i> «Царское Село» (г. Санкт-Петербург, Россия) Продолжение работ по возрождению интерьеров Екатерининского дворца	82
<i>Фридман Т. С.</i> Интерпретация исторических каретных пандусов как приспособлений для маломобильных групп населения	92

Секция

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Белюсова О. А.</i> К вопросу сохранения и современного использования архитектурных объектов ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации	96
<i>Голобородский М. В., Михайлова Л. Г.</i> К вопросу сохранения деревянного модерна на Урале	107
<i>Козырева Е. А.</i> Ближние усадьбы высшей знати Санкт-Петербургского уезда (проблемы сохранения)	116

<i>Панкрашкина Н. И.</i> Городская усадьба князей Юсуповых на Мойке. История и современность, возрождение и сохранение	122
<i>Ситникова Е. В.</i> Проблемы сохранения исторической застройки в современном городе (на примере г. Томска)	138
<i>Тимченко В. А., Иванова-Ильичева А. М.</i> К вопросу о сохранении Ленинградской инфекционной больницы им. С. П. Боткина	143
<i>Чесноков Г. А., Чесноков В. Г.</i> Историческая преемственность в послевоенном восстановлении Воронежа	149
<i>Шитикова В. Н.</i> Садово-парковая архитектура Крыма: история и современность	160
<i>Шуваева Е. Ю.</i> Проблемы сохранения исторической усадебной застройки на примере усадьбы Кобрино в Гатчинском районе Ленинградской области	167
<i>Щербакова Л. С., Голобородский М. В.</i> Из истории охраны объектов культурного наследия Свердловской области в 1920–1950 гг.	174
<i>Яковенко Н. Е.</i> Современные тенденции реконструкции садово-парковых объектов	182

Секция

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ АРХИТЕКТОРОВ-РЕСТАВРАТОРОВ

<i>Абасс Х. С.</i> Алжирская политика сохранения архитектурного и культурного наследия.	186
<i>Гребенникова Л. А., Мартынова А. Л.</i> Организация проектной деятельности студентов ССУЗ на примере разработки проектного предложения по восстановлению объекта культурного наследия – Староладожской женской семинарии на Малышевой горе (Двухклассной школы), Поземская ул., д. 39	191
<i>Кармазина Н. В.</i> К вопросу о развитии профессионального образования в сфере сохранения культурного наследия.	199
<i>Кригер Л. В., Федоров М. С.</i> Проектирование зон охраны объектов культурного наследия в программе обучения бакалавров по специальности РРАН	203
<i>Романова Л. С.</i> Архитектурное образование в России в сфере сохранения культурного наследия. Проблемы и перспективы	209

Секция

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

<i>Баулина Е. Н.</i> Проектирование зон охраны объектов культурного наследия в программе обучения бакалавров по специальности РРАН	214
<i>Бухарова Е. А.</i> Проект Ивана Леонидова «Дом отдыха Наркомцветмета»: реконструкция исторической застройки и репрезентация модернистского замысла	225
<i>Нагаева З. С., Буджурова Л. А.</i> Особенности дворцовой архитектуры Крыма конца XIX – начала XX вв.	232
<i>Радзюкевич А. В.</i> Пропорционально-метрологические особенности Морского собора в Кронштадте.	241
<i>Субботин О. С.</i> Историко-архитектурный обзор гостиниц Черноморского побережья России	249

<i>Хайруллина А. Т.</i> Предпосылки создания первой в России психиатрической больницы.	259
<i>Чайникова О. О.</i> Архитектура и политические реформы в России	267
<i>Черная Е. А.</i> Методы формирования образа в гравюрах XVI–XVII вв.	271

Научное издание

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Материалы всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
20–23 марта 2019 года

Компьютерная верстка *О. Н. Комиссаровой*

Подписано к печати 18.12.2020. Формат 60×84 ¹/₈. Бум. офсетная.

Усл. печ. л. 32,78. Тираж 300 экз. Заказ 126. «С» .

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.
190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

Отпечатано на МФУ. 198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 32, лит. А.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ